

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
АНТИЧНОГО
МИРА

Статьи сборника охватывают различные стороны истории и культуры античного мира Средиземноморья и Северного Причерноморья, Средней Азии и Кавказа. Они посвящены вопросам экономики и социальных связей в античном мире, оценке наследия античности в мировой культуре; исследуется отношение к античности в раннем средневековье и мифология славян; в ряде статей говорится о распространении греческих и восточных культов, градостроительстве и архитектуре, вазописи и скульптуре, керамике и эпиграфике; публикуются вновь открытые или неопубликованные античные памятники.

Статьи сборника отражают круг проблем, над которыми плодотворно работает Владимир Дмитриевич Блаватский.

Ответственный редактор

М. М. КОБЫЛИНА

Члены редколлегии

Н. А. ОНАЙКО, Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1977

ФРАГМЕНТЫ РАСПИСНОЙ ШТУКАТУРКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В конце 1890-х, в 1940—1960-е годы в Керчи на горе Митридат в процессе раскопок обнаружено несколько комплексов и отдельные фрагменты расписной штукатурки, украшавшие стены домов Пантикапея в III—I вв. до н. э. и в I—III вв. н. э.¹ Изучение этого материала затрудняется перемешанностью культурных слоев и оторванностью фрагментов от строительных остатков. Выявить общие закономерности в системе росписи и определить хронологию фрагментов можно только на основе широкого привлечения аналогий. Наибольшее количество расписной штукатурки связывается со зданиями эллинистического времени и лишь небольшая группа разрозненных обломков может быть датирована первыми веками н. э. Однако, несмотря на сравнительную малочисленность последней группы, она позволяет выявить новый, по сравнению с эпохой эллинизма, стиль пантикапейских росписей. Он явился отражением эволюции античной живописи метрополии и художественных традиций Восточного Средиземноморья.

Пантикапейские росписи первых веков н. э. такие же яркие, как росписи эллинистического времени, но вместе с тем еще более декоративны и условны в передаче орнамента. Среди них наиболее многочисленны полосатые фрагменты, принадлежащие нижней и средней частям стен (рис. 2, 12). Такие

фрагменты отсутствуют среди эллинистических обломков: система широких двойных рельефных дорожек, обрамляющих квадраты, уступила место узким живописным или рельефно-живописным полоскам. В средней части стены полосы обрамляли широкие поля, помещенные между колоннами или канделябрами, образуя сложные рамки, иногда переданные в перспективе. В нижней части стены они делили на вытянутые прямоугольники или ромбы пояс, соответствующий прежним орфостатам.

Разнообразны и еще более условны, чем фрагменты предыдущего периода, куски с росписью, подражающей пестрой каменной облицовке. Обломки с такой росписью, так называемой мраморировкой, могли принадлежать нижней или средней частям стены. Для нижней более характерна роспись мелкими мазками и точками — сплошной пояс с такой росписью шел над цоколем, заменяя собой орфостаты. Иногда он был разделен на различные геометрические фигуры, некоторые из них покрывались мраморировкой. Росписи с мягкими широкими мазками принадлежали средней плоскости стены, заполняя поля внутри рамок, между колонн и канделябров. В верхней части стены помещался сложно профилированный карниз, украшенный росписью и рельефными налепами.

В Пантикапее наибольшее количество фрагментов расписной штукатурки от домов первых веков н. э. было обнаружено в северной части Ново-Эспланадного раскопа, где после разрушения пышных построек эпохи эллинизма в начале нашей эры вновь были сооружены здания с парадными помещениями. Обломки слишком мелки, чтобы по ним судить об облике всей орнаментированной стены. Трудно и связать их с определенными архитектурными объектами, но они дают представление о новом характере пантикапейских росписей в первые века н. э. и в то же время ставят их в общий ряд живописных памятников позднеантичной эпохи. Пестрокрашенная облицовка передана точками и мельчайшими мазками на белом фоне, грубыми бессистемно ломанными линиями на белом фоне с зеленоватыми пятнами, черными овалами на желтом или пятнистом фоне (рис. 1, 2—4, 7—9, 12). Встречены мелкие куски белого цвета с бесцветными или окрашенными в красный цвет вдавленными бороздками, ровными или исполненными веревочкой (ширина 0,1—0,5 см); куски с нанесенными краской ровными полосами (шириной 0,3—1,5 см), обычно черными и красными, реже коричневыми и бурными. На некоторых фрагментах красные полосы нанесены тремя параллельными линиями или образуют прямые углы (рис. 2, 9). Тонкая цветная полоска может разделять одноцветные поля (рис. 2, 11). Встречаются фрагменты с широкими полосами (рис. 2, 12—14). Большой интерес представляют обломки с остатками стилизованного растительного орнамента в виде лепестков и зигзагов (рис. 1, 16, 17), со сложными углами рамок (рис. 1, 18, 19) или с примыкающими к полосам цветными треугольниками (рис. 2, 10).

Эффектна штукатурка первых веков н. э., обнаруженная в западной части Ново-Эспланадного раскопа. Мраморировка передана светлыми желтыми и розовыми каплевидными пятнами, разделенными диагональными линиями, помещенными на голубоватом фоне, черными овалами на полосатом зелено-бело-коричневом фоне и бирюзовыми зигзагообразными линиями на розовом фоне (рис. 1, 1, 15; 2, 6). Встречены обломки с остатками стилизованного растительного узора (рис. 1, 5; 2, 2—5). Обломки белой штукатурки пересечены красной полосой или расчленены веревочными рамками, обрамленными красными треугольниками (рис. 2, 8). Здесь найден фрагмент, принадлежавший поясу с ярким красно-голубым лесбийским киматием, нанесенным на плоскую поверхность; орнамент ограничен веревочной линией (рис. 2, 1).

Только комплекс штукатурки первых веков н. э., обнаруженный в восточной части Ново-Эспланадного раскопа, можно предположительно связать с остатками большого дома I в. н. э. Здесь сохранились обломки со смыкающимися серой и лиловой плоскостями, с плохо обработанной шероховатой поверхностью. Многочисленны куски белой штукатурки с узкими черными или бурными полосами; встречаются обломки с серой полосой, делящей красное и черное поля (рис. 2, 13). Мраморировка исполнена мелкими мазками и короткими волнистыми линиями на желто-розовом и темно-коричневом фоне, широкими легкими разноцветными мазками на светлом фоне, желтыми пятнами на белом фоне, пересеченном черной полосой (рис. 1, 6, 10, 11, 13, 14). Примечателен грубым исполнением обломок штукатурки с плоской поверхностью, на котором схематично изображен харак-

1. Фрагменты расписной штукатурки первых веков н. э. из Пантिकाпея

2. Фрагменты расписной штукатурки первых веков н. э. на Пантикалае

терный для эллинистической штукатурки орнамент цветного плетения, состоящий из двухцветных треугольников (рис. 2, 7).

Роспись всех перечисленных фрагментов первых веков н. э., так же как и в период эллинизма, исполнена фреской. Однако если эллинистическая штукатурка имеет толстую основу, тщательно приготовленный грунт, ровную поверхность и характерный для II в. до н. э. блеск, штукатурка первых веков н. э. отличается шероховатой матовой поверхностью и небрежным нанесением краски. Грунт, который накладывался на глиняную обмазку стены, был тонким и хрупким, он содержал большое количество песка, присутствие которого можно заметить даже на расписанной поверхности. В основе поздней штукатурки редко насчитывается свыше двух тонких слоев, в верхнем нет мраморной пудры. Выпуклые в период эллинизма орнаментальные пояса в первые века н. э. заменяются небрежно нанесенными на ровную поверхность стены полосами орнамента. Цветовая гамма штукатурки позднеантичной эпохи сохраняет былое разнообразие, широко распространяются ранее редкие зеленые оттенки.

Описанные фрагменты штукатурки, принадлежавшие пантикапейским домам первых веков н. э., близки по стилю одновременным росписям различных центров Средиземноморья, европейских римских провинций и некоторых памятников Северного Причерноморья. Аналогичные детали можно найти в росписях пантикапейских склепов: Ставовском склепе 1875 г., склепе Ашика², склепе 1954 г.³, херсонесском склепе 1903 г.⁴, в росписях общественного здания Неаполя

Скифского⁵, росписях Пальмиры⁶, в склепах Болгарии⁷, домах Аквинкума⁸ и Аугсбурга⁹, в галло-римских храмах Голландии¹⁰, в позднепомпейской живописи¹¹. В Северном Причерноморье росписям пантикапейских домов первых веков н. э. наиболее близки фрески первых веков н. э. у с. Козырка, расположенного в 12 км от Ольвии¹².

¹ Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, вып. XVII, 1947, с. 105—115; *он же*. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, № 56, 1957, с. 5—95; *он же*. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952—1953 гг. МИА, № 103, 1962, с. 6—85; *он же*. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, с. 168—192; *он же*. Пантикапей. М., 1964; Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг. «Сообщения ГМИИ», IV, 1968.

² АДЖ, табл. XIX, XXII—XXIX, XXXIX—XC.

³ Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., с. 185 сл.

⁴ АДЖ, табл. CXII.

⁵ Яценко И. В. Декоративная живопись общественного здания в Неаполе Скифском. СА, 1960, № 4, с. 91—112.

⁶ Фармаковский Б. В. Живопись в Пальмире. «Известия Русского археол. об-ва в Константинополе», т. VIII, вып. 3, София, 1903.

⁷ Frova A. La pittura romana in Bulgaria. Roma, 1943, fig. 26.

⁸ Tybor N. Az Aquincumi ún festölakás. «Budapest régiségei», t. XVIII, Budapest, 1958, fig. 19—40; Klára Pöczy Sz. Az Aquincumi helytartói palota falfestészete, Jbid., p. 103—144.

⁹ Parlasca K. Romische Wandmalereien in Augsburg. «Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte», Bd. 7, Kallmünz, 1956, Pl. 1—11, 20.

¹⁰ Bogaers A. Th. De Gallo-Romainse tempels te elst in de over Betuwe. S'—Gravenhage, 1955, pl. 16—24.

¹¹ Mau. Geschichte der decorativen Wandmalereien in Pompeji. Berlin, 1882; Curtius L. Die Wandmalerei Pompejis. Leipzig, 1929.

¹² Бураков А. В. Известково-гипсовые карписы и фрески Козырского городища. КАМ, с. 53—62.

Н. В. Анфимов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО У СИНДОВ

Синды принадлежали к обширной группе меотских племен, составлявших основное население Прикубанья и Восточного Приазовья в античное время. Наиболее раннее упоминание о Синдике в античной литературе, сохранившееся у Стефана Византийского, восходит еще к Гекатею Милетскому¹. Эпиграфические памятники, относящиеся к Боспорскому царству, упоминают синдов в числе подвластных Боспору племен IV в. до н. э.² В титулатуре боспорских Спартокидов синды, как правило, выделяются из остальных меотских племен. В этом надо видеть не этнические различия, а то положение, которое синды заняли в Боспорском царстве после присоединения Синдики. Синды, как известно, заселяли Таманский полуостров, левобережье р. Кубани приблизительно до нынешнего хут. Краснобатарейного и теперешний Анапский район до начала Главного Кавказского хребта. На территории, населенной синдами, возникли античные города Фанагория, Кепы³, Гермонасса. Таким образом, с момента своего появления на Таманском полуострове греки вступили в тесное соприкосновение с синдами.

Исследование вопросов экономического развития синдов имеет первостепенное значение для экономики Боспора, так как синды, включенные с середины IV в. до н. э. в границы Боспорского царства, сохранили свою экономическую базу и, надо думать, были основным производителем на Азиатском Боспоре.

Исследования городов Восточной

Синдики, и в частности Семибратнего городища, а также сельских поселений Таманского полуострова предоставило в наше распоряжение важные материалы. Основой хозяйства у синдов являлось земледелие и скотоводство. Основными культурами в сельском хозяйстве синдов, так же как и у остальных меотских племен Прикубанья, были зерновые и в первую очередь хлебные злаки: пшеница, ячмень и просо. Довольно полное представление о зерновых культурах дают находки обуглившихся зерен, найденных при раскопках Семибратнего городища⁴ и на Краснобатарейном городище. На первом из них зерна мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*) были найдены в слоях: IV в. до н. э., эллинистических и I в. н. э. На Семибратнем городище внутри здания I в. н. э. была обнаружена спекшаяся масса зерна, оказавшаяся пшеничной кашей⁵. Зерна мягкой пшеницы найдены и на Краснобатарейном городище⁶. На меотских городищах средней Кубани зерна пшеницы встречены в различных слоях (с VI в. до н. э. по III в. н. э.) на целом ряде памятников⁷. У синдо-меотских племен пшеница являлась одной из основных зерновых культур и возделывалась на протяжении всей античной эпохи.

Некоторым дополнением к находкам на Семибратнем городище может явиться находение в Фанагории (раскоп «Северный город», 1940 г.) в слое I в. н. э. пшеницывуззернянки, или эммера (*Triticum diccosum*). Эммеры являются столь

же древними злаками, как и ячмень, и в культуре, по-видимому, предшествуют более совершенным в хозяйственном отношении голозерным (мягким и твердым) пшеницам⁸. По своим биологическим особенностям эммеры Кавказа представляют собой яровые горные пшеницы, знобвыносливые и засухоустойчивые. В. А. Петров считает, что эммер мог культивироваться в равной мере и в окрестностях Фанагории (т. е. на территории Синдики), и в закавказских районах Черноморского побережья, где его возделывали примерно на рубеже нашей эры. Однако в Фанагорию зерновой хлеб поступал, как нам представляется, от синдов и от меотских племен Прикубанья, а не из Закавказья. Раскопки последних лет на Кубани дали очень ценные в этом отношении результаты; при исследовании меотского городища в ст. Ладожской в 1964 г. впервые были встречены в слое II—III вв. н. э. зерна пшеницы-двузернянки⁹.

Наравне с пшеницей возделывался также и ячмень (*Hordeum sativum*) в виде пленчатых и голозерных форм. На Семибратнем городище в 1938—1940 и 1950—1951 гг. зерна ячменя встречались на разных участках в слоях IV в. до н. э. и в эллинистических. Отдельные зерна ячменя вместе с пшеницей встречались в слое I в. н. э. Дважды в слое I в. н. э. были найдены комки спекшейся массы обуглившихся зерен, оказавшиеся зернами обработанного (рушенного) ячменя. Кроме Семибратнего городища на территории Восточной Синдики зерна ячменя были найдены автором на Краснобатареинном городище в обнажениях культурного слоя акрополя (в 1951 г.). В Горгишии в 1969 г. на раскопе «Город» в помещении эллинистического времени найдены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя и гороха, хранившиеся

в амфоре и пифосе¹⁰, в 1970 г. зерна пшеницы обнаружены в двух пифосах¹¹.

Третьей зерновой культурой, широко распространенной у синдо-меотских племен, являлось просо (*Panicum miliaceum*). У меотов просо составляло один из важных продуктов питания¹². На Семибратнем городище зерна проса были встречены в слоях IV в. до н. э. и I в. н. э. В слое I в. н. э. найден бронзовый подвесной котел, наполненный спекшейся массой проса (очевидно, пшенной каши).

О технике земледелия у синдов мы можем судить по археологическим находкам, а также по синхронным материалам античных городов Северного Причерноморья. Земледелие носило плужный характер. Лемехи от плуга раннего времени не найдены. Плуг был скорее всего деревянный. В этом отношении интересно отметить, что по-адыгейски плуг называется *пхъэлаш*, что означает «деревянное орудие»¹³. Синды, как известно, были одними из отдаленных предков адыгов¹⁴. О типе плуга, употреблявшегося на Боспоре, дает представление изображение его на пантикапейских монетах второй половины III или II в. до н. э. Основной частью плуга была рессоха, на передний конец которой надевался, очевидно, железный сошник. От заднего конца вертикально поднималась стойка с деревянной рукояткой, при помощи которой пахарь направлял свой плуг при пахоте. Между сошником и рукояткой укреплялся деревянный изогнутый грядиль, соединявший рессоху с дышлом¹⁵. Подобный плуг мог быть и у синдов.

Мы имеем интересные находки сельскохозяйственных орудий рубежа нашей эры, в том числе двух железных лемехов. Они найдены в 1966 г. на хут. «Рассвет» вблизи здания античной усадьбы¹⁶.

Так как эти сельскохозяйственные орудия найдены не в синдском поселении, а в античном здании, они скорее должны характеризовать развитие сельскохозяйственной техники Боспорского государства, а не синдов. В 1964 г. на хут. «Рассвет» была найдена железная мотыга¹⁷. Она по форме близка мотыгам из Горгиии и из поселения у дер. Ново-Отрадное. И. Т. Кругликова отмечает, что все эти мотыги имели утяжеленную пятю и могли служить, скорее всего, для обработки огорода или виноградника. Не исключено, что их могли применять и в огородах и на полях, как для рыхления почв, так и для окучевания полевых растений¹⁸.

На Семибратнем городище в слое I в. н. э. найдено железное тяпкообразное орудие¹⁹. Такие же орудия были встречены и в сельскохозяйственной усадьбе на хут. «Рассвет»²⁰. Орудия подобного типа известны со Среднего Прикубанья. Они могли служить в качестве легких мотыг для разбивания комьев земли и при огородных работах. Употребляли их и для копки земли, свидетельством чего являются следы работы этим орудием на стенках пашенных ям II Воронежского городища (раскопки 1969 г.) и в подбойной могиле I в. н. э. Казанского могильника.

Жатва производилась железными серпами. Обломки трех серпов небольшой величины со слабо изогнутым лезвием были найдены на Семибратнем городище в слое I в. н. э. Один из них относится к первому типу меотских серпов, у которых изогнутость создается не кривизной лезвия, а расположением стержня рукоятки по отношению к рабочей части серпа²¹. Железные серпы встречены также при раскопках Горгиии²².

О способе молотбы у синдов сведений мы не имеем. Возможно,

что для молотбы применялась деревянная молотильная доска с насаженными на нижнюю сторону камешками. В Закавказье они известны еще с эпохи бронзы, а с появлением плужного земледелия в I тыс. до н. э. молотильные доски получают широкое повсеместное распространение²³. Молотильные доски характерны и для Рима, они были в широком употреблении почти по всему Средиземноморью и за его пределами²⁴. После молотбы зерно проеивали путем подбрасывания.

Одним из наиболее распространенных и в то же время простых способов хранения зерна в древности было хранение в пашенных ямах. Кроме того, для этих целей использовались пифосы. Пашенные ямы встречались на всех раскопках Семибратнего городища. Большинство ям, так же как и на меотских городищах Прикубанья, имело форму усеченного конуса, расширяющегося книзу. Пашенные ямы в большом количестве обнаружены при раскопках Боспорских городов: Пантикалея, Фанагории, Гермонассы, Мирмекия, Нимфея и др. Они вырывались в земле, имели каменную горловину, иногда обмазывались внутри глиной или вырубались в скале²⁵.

Более подробными сведениями мы располагаем по обработке зерна. Размол производили в примитивных каменных зернотерках, на каменных прямоугольных жерновах-толкачах и, наконец, на круглых жерновах. Для приготовления крупы служили каменные ступы. Наиболее примитивными являются зернотерки вытянуто-овальной формы с сужающимися концами. Нижняя поверхность у них выпуклая, верхняя рабочая часть слегка вогнута и хорошо сглажена. Подобные зернотерки встречаются как на меотских городищах²⁶, так и в греческих городах²⁷. Они служили для раз-

мола небольшого количества зерна в домашних условиях.

Типичными для синдо-меотской культуры являются прямоугольные жернова-толкачи, рабочие поверхности которых (как верхней, так и нижней плиты) покрыты врезанными линиями²⁸. Такие жернова были найдены на Раевском городище²⁹, на синдских поселениях Таманского полуострова³⁰, фрагменты их встречены также на Семибратнем городище. На последнем в слое I в. н. э. найдены два жернова, аналогичные по своей конструкции вышеописанным, но более развитой формы. Верхние плиты у них прямоугольные или почти квадратные с прямоугольным в плане вогнутообразным углублением для насыпания зерна, оканчивающимся узкой щелью. Поперек плиты идет сравнительно глубокая борозда для укрепления деревянного бруса. На боковой стороне имеется паз, служивший для закрепления при помощи скобы верхнего бруса, а на противоположной стороне — вертикальная выемка в виде широкой борозды. Рабочая поверхность гладкая и линейных насечек не имеет (рис. 1). Аналогичный жернов вместе с нижней плитой (что составляет полностью ручную мельницу) был найден в 1951 г. на Западно-Цукурском поселении Таманского полуострова³¹. Близкие жернова встречены при раскопках античного здания на хут. «Рассвет»³². Кроме того, на Семибратнем городище в слое IV в. до н. э. найден квадратный жернов античного типа³³.

Восстановить процесс помола на жерновах-толкачах помогает известное изображение на раннеэллинистической беотийской чаше, на которой представлено внутреннее помещение крупной мастерской³⁴.

Жернова помещены на специально построенных массивных столах. На них укреплена специальная стойка

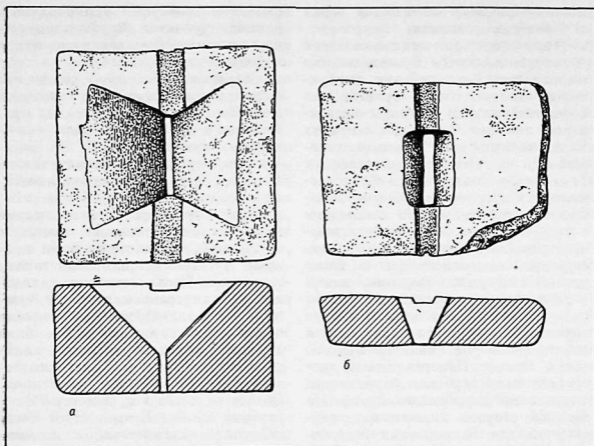
(ось), к которой прикреплялась длинная рукоятка (брус), приводившая в движение верхнюю плиту жернова.

Наравне с прямоугольными жерновами в античных городах Северного Причерноморья имел применение и другой тип жерновов — круглых вращающихся³⁵. На Семибратнем городище фрагмент такого жернова был найден в эллинистическом слое (раскоп 1954 г.).

Для обработки зерна кроме жерновов применялись каменные ступы. Две такие ступы были найдены в 1952 г. на Семибратнем городище. Первая из них находилась во внутреннем дворике большого раннеэллинистического здания и стояла у наружной стены близ дверного проема. Ступа имела цилиндрическую форму и была изготовлена из ракушечного известняка. Высота ее около 1 м, диаметр 75 см, глубина 24 см. Вторая ступа была найдена в хозяйственном помещении небольшого дома, пристроенного на рубеже нашей эры к фасаду большого эллинистического здания. Нижняя часть этой ступы была, по-видимому, деревянной. Это давало возможность избежать больших примесей к зерну известняковых крошек.

Отсутствие источников не дает возможности осветить вопросы земледольства и землевладения у синдов. Нет сведений и об огородничестве и садоводстве, хотя оно несомненно существовало. Косвенным указанием на наличие садов в Синдике может служить название одного из античных городов Азиатского Боспора — Кепы, т. е. сады, основанного милетцами во второй половине VI в. до н. э.³⁶

Почвенно-климатические условия Синдики были весьма благоприятны для развития виноградарства. На Боспоре виноград начал культивироваться не позже V в.

1. Жернов из слоя IV в. до н. э. (а) и жернов из слоя I в. н. э. (б) Семибратнее городище (1 : 5)

до н. э.³⁷ При раскопках сельскохозяйственной усадьбы II в. до н. э. — I в. н. э. близ хут. «Рассвет» был найден обломок виноградного ножа³⁸. Нам известно о случайной находке (в конце 30-х годов XX в.) каменного тарапана в районе совхоза Джемете близ Анапы. В азиатской части Боспора³⁹ исследовано большое количество виноделен (в Фанагории, Горгипши, Кепях, Патрее, на городищах Пятиколлорезном⁴⁰, Батарейки I, Каменная Батарейка), но они характеризуют развитие виноделия на Боспоре, а не у синдов⁴¹.

В сельском хозяйстве синдов наравне с земледелием большое значение имело животноводство⁴². На основании изучения остеологического материала мы можем состав-

вить представление не только о видовом составе стада, но и об определенном месте той или иной отрасли животноводства в хозяйстве. У синдов на всем протяжении их истории основное значение имело разведение крупного рогатого скота, составлявшего треть всего стада; несколько в меньшем количестве разводился мелкий рогатый скот, так, три четверти всех найденных на Семибратнем городище костей животных принадлежит овце и только одна четверть — козе; в слое же рубежа нашей эры костей козы совершенно не найдено⁴³. Свиноводство в хозяйстве синдов также играло довольно значительную роль, несколько уступая овцеводству только в ранний период. Что касается коневодства, то костные остатки, найденные в культурных слоях поселений, не дают достаточных данных, чтобы судить о его

роли в хозяйстве. Во всяком случае, коневодство не стояло на последнем месте, о его значении говорят изображения коня на синдских монетах, а также захоронения лошадей как в богатых, так и рядовых курганах (большие Семибратние курганы, группа малых Семибратних курганов, погребение близ Анапы и др.).

Лошади, как отмечает Н. К. Верещагин, были средней величины, скорее всего степного тарпанного типа⁴⁴. Использовались они главным образом как верховые. Н. К. Верещагин, изучавший остеологические материалы из Семибратнего городища, пришел к выводу, что коровы были в основном мелкие, но несколько крупнее, чем северный «торфяной» скот, и принадлежали к европейскому короткоголому типу⁴⁵. Одновременно разводилась и крупная порода типа современной сементальской или серой украинской. Кости этой коровы были встречены в слое конца V—IV в. до н. э. Крупный рогатый скот, несомненно, использовался как тягловая сила, а также на мясо, свидетельством чему являются многочисленные находки разрубленных костей в мусорных слоях городищ и поселений. На Семибратнем городище в слое III в. до н. э. была найдена плоская лепная чаша со сквозными отверстиями в дне, служившая, по-видимому, для приготовления каких-то молочных продуктов (творога, сыра).

В пастушеском хозяйстве известную роль играла и собака⁴⁶. На Семибратнем городище процентное соотношение костных остатков собак к общему количеству костей домашних животных довольно велико — в среднем 10—12%. Собаки, по определению Н. К. Верещагина, были весьма однотипны и мелки, размером со шпца⁴⁷.

Кроме скотоводства синды за-

нимались и птицеводством. В раскопках Семибратнего городища во всех слоях, хотя и в небольшом количестве, встречались кости домашней курицы⁴⁸.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов можно судить о значительном удельном весе животноводства в хозяйстве синдов. Развитие пашенного земледелия привело к использованию в качестве тягловой силы волов. Скот использовался не только для пахоты, боронования, транспортировки, но и при молодьбе. Крупный рогатый скот давал также в изобилии молоко и молочные продукты и мясо. Все это обусловило то, что крупный рогатый скот занимал первое место в составе стада. Мелкий рогатый скот кроме мясной и молочной пищи давал шерсть. Свидетельством этого являются находки пряслиц от веретен и глиняных пирамидальных грузиков от ткацких станков. Коневодство также играло значительную роль у синдов, но, конечно, меньшую, чем у кочевников.

Материалы о земледелии и скотоводстве, которыми мы располагаем в настоящее время, показывают высокий уровень развития сельского хозяйства у синдов, который не уступал уровню развития сельского хозяйства в античных городах Северного Причерноморья.

¹ ВДИ, 1947, № 1, с. 300.

² Анфимов Н. В. Синдика в VI—IV вв. до н. э. «Труды КГПИ», вып. XXXIII, 1963, с. 182—184.

³ Перипл — Пс. Скилака, 72 (ВДИ, 1974, № 1, с. 241).

⁴ Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, 1941, с. 262, 264; *он же*. Исследования Семибратнего городища. КСИИМК, вып. 51, 1953, с. 102.

⁵ Определение зерен из раскопок Семибратнего городища 1939—1940 гг. произведено научным сотрудником Краснодарского НИСХИ А. Л. Захаржевским, из раскопок 1950—1951 гг. — в лаборатории ИА АН СССР А. В. Кирьяновым.

- ⁶ Чайковский Г. Случайные находки древностей в 1924—1927 гг. на Черноморском побережье. «Записки СКОАИЭ», кн. 1, т. III, вып. 3—4. Ростов-Дон, 1927—1928, с. 76; Захаров Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареиное городище. СА, II, 1937, с. 229.
- ⁷ Анфимов Н. В. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, с. 144 сл.
- ⁸ Исследование данного образца выполнено В. А. Петровым в лаборатории ЛОИА в 1950 г.
- ⁹ Определены А. В. Кирьяновым.
- ¹⁰ Кругликова И. Т., Смирнова Т. М. Работы Анапской экспедиции. АО 1969 г. М., 1970, с. 114.
- ¹¹ Смирнова Т. М. Работы Анапской экспедиции. АО 1970 г. М., 1971, с. 123.
- ¹² Клавдий Элиан, III, 39 (ВДИ, 1948, № 2, с. 227).
- ¹³ Тхагушев Н. А. Адыгейские сады. Майкоп, 1956, с. 11.
- ¹⁴ Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ. 1931, № 4, с. 44.
- ¹⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 97.
- ¹⁶ Крушкова Ю. С. Древняя Синдика. М., 1971, с. 137, рис. 23.
- ¹⁷ Крушкова Ю. С. Античное здание в районе Горгиппии. АИКСР, с. 214.
- ¹⁸ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 113—114.
- ¹⁹ Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора, с. 262.
- ²⁰ Крушкова Ю. С. Указ. соч., с. 214, 216.
- ²¹ Анфимов Н. В. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья, с. 148—149.
- ²² Алексеева Е. М., Кругликова И. Т., Пругло В. И., Смирнова Т. М. Анапская экспедиция. АО 1972 г. М., 1973, с. 108—109.
- ²³ Буятов Т. А. К истории молотыбы в Закавказье. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 87—88.
- ²⁴ Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 273.
- ²⁵ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 131—135; Зеест И. Б. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, с. 80—85.
- ²⁶ Анфимов Н. В. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья, с. 150—151, рис. 1, 3.
- ²⁷ Robinson D. M., Graham J. W. Excavation at Olynthus, VIII. Baltimore, London, Oxford, 1938, p. 326, pl. 79, 1—6.
- ²⁸ Анфимов Н. В. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья, с. 152, рис. 3.
- ²⁹ Сизов В. С. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II, 1889, рис. 48, табл. XXIII, 3.
- ³⁰ Блаватский В. Д. Указ. соч., с. 138—141, рис. 64.
- ³¹ Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51, 1953, с. 164; Блаватский В. Д. Указ. соч., с. 140, рис. 63.
- ³² Крушкова Ю. С. Античное здание... с. 216; она же. Раскопки на хут. Рассвет. АО 1968 г. М., 1969, с. 108; Крушкова Ю. С., Корсаев В. Н. Раскопки на хут. Рассвет. АО 1972 г. М., 1973, с. 132.
- ³³ Excavation at Olynthus, VIII, pl. 80, 1—4.
- ³⁴ Brandt P. Die schaffende Arbeit und bildende Kunst, I, Leipzig, 1927, S. 81, Fig. 91.
- ³⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 100.
- ³⁶ Сокольский Н. И. Кены. АГ, с. 97—98; Блаватский В. Д. Указ. соч., с. 85.
- ³⁷ Там же, с. 86—87.
- ³⁸ Крушкова Ю. С. Древняя Синдика, с. 140—141, рис. 24.
- ³⁹ Сокольский Н. И. Виноделие в азиатской части Боспора. ВДИ, 1970, № 2, с. 92.
- ⁴⁰ Блаватский В. Д. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, с. 126.
- ⁴¹ Сокольский Н. И. Виноделие... с. 75—92.
- ⁴² Анфимов Н. В. Скотоводство скифо-меотских племен Прикубанья. «Исторические науки. Сб. кафедры истории КГПИ». Краснодар, 1969, с. 6—10; Блаватский В. Д. Первый год Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 48, 1952, с. 79; он же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, с. 97.
- ⁴³ Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, с. 177, табл. 31.
- ⁴⁴ Заключение Н. К. Верещагина по определению костей из Семибратнего городища 1952 г.
- ⁴⁵ Верещагин Н. К. Указ. соч., с. 79; Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1950, с. 35.
- ⁴⁶ Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1960, с. 35.
- ⁴⁷ Верещагин Н. К. Указ. соч., с. 178.
- ⁴⁸ Там же.

Т. М. Арсеньева

КОМПЛЕКС КРАСНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ II В. Н. Э. ИЗ ТАНАИСА

Привозная краснолаковая керамика занимает в Танаисе значительное место среди находок на городище и в могилах некрополя¹. Особенно много сосудов найдено в помещениях, разрушенных во время разгрома города в 40-х годах III в. н. э.² и датированных в основном III в. н. э. Закрытых более ранних комплексов с керамикой на городище сохранилось значительно меньше. Именно поэтому особенно интересно помещение АГ, открытое в 1968 г. Помещение датируется второй половиной II в. н. э.; оно содержало набор краснолаковой посуды³. Подвальное помещение АГ на раскопе VI перестало использоваться по назначению и было засыпано в конце II в. н. э. во время перестройки усадьбы, расположенной на этом участке. Несмотря на то что все сосуды были разбиты, у многих из них удалось восстановить целый профиль. Наибольшая часть склеенных сосудов представлена главным образом двумя типами: небольшие чашечки и плоские тарелки.

Тонкостенные чашечки с округлыми стенками и прямым. близким к вертикальному краем очень похожи между собой (рис. 1, 1—4; 2). Удалось подобрать 14 экземпляров чашек с целым профилем, остальные, видимо, не меньше 8 штук, представлены обломками. Несмотря на большое сходство формы и техники выделки сосудов, наблюдаются и некоторые отличия. Так, опор-

ная плоскость кольцевого поддона у отдельных чашек довольно широкая, у других она сужается (от 0,2 до 0,5 см). Несколько колеблется высота кольцевого поддона (от 0,5 до 1 см) и характер обработки его поверхности. У части чашек внешняя поверхность кольцевого поддона совсем ровная, хорошо сглаженная, у других заметны вертикальные срезы глины, поверхность получается как бы граненой, на отдельных экземплярах прослеживаются горизонтальные борозды. Все чашки имеют снаружи на дне небольшую конусовидную выпуклость. Несколько отличается и высота самих чашек (от 4,2 до 4,5 см) и их диаметр по краю (от 7,8 до 9 см). Различаются чашки и по отделке стенок: часть имеет совсем ровную округлую поверхность, другие — хорошо заметные бороздки или слабо выраженные грани. Отдельные экземпляры сделаны тщательно, имеют гладкую и аккуратно обработанную поверхность, другие сосуды выполнены более небрежно, стенки у них неровные, на поверхности заметны наплывы глины. Все чашки сделаны из глины желто-коричневого цвета с мельчайшими редкими золотистыми блестками слюды. Лаковое покрытие чашек буровато-красного цвета, несколько более матовое снаружи и блестящее внутри. Все чашки целиком, включая и дно, покрыты лаком. Такое полное покрытие лаком характерно для керамики более ран-

него времени ⁴, во II—III вв. н. э. встречается только на сосудах определенных типов.

Прямых аналогий нашим чашкам нет. По качеству глины и лака чашки можно отнести к пергамскому кругу производства ⁵. Об этом говорит и форма кольцевого поддона с широкой опорной плоскостью. Такой же поддон видим на сосудах несколько отличной формы, широко известной в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры и связываемых с пергамским кругом производства ⁶. В подвале АГ найден только один такой сосудик на довольно широком кольцевом поддоне с конусовидной выпуклостью в центре снаружи (рис. 1, 6). Сосудик имеет округлые стенки и вертикальный край, внизу обрамленный бортиком (высота его 4,5 см, диаметр по краю 9,8 см). Глина и лак сосуда ничем не отличаются от глины и лака вышеописанных чашек. Лак также покрывает всю поверхность, включая и дно.

Аналогичные сосудики (в отличие от чашек) встречались в других танаисских комплексах неоднократно.

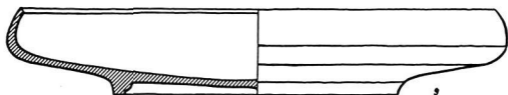
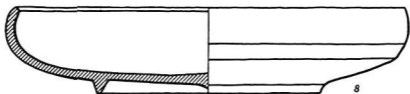
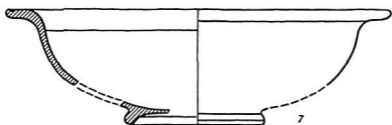
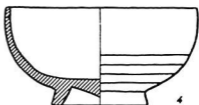
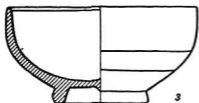
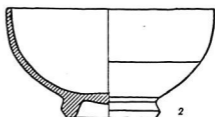
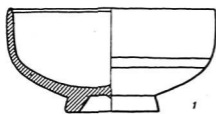
Тарелки подвала АГ представлены пятью почти целыми экземплярами. Они плоские, низкие, с округлым загнутым внутрь краем (рис. 1, 8, 9). Стенки тарелок тонкие, слегка утолщаются у кольцевого поддона. Поддон невысокий, с косыми гранями и заостряется книзу. В центре снаружи и внутри имеется слабая выпуклость. Тарелки различаются по размеру (диаметр по краю от 17 до 21 см; высота от 3,5 до 4,5 см) и по мелким деталям исполнения. У одних переход стенок к краю округлый, у других снаружи есть ярко выраженное ребро. Колеблется толщина опорной плоскости кольцевого поддона. Глина и лак тарелок тождественны

вышеописанным сосудам. Лак также покрывает всю поверхность целиком, внутри он более блестящий, чем снаружи.

Видимо, все рассмотренные сосуды из подвала АГ происходят из одной мастерской, связанной с пергамским кругом производства. Подобные тарелки встречаются в танаисских комплексах и первой половины III в. н. э. Точных аналогий тарелкам в других памятниках Северного Причерноморья почти нет. Ближе напоминает наши тарелки только блюдо, найденное в Илурате ⁷.

В подвале АГ открыты еще два краснолаковых тонкостенных сосуда, значительно отличающихся по глине и качеству лака от выше рассмотренных. Один из них дошел до нас в обломках (рис. 1, 7). Это небольшая округлой формы мисочка с горизонтально отогнутым краем, окруженным неглубокой бороздкой (высота мисочки около 5 см, диаметр по краю 17 см). Дно ее имеет невысокий кольцевой поддон. Глина мисочки светлая желто-коричневая, слоистой структуры, характерной для самосской керамики ⁸. Лак оранжево-желтого цвета покрывает всю внутреннюю и верхнюю часть внешней поверхности. Точной аналогии нашей мисочке нет. Несколько напоминает ее сосудик из Ольвии, датированный первой половиной I в. н. э. ⁹

Второй сосудик имеет еще более редкую форму (рис. 1, 5). Он невысокий, со слегка вогнутым вертикальным краем (высота 3,2 см, диаметр по краю 10 см). Ребро изгиба от края к стенкам передано плавно. Поддон слабо выражен, снаружи в виде кольца, внутри заостренное основание имеет плавно скошенную грань, в центре

2. Набор краснолаковой керамики II в. н. э., обнаруженный в помещении АГ

небольшой выпуклый круг. Глина сосудики светлая, без заметных примесей, больше напоминает самосскую. Тусклым оранжево-красного цвета лаком покрыта внутренняя и частично наружная поверхность. Аналогии сосудику нам не известны. Моделировка дна, как на нашем

сосудике, встречается на краснолаковой посуде совсем другой формы, известной в Танаисе¹⁰.

Рассмотренный комплекс краснолаковых сосудов интересен своим набором; он пополняет коллекцию краснолаковой керамики новыми формами.

¹ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. М., 1961, с. 66 сл.

² Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.) — В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 88 сл.

³ Арсеньева Т. М. Раскопки в Танаисе. АО 1968 г. М., 1969, с. 117.

⁴ Клипович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, с. 297.

⁵ Waage F. O. The Roman and Byzantine pottery. Hesperia, II, 1933, с. 285; Клипович Т. Н. Указ. соч., с. 296.

⁶ Клипович Т. Н. Указ. соч., с. 303, рис. 3—5; Силамтьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, 1958, с. 291, рис. 6, 2.

⁷ Силамтьева Л. Ф. Указ. соч., с. 301, рис. 15, I.

⁸ Knipowitsch T. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meers. I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. «Materialien zur römisch-germanischen Keramik», IV, 1929, S. 30, 37.

⁹ Там же, с. 33, табл. II, 30.

¹⁰ Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса, рис. 33, 5.

Г. Д. Белов

АМФОРЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА (V—IV ВВ. ДО Н. Э.)

При раскопках некрополя Херсонеса на северном берегу были найдены захоронения младенцев в амфорах¹. При совершении погребения с этой целью в амфоре пробивали отверстие, через которое клали тело ребенка. На стенках амфор обычно видны бороздки — следы острого инструмента, при помощи которого делалась пробоина. Почти все амфоры к моменту раскопок оказывались разбитыми, иногда при прорезывании отверстия для захоронения, но чаще при застройке некрополя жилыми домами. Однако некоторые амфоры сохранились целыми, причем отверстия в них были закрыты частью стенки, взятой из пробины (рис. 1а). Разбитые амфоры были собраны и с небольшими утратами реставрированы. В результате образовалась значительная группа амфор (свыше 30), имеющих большое значение как для изучения некрополя, так и экономики города.

Одна группа несомненно импортных амфор довольно большая по количеству и однородная по форме: в 1936 г. их найдено пять экземпляров; они известны из раскопок других лет². Форма этого типа сосудов весьма характерна: корпус имеет правильную коническую форму и заканчивается конической ножкой, названной И. Б. Зеест колпачковой. Глина красная, с вкраплениями слюды (рис. 2, 1).

Амфоры этого типа в большом количестве найдены на острове Хиосе, откуда они и ведут свое происхождение. По совместным находкам, на-

пример в Херсонесе, этот тип амфор датируется IV в. до н. э. В некрополе Понтамо они находились в погребениях конца V—начала IV в. до н. э. На материале Хиоса изучено и дальнейшее развитие формы этой амфоры вплоть до II в. до н. э.³

К группе хиосских амфор относится также амфора с характерной конической формой корпуса, прямым цилиндрическим горлом и длинными ручками, вертикально опускающимися на крутые плечики (рис. 2, 2)⁴. Высота амфоры 0,71 м, диаметр корпуса в плечиках 0,32 м.

Наличие в Херсонесе большой группы хиосских амфор IV в. до н. э. вполне согласуется с общим импортом их в Северное Причерноморье, начало этого импорта на Боспоре относится еще к первой половине VI в. до н. э., продолжается в V в. и особенно большого развития достигает в IV в. до н. э.⁵ Помимо описанного типа целых амфор в Херсонесе известны фрагменты пухлогорлых хиосских амфор (найденных, в частности, на северном берегу), датируемых VI—V вв. до н. э.⁶ Херсонесские образцы по форме профиля горла относятся к V в. до н. э. Таким образом, ранний хиосский импорт вина имел место и в Херсонесе. Находки же ионийской керамики V в. до н. э. в некрополе Херсонеса, происходящие частью также из Хиоса, подкрепляют эту дату⁷.

Амфоры местного херсонесского происхождения И. Б. Зеест разделяет на пять хронологических групп,

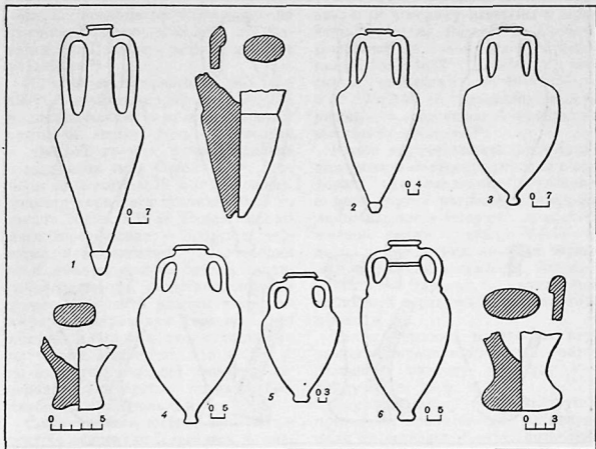
1. Амфора с пробойной. № 7—1965 г. (а); синопская амфора с именем Батиска (б)

с IV по II в. до н. э.⁸ Мы остановимся на трех ранних группах амфор, происходящих из раскопок некрополя и относящихся к IV в. до н. э.

Первый тип представлен амфорами с широким яйцевидным корпусом диаметром 0,38 м, при сравнительно небольшой общей высоте сосуда — 0,68 м, с прямыми плечиками, коротким горлом и маленькой ножкой (рис. 2, 3); глина красная с белыми и черными вкраплениями. Амфора из раскопок 1936 г. заключала в себе погребение № 43⁹. Другая подобная амфора из могилы № 10 раскопок 1914 г. была использована в качестве урны, на ее ручке имеется клеймо астинома Кратона (рис. 2, 4)¹⁰. Третья амфора из погребения № 17 — 1937 г.; ее высота 0,81 м,

корпус широкий, ножка маленькая, на горле врезанный поясик, на корпусе видны бороздки — очертания границ пробоины¹¹. Очень широким корпусом (0,39 м) отличается амфора № 6 — 1937 г., ее высота 0,85 м, ножка и горло короткие, красной краской на горло нанесена буква N. Тяжелые пропорции амфоры и характерный наискось срезаемый венчик с навесом сближают этот экземпляр с амфорами типа Солоха¹².

Небольшая амфора (рис. 2, 5), происходящая из раскопок 1908 г.¹³, была употреблена в качестве урны; по своим размерам и форме (высота 0,49 м, диаметр корпуса 0,30 м) она аналогична амфорам, найденным в 1917 г. в Евпатории (высота 0,64—0,50 м)¹⁴. Три экземпляра Евпаторийского музея, отличающиеся малыми размерами, происходят несом-

2. Амфоры из некрополя

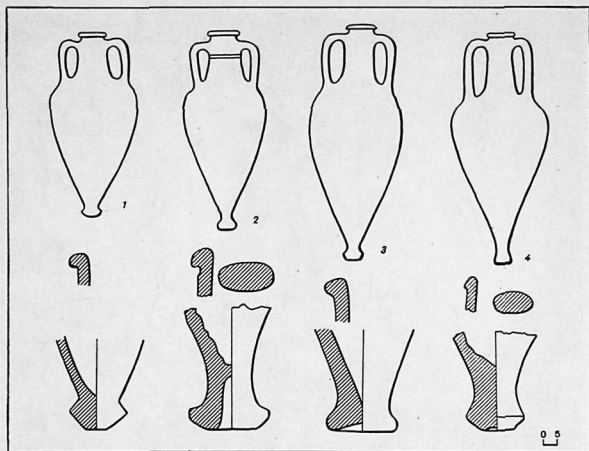
1 — амфора № 1—1936; 2 — амфора № 12—1937; 3 — амфора № 43—1936; 4 — амфора № 417—1914; 5 — амфора № X.1908.807 (№ 2793); 6 — амфора № 82—1936

ненно из Херсонеса, импорт из которого в Керкинитиду засвидетельствован многими находками, в том числе и херсонесскими клейменными амфорами¹⁵.

Амфоры второй группы имеют яйцевидный корпус, короткую ножку, широкое невысокое горло с венчиком в виде валика, дугообразные ручки. В некрополе на северном берегу найдены две амфоры этого типа, совершенно одинаковые по форме и размерам, их высота 0,71 м, диаметр в плечиках 0,35 м¹⁶. На горле одной из них (рис. 2, б) — врезанный поясok и граффито из букв МК. В 1965 г. в могиле с двумя

скорченными погребениями оказалась амфора с костяком младенца, очень близкая по форме и размерам этой амфоре. Амфора 1965 г. с пробоиной, закрытой фрагментом стенки, вынутым из нее же (высота амфоры 0,72 м, диаметр 0,34 м) — рис. 3, 1. На ее горле красной краской нанесена буква М. По своим пропорциям эта амфора близка амфоре, происходящей из раскопок на афинской агоре¹⁷, а также амфоре, хранящейся в Эрмитаже, которую И. Б. Зеест считает хиосской¹⁸.

В 1963 г. в Херсонесе при раскопках была извлечена из колодца амфора в обломках, происходящая из Синопы, с именем Батиска (рис. 1, б). По форме она похожа на вышеупомянутую амфору, хотя несколько шире в плечах. У обеих амфор совершенно одинаковые ножки с коническим завершением.

3. Амфоры из некрополя

1 — амфора № 7—1965; 2 — амфора № 3192;
3 — амфора № 70—1936; 4 — амфора № 42—1936

Важно отметить, что эти амфоры найдены в одном квартале в колодцах, засыпанных при перестройке жилых домов. Амфора с именем Батиска датируется концом IV в. до н. э. В колодце вместе с нею оказались фрагменты других амфор IV в. до н. э., в частности «колпачковая» ножка хиосской амфоры¹⁹. Однако глина амфоры 1965 г. (рис. 3, 1) совсем иная, не синопская, а красного цвета, с характерными вкраплениями известняковых частиц белого цвета. Сходство в форме этих двух амфор можно объяснить местным подражанием привозной синопской амфоре, различие же в их размерах указывает на происхождение из разных центров.

Ко второй группе следует отнести также амфору Херсонесского музея (высотой 0,73 м, диаметром 0,30 м)²⁰ — рис. 3, 2, хотя она отличается более удлиненными пропорциями.

К третьей группе принадлежит амфора с яйцевидным корпусом, округлыми плечиками и цилиндрическим горлом; она снабжена венчиком в виде срезанного наполовину валика, с врезанным под ним пояском (рис. 3, 3). Массивные ручки делают плавный изгиб вверху и опускаются внизу близко к горлу. На широкой ножке имеется глубокая выемка. Высота амфоры 0,90 м, диаметр в плечиках 0,35 м. На горле граффито IB²¹. Аналогичная амфора происходит из погребения № 42, у нее почти те же размеры, но более прямые плечики (рис. 3, 4)²². Эта амфора похожа на амфоры типа Со-

лоха II, которые предположительно считаются происходящими из Византии²³. Подобная амфора найдена в Нимфее²⁴.

Амфора из погребения № 14—1937 г. с узким корпусом, высоким цилиндрическим горлом и плоским венчиком может быть причислена к третьей группе и сопоставлена с вариантом типа Солоха II²⁵. Размеры ее: высота 0,79 м (без ножки), диаметр корпуса в плечиках 0,29 м, высота горла 0,31 м. Глина амфоры явно херсонесская, с белыми и черными вкраплениями²⁶. Пропорции этой амфоры весьма близки гераклейской амфоре, сходство с которой можно объяснить ранним импортом амфор из метрополии Херсонеса, тип которых и был заимствован местными мастерами. Известно, что в IV в. до н. э. гераклейский импорт в северопричерноморские колонии был наиболее значительным²⁷.

Сопоставление амфор, происходящих из некрополя Херсонеса, с аналогичными амфорами других центров позволяет их датировать в пределах IV в. до н. э. Но некоторые экземпляры могут восходить и к более раннему времени, ко второй половине—концу V в. до н. э. Эта дата подкрепляется теми материалами, которые сопровождали захоронения на северном берегу. Так, в хиосской амфоре (рис. 2, 1) найдены два чернолаковых канфара, совершенно одинаковые по величине и форме. Многочисленные аналогии к ним (Ольвия, Родос, Олинф и др.) указывают на принадлежность их к IV в. до н. э. Чернолаковая чашечка из амфоры № 33—1936 г. принадлежит также к IV в. до н. э. Чернолаковое блюдо из амфоры, изображенной на рис. 2, 6, находит аналогии даже в V в. до н. э.²⁸ В нескольких амфорах с детскими погребениями найдена ионийская керамика V—IV вв. до н. э. Например, в амфоре № 5—1912 г. лежал кубок,

аналогии которому известны в Причерноморье, на Родосе, на Самосе. Подобный же кубок был в погребении № 10—1937 г. В амфорах с детскими костями № 15—1937 г. и № 17—1937 г. оказались детские рожки с носиками — продукция ионийских центров²⁹.

Кроме перечисленных предметов, находившихся непосредственно в амфорах, при раскопках некрополя в ряде других погребений найдены многочисленные сосуды, принадлежавшие также к концу V—IV в. до н. э. Среди них имеются чернолаковые килики, канфары, блюда, ойнохой, тарелки, экземпляры ионийской керамики, кувшины, горшочки и др.

Таким образом, материалы изучаемого некрополя относятся к определенному периоду: к концу V—концу IV в. до н. э.

Изучение амфор, равно и других предметов, происходящих из некрополя на северном берегу, позволяет сделать некоторые выводы. Привозные амфоры указывают на импорт их из нескольких центров, как ионийских (в частности, из Хиоса), так и более близких, из Синопии и из метрополии Херсонеса—Гераклеи. Найденные наряду с импортными явно местные амфоры свидетельствуют о возникновении в Херсонесе производства амфорной тары и других видов керамики уже в IV в. до н. э. Сходство же в форме некоторых типов с импортными объясняется подражанием иногородним образцам.

Херсонес в IV в. до н. э. достиг уже значительного экономического развития и вступил в оживленный торговый обмен с рядом других греческих центров. Важно отметить, что в IV в. до н. э. херсонесские амфоры найдены в других греческих колониях Северного Причерноморья и даже в Афинах³⁰. Амфоры, как и прочие материалы из некрополя,

имеют большое значение для решения более общих вопросов истории Херсонеса: о времени его основания, о первоначальной территории города и дальнейшем ее росте, о существовании на месте Херсонеса местного поселения и т. д. Эти вопросы были предварительно освещены как в отчетах, так и в статьях, посвященных некрополю классического периода³¹. К ним мы обратимся еще после полного изучения всех материалов, происходящих из раскопок данного некрополя.

- ¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Отчеты (раскопки 1937—1948). Кварталы XV и XVI. МИА, № 34, 1953.
- ² Белов Г. Д. Указ. соч., с. 165, рис. 3; с. 175, рис. 11.
- ³ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, с. 78; Anderson J. K. Excavations on the Kofina Ridge, Chios. BSA, XLIX, 1954.
- ⁴ Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 34, рис. 3; Азмеров П. Б. Амфоры древнегреческого Херсонеса. ВДИ, 1947, № 1, с. 168, рис. 6.
- ⁵ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 74 сл.; она же. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, с. 119, 123.
- ⁶ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 74, табл. III—IV, 10—11; Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, с. 177 сл., рис. 17, 21; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, с. 83, рис. 104, 2.
- ⁷ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса. ТГЭ, XIII, 1972, с. 17 сл.
- ⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 97—100, табл. XXI, 38—41.
- ⁹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках... , с. 179, рис. 21.
- ¹⁰ Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 161, рис. 1; Архив ХМ, д. 97, № 417, 1914 г.; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, табл. XXI, 38а. Ср. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, с. 143, рис. 16. Амфора начала V в. до н. э.
- ¹¹ Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 37, рис. 4.
- ¹² Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 33; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 91 сл., табл. XV, 32е; Манцеев А. П. Амфоры кургана Солоха. СГЭ, IV, 1947, с. 3, рис. 1. Азмеров П. Б. приводит мнение Н. П. Кивокурцева, который считал амфору № 6—1937 г. происходящей с о. Самоса и датировал ее второй половиной V в. до н. э. (Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 174).
- ¹³ Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. ХС. II. Севастополь, 1927, с. 179, рис. 36. ГЭ, X. 1908. 807.
- ¹⁴ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 91 сл., табл. XV, 32 г.
- ¹⁵ Халикина М. А. Раскопки в Евпатории в 1951 г. КСИИМК, вып. 51, 1953, с. 130; она же. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лпмена (1948—1952). ИАДК, 1957, с. 275; она же. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, вып. 58, 1955, с. 69.
- ¹⁶ Белов Г. Д. Отчет о раскопках... , с. 187, рис. 33; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 36; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 98, табл. XXI, 39а; Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 160 сл.
- ¹⁷ Nesperia, III, 1934, с. 202, рис. 1, 2.
- ¹⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 77, табл. IV, 12. ГЭ, X.43.412. Не исключена возможность происхождения указанных херсонесских амфор также из Хноса.
- ¹⁹ Белов Г. Д. Синопская амфора из Херсонеса. СА, 1966, № 2, с. 309 сл. Аналогичная синопская амфора происходит из Нимфея. ГЭ, НФ. 58. 238.
- ²⁰ Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 163, рис. 3; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 98, табл. XXI, 39б.
- ²¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках... , с. 184, рис. 29; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 89 сл., табл. XII, 26. Аналогичная амфора происходит из Елисаветовского городища. ГЭ, ТЕ. 1914.295. Н. П. Кивокурцев подобную амфору, найденную около Керчи, датировал 380—360 гг. до н. э. (Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 174).
- ²² Белов Г. Д. Отчет о раскопках... , с. 176, рис. 19.
- ²³ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 96, табл. XVIII, 35 г.
- ²⁴ ГЭ, НФ. 51.938. Похожая амфора хранится также в Эрмитаже под шифром ПАН. 448.
- ²⁵ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, табл. XVIII, 35 к.
- ²⁶ Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 35; Азмеров П. Б. Указ. соч., с. 170, рис. 8.
- ²⁷ Зеест И. Б. Керамическая тара Елисаветовского городища, с. 121. Аналогичная амфора найдена в Нимфее. ГЭ, НФ. 52.942.

²⁸ Белов Г. Д. Отчет о раскопках. . . , рис. 4, 7, 13, 34.

²⁹ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса, с. 17 сл.

³⁰ Херсонесские амфоры найдены в курганном некрополе и на городище Елисаветовском, например в кургане № 34—1911 г. вместе с гераклеийской амфорой раннего типа IV в. до н. э. *Зест И. Б.*

Керамическая тара Елисаветовского городища, с. 122 сл.; она же. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, рис. 5, 4, 6.

³¹ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. ВДИ, 1948, № 1, с. 155 сл.; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, с. 272 сл.

А. И. Болтунова

НАДГРОБНАЯ ЭПИГРАММА ЖЕНЫ ДИЯ

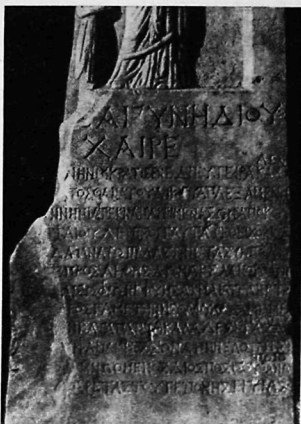
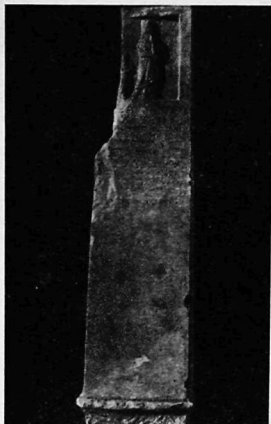
В 1961 г. в Керчи при рытье котлована в числе других надгробий¹ был найден и публикуемый здесь памятник.

Плита (рис. 1) изготовлена из светло-серого мрамора и обработана очень тщательно со всех сторон. Вставлявшаяся в постамент нижняя часть плиты профилирована. Высота плиты 1,28 м, ширина сверху 0,29 м, внизу 0,35 м; толщина сверху 0,19 м, внизу 0,21 м. На верхней грани плиты посередине имеется четырехугольное углубление 3,5×3,5 см, глубиной 4 см, высеченное для укрепления анфемия. В верхней части лицевой стороны плиты — прямоугольная ниша; в ней изваян рельеф: женщина в траурной позе, обращенная к зрителю. Она одета в длинный хитон и покрывало, накинутое на высокий головной убор. Слева стоит служанка, обращенная к хозяйке в три четверти поворота. В руках служанки цилиндрический сосуд с конической крышкой. Под рельефом надпись в 14 строк, из которых 12 составляют метрический текст.

Левая сторона верхней половины плиты отбита: уничтожена левая сторона ниши, сбита большая часть ее

верхнего обрамления, пострадала фигурка служанки, сбито лицо стоящей женщины, утрачено начало всех, кроме второй, строк надписи. Карниз внизу плиты местами сбит.

Дошедшая до нас надпись на стеле вырезана на месте другой, тщательно стесанной: отдельные следы сглаженных букв первоначальной надписи можно различить в некоторых строках между буквами стихотворного текста². Следов врезанных линеек не заметно. Высота букв первых двух строк, из которых первая содержит имя погребенной и ее мужа, а вторая — обычное приветствие *χαίρε*, 2 см, высота остальных 12 строк, составляющих метрический текст, 1,2 см. Буквы вырезаны глубоко и красиво, уверенной рукой опытного резчика. Заглавные две строки выполнены особенно красиво и тщательно. Врезы букв местами сохранили следы темно-красной краски. По характеру письма надпись следует отнести ко времени не позднее середины I в. до н. э.; она может служить ярким характерным образцом хорошего исполнения лапидарного письма этого времени на Боспоре³ и находит свои

1. Надгробный памятник жены Дия и надпись на памятнике

ближайшие аналогии в начертании ряда боспорских эпитаграмм⁴.

Метрический текст состоит из шести элегических дистихов, причем каждый стих занимает отдельную строку. В стихах 1, 3, 5, 7, 9, 11 не уместившиеся в строке концы стихов вырезаны над строкой.

Утраченное начало имени погребенной, судя по ширине плиты, могло содержать не более трех букв. В надписях Боспора среди женских имен известны лишь два, оканчивающихся на *-α* и состоящих из пяти букв: *Μοῦσα* и *Χρύσα*. Имя *Χρύσα* встречено пока только в двух надписях: в пантикапейском надгробии КБН, № 552 (*Χρύσα θυγάτηρ Χρίστου τροφίμῃ δὲ Μαχαρίου*) и в горгиппийской надписи КБН, № 1123 об отпуске на волю рабыни по имени *Χρύσα*.

Имя *Μοῦσα* встречается четыре раза и только в пантикапейских эпитафиях, где *Μοῦσα* названа или с отчеством (КБН, № 475, 625), или с именем мужа (КБН, № 259), или с отчеством и с именем мужа (КБН, № 132 — надгробная эпитаграмма). Указанные детали служат свидетельством определенного социального положения умершей. В связи с приведенными соображениями в заглавной строке издаваемой надписи мы предпочитаем дополнение [*Μοῦ*]α.

Стих 2 — [*ἀθύν*]ατος: перед хорошо сохранившейся буквой *Τ* видна нижняя часть правой наклонной линии от *Α*. Стих 3 — от утраченного слова сохранилась лишь последняя буква *Ν*; перед нею виден нижний кончик вертикальной черты; судя по расстоянию, отделяющему его от *Ν*, это должно быть *Υ*, что и обусловило наше дополнение [*οῖν*]υν. Стих 4 — у края излома

перед Т видны три апицированных правых кончика от горизонтальных черточек от Ε. ΤΕΘΕΙΧΟΒΙΟΣ следует, очевидно, понимать как τέθεικε ὁ βίος. Стих 5 — перед Δ видны слабые следы нижнего и правого верхнего апицированных кончиков от Υ. Стих 9 — в слове πρό(ς) Σ пропущена, очевидно, по ошибке резчика. Стих 10 — перед Ι вверху строки сохранился апекс на месте пересечения наклонных линий от Α.

Приводим транскрипцию текста эпиграммы с нашими дополнениями, которые мы отнюдь не считаем единственно возможными.

[Μοῦ]σα γυνὴ Δίου
χαίρε

- 1 [~] νην πικρά τις ἐνεδρεῦταιρα καθεῖ|λεν
[ἀθάνατος θανάτου δίχτυα πλεξαμένη.
[τοῖν]υν νήπια τέχνα παρειμένα ὧν ἀπό
κόλ|πων
[ἔσσ]εται οὐδ' ἐπί σοι* ταῦτα τέθειχ' ὁ
βίος.
- 5 [εἶτ' οὐδ'] ἀθανάτων βλαστήματα
συνποδίσασα
[ἦκε σε πρὸς Διῆθς δῶμα κελαινόροφον.
[ἔσθλη κ]αὶ σώφρων ἐφύης, ἀκμαία τε
λέκτρ|ων
[εὐνήν π]ρὸς γαμέτην ἦσθα φυλαξαμένη.
[δειξεῖ δ]ῆ κατὰ πάντα καλὰ δὲ σέ,
γάλα, | πρό(ς) αὐγάς
- 10 [κάλλος κ]αὶ φάμα κρέσσονα Πηνελόπης
[καὶ μὴν] μνωόμενος Δίος πόσις οὐ
θανά|τοιο
[ἀλλὰ τῆς] ἀρετᾶς τοῦτ' ἐπόνησε γέρας.

Перевод:

«Муса, жена Дия, прощай! Некая жестокая богиня, подстерегающая в засаде, погубила... сплетя сети смерти. Итак, малютки-дети, отпавшие от твоей груди, не будут с тобою. Так назначила жизнь! Свяжав затем отпрысков смертных, она послала тебя к темным сводам обители Леты. Ты благородна и скромна от природы и, созрев к браку, брачное ложе сохранила ты для супруга.

Тебя же, сокровище, красота и слава покажут лучам солнца во всех овершенствах превосходнее Пенелопы. И не о смерти думал супруг Дий, но о добродетели, воздвигая этот почетный дар».

На Боспоре надгробные эпиграммы известны с V в. до н. э. по III в. н. э. Всего на могильниках античных городов Боспора до настоящего времени, не считая нескольких маловыразительных фрагментов, было найдено 44 камня с метрическими текстами. Из них 39, т. е. подавляющее большинство, происходят с некрополя Пантикапея. Ранних эпиграмм (V—III вв.) на Боспоре известно всего 6, основная же масса их падает на время с рубежа II—I вв. по I в. н. э. включительно. Ко II в. н. э. можно отнести уже только три метрические эпиграммы, причем одна из них⁵ иноземного происхождения, так же как и единственная известная на Боспоре эпиграмма III в. н. э.⁶ Такое резкое сокращение числа эпиграмм начинается примерно во второй половине I в. н. э.; ранее прекращение употребления их на Боспоре следует объяснить не затуханием эпиграммы в греческой литературе как литературного жанра⁷, а скорее все углубляющимся процессом сарматизации и утратой вкуса к греческой поэзии среди населения Боспора.

В эпоху эллинизма наступает время широкого распространения эпиграммы во всем греческом и эллинистическом мире, и не только как формы надгробной посвятельной надписи, но и как творческого литературного жанра. В это время в греческой эпиграмматике создается своего рода «κοινή»: одни и те же образы, идеи, формы их выражения и формулы встречаются повсеместно, затем они продолжают развиваться и передаваться из поколения в по-

коление в течение нескольких веков до конца античности⁸. В эллинистических эпитафиях отражается характерная черта эпохи: интерес к подробностям всех жизненных обстоятельств умершего, взаимоотношений с его родными и близкими, положения его в обществе и причины смерти (старость, болезнь, гибель в море или в сражении). Стремясь вызвать симпатии и сочувствие к умершему, авторы эпитаграм прибегают к гиперболам в выражении чувств любви и печали, в изображении высоких физических и духовных качеств умершего; обычным было сопоставление умерших с древними и мифическими героями и героинями.

Все это сопровождалось сентенциями о власти богов над людьми; смерть рисуется как похищение человека коварным и завистливым богом и уход в чертоги Леты, в мир забвения.

В таком стиле составлено и подавляющее большинство боспорских эпитаграм I в. до н. э.—I в. н. э., начертанных на надгробных памятниках как боспорских граждан, так и иноземцев. Как и вся эпитагматика того времени, они окрашены сильным влиянием риторики и характеризуются более или менее удачным применением риторических приемов, игры слов, антитез и восклицаний.

Из текста эпитаграммы, посвященной жене Дия, видно, что памятник был установлен на могиле молодой⁹ женщины ее мужем. Эпитаграмма построена в форме обращения к умершей¹⁰. Первые три дистиха повествуют о горестном событии: умершая — жертва жестокой богини («бессмертной»), коварно погубившей ее и разлучившей с нею детей. В следующих двух дистихах изображаются все совершенства умершей супруги и особо подчеркнута ее женская скромность и супружеская верность; последний дистих — со-

общение об установке памятника супругом.

Утраченное слово в начале стиха 1 служило дополнением к сказуемому $\chi\alpha\theta\iota\sigma\tau\acute{\iota}\lambda\epsilon\nu$, и по смыслу этим словом была названа умершая супруга. [$\Sigma\tau\epsilon\rho\rho\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\eta$] — «любимая» здесь подошло бы по смыслу, но непримемлемо из-за недостатка места. В стихе 2 восстановленное слово [$\acute{\alpha}\theta\acute{\iota}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$]¹¹ — субстантивированное прилагательное «бессмертная», т. е. «богиня», подразумевает, по всей вероятности, Мойру. Мойра — злая богиня, обрывающая жизнь человека, часто упоминается в эллинистических эпитафиях¹². В эпитаграмме жены Дия Мойра подстерегла свою жертву, сидя в засаде, о чем красноречиво говорит ее эпитет $\acute{\epsilon}\nu\delta\rho\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\iota\tau\alpha\varsigma$; слово это встречено впервые в данной эпитаграмме. Расправившись затем с детьми (буквально: «связав им ноги», очевидно, чтобы они не пошли вслед за матерью, ибо и они «не бессмертны»), богиня послала свою жертву «к темным сводам обители Леты»¹³.

Дополнение стиха 7 [$\acute{\epsilon}\sigma\theta\lambda\acute{\eta}\ \chi\alpha\tau\acute{\iota}$] обусловлено выбором эпитета, параллельного по смыслу $\sigma\acute{\omega}\phi\rho\omicron\nu$ ¹⁴. Добродетель жены Дия выразилась в том, что она, «созрев к браку»¹⁵, «сохранила брачное ложе»¹⁶ для мужа» (т. е. подарила мужу свою девственность). Изображая качества умершей, поэт прибегает к распространенному в надгробных эпитафиях приему — сравнению ее с героиней древности. Поскольку здесь речь идет о замужней женщине, то она сопоставляется с Пенелопой как своего рода эталоном супружеской верности и доблести и воплощением всех женских совершенств¹⁷.

В двух заключительных дистихах подчеркнута мысль, что хотя умершая и удалась в темный чертог Леты, однако красота и слава ее совершенств, запечатленные в памятнике, поставленном Дием, будут

жить в свете дня в мире живых.

В соответствии со вкусом своего времени язык эпиграммы, заказанной пантикапейцем Дием для памятника его жены, украшен включением дорических¹⁸ и эпических¹⁹ выражений. Образы и идеи, так же как и форма их литературной передачи, тесно связывают данную эпиграмму со стихотворными произведениями того же жанра как на Боспоре, так и в различных других центрах эллинистического мира. Автор эпиграммы неплохо владеет метрикой и не делает ошибок в стихосложении. Однако среди других современных ей боспорских эпиграмм данная эпиграмма выделяется особой, нарочитой вычурностью языка и стиля. Это выражается в употреблении слов, придуманных, вероятно, самим стихотворцем, как *ἐνεδρεύετταρα* (стих 1) или *κλεινὸροφόν* (стих 6) и слов, не употребительных в греческой поэтической речи, как *γάλα*²⁰ (стих 9), или употребленных здесь в значении, необычном для греческой литературы, как *βίος* (стих 4). Тяжелые и неуклюжие обороты²¹ лишают стихи прозрачности и легкости и затемняют смысл.

Эпиграмма, посвященная жене Дия, представляет собой рядовое произведение местного сочинителя — ремесленника, мабившего руку в сочинении стихов, владеющего определенным набором образов и выражений поэтической речи, широко применявшихся в надгробных посвячительных надписях. Это типичный образец посредственных произведений «безвестных стихотворцев, кропавших на заказ посвячительные, надгробные и другие эпиграммы», как о них отзывался В. В. Латышев²².

В. П. Азаровой, публикуемый памятник был извлечен из западного котлована на участке дома № 13 на углу улиц Кирова и Фурманова. В 1965 г. на ул. Кирова было найдено еще одно надгробие с метрической надписью («*Studii clasice*», XV, 1973, p. 125—130).

- ² Строка 2 — *Θανάτου*: между Θ и Λ внизу след вертикальной линии; строка 3 — после *νίπτι* вверх строки ацицированный конец вертикальной линии, скорее всего от Φ ; между строками 3 и 4 — над *ταῦτα* видна левая сторона кружка, вероятно от Ω ; строка 7 — *ἐφύγες*: над ϵ нижние кончики двух вертикальных линий; строка 10 — *κλεινὸροφόν*, в строке между κ и ρ — вертикальная линия.
- ³ Болтунова А. И., Клипович Т. Н. Очерк истории лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, 1962, табл. III, с. 18—20.
- ⁴ КБН, № 119=ИАК, вып. 10, 1904, с. 49—52; КБН, № 128=ИРЕ, IV, 218; КБН, № 129=ИРЕ, II, 299; КБН, № 130=ИАК, вып. 14, 1905, с. 124, № 47.
- ⁵ Надгробная эпиграмма Диндиана («*Studii clasice*», XV, 1973, p. 125—130).
- ⁶ КБН, № 147. Эпиграммы на надгробных пизомцев встречаются среди боспорских памятников и в I в. до н. э. — I в. н. э.
- ⁷ Во II в. н. э. эпиграмма не только не заухает, но и переживает некоторый новый расцвет.
- ⁸ Peek W. Griechische Grabgedichte. Berlin, 1960, S. 34.
- ⁹ О молодом возрасте умершей говорят упоминание в стихе 3 *νίπτι τέχνα*.
- ¹⁰ Ср. стих 3 — *σών*; стих 4 — *σοι*; стих 9 — *σέ*; стих 7 — *ἐφύγες*.
- ¹¹ [*ἀθανάτος* θανάτου — игра слов; ср. КБН, № 113: *ἀθανάτων θνητῶν*; Peek W. Указ. соч., № 12: *ἀθανάτων με θανοῦσι*].
- ¹² Ср. указ. соч., № 22⁷, 85⁸, 137¹⁰, 152⁵⁻⁶, 157², 8, 163⁸, 167¹³, 197⁴=КБН, № 123⁶⁻⁷; 128⁷, 130¹⁶, 139⁸.
- ¹³ Представление о смерти как об уходе в темную обитель Леты см. в эпиграммах: Peek W. Указ. соч., № 148⁸, 156⁸, 193⁴, 196³⁻⁴; в пантикапейской эпиграмме КБН, № 119¹² *κλεινὸροφόν* следует, вероятно, понимать так же, как чертог Леты.
- ¹⁴ Ср. Peek W. Указ. соч., № 72, 194¹¹, 351⁹.
- ¹⁵ Ср. Anthol. Pal., 7, 221 — *ἀχμαίια πρός ἔρωτα*.
- ¹⁶ Предложенное здесь дополнение стиха 8 [*εὐνήν πρὸς*... в смысле «брачное ложе» ср. Eur. Andr., 907: *ἄλλην τιν' εὐνήν ἀντί σου στέργει πάσις*; Eur. Hippol., 1011: *ἐνκλήτρον εὐνήν προσλαβῶν ἐπέπλισα*].

¹ ВДИ, 1968, № 2, с. 130—132; КСИА, вып. 116, 1969, с. 49—54. По сообщению научной сотрудницы Керченского музея

- ¹⁷ Ср. КВН, № 124; Peek W. Указ. соч., № 359₁₋₂; 381₃₋₄, 463₁₅.
¹⁸ Стих 10 — φάμα; стих 12 — ἀρετᾶς.
¹⁹ Стих 11 — θαυμάσιο.
²⁰ Γάζα — персидское слово, употреблявшееся при Ахеменидах и на эллинистическом Востоке для обозначения сокровищ, главным образом царских (Diod., 17, 35; Strab., 14, 1, 39; OGIS 54, 22).
²¹ Особенно стихи 5, 7—8, 9—10.
²² Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, II, 1922, с. 69.

С. П. Борисковская

ПИЦЕНСКИЕ БРОНЗЫ В ЭРМИТАЖЕ

Начиная с IX—VIII вв. до н. э. в горных районах Восточной Италии, населенных пиценами, получила широкое развитие художественная металлообработка. Пиценские бронзы эпохи раннего железа сходны с изделиями культуры Вилланова, но в то же время отмечены особыми своеобразными чертами. В период этрусской колонизации Средней Италии (VII—VI вв. до н. э.), когда были основаны поселения в районе фаллисков, Лации и Кампании, горные труднодоступные районы Абрुцц не были затронуты этрусским влиянием. Во второй половине VI—V вв. до н. э. наблюдается значительное воздействие на сложение стиля художественных памятников Пицены искусства Этрурии и архаической Греции.

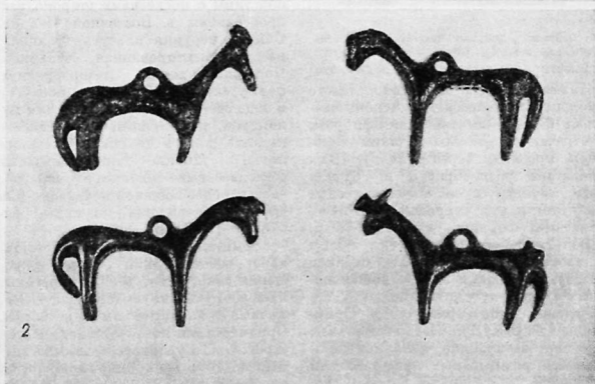
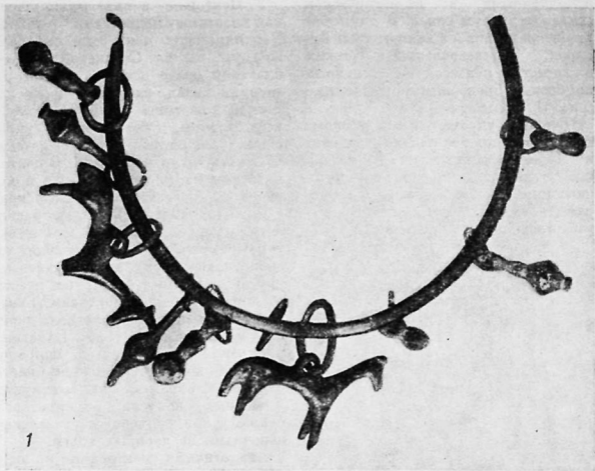
В настоящей статье рассматриваются хранящиеся в Эрмитаже произведения пиценской торевтики, относящиеся к наиболее раннему периоду — VIII—VII вв. до н. э. (по классификации М. Паллоттино — «геометрический» и «ориентализирующий» периоды¹). Локализация этих изделий, поступивших в Эрмитаж из собранных в Италии частных коллекций, установлена путем их сопоставления с археологическими материалами, происходящими из рас-

копок в Восточной Италии (Абруццу, современные провинции Абруццо-э-Молизе и Марке). Большая часть находок из района Пицены хранится в музеях Анконы, Нуманы, Асколи Пичено, Кьети и в Дисторическом музее в Риме и происходит из раскопок конца XIX—начала XX в.

Среди произведений ранней торевтики Пицены наиболее широко представлены украшения — гривны, пекторали, фибулы с разнообразными подвесками. В Эрмитаже хранится гривна и две пекторали, происходящие, по всей вероятности, из некрополей района Абруцц.

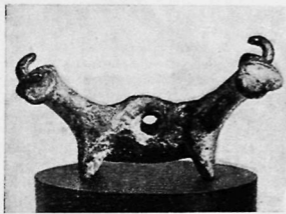
1. Шейное кольцо (гривна)² — рис. 1, 1. Сделано из тонкой узкой выгнутой пластины с загнутыми концами. В ней проделаны круглые отверстия, в которые вдеты проволочные кольца; к последним прикреплены подвески, исполненные в технике сплошного литья. Подвески представляют собой двойные просверленные шарики, некоторые с биконическим завершением; одна имеет форму веретена. Простые подвески в виде шариков перемежаются

→
 1. Шейное кольцо с подвесками (3/4 нат. вел.) — 1;
 подвески — фигурки коней (нат. вел.) — 2

исполненными в геометрическом стиле фигурками коней. В Эрмитаже хранится несколько аналогичных фигурок, использовавшихся также в качестве подвесок к различным пицценским бронзовым украшениям³ (рис. 1, 2).

Подобные украшения с подвесками получили широкое распространение в Пицене: гривны типа эрмитажной⁴, широкие кольца с многочисленными подвесками, пекторали в виде пластины или изогнутой проволоки, украшенной спи-

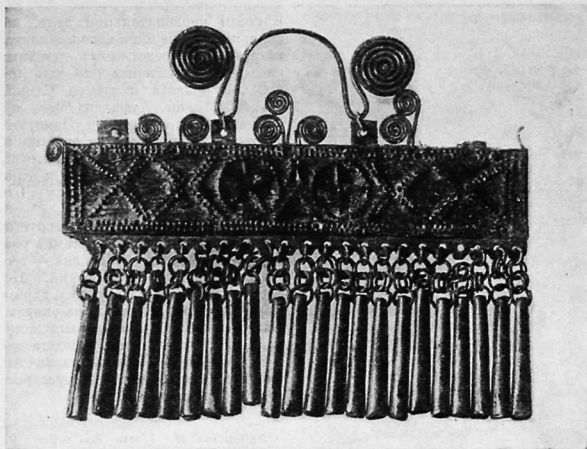
2. Подвеска — фигурка двухголового барана (3/2 нат. вел.)

ралями и рядом подвесок⁵. Часто кольцо с подвесками использовалось в качестве украшения фибулы; встречаются фибулы с таким кольцом, продетым через булавку. Сами подвески разнообразны по форме: это амулеты в виде человеческих фигурок и рук, стерженьков с перехватами, шариков, бутонов и т. д. Часто фигурируют подвески в виде животных — собак, коней, баранов с двумя головами на противоположных концах туловища (подвеска последнего типа хранится в Эрмитаже⁶ — рис. 2). Изобразительные мотивы, несомненно, являются отражением религиозных представлений древнего населения Пицены начала I тыс. до н. э.⁷

2. Пектораль в виде прямоугольной пластины с подвесками⁸ — рис. 3. Верхняя часть пекторали склепана из двух пластин. С лицевой стороны пластина более длинная, концы ее загнуты назад, закрывая часть короткой пластины с противоположной стороны. Обе пластины украшены орнаментом из точек, чеканным в технике *geroussé*. В центре пластины на лицевой стороне помещены две розетки, обведенные кругами. По сторонам от них расположены обведенные двойным пунктиром ромбы, которые переходят на обратную сторону, продолжаясь на другой пластине. В верхней части пекторали между пластинами впущены скрученные из проволоки двойные и тройные спирали. Пластина прикреплена к дужке со спиралевидными концами. Нижнюю часть пекторали образует ряд вытянутых усеченных конусов из листовой бронзы, прикрепленных к пластине цепочками из двойных колец.

Аналогичные пекторали в виде пластины с подвесками широко распространены в Восточной Италии. Обычно верхняя пластина гладкая, не орнаментированная чеканкой. Подвески имеют разнообразную форму, часто встречаются подвески в виде стерженьков, конусов или цилиндров, исполненные из листового металла или в технике сплошного литья⁹. Иногда такие пластины с подвесками являются как бы частью более сложной пекторали или другого украшения — гривны, фибулы и т. д.

Эрмитажная пектораль представляет собой редкий образец украшения такого типа в виде пластины, имеющей чеканную орнаментацию. Точные ее аналогии нам не известны. Орнаментация пекторали отличается строгостью и уравновешенностью элементов. В то же время, несмотря на преобладание в декоре геометрических мотивов, вряд ли возможно

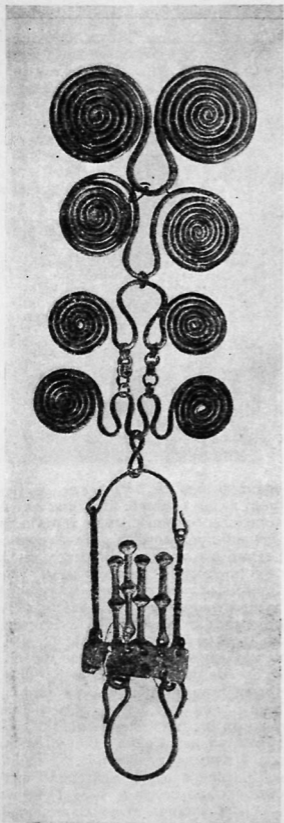

3. Пектораль с подвесками в виде усеченных конусов (1/2 нат. вел.)

датировать пектораль VIII в. до н. э. В орнаментике италийских бронз довольно долгое время сохраняются геометрические мотивы. По всей вероятности, эрмитажная пектораль так же, как большая часть украшений этой формы, относится к VII в. до н. э.¹⁰ С несколько более поздним временем можно связать опубликованные М. Цуффа пекторали с подвесками, пластины которых украшены чеканными изображениями животных¹¹. Эти пекторали, особенно вторая, из музея университета в Риме, имеют более нарядный, барочный облик, по сравнению со строгим, сдержанным стилем украшения из собрания Эрмитажа.

3. Пектораль (усложненный ва-

риант формы № 2¹²) — рис. 4. Составляет из двух частей: пластины с подвесками и соединенных по вертикали четырех проволочных дужек со спиральями на концах. Верхняя часть этой пекторали воспроизводит уже описанный тип украшения, широко распространенного в Пицене (к нему относится и эрмитажная пектораль № 2). В отличие от последней, подвески пекторали № 3 исполнены в технике сплошного литья и имеют форму стерженьков с перехватами. Такие подвески часто встречаются у украшений подобного типа; сохранилась даже форма для отливки аналогичных подвесок¹³. Однако соединение в одной пекторали пластины с подвесками и украшения в виде сочетания двойных спиралей необычно и не имеет себе подобных среди известных памятников. Воз-

4. Пектораль с двойными спиралями (1/2 нат. вел.

можно. пектораль дошла до нас в своем первоначальном виде, поскольку украшения в виде комплекса по-разному соединенных двойных спиралей характерны для юга пицценской области и севера Самнии (район Абриуцц, Ауфидена¹⁴).

Помимо украшений в Эрмитаже хранится группа пластин от панцирного доспеха, происходящих, вероятно, из Пицены и Самнии и относящихся к концу VII—началу VI в. до н. э.¹⁵

Таким образом, обе группы изделий отражают два периода в развитии искусства Пицены — геометрический и архаический. Поскольку изучение искусства доримской Италии делает пока первые шаги, публикация новых памятников позволит более ясно представить художественное развитие различных районов Апеннинского полуострова в эпоху раннего железа.

¹ Pallottino M. L'arte dell'antico Piceno. I Piceni e la civiltà etrusco-italica. Studi Etruschi, v. 26, supplemento. Firenze, 1959, p. 72.

² В. 459, поступила в 1852 г. из коллекции Лаваль. Длина 26 см, ширина 0,7 см, диам. 13 см. Часть кольца обломана, недостает ряда подвесок. Светло-зеленая патина («Античная художественная бронза». Каталог выставки. Л., 1973, № 117).

³ В. 1822, поступила из собр. Строганова в 1926 г. Длина 3,3 см. Зеленая патина; В. 1932, то же происхождение. Длина 5 см. Коричневая патина; В. 1161, происхождение неизвестно. Длина 5 см. Серовато-зеленая патина; В. 1162, происхождение неизвестно. Длина 5,2 см. Темно-зеленая патина («Античная художественная бронза», № 118, 119).

⁴ Dall'Osso I. Guida illustrata del Museo Nazionale di Ancona. Ancona, 1915, p. 193, 196.

⁵ Montelius O. Civilisation primitive en Italie. 2-e partie. Stockholm, 1904, pl. 364, 15; Dall'Osso I. Op. cit., p. 187, 301.

⁶ В. 1851, поступила из собр. Строганова в 1926 г. Длина 5,8 см. Серовато-зеленая патина («Античная художественная бронза», № 120).

- ⁷ О символике изображения коня в искусстве I тыс. до н. э. см.: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 68; *Benson J. L.* Horse, bird and man. The origins of Greek painting. Amherst, 1970, p. 24; *Kaschitz von Weinberg G.* Mittelmeerische Kunst. Ausgewählte Schriften, B. III. Berlin, 1965, S. 255f.
- ⁸ В. 1935, поступила в 1926 г. из собр. Строганова. Длина 22 см, ширина 18,7 см. Верхняя часть слегка повреждена. Зеленая патина («Античная художественная бронза», № 121).
- ⁹ *Montelius O.* Op. cit., pl. 160, 1, 9, 10; *Dall'Osso I.* Op. cit., p. 187, 194, 303; *Dumitrescu V.* L'età del ferro nel Piceno. Bucarest, 1929, fig. 19, 8, 9, 10.
- ¹⁰ *Zuffa M.* Un Pendaglio piceno nel Civico Museo di Rimini. — In: *I Piceni e la civiltà etrusco-italica*, p. 68.
- ¹¹ *Zuffa M.* Op. cit., p. 63 sq., fig. 1, 2, 3.
- ¹² В. 584, поступила из собр. Кампана в 1862 г. Длина 34,5 см, наибольшая ширина 9 см. Повреждена верхняя часть. Зеленая патина.
- ¹³ *Dall'Osso I.* Op. cit., p. 158.
- ¹⁴ *Martani L.* Aufidena. — In: *Monumenti Antichi pubblicati per cura della R. Accademia dei Lincei*, X, 1901, p. 315, fig. 56a, b; p. 318, fig. 57; p. 319, fig. 58; p. 326—327, fig. 60, 61; p. 378, fig. 91, tav. XII, c, d, f, g, h; *Cianfarani V.* Antiche civiltà d'Abruzzo. Roma, 1969, tav. XXIX, 47—50. В Эрмитаже хранится аналогичная фрагментированная чепочка с двойными спиралями: В. 585, поступила из собр. Кампана в 1862 г. Длина 15,5 см. Зеленая патина.
- ¹⁵ *Борисковская С. П.* Бронзовые пластины от древнеиталийского панцирного набора в собрании Эрмитажа. — В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 5—15. См. также: *Bloch R.* Un nouveau matériel villanovien et étrusque. «La revue du Louvre», 1967, 17, № 3, p. 155—156, fig. 6.

И. Б. Брашинский

СТАНДАРТЫ ЛИНЕЙНЫХ МЕР В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СИНОПЫ

Исследование метрологических систем различных центров античного мира, их развития, смены, колебаний имеет весьма важное значение для изучения различных сторон экономической и политической истории античности. Первостепенный интерес, в частности, представляет определение стандартов линейных мер, применявшихся в том или ином центре, поскольку меры длины лежали в основе мер объема (емкости)¹, определение стандартов которых является одной из важнейших целей исследования истории античной торговли.

В настоящей статье автор ставит

перед собой ограниченную задачу — выяснение линейного стандарта, принятого в Синопе — одном из крупнейших греческих производственных центров, широко изготовлявшем и экспортировавшем на северопонтийские рынки в течение нескольких веков как остродонные амфоры (товары в них), так и кровельную черепицу и теракотовые архитектурные детали.

Уже давно было обращено внимание на стандартные размеры керамических строительных материалов, в частности кровельных черепиц. Еще в середине 30-х годов В. Ф. Гайдукевич, изучая боспорские че-

репицы, пришел к выводу, что в IV—III вв. до н. э. они изготовлялись по единому эталону². Исследования Н. Я. Мерперта, полностью подтвердив этот вывод, позволили его несколько уточнить: приведенные В. Ф. Гайдукевичем размеры черепиц представляли не общепоспорный, а пантикапейский стандарт³.

В. Ф. Гайдукевич высказал предположение, что черепицы формовались в специальных, вероятно деревянных формах⁴, доказательство чему он усмотрел в упомянутом инвентаре Делосского храма: *τύπος ἐβλίνας κεραμίδιον*⁵. Среди различных толкований этого предмета мнение В. Ф. Гайдукевича, понимающего его как деревянную форму для формовки черепиц⁶, представляется наиболее убедительным. Однако и оно, по-видимому, не совсем точно. Едва ли можно полагать, что обычная производственная деревянная форма из керамической мастерской (такие формы, очевидно, достаточно быстро изнашивались и заменялись новыми) могла быть удостоена специального упоминания в храмовом инвентаре. Скорее в этой форме можно было бы усматривать деревянный эталон для изготовления черепиц. Такое предположение, как представляется, находит подтверждение в трех археологических памятниках, один из которых был известен уже давно, но привлек внимание лишь сравнительно недавно в связи с находкой второго аналогичного памятника; вскоре был найден и третий. Речь идет о мраморных прототипах — эталонах разнотипных кровельных черепиц, найденных при раскопках Ассоса в западной Малой Азии⁷, на Афинской агоре⁸ и в Мессене⁹. Памятники представляют собой установленные на пьедесталы мраморные блоки-стелы, на которых в натуральную величину высечены разнотипные черепицы (плоские и калиптеры). Как полагает издатель афинского

памятника Стивенс, в эти мраморные прототипы (во всяком случае, афинский) были вставлены деревянные или керамические черепицы, которые и служили эталоном¹⁰. При этом, как показал Стивенс, эталон, выставленный на агоре для всеобщего руководства, предписывал размеры готовой продукции, а не заготовок: был учтен коэффициент усушки при высушивании и обжиге черепиц, который, по данным автора, составляет в среднем 8,8% (от 7,7 до 10%)¹¹.

Таким образом, можно считать твердо установленным фактом, что античные кровельные черепицы изготовлялись в соответствии со строгими требованиями стандартности их размеров¹². Однако хорошо известно, что единого общегреческого стандарта не существовало, а различные греческие государства пользовались разными стандартами мер и весов; к тому же эти стандарты не были постоянными, а были подвержены различным изменениям под влиянием множества факторов. Поэтому важной задачей исследователей является выяснение тех метрологических систем, в частности стандартов мер, которыми пользовались те или иные конкретные центры в определенные хронологические периоды. Такая работа требует экспериментального исследования, поскольку теоретические рассуждения, основанные на априорном предположении о соответствии стандартов мер весовым стандартам, применявшимся в монетном деле, далеко не во всех случаях подтверждаются.

Что касается боспорских (пантикапейских) кровельных черепиц, то исследованиями Э. О. Берзина¹³ доказано, что при их изготовлении пользовались ионийским (или аттико-эвбейским, по другой терминологии)¹⁴ футом (*ποβς*), длина которого, согласно новейшим исследованиям, в переводе на метрические единицы составляет 293,95 мм¹⁵.

По мнению Э. О. Берзина¹⁶, эта же система мер применялась несомненно и в Ольвии, поскольку она имела общую метрополию с Пантикапеем. Если следовать этой логике, то следовало бы заключить, что и в Синопе должна была быть в ходу эта же система, однако, как показывает проверка, такая гипотеза не подтверждается, и притом не только касательно Синопы, но и Ольвии.

Обратимся к кровельным черепицам Синопы. Не останавливаясь на их конструктивных особенностях, не имеющих существенного значения для занимающих нас вопросов¹⁷, рассмотрим их размеры.

Измерения 16 плоских синопских черепиц, произведенные главным образом при раскопках ольвийской агоры в 1959—1960 гг., дали следующие результаты: длина 0,650; 0,660; 0,663; 0,665; 0,670 м (5 экз.) и 0,675 м (2 экз.); ширина 0,476; 0,500 (3 экз.), 0,503; 0,505; 0,506; 0,510 (5 экз.) и 0,527 м¹⁸. Таким образом, длина синопских плоских черепиц колеблется от 0,650 до 0,675 м (средняя длина 0,667 м, наиболее часто повторяющаяся 0,670 м), а ширина — от 0,476 до 0,527 м (средняя ширина — 0,505 м, наиболее частая 0,510 м).

Почти все синопские черепицы (13 и 16) принадлежали одной крыше и, следовательно, одновременны или близки по времени, что подтверждается и клеймами, содержащимися как на ряде измеренных целых экземпляров, так и на других обломках черепиц этой крыши¹⁹. Время это лежит в пределах второй половины IV—начала III в. до н. э.

Синопские желобчатые калиптеры имели общую длину около 0,630 м, а «полезную» длину (за вычетом соединительной лопатки из общей длины) — 0,500—0,520 м²⁰. Эта «полезная» длина соответствует «полезной» длине плоских черепиц²¹.

Ширина переднего края калиптеров равна 0,160—0,170 м.

Каким же был стандарт синопских черепиц и к какой системе мер он принадлежал?

Известно, что в результате Понтийской экспедиции Перикла в Синопе было поселено 600 афинских клеруков и город по крайней мере в течение столетия был афинским владением. Государственное устройство Синопы в это время находилось под непосредственным влиянием Афин, о чем свидетельствуют разнообразные факты²². Логично поэтому предположить, что и система мер и весов, применявшаяся в Синопе, должна была быть аттической. Если исходить из этой гипотезы, то длина синопской плоской черепицы (0,667 м) соответствует двум аттическим (дорийским) футам в 0,3265 м = 0,653 м (+0,014 = 2,1%), а ширина (0,505 м) — полутора футам — 0,490 м (+0,015 = 3%); длина калиптеров, соответственно, также равна двум футам (—0,023 м), а их ширина спереди — 8 дактилям или половине фута 0,163 м (+0,007 м). Полезная же длина черепиц обоих типов 0,500—0,520 м соответствует полутора аттическим футам — 0,490 м (+0,010—0,030).

Как видим, гипотеза о применении аттической системы линейных мер в синопском керамическом производстве черепиц вполне подтверждается. Гипотеза о применении ионийской системы мер (фут в 0,294 м) куда менее вероятна, ибо в этом случае мы получили бы, например, для плоских черепиц менее желательные дробные числа, равные для длины двум футам и 4 дактилям (36 дактилей), а для ширины — 27 дактилям (=1 футу и 11 дактилям, или 1½ фута и 3 дактилям)²³. Отметим попутно, что по аттическому стандарту изготовлялись черепицы Херсонеса, Ольвии и, по всей вероятности, Герраклеи Понтийской, о чем свидетель-

ствуют их многочисленные измерения. Пантикапейские же черепицы, как отмечено выше, производились по ионийскому стандарту. Возможно, это является одной из причин (разумеется, не главных) обычного сочетания в одних кровлях черепиц Синопы с ольвийскими и херсонесскими и, напротив, весьма редкого сочетания с боспорскими.

Если согласиться с заключением об аттическом стандарте синопских черепиц, то естественной будет гипотеза, что и меры объема (емкости), конструировавшиеся из линейных мер, применявшиеся в Синопе в рассматриваемое время, должны были соответствовать тому же аттическому стандарту. Ограниченность статьи не позволяет остановиться подробно на этом вопросе. Отметим лишь, что промеры ряда синхронных синопских остродонных амфор²⁴ (синхронных и рассмотренным черепицам) показали, что их общая высота равна двум аттическим футам: 0,650 (3 экз.), 0,660 (2 экз.), 0,670 и 0,680 м, максимальный диаметр амфор равен одному футу (0,327—0,350 м), а глубина вместилища (0,570—0,585 м) — 28 дактилям (0,571—0,572 м). Стандартная емкость этих амфор (при фактических различиях, зависящих от различных причин) равна 5 и 6 аттическим коям в 3200 л. (6 хоев= $1\frac{1}{2}$ метрета). Установление стандартных емкостей разнотипных и разновременных синопских амфор, имеющих столь широкое распространение в Причерноморье, позволит в дальнейшем более конкретно исследовать историю античной понтийской торговли.

¹ Nissen H. Griechische und römische Metrologie. — In: Müller I. Handbuch der Klassischen Altertumswissenschaft, I², München, 1892, S. 850.

² Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. ИГАИМК, 104, 1935, с. 244.

³ Мерперт Н. Я. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, 19, 1951, с. 233.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 232.

⁵ Homolle T. Comptes et inventaires des temples Déliens en l'année 279. BCH, 14, 1890, p. 470.

⁶ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 258.

⁷ Bacon F. H. Investigations at Assos. L.—Lpz., 1902, p. 71, pl., fig. 2, 73.

⁸ Stevens G. P. A tile standart in the agora of Ancient Athens. Hesperia, XIX, 3, 1950, p. 174, f., pl. 82; Thompson H. A., Wycherley R. E. The agora of Athens. Princeton, 1972, p. 79, pl. 36f.

⁹ Эрцов, 1960, p. 166. fig. 182.

¹⁰ Stevens G. P. Op. cit., p. 184.

¹¹ Ibid., p. 178.

¹² К сожалению, этот важный вопрос не нашел отражения в коллективном труде, специально посвященном керамическим строительным материалам Северного Причерноморья («Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, ГИ-20, М., 1966), одним из составителей которого является и автор настоящей статьи.

¹³ Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора. СА, XXVI, 1956, с. 227 сл. Автор полагает, что на Боспоре наиболее употребительными линейными мерами были пядь (σπιθαμή), равная 12 дактилям, и локоть (πῦχος), равный 24 дактилям (соответственно 22,1 и 44,1 см), а не фут. Как кажется, такое категорическое утверждение недостаточно обосновано, во всяком случае касательно черепиц: длина пантикапейской черепицы составляет в среднем ровно два фута (32 дактиля=58,8 см), а ширина — 28 дактилей (=51,5 см), а не 27, как указывает Э. О. Берзин, что соответствует $1\frac{3}{4}$ фута.

¹⁴ Мы придерживаемся наиболее распространенной в настоящее время терминологии, по которой короткий аттический фут, или иначе аттико-эвбейский (294 мм), именуется новийским, а длинный аттический, или аттико-эгинский (326,54 мм) — аттическим или дорийским. См. Dinsmoor W. B. The basis of Greek temple design: Asia Minor Greece, Italy. — In: Atti del settimo congresso internazionale di archeologia classica, v. I, Roma, 1961, p. 357 f.

¹⁵ Dinsmoor W. B. Op. cit., p. 358.

¹⁶ Берзин Э. О. Указ. соч., с. 235. Для доказательств своего утверждения автор привлекает плиту с декретом об условиях въезда в Борисфея (IPE, I², 24); однако камень, как известно, происходит не из Ольвии, а из Анадола Кавака в Турции. Помимо этого спорно утверждение Э. О. Берзина, что размеры плиты

67×32 см соответствуют или отражают 3×1,5 ионийских пяди. С наименьшим основанием можно утверждать, что эти размеры соответствуют 2×1 дорийским (аттическим) футам.

- ¹⁷ О конструктивных особенностях синопских черепиц см.: *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч., с. 231; *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южными Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, с. 111; *Брашинский И. Б.* Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 298 сл.
- ¹⁸ Не все черепицы были целыми: полная длина сохранилась у 13, полная ширина — у 13 черепиц.
- ¹⁹ *Брашинский И. Б.* Указ. соч.
- ²⁰ Там же, с. 298 сл., рис. 8.

²¹ Там же.

²² *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 98 сл.

²³ Следует иметь в виду, что аттические меры длины легко переводимы в ионийские; ошибка при этом равна лишь 0,2% (см. *Lang M.* A new inscription from Thasos: specifications for a measure. BCH, 76, 1952, p. 22), что допускало применение строительных материалов различных стандартов в одном здании.

²⁴ Амфоры из Ванп, 1969 г., погребение знатного воина; Ольвии (0/63—1710); Констанцы (№ 20.661); Пашковского VI могильника, 1972 г. (Краснодарский музей); Нимфея (НФ. 58.238, ГЭ), Фытына Маре и Поарта Алба (Констанца) и др.

К. В. Голенко

КИЗИКСКИЙ СТАТЕР, НАЙДЕННЫЙ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Публикуемый кизикин (рис. 1, 1) был приобретен в 1962 г. членами археологической экспедиции ГМИИ в качестве местной находки на хуторе Приморском, расположенном в 3—4 км к западу от Фанагорийского городища¹. На лицевой стороне монеты изображена поколенная фигура женщины в хитоне, держащей обеими руками обнаженного младенца с протянутыми вперед руками²; внизу изображение тунца. Обратная сторона занята quadratum incusum, имеющим вид четырех вдавленных квадратов, расположенных под углом к плоскости монеты³. Электр; 15,93 г.

Как известно, кизикины принадлежат к одной из наиболее изученных категорий греческих монет⁴

и представляют собой чрезвычайно любопытное явление в античной нумизматике. Продолжительная популярность этих монет на рынках района Эгейского моря и Причерноморья привела к сохранению при их чекане особенностей, свойственных архаическим монетам. Так, кизикины продолжали выпускаться из электра и после того, как этот металл почти повсеместно был вытеснен серебром. Сознательно были сохранены архаические, нарочито грубые приемы изготовления монет: неоформленный монетный кружок и quadratum incusum.

Не менее замечательна и другая особенность этих анаэпиграфных монет — большое разнообразие из основных типов. Однако их исклю-

чительной особенностью является обязательное добавочное изображение тунца — отличительный знак кизикского монетного двора.

Если в ряде случаев типы кизикинов явно заимствованы в чекане других центров, то в отношении нашей монеты этого сказать нельзя.

1. Кизикин, найденный на Таманском полуострове (1), и кизикин, найденный в Керчи (2)

Формально сюжет (как монетный тип) оригинален, но изображение Геи и Эрихтония — мифического царя Афин, вскормленного богиней Афиной, отражает афинское влияние⁵. Этот факт не случаен, особые связи Афин и Кизика именно в финансовой сфере широко известны⁶.

Монеты нашего типа представлены только статерами, которые известны лишь в трех экземплярах⁷. Если лондонский и бостонский статеры чеканены общими штемпелями⁸, то издаваемая монета, по-видимому, дает пример работы неизвестного ранее штемпеля. Согласно классификации кизикинов, предложенной Г. фон Фритце⁹, наш статер принадлежит третьей хронологической группе, относимой к 480—410 гг. до н. э., а принимая уточнения хронологии,

сделанные А. Болдуин-Бретт, которая учла замечания К. Реглинга, — к 460—400 гг. до н. э.¹⁰

Общезвестно, что кизикины вплоть до прекращения их чекана в связи с массовым распространением золотых статеров Филиппа II Мадонского служили признанным платежным средством в Причерноморье. Об этом свидетельствуют два источника¹¹. Первый эпиграфический — ольвийский декрет первой половины IV в. до н. э. (IOSPE, 1², 24), найденный в Анадолу-Кувак. Эта надпись содержит постановление о курсе кизикинов и порядке их обмена в Ольвии на местную монету. Второй источник — судебная речь, приписываемая Демосфену (*Dem.*, XXXIV), произнесенная в Афинах в 327/6 г. до н. э.; в ней констатируется факт обращения кизикинов на Боспоре и определяется курс этих монет по отношению к драхам аттического стандарта. К этим источникам следует теперь присоединить и два недавно изданных граффито¹², из которых почти несомненно явствует, что на Березани в первой половине VI в. до н. э. и столетием позже — в Фанагории обращались кизикины. Эти надписи являются наиболее ранним указанием на распространение кизикского электра на северном побережье Черного моря. В этой связи следует указать и на влияние кизикинов на монетную типологию Тирь, Херсонеса, Ольвии¹³.

Самым важным и убедительным свидетельством распространения кизикинов в Северном Причерноморье служат находки этих монет. Применительно к Ольвии и ее округе сведения о находках кизикского электра собраны П. О. Карышковским. К ним теперь следует прибавить материалы небольшого клада статеров из Ольвии¹⁴ и, вероятно, крупного клада (сохранился 71 статер), обнаруженного в 1967 г. близ г. Рени на бе-

регу Дуная¹⁵. Впрочем, последний мог быть завезен не только из Ольвии, но и из городов «левого Понта», например из Истрии.

Такой крупный центр Северного Причерноморья, как Херсонес, не дал ни одной находки кизикских электровых монет. Это, по-видимому, не случайно: вплоть до конца эллинистического периода денежное обращение Херсонеса, в отличие от соседних городов, основывалось на строгом монометаллизме — там принималось только серебро.

Что касается Боспора¹⁶, то в нашей литературе господствует мнение, согласно которому кизикины обращались там с VI в. до н. э. вплоть до появления в 30-х годах IV в. до н. э. статов Александр Великого¹⁷. Какое-то время кизикские монеты обращались вместе с местными пантикапейскими статерами. Помимо упомянутого свидетельства, приписываемого Демосфену, это положение основано на находке двух кладов¹⁸: Керченского 1834 г. и знаменитого «Пуленцовского» клада из ст. Таманской (1845 г.); оба они наряду с кизикинами¹⁹ содержали и пантикапейские статеры. Что касается группы монет, найденной в 1866—1867 гг. в ст. Таманской²⁰ и состоявшей по крайней мере из двух кизикских статов и трех гект (или гемигект), а также трех пантикапейских статов, то типы, а следовательно, и датировка кизикских монет не известны. Но если принять мнение Д. Б. Шелова, видевшего в этой группе монет клад, то кизикины также должны представлять поздний этап обращения монет такого рода, поскольку вместе с ними найдены пантикапейские статеры.

Таким образом, находки кизикинов в кладах относятся к IV в. до н. э., и помимо граффити, изданных Ю. Г. Виноградовым, у нас нет прямых свидетельств обращения на Боспоре кизикинов в более ранний пе-

риод, кроме единичных находок этих монет. Несмотря на убежденность исследователей в обилии находок кизикских монет на Боспоре²¹, Д. Б. Шелов, специально занимавшийся этим вопросом, мог указать только на два статера из единичных находок. Это, во-первых, уникальная монета с изображением головы вепря (рис. 1, 2), случайно найденная в Керчи в 1948 г. (электр, 16,09 г) и датированная Д. Б. Шеловым второй половиной VI в. до н. э.²² Во-вторых, статер с изображением «Геракла и рыбы», обнаруженный в 1912 г. в Керчи при раскопках В. В. Шкоршила на горе Митридат «в насыпи, возле гробницы»²³. К этим двум монетам теперь можно присоединить и издаваемый статер с Таманского полуострова, а также, вероятно, кизикины («толстая золотая монета с выпуклым изображением зверя»), найденный в 1854 г. «в одном из курганов» в Прикубанье — «в районе бывших станиц Бакинской и Псекупсской, на р. Псекупс»²⁴. Если в последнем случае перед нами действительно кизикин, то, судя по его типу, он должен относиться к раннему времени, во всяком случае, к первой половине V в. до н. э.

Таким образом, если учесть, что известные нам кизикины из случайных находок на Боспоре датируются VI—V вв. до н. э., то едва ли можно предполагать, что все они занесены на Боспор много позже после их чеканки²⁵. Следовательно, на Боспоре, как, например, в Ольвии²⁶ и, судя по недавним публикациям трех статов из района г. Кобулет²⁷, в Колхиде, кизикский электр служил общепризнанным платежным средством и в ранний период его чеканки.

¹ Пользуемся случаем принести свою признательность А. К. Коровиной, передавшей автору эту монету для издания.

- ² Эта сцена представляет собой передачу Гефесту, выходящей из земли, своего сына Эрихтония богине Афине (последняя на монете не изображена).
- ³ Обе стороны монеты рассечены находчиками.
- ⁴ Полный обзор литературы о кизикинах см.: *Kiechle F. Literaturüberblicke der griechischen Numismatik. Mysien — Troas — Aiolis — Lesbos*, JNG, 1959/60, S. 121 f.
- ⁵ *Greenwell W. The electrum coinage of Syzicus*. NC, 1887, p. 63 f., N 31. Автор предполагает заимствование сюжета у несохранившейся скульптурной группы; приведены аналогии в вазонике и терракоте.
- ⁶ *Seltman C. Greek coins*. London, 1955, p. 112.
- ⁷ Британский музей: *Wroth W. BMC, Mysia*, London, 1892, p. 27, N 65, tab. VI, 11; *Head B. V. Historia Numorum*, Oxford, 1911, p. 525, fig. 272; *Fritze von H. Die Elektronprägung von Kyzikos*, «Nomisma», VII, 1912, S. 12, N 157, tab. V, 5; *Seltman C.* Указ. соч., табл. XVII, 9; A guide to the principal coins of the Greeks, British Museum, London, 1959, p. 16, tab. VIII, 8; *Kraay C. M., Hirmer M. Greek Coins*, London, 1966, tab. 199, 713; *Jenkins G. K. Monnaies grecques*. Fribourg, 1972, S. 103, N 204. Бостонский музей изящных искусств: *Greenwell W.* Указ. соч., с. 63, № 31; *Regling K. Die griechischen Münzen der Sammlung Warren*, Berlin, 1906, S. 224, N 1449, tab. XXXIII; *Baldwin Brett A. Catalogue of Greek coins*, Museum of Fin Arts, Boston, 1955, p. 196, N 1500, tab. 74. Местонахождение неизвестно, аукционный каталог: *Naville IV, Monnaies grecques antiques*, provenant des collections de S. A. J. le Grand—Duc Alexandre Michailovitch, de sir Arthur J. Evans, Geneve, 1922, p. 50, N 736, tab. XXVIII.
- ⁸ В связи со сдвигом штемпеля третий экземпляр здесь не учитывается.
- ⁹ *Fritze H.* Указ. соч., с. 1.
- ¹⁰ *Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo*, ZfN, 1931, S. 3 f.; *Baldwin Brett A.* Указ. соч., с. 196.
- ¹¹ Оба эти источника имеют обширную литературу, которая полностью учтена П. О. Карышковским в его статье «Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском царстве в IV в. до н. э.» (ВДИ, 1958, № 3, с. 121 сл.). См. также: *Булатович С. А.* Электровые монеты Кизика и их роль в денежном обращении Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н. э.). Автореферат канд. дисс. Одесса, 1971.
- ¹² *Виноградов Ю. Г.* Новые материалы по раннегреческой экономике. ВДИ, 1971, № 1, с. 66 сл.
- ¹³ *Зограф А. Н.* Античные монеты, МИА, № 16, 1951, с. 112, 148; *Карышковский П. О.* Об обращении кизикинов в Ольвии. НЭ, II, 1960, с. 3 сл.
- ¹⁴ *Карышковский П. О.* Об обращении. . . с. 3 сл.; *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Ольвии. СА, 1970, № 2, с. 222 сл.
- ¹⁵ *Кравченко А. А.* Клад кизикских статеров из Одесской области. СА, 1969, № 1, с. 274 сл.; *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки, ВДИ, 1970, № 2, с. 73 сл.
- ¹⁶ *Шелов Д. Б.* Кизикские статеры на Боспоре. ВДИ, 1949, № 2, с. 93 сл.
- ¹⁷ *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 82 сл., 129 сл.
- ¹⁸ *Зограф А. Н.* Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, 1935, с. 178 сл., № 2, 4; *Шелов Д. Б.* Кизикские статеры. . . с. 95 сл.; *Диамант Э. И.* Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет. НСФ, 1971, № 4, с. 83 сл.; *An inventory of Greek coin hoards*. New York, 1973, N 1011, 1013 (подробная библиография).
- ¹⁹ Поскольку точное распределение кизикинов из кладов по типам в нашей литературе, кажется, не приводилось, мы позволим себе повторить его здесь: клад из Керчи — типа Фритце: № 147, 150 (?), 215, 216; из Тамани — № 48, 82, 155, 177.
- ²⁰ *Гэрц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. «Древности», 1870, с. 46; *Зограф А. Н.* Античные золотые монеты. . . с. 178 сл., № 3, 5; *Шелов Д. Б.* Кизикские статеры. . . с. 96 сл.; *An inventory*. . . № 1012.
- ²¹ См., например: *Greenwell W.* Указ. соч., с. 41.
- ²² *Шелов Д. Б.* Кизикские статеры. . . с. 93 сл.; *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. НСФ, 1963, № 1, с. 37, № 200, табл. VI. В обоих случаях воспроизведенные монеты весьма неудачно.
- ²³ ОАК за 1912 г., с. 39; ИАК, вып. 60, 1916, с. 13. Сейчас, следуя архивным материалам и публикациям, можно указать тип и вес этого статера (*Fritze H.* Указ. соч., с. 8, № 107, табл. III, 26; 16, 0,9 г). Монета дважды издавалась в аукционных каталогах: *Slessinger F. Münz-Auktion № 13*, Berlin, 1935, tab. 42, 1160; *Bank Leu-Münzen und Medaillen. Griechische Münzen*, Zürich, 1974, S. 12—13, № 6. Подобно другим кизикинам из единичных находок, эта монета также относится к ранним эмиссиям: *Fritze H.* Указ. соч., с. 8: 500—475 гг. до н. э.;

Baldwin-Brett A. Указ. соч., с. 196: 500—460 гг.; см. *Kraay C. M., Hirmer M.* Указ. соч., табл. 199, 708 — ок. 520 г.; Цюрихский аукционный каталог 1974 г., стр. 12: ок. 500 г.

- ²⁴ *Пазомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 3. Баку, 1940, с. 19, № 713.
- ²⁵ *Шелов Д. Б.* Кизикские статеры... с. 94.
- ²⁶ *Карышковский П. О.* Об обращении кизикшинов... с. 3 сл.
- ²⁷ Статер 500—460 гг. до н. э. (типа:

Fritze H., № 2), см. *Голенко К. В., Капанадзе Д. Г.* Четыре клада колхидок. НЭ, VI, 1966, с. 35, рис. 3. Два статера, опубликованные А. Ю. Кахидзе («Привозные монеты из могильника Пичварис». — ВДИ, 1974, № 3, с. 88, 89): статер 480—410 гг. (типа: *Fritze H.*, № 137) и, согласно издателю, монета, чеканенная «после 460 г., но до 440—430 гг. до н. э.» (типа: *Герасимовъ Т.* Находки отъ электронови монети на градъ Кизикъ отъ България, ГНМ, кн. VII, 1942 (1943), с. 81, № 30, табл. II, 21).

К. С. Горбунова

КРАСНОФИГУРНЫЙ КИЛИК, НАЙДЕННЫЙ НА НЕКРОПОЛЕ ПАНСКОЕ I¹

Килик найден на участке Б4 в могиле МО4, где была погребена молодая женщина. В правой руке она держала сетчатый арибаллический лекиф, датировка которого IV в. до н. э., его первой половиной, не вызывает сомнений². Около кисти левой руки лежал публикуемый ныне вторично глубокий килик³ (рис. 1). Кроме того, в могиле найдена остродонная амфора, относящаяся также к IV в. до н. э.

Краснофигурный килик имеет примечательное изображение на стороне А: юноша в лавровом венке сидит на грифоне, скачущем вправо (рис. 2). Фигура юноши, облаченная в длинный хитон, почти полностью скрыта распростертыми крыльями грифона. Ниже крыльев видны обе ноги юноши, причем создается впечатление, что юноша сидит боком, свесив обе ноги на одну сторону.

На стороне Б сюжет изображения более обычен: стоящая женщина с тирсом в левой руке — менада.

Это подтверждается и небридой, наброшенной поверх хитона и скрепленной на ее левом плече. Слева от нее — силен, протягивающий ей рог с вином. Силен ступнею ноги опирается на камень затейливой формы. Его хвостик нарушает ритм расположения лепестков пальметки.

Орнаментация в области ручек очень четкая и изящная. Хорошо прорисованы пальметки, окруженные сплошной ливней растительного усика. Под ручкой — также пальметка. Все три пальметки соединены волжубообразными завитками и украшены одиночными лепестками. И на стороне А, и на стороне Б рисунок пальметки нарушен слева (на А — хвостом и крыльями грифона, на Б — хвостом силен). На внутренней поверхности чаши по венчику шла гирлянда из плющовых листьев в цвете глины и цветов, некогда нанесенных белой краской и в настоящее время почти полностью утраченных.

1. Краснофигурный килик. Силен и менада

На доньшке — штампованный орнамент (рис. 3), состоящий из небрежно оттиснутой центральной розетки, окруженной вдавленным пояском, шести пальметок, соединенных дугами и поэтому образующих как бы единую композицию. И, наконец, все это окружено пояском штампованных ов, находящихся также между двумя вдавленными поясками.

Внешняя сторона доньшка оставлена в цвете глины. На фоне ее миниатюрным кружком отмечен центр круга, затем два небольших концентрических круга разной толщины и по краю более широкий пояс лака.

Форма сосуда, его размеры⁴, характер венчика, профилировка нож-

ки свидетельствуют о том, что килик относится к группе толстостенных киликов конца V — начала IV в. до н. э.⁵ Пожалуй, он ближе всего к чашам, которые датируются 400 г. или началом IV в. до н. э.⁶ Это дает нам отправные точки для датировки.

При изучении рисунка встает вопрос о содержании сюжета, а также о качестве рисунка и о возможности отождествить его с работами рисовальщиков этого времени.

Как уже отмечалось выше, на стороне А изображен юноша в хитоне и венке, сидящий верхом на грифоне (рис. 2). Никаких иных атрибутов у юноши нет. Подобные изображения не единичны и встречаются на сосудах разных форм: кратерах⁷, в медальонах чаш⁸, ойнохоях⁹. Причем детали, окружающие фигуры, позволяют определить и сюжет. Так, на кратере в Берлине перед фигурой

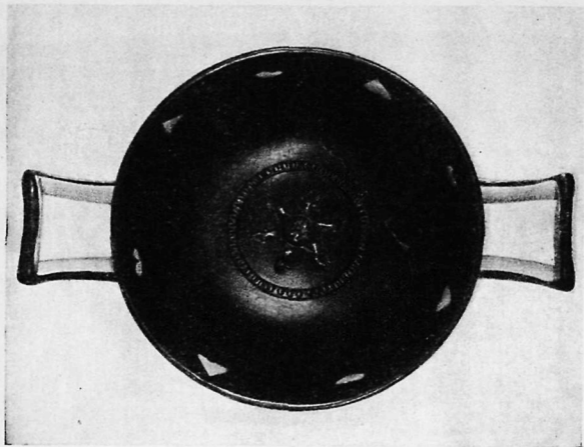
2. Аполлон Епифаний на грифоне. Деталь краснофигурного килика

всадника стоит богиня с луком и колчаном — несомненная Артемида, а на скале восседает богиня Лето. На ойнохое Британского музея по сторонам всадника изображены две женские фигуры, которые по атрибутам также определяются как Артемида и Лето. На чаше в Вене¹⁰ юноша сидит верхом на грифоне, в руке его лира.

Все эти признаки позволяют определить, что на вазах изображен Аполлон. Более того, А. Метцгер называет его Аполлоном Епифанием¹¹. Так же определяет этот персонаж и Х. Гётце, называя его Аполлоном, своим прибытием из страны гипербореев возвещающим весну (*Die Frühligsepiphaie Apollons*)¹².

Однако на некоторых вазах этих атрибутов, так же как и на издаваемой чаше, нет. Иногда подобный персонаж встречается в окружении силенов и менад. Такую сцену можно видеть на кратере в Салониках. Робинзон, издававший кратер, считает его изображением Диониса, сидящего на крылатой пантере¹³. Однако лавровая ветвь в его руках и отсутствие атрибутов Диониса позволяют видеть в нем Аполлона, сидящего верхом на грифоне, тем более что характерный гребень грифона хорошо виден на воспроизведении вазы.

Нет единого мнения и относительно изображения на чаше из Энзеруна¹⁴. Однако волны, изображенные в нижней части тоцдо, как будто указывают на дальний путь Аполлона из страны гипербореев,

3. Штампованный орнамент на дне килика

хотя К. Шефольд его также считает Дионисом¹⁵.

Общий облик персонажа на издаваемом килике, отсутствие атрибутов Диониса и лавровый венок на голове его позволяют предположить, что здесь изображен Аполлон Эпифаний. Такое толкование делает особенно интересной находку вазы с подобным сюжетом в Северном Причерноморье. Однако наличие силена и менады на оборотной стороне могли бы подкрепить и версию об изображении Диониса, хотя мы знаем, что в конце V—начале IV в. до н. э. сюжеты композиций на лицевой и обратной сторонах краснофигурных ваз обычно не объединяются единым содержанием.

Стилистические особенности рисунка, строгость и четкость его, пропорции фигуры Аполлона, его лица напоминают рисунки аттических вазописцев последних десятилетий V в. до н. э. Прообраз фигуры и типа лица Аполлона можно найти даже в творчестве мастера шуваловской амфоры¹⁶. Однако иная трактовка одежды, фигур на стороне Б не позволяет так рано датировать эту чашу. Несомненны элементы сходства стили и с вазами Мидия¹⁷. Но наиболее близкие аналогии можно отметить при сравнении рисунка публикуемого килика с чашами мастера чаши из Иены¹⁸. Наиболее близки по типу лица жен и на тарелке этого мастера¹⁹ и на чаше²⁰. У этого же мастера мы находим аналогичный рисунок крыла²¹, да и для фигур стороны Б — одежда,

форма рук, трактовка мускулатуры²². Сравнение нашей чаши с ранними и более поздними произведениями мастера чаши из Иены убеждает в том, что килик из некрополя Панское I относится к ранним произведениям этого аттического вазопиисца. Не случайны и черты сходства с произведениями мастера шуваловской амфоры и с произведениями Мидия. Если справедливо определение чаши как раннее произведение мастера, то это вполне согласуется и с датировкой формы штампованного орнамента, т. е. чаша может быть датирована временем, близким к 400 г. до н. э. или самым началом IV в.

¹ Северо-западный Крым, берег Ярылгачской бухты.

² CVA, Karlsruhe, Bd. 7, Taf. 33, 13.

³ Щеглов А. Н., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования Тарханкутской экспедиции. АО 1973 г. М., 1974, с. 366. Пользуясь случаем принести А. Н. Щеглову благодарность за предложение опубликовать этот килик.

⁴ Высота 7 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр подставки 6,8 см.

⁵ Sparkes B. A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. — In: The Athenian Agora, v. XII, Princeton, New Jersey, 1970, p. 111—112.

⁶ Sparkes B. A., Talcott L. Указ. соч., стр. 279, № 617, № 618—410—400 гг.; стр. 280, № 621 — ранний IV в. до н. э. Что касается характера штампованного орнамента, то он ближе всего к чашам мастера фрагментов и чаш из Иены: Ure A. D. Red-figure cups with incised and stamped decoration, II. JHS, v. LXIV, 1944, p. 70. № 11—13, pl. VII, 11—13.

⁷ Берлин, F. 2641; Beazley, ARV², 1156, 8. Магера мастера Диноса, ок. 425 г. до н. э.

⁸ CVA, France, fasc. 6, coll. Mouret, pl. 240, 1; Beazley, ARV², 1523, 6. Мастер венской чаши 202, первая четверть IV в. до н. э.

⁹ Лондон, Британский музей E. 543; RM. 54, Taf. 17,2; Beazley, ARV², 1348, 1. Мастер лондонской ойнохой E. 543, последнее десятилетие V в. до н. э.

¹⁰ Вена 202; Beazley, ARV², 1523, 1 — давшая название мастеру (прим. 8).

¹¹ Metzger H. Les représentations dans la céramique attique du IV siècle, Paris, 1951, p. 169.

¹² Götz H. Die Deutung der Apollonmetope aus Selinunt, RM, Bd. 54, 1939, 1—2, S. 66—75.

¹³ Салоники, инв. 8.74. Olynthus. V, № 142, pl. 86—87 — начало IV в. до н. э.

¹⁴ CVA, France, fasc. 6, coll. Mouret, pl. 240.

¹⁵ Scheffold, UKV, N 589.

¹⁶ Beazley, ARV², 1206—1213.

¹⁷ Beazley, ARV², 1312 f.

¹⁸ The Jena Painter. Beazley, ARV², p. 1510 f.

¹⁹ Иена 388, Beazley, ARV², p. 1515, 79.

²⁰ Иена 390, Beazley, ARV², p. 1511, 1.

²¹ Иена 386, Beazley, ARV², p. 1512, 21.

²² Иена 397, Beazley, ARV², 1511, 5.

Ю. М. Десятчиков

АРИФАРН, ЦАРЬ СИРАКОВ

Обоснование времени самого раннего появления сарматов на Северном Кавказе и их контакта с Боспорским царством имеет определенное значение для истории боспоро-сарматских отношений. В этой связи в первую

очередь обращают на себя внимание события на Боспоре конца IV в. до н. э., подробно описанные Диодором (XX, 20—24) и связанные с междоусобной борьбой за власть сыновей Перисада I — Сатира, Ев-

мела и Притана. Все исследователи, анализирующие эти события, единодушны в том, что источником Диодора Сицилийского был местный боспорский хронограф, являвшийся современником, а возможно, и участником этой междоусобной войны на Боспоре¹.

Как известно, Евмел, прежде чем начать борьбу с Сатиром за боспорский престол, «вступил в дружеские отношения с некоторыми из соседних варваров и, собрав значительные силы, стал оспаривать у брата власть» (XX, 22). Из последующего изложения Диодора выясняется, что союзником Евмела был фатейский царь Арифари, действительно имевший значительные военные силы — 20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты. На стороне царя Сатира было 4 тыс. греческих и фракийских наемников, а основная часть его войска состояла из «союзников-скифов в количестве 20 тыс. с лишним пехоты и не менее 10 тыс. всадников» (XX, 22).

Однако в рукописи текста «Исторической библиотеки» Диодора Арифари назван царем фракийцев — Ἀριφάρης ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεύς. Так как фракийцы совершенно не вяжутся с основным содержанием рассказа Диодора, в частности с его указанием на союз с «соседними варварами», то еще А. Беком была внесена в текст Диодора правка: вместо Θρακῶν он предложил читать Θατῆων². Эта конъектура была принята Ашакком, Кёне, Дандрфом³, Латышевым⁴. Минзом⁵ и большинством исследователей истории Северного Причерноморья и Боспора⁶. Исходя из этого делались важные выводы относительно политического устройства Боспорского царства и его взаимоотношений с подчиненными местными племенами⁷. Эти выводы имели бы большое значение, если быть твердо уверенным в том, что правка Бека реально отражает историческую ситуацию, сложившуюся в то

время на Боспоре. Однако почти одновременно с Беком К. Мюллер предложил другую конъектуру указанного выше текста «Исторической библиотеки» Диодора: вместо Θρακῶν читать Σираκῶν, полагая, что описка из ΣΙΡΑΚΩΝ → ΘΡΑΚΩΝ скорее возможна, нежели из ΘΑΤΕΩΝ⁸. С мнением Мюллера согласились Кисслинг⁹, Томашек¹⁰, Боннель¹¹, Ростовцев¹², Жебелев¹³, Струве¹⁴, Сулимирский¹⁵.

Таким образом, перед нами две конъектуры указанного выше текста Диодора, предложенные Беком и Мюллером и, если та и другая точки зрения имеют своих сторонников и право на существование, то, конечно, предпочтительнее из них та, которая наиболее полно соответствует историческим фактам и дает возможность понять последующее развитие Боспорского царства. Объективно оценивая все «за» и «против», мы отдаем предпочтение конъектуре Мюллера и вслед за ним полагаем, что союзником Евмела в этой междоусобной войне на Боспоре был Арифари, царь сираков. В пользу этого предположения можно привести дополнительные аргументы.

Во-первых, имя Арифари носит чисто иранский характер, этимологически объясняется иранистами как «носитель фарна ариев (воинов)»¹⁶ или «носитель благородного фарна» и, возможно, относится к ономастике мидийского круга¹⁷. Принимаемая во внимание то обстоятельство, что в скифской ономастике отсутствуют имена на «фарн»¹⁸, можно предположительно связать появление этого имени в антропонимике Северного Причерноморья с сарматами, появившимися в этом регионе в IV в. до н. э. Они, видимо, принесли с собой новые религиозные воззрения, в частности социально-религиозное понятие «фарна», характерное для зороастрийской религии древнего Ирана¹⁹.

Во-вторых, из описания Диодора явствует, что соседние варвары, с которыми Евмел вступил в «дружеские отношения», были независимы от Боспора. Ими не могли быть фатеи, которые, как нам известно (КБН, № 9, 972, 1015), были подчинены Перисаду I и упоминаются в его титулатуре среди других местных племен, признавших власть боспорских царей. Конечно, на это можно возразить, что они могли ко времени Сатира II обрести независимость и оказать поддержку Евмелу в его борьбе против брата, но эта гипотеза не подтверждается фактическим материалом и поэтому должна быть поставлена под сомнение.

В-третьих, источник Диодора приводит довольно точные (даже если и немного завышенные в отношении варваров) цифровые данные войск Сатира и Евмела. Но если согласиться с этим указанием источника Диодора (а оно, скорее всего, действительно отражало реальную ситуацию и расстановку сил претендентов на боспорский престол), то тогда на долю фатеев выпадает 42 тыс. конных и пеших войск — цифра, превышающая количество войск Александра Македонского, с которыми он совершал свои завоевательные походы в Азию²⁰. Исходя из этого, вполне логично предположить, что и другие меотские племена, входившие в состав Боспорского царства (например, синды, даждарии, керкеты и др.), могли иметь приблизительно такой же военный потенциал, и тогда общее количество военных сил Боспора должно было бы составить приблизительно 100—150 тыс. воинов. Это, конечно, вряд ли соответствовало действительности. Таким образом, и в этом случае следует отдать предпочтение сиракам как потенциальным союзникам Евмела, оказавшим ему значительную военную помощь в его борьбе за боспорский престол.

В-четвертых, нельзя не обратить внимания и еще на одну любопытную деталь: Арифари, по свидетельству источника Диодора, выставил Евмелу для борьбы с Сатиром 20 тыс. конницы. Из сообщения Страбона (XI, 5, 8) мы узнаем, что «Абеак, царь сираков (когда Фарнак владел Боспором) выставил 20 тыс. всадников». Конечно, это цифровое совпадение может носить случайный характер и вряд ли на этом основании можно делать далеко идущие выводы, но не исключено и другое предположение: 20 тыс. конницы — это определенный военный потенциал, который могли выставить сираки как на случай военной опасности, так и для оказания помощи союзникам.

Приведенные выше соображения делают весьма вероятным предположение, что союзниками Евмела были сираки во главе с царем Арифарином. Это предположение хорошо согласуется с археологическими материалами, зафиксированными в некрополях греческих городов Таманского полуострова и дающими возможность предполагать появление там сарматов уже с конца IV в. до н. э.²¹

Поэтому можно с несколько большей уверенностью вслед за Мюллером и другими исследователями полагать, что в тексте «Исторической библиотеки» Диодора, видимо при его переписке, вместо «сираков» вставлены «фракийцы», и считать Арифарина, царя сираков, союзником Евмела.

¹ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 127; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л., 1949, с. 75; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья. Л., 1949, с. 67; СП, с. 177; *Струев В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 150—151.

² GJG, II, с. 103—104.

³ *Bonnel E.* Beiträge zur Altertumskunde Russland, Bd. II, SPb., 1889, S. 668.

- ⁴ Латышев В. В. Понтика. СПб., 1909, с. 388.
- ⁵ Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1916, p. 373.
- ⁶ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 497; Каллистов Д. П. Указ. соч., с. 221—225; Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 19—29 и др.
- ⁷ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 62; Шилов В. П. О расселении меотских племен Прикубанья. СА, XIII, 1951, с. 105; Анфимов Н. В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 130.
- ⁸ RE, III, S. 759.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ RE, II, S. 843.
- ¹¹ Bonnel E. Op. cit., S. 669.
- ¹² Rostovtzev M. Scythien und Bosphorus, Berlin, 1932, S. 102.
- ¹³ СП, с. 178, прим. 1.
- ¹⁴ Стрыев В. В. Указ. соч., с. 151.
- ¹⁵ Sulimirsky T. The Sarmatians. N.—Y., 1970, p. 95.
- ¹⁶ Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, № 25; Vasmer M. Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923, S. 33; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, с. 156.
- ¹⁷ Bonnel E. Op. cit., S. 667.
- ¹⁸ Литвинский Б. А. Сармато-кангюйский фарн. Душанбе, 1967, с. 93.
- ¹⁹ Блаватский В. Д. Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне. СА, 1974, № 1, с. 38—44; Windegren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965, S. 58, 79; Herzfeld E. Zoroaster and his world, v. I, Princeton, 1947, p. 180—185.
- ²⁰ Общее число войск Александра Македонского перед походом в Азию по данным античных источников было около 35—40 тыс. воинов. См. Дельбрюк Г. История военного искусства, т. I, М., 1936, с. 101; Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского. ВДИ, 1972, № 1, с. 176—178.
- ²¹ Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове. СА, 1973, № 4, с. 79.

В. С. Долгоруков

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ФУРИЙ

Благодаря систематическим археологическим исследованиям античных городов Средиземноморья, проводимым в послевоенные годы, стали известны многие эллинистические городские ансамбли. Особенно большие успехи достигнуты в деле изучения градостроительного искусства Великой Греции и Сицилии¹. Однако в данном регионе остаются еще отдельные города, о градостроительном устройстве и архитектурном убранстве которых практически ничего не известно. К числу таких малоизученных городских центров относятся Фурии. До сегодняшнего времени само местоположение города окончательно не установлено². Единственными источниками для изучения

градоустройства Фурий оставались сообщения древних авторов, в первую очередь Диодора Сицилийского. Настоящая работа представляет собой попытку реконструкции городского плана Фурий, основанную на литературных данных с привлечением новейших достижений археологической науки в Сицилии и Великой Греции.

Согласно Диодору, после вторичного разрушения Сибариса город был перенесен на новое место и получил другое название — Фурии, по наименованию источника, около которого он был основан³. В основании Фурий, датированном 444—443 гг. до н. э., активнейшую роль играли афиняне, стремившиеся распространить

свое влияние на западногреческие города. Вместе с афинянами и уделевшими сибаритами в заселении нового города приняли участие и другие полисы бассейна Эгейского моря. По Диодору, общее число государств, пославших своих переселенцев, включая сибаритов и афинян, достигало одиннадцати. В числе первых переселенцев были Геродот⁴ и Гипподам⁵.

Упоминание имени Гипподама представляет особый интерес для решения интересующей нас проблемы. В античной историографии Гипподам считается основоположником и распространителем принципа застройки городов по единому регулярному плану⁶. Факт пребывания известного архитектора в числе первых переселенцев предполагает участие его в разработке градостроительного плана Фурий. На этом основании исследователи эллинистического градостроительного искусства признавали существование в городе единой регулярной планировки⁷. Указанное положение опиралось также на описание Диодором устройства города. Согласно автору, город по длине разрезы четыре улицы, называвшиеся Гераклеей, Афродисией, Олимпиадой и Дионисиадой. Их пересекали три поперечные магистрали — Герои, Фурии и Фурины. Несомненно, такое описание передавало лишь общий характер городской застройки. А. Геркан предполагал, что город, квадратный в плане, был разбит улицами на 20 кварталов, из которых пять предназначались для устройства агоры, храмов и других общественных сооружений, а остальные служили для возведения жилых домов⁸. Отмечая наличие в городской планировке платей, которые представляют собой широкие главные улицы, и стеноп — более узких улочек, А. Геркан указывал на отсутствие примеров такого устройства в практике греческого градостроительного искусства. На этом осно-

вании он приходил к выводу, что во времена Диодора эти термины утратили свое традиционное значение⁹.

Э. Эгли предложил другую реконструкцию городской планировки Фурий¹⁰. Основываясь на перечислении автором групп переселенцев, принявших участие в заселении города, он считал, что вся городская территория состояла из 12 прямоугольных кварталов. 11 кварталов, соответственно количеству выходов из каждого полиса, были предназначены для застройки жилыми домами. Двенадцатый предназначался для создания общественного центра города.

Однако предложенные А. Герканом и Э. Эгли реконструкции являются не совсем точными и полными. 20 кварталов, устанавливаемых А. Герканом, может быть только в том случае, если три поперечные улицы выступают на ширину квартала за границы трех продольных магистралей, а продольные улицы простираются за крайние поперечные на длину квартала. Не совсем понятно, почему под общественные и культовые сооружения была отведена площадь пяти кварталов. Для создания общественного центра лучше бы взять центральную часть города, как в Посейдонии, которая разделяла бы город ровно посередине и была бы тогда равной площади четырех кварталов. Утверждение А. Геркана о том, что во времена Диодора термины «платей» и «стеноп» утратили свое традиционное значение, не соответствует действительности, так как их используют в своих работах и Страбон¹¹, и Павсаний¹².

Количество кварталов, определяемых Э. Эгли в двенадцать, также нельзя считать окончательно установленным. Такое число кварталов получается, только если три поперечные улицы упираются в крайние продольные магистрали, которые, в свою очередь, простираются за пределы крайних поперечных улиц

на расстояние длины квартала. В остальных случаях количество кварталов будет иным.

Немаловажное значение в предложенной Э. Эгли схеме реконструкции плана Фурий имеет сообщение Диодора о числе полисов, принявших участие в создании нового города. Согласно древнему автору, вместе с сибаритами город основали выходцы из 11 полисов, что на первый взгляд делает гипотезу Э. Эгли правдоподобной. Однако Диодор, перечисляя их, наряду с определенными государствами: Аркадией, Ахайей, Элидой и т. д., употребляет и несколько общих названий: амфиктийцы, островитяне. Последние не были едиными государственным объединением. Они включали в себя множество полисов. Возможно, что многие из полисов — участников, вероятно, Дельфийской амфиктии или государств островной Греции — послали в Фурии своих переселенцев. Диодор мог не знать, какие из этих полисов конкретно приняли участие в этом событии. Или же число самих переселенцев и их роль в этом мероприятии была столь ничтожной, что автор не счел нужным упоминать их. Возможно, это объясняется какими-либо другими причинами. Поэтому не исключено, что количество государств, пославших для заселения Фурий своих переселенцев, могло быть большим, чем указывает Диодор.

В реконструкции Э. Эгли слабо аргументировано предположение о том, что общественный центр Фурий занимал один квартал. В практике греческого градостроительства с использованием регулярного плана известно немало случаев, когда для общественного центра и агоры, в частности, выделялась площадь, равная размерам нескольких кварталов¹³.

Обе реконструкции исходят из предпосылки, что в городе было только семь улиц, упомянутых автором,

хотя уже А. Геркан сомневался в этом. На наш взгляд, количество улиц должно быть гораздо большим. Диодор, перечисляя улицы Фурий, использует для их обозначения термин *πλατεῖα*. Это слово применялось в греческом языке для обозначения широкой городской магистрали или главной улицы города¹⁴. Несколько ниже, говоря о внешнем облике города, автор употребляет слово *στενωπός*, которое можно перевести как «узкий промежуток» или «узкий проход». Иногда оно служило для обозначения узкой улочки или переулка. О таком его применении свидетельствует отрывок из описания Павсанием Элисы, где автор прямо говорит, что афиняне называют *στενωπός* то, что элейцы называют *ἀγυιᾶ*¹⁵. Отсюда напрашивается вывод, что в Фуриях помимо семи главных улиц (*πλατεῖα*) существовали более узкие улочки (*στενωπός*). На этом основании можно думать, что и число кварталов в городе было несколько большим, чем предполагали предыдущие исследователи. На наш взгляд, любая попытка установления точного количества кварталов, без проведения археологических исследований или даже не обладая данными аэрофотосъемки, будет выглядеть довольно искусственной. Число их будет зависеть от того, насколько простиралась границы продольных и поперечных магистралей.

Воссоздание облика городской застройки Фурий невозможно без учета достижений и особенностей градостроительного искусства западногреческих городов. В Сицилии и Великой Греции сложился и получил широкое распространение своеобразный тип городской планировки.

Почти все известные нам городские ансамбли указанного региона были созданы на основе единой регулярной сетки улиц¹⁶. Основу их составляли несколько крупных городских магистралей, пересекающихся

друг с другом под прямыми углами. Между ними располагались узкие улочки. Ширина центральных улиц вдвое превышала ширину менее значительных улочек. Пересечениями улиц образовывались прямоугольные узкие кварталы. Длина их варьировалась от 60 до 300 м, в то время как ширина кварталов была стандартной — 35 м. Все общественные и культовые здания, за редким исключением, вписывались в эту прямоугольную сетку и занимали площадь, кратную размерам нескольких кварталов. Иногда для их сооружения оставляли незастроенной всю центральную часть города.

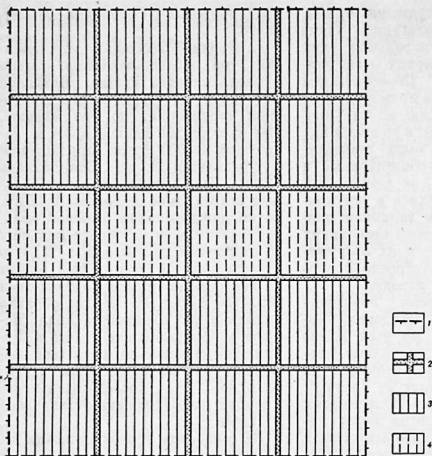
Особенно интересны городские планы Метапонта и Посейдонии. Территория Метапонта по всей длине была разрезана на несколько продольных магистралей, лежащих на расстоянии 190 м друг от друга¹⁷. Они были пересечены поперечными улицами, проложенными через интервалы в 35 м, из которых каждая десятая была более широкой. Города Посейдония пересекали три продольные магистрали, расположенные на расстоянии 300 м одна от другой¹⁸. Поперечные улицы, из которых каждая десятая была более важной городской магистралью, имевшей двойную, по сравнению с остальными, ширину, пролегали на расстоянии 35 м. Центральная полоса города, ширина которой была равна расстоянию между двумя главными поперечными улицами, была предназначена для создания общественного и культового центра города. Примерно аналогичная картина расположения улиц прослеживается в планах Акраганта, Селинунта и Неаполиса.

Немаловажное значение для реконструкции городского плана Фурий имеет проведенное И. Кондисом исследование градоустройства Родоса¹⁹. Планировка Родоса, как планы Пирея и Фурий, считается объек-

том творений Гипподама Милетского.

И. Кондис убедительно устанавливает три последовательных этапа в распланировке Родоса. Исходной величиной для размежевки городской территории, по его мнению, был взят стадион длиной в 201 м, состоящий из 600 футов (при котором фут равняется 33,5 см). Вся площадь Родоса была разбита на сетку больших кварталов со сторонами по 201 м. Затем каждый такой большой квадрат был поделен на четыре меньших со сторонами по 300 футов. В свою очередь каждый из них был разбит на два ряда кварталов со сторонами 100×150 футов. И. Кондис обратил внимание на возможную аналогичность в распланировке Родоса и Фурий, но специально на плане последних не останавливался²⁰. Любопытно, что последовательность в этапах распланировки установлена в Пирее²¹.

На основании археологических исследований и анализа письменных источников мы считаем, что Фурии были распланированы по единому регулярному плану. Однако план был гораздо сложнее, чем его представляли в предыдущих исследованиях. В основных чертах он, вероятно, представлял собой аналогию большинству градостроительных планов греческих городов Сицилии и Великой Греции (рис. 1). По-видимому, при планировке Фурий, как при создании Родоса и Пирея, проводилась последовательная размежевка городской территории. Первоначально вся площадь города была поделена крупными городскими магистралями на большие прямоугольные или квадратные участки. На основании изучения градостроительного искусства западногреческих городов стороны этих участков могли иметь размеры от 60 до 300 м. Описание Диодором размежевания городской территории относится к первому этапу

1. Схема городской застройки г. Фурий
1 — границы городской территории; 2 — главные магистрали; 3 — жилые кварталы, разделенные переулками; 4 — общественный центр

распланировки. Именно об этих главных городских магистралях, составляющих основу всего плана, упоминает Диодор. Затем каждый большой участок был еще раз поделен узкими улицами на несколько длинных и узких кварталов. Второстепенные узкие улочки, похожие друг на друга и ничем не примечательные, не привлекли внимание автора, за исключением того, что они были тесно застроены домами. Поперечные улицы, как в большинстве западно-греческих городов, проходили через каждые 35 м²². Узкие улочки могли быть 5 м шириной, тогда как крупные городские магистрали были по крайней мере в два раза шире²³. Не исключена возможность, что

в Фурии был применен тот же принцип чередования узких и главных поперечных магистралей, как в Метанонте, Селиунте, Акраганте, Неаполисе и Посейдонии. В результате почти вся городская территория была разбита на сетку узких, вытянутых кварталов, густо застроенных домами. Для создания общественного и культурного центра города строители могли оставить участок, ограниченный со всех сторон главными улочными артериями. Возможно, что для него могла быть выделена вся центральная полоса, как в Посейдонии. Сообщения древних авторов о переселении в Фурии Гипподама Милетского и сходность в приемах планировки Пирея, Фурий и Родоса могут служить неоспоримым свидетельством создания градостроительных ансамблей этих городов с участием известного архитектора.

- ¹ До середины 50-х годов текущего столетия в трудах по античному градостроительному искусству из огромного количества греческих городов, существовавших в Сицилии и Великой Греции, вследствие их слабой изученности рассматривался лишь план Селинунта и Посейдонии (*Haverfield F. Ancient town planning. Oxford, 1913; Gerkan A. von. Griechische Stadtanlagen. Berlin—Leipzig, 1924; Lavedan P. Histoire de l'urbanisme Antique—Moyen age. Paris, 1926; Martin R. L'urbanisme dans la Grece antique. Paris, 1956*). В настоящее время большая часть городских планировок западногреческих городов стала достоянием науки.
- ² В недавние годы американской археологической экспедиции, по-видимому, удалось обнаружить местонахождение Фурий (*Маринович А. П. Новые археологические работы в Италии. ВДИ, 1967, № 2, с. 309*).
- ³ *Diod., XII, 10.*
- ⁴ *Strab., XIV, 2, 16.*
- ⁵ *Schol. ad Aristoph. Eq., 327; Hesych. sv. Hippodameia.*
- ⁶ *Gerkan A. Op. cit., S. 42 f; Martin R. Op. cit., p. 101 f; Dinsmeer W. B. The architecture of Ancient Greece. London, 1950, p. 214; ВИА, т. II, кн. 1, М., 1949, с. 193 сл.*
- ⁷ *Gerkan A. Op. cit., S. 47 f; Lavedan P. Op. cit., p. 128 f; Martin R. Op. cit., p. 101 f; ВИА, т. II, ч. 1, с. 193 сл.*
- ⁸ *Gerkan A. Op. cit., S. 47.*
- ⁹ Как станет очевидно из нижеизложенного (прим. 11 и 12), это утверждение А. Геркана ошибочно.
- ¹⁰ *Egli E. Geschichte des Stadtebaus. Zürich—Stuttgart, 1959, S. 214.* К этой гипотезе присоединилась М. М. Кобылина («Милет». М., 1965, с. 160).
- ¹¹ *Strab., XVII, 1, 10.*
- ¹² *Paus., V, 15, 2.*
- ¹³ Например, агора Приены занимала площадь двух кварталов; северный рынок Милета — два квартала, южный — четырнадцать кварталов; в Магнесии на Меандре — шесть кварталов; для создания общественного центра Посейдонии вся центральная часть города была оставлена свободной от застройки жилыми домами.
- ¹⁴ *Diod., XVII, 52; Strab., XVII, 1, 10.*
- ¹⁵ *Paus., V, 15, 2.*
- ¹⁶ Из 26 западногреческих городов, которые в той или иной мере подвергались археологическим раскопкам, в 14 (Акры, Метапонт, Гимера, Селинунт, Посейдония, Каулония, Касмена, Камарина, Акрагант, Моргантина, Гераклея Мисноя, Неаполис, Солунт, Гераклея Луканская) твердо установлено наличие регулярных планов, датируемых греческим периодом. В недавнее время к этому списку присоединилась Элея, где обнаружены остатки архаического поселения, созданного на базе единого регулярного плана (*Archaeological Reports for 1972—1973, p. 36*). В Наксосу, в некоторых районах Сиракуз, Локрах и Гелле определенные археологические данные позволяют предполагать возможность такого градоустройства. Относительно градостроительных комплексов Кум, Палеополиса, Тарента, Кротона, Катаны, Сибарисы и Леонтины вследствие недостаточной археологической изученности их ничего не известно.
- ¹⁷ Аэрофотосъемкой точно зафиксировано существование в западной части города чetyрех продольных магистралей. По крайней мере еще три такие улицы должны находиться в восточной части. *Castagnoli F. La pianta di Metaponto. Ancora sull'urbanistica ippodamea. — In: Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Roma, 1959, v. XIV, p. 49 f.; Adamesteanu D. Metaponto. Appunti foto interpretativi. N. Sc. Roma, 1965, Suppl., p. 178.*
- ¹⁸ *Sestieri P. C. Paestum. Regione III, N. Sc. Roma, 1950, p. 135 f.; Mairi A. I greci in Italia. Vita Italiana. Roma, 1961, p. 8.*
- ¹⁹ *Kondis J. Zum Antiken Stadtbauplan von Rhodos. AM, Bd 73, 1958, S. 146 f.*
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Martin R. Recherches sur l'agora greque. Paris, 1951, p. 363 f.*
- ²² В большей части городов Сицилии и Великой Греции, созданных на базе регулярного плана, поперечные улицы располагались на расстоянии 35 м одна от другой (Метапонт, Акры, Колларина, Акрагант, Гераклея Мисноя, Посейдония, Неаполис, Солунт, Гераклея Луканская).
- ²³ Поперечные улицы такой ширины прослежены в Акрах, Селинунте, Акраганте, Посейдонии, Каулонии, Солунте. Близки к этой величине улицы в Моргантине, Метапонте, Неаполисе — 6 м. В Акрах, Метапонте, Селинунте, Акраганте, Посейдонии, Каулонии, Неаполисе главные улицы были в два раза шире остальных.

И. Б. Зеест

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОЙ ПЛАНИРОВКЕ ГЕРМОНАССЫ

Особенности планировки каждого города тесно связаны с историческим развитием самого города, но в значительной мере зависят и от природных условий местности¹.

Гермонасса была расположена на высоком прибрежном плато, ограниченном с запада и востока балками, а с юга — берегом «сухого озера»². За пределы высокого плато территория города не распространялась, а восточная низина балки в античное время оставалась загородным участком. Поверхность плато в основном ровная, а ее снижения и повышения постепенны и незначительны. Северная часть городища разрушена морем. В настоящее время она оканчивается крутым обрывом морского берега, в профиле которого четко видна поверхность материка, находящаяся на 10 м выше современного уровня моря.

Учитывая значительную высоту берега, трудно предположить что спуск к морю и к торговой гавани мог находиться с северной, береговой стороны. Как нам представляется, единственным местом пологого спуска, необходимого городу, связанному с морской торговлей, могла быть северо-восточная часть городища. Эта часть верхнего плато имеет форму мыса, вытянутого в северо-восточном направлении. Продолжением этого мыса в том же направлении является участок нижнего плато (сохранившийся лишь на 45—50 м в длину), сильно разрушенный и перекопанный в средневековое время. Зачистка северного профиля этой части нижнего мыса позволила

установить, что поверхность материка здесь постепенно снижается в северо-восточном направлении: в западной части этого мыса на близком расстоянии от поверхности плато уровень материка снижается до 8 м, т. е. на 2 м ниже, чем на территории города, а в восточной части профиля поверхность материка видна на уровне +5,8 м, т. е. примерно на 4 м ниже, чем на территории самого города. Заметное снижение поверхности материка в северо-восточной части городища дает основание полагать, что в этом месте находился спуск, служивший для коммуникации между городом и его торговой пристанью.

Рассматривая вопрос о планировке города, мы учитываем значение северо-восточной части городища в различные периоды истории города. Но судить о планировке мы можем только на основании весьма ограниченной площади раскопанных участков в центральном районе городища³ и на его восточной окраине⁴. Здесь раскопы были доведены до материка, что позволило проследить историческую последовательность культурных напластований со времени основания города до позднеантичного времени. И хотя эти сведения служат только началом решения вопроса о городской планировке Гермонассы, они позволяют сделать некоторые выводы, имеющие большое значение для изучения этого вопроса.

На раскопе «Нагорном» архитектурные остатки, относящиеся к VI и VI—V вв. до н. э., были от-

крыты на небольшой площади между кладок стен дома IV в. до н. э., существовавшего до начала III в. до н. э. Планировка ранних построек совпадает с планировкой дома IV в. до н. э., ориентированного в направлении юго-восток—северо-запад и юго-запад—северо-восток. Таким образом, на данном участке города одинаковая ориентация построек существовала с VI в. до н. э. до IV—III вв. до н. э., т. е. со времени основания города до ранних Спартокидов, что совпадает с историческим периодом первого высокого расцвета Гермонассы.

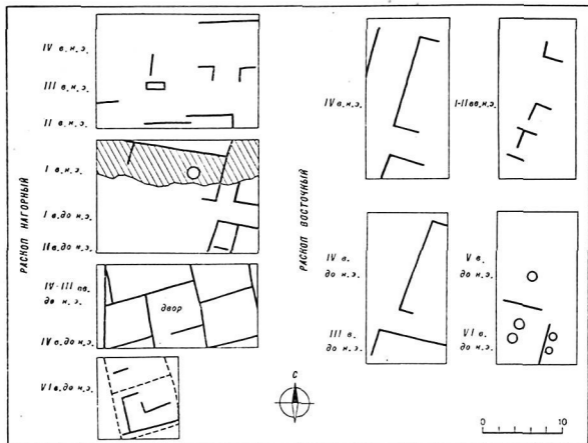
Мы не располагаем данными, чтобы судить о том, на какую территорию города распространялась в это время одинаковая планировка. Можно только отметить, что на раскопе III—X, который находится на расстоянии 50—60 м к юго-западу от «Нагорного» раскопа, был открыт угол черепно-каменного цоколя конца VI в. до н. э., имеющего примерно такую же ориентацию.

Архитектурные остатки более поздних слоев «Нагорного» раскопа отличаются несколько иной ориентацией. В юго-восточном углу раскопа обнаружена часть жилой постройки II в. до н. э., в северо-восточной части раскопан — угол здания I в. до н. э., у северного борта открыта часть большого дома с вымощенным двором, относящегося к I в. н. э. Все эти постройки имеют одинаковую ориентацию, связанную с направлением юго-запад—северо-восток и юго-восток—северо-запад. Такую же ориентацию имеет постройка I в. н. э., открытая на раскопе III—X, от которой открыт юго-западный угол помещения с гончарной печью. В слоях II, III и IV вв. н. э. на раскопе «Нагорном» повсеместно зафиксирована меридиальная ориентация построек, имеющих направление север—юг—запад—восток (рис. 1). Планировка, существовав-

шая на данном участке города, вероятно, распространялась и на участок, открытый раскопом III—X. Здесь была обнаружена небольшая кладка IV в. н. э., ориентированная север—юг. Другие строительные остатки позднеантичного времени на этом участке не встречены, за исключением остатков вымосток.

Приведенные выше сведения о планировке и ее изменениях на одном из центральных участков города дают основание считать, что на протяжении почти всей жизни города, вплоть до II в. н. э., здесь господствовала диагональная ориентация всех построек, связанных с направлением к северо-востоку и северо-западу. Эта планировка появилась в начальный период истории города, и хотя во II в. до н. э. произошли изменения ориентации построек, диагональное направление осталось неизменным. Такую планировку могло определить направление улиц, идущих к северо-восточной части города, где находился спуск к морской гавани. В течение всего времени, пока морская торговля играла важную роль в экономике города, постоянная связь с гаванью была жизненно необходима.

В течение позднеантичного времени городская планировка резко изменилась и на протяжении трех столетий здесь господствовала меридиальная планировка зданий: север—юг—запад—восток. Учитывая рельеф местности высокого плато Гермонассы, можно считать, что основная ориентация улиц в это время была направлена к южной границе города. Отсюда начинались дороги, ведущие на сельскохозяйственную территорию. В позднеантичный период, когда натуральное хозяйство имело преобладающее значение в экономике города, связь с окружающей территорией была особенно тесной. Значение морской торговли в это позднее время заметно упало, но

1. Схема планировки Гермонассы

с берегом моря город всегда был связан, чему особенно способствовало развитие рыболовства.

По-видимому, северо-восточный спуск существовал и в это время, но достоверно нам известна другая улица, проходившая вдоль восточного края плато в северо-восточном направлении. Участок этой улицы был открыт на раскопе «Восточном». В VI и V вв. до н. э. данный участок был занят жилыми постройками с хозяйственными ямами. Ориентация этих построек совпадала с северо-восточным направлением. Но, начиная с IV в. до н. э. и до конца IV в. н. э., здесь проходила постоянная утробованная улица, вдоль которой обнаружены остатки жилых домов, имеющих ориентацию на северо-восток.

Сравнение планировки «Восточного» и «Нагорного» раскопов (рис. 1) позволяет сделать вывод о том, что планировка Гермонассы не была единой и регулярной. На восточной окраине жилые постройки и улицы были расположены по краю высокого плато, следуя направлению его обрыва, в центральной же части в разное время планировка изменялась, приспособляясь к наиболее удобной коммуникации с загородными районами. По-видимому, и в других местах города, на западной и южной окраинах, планировка была своеобразной и всегда зависела от условий местности.

¹ Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967, с. 92 и др.

² Зеест И. Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы. СА, 1974, № 4, с. 82.

³ Раскоп «Нагорный». Гермонасская экспедиция 1965—1970 г. Отчеты И. Б. Зеест. Архив ИА, Р—1, д. 3083, 3341, 3555, 3798, 4048, 4368. Раскоп III—X. Античный отряд Таманской экспедиции 1952 г. Отчет И. Б. Зеест. Архив ИА, Р—1, д. 885.

⁴ Раскоп «Восточный» XXVII—XXVIII. Античный отряд Таманской экспедиции 1955 г. Гермонасская экспедиция 1956 и 1957 г. Отчеты И. Б. Зеест. Архив ИА, Р—1, д. 1209, 1322, 1727.

В. И. Кадеев

О РАБСТВЕ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Первая попытка исследования рабства в античных государствах Северного Причерноморья была осуществлена в 1954 г. В. Д. Блаватским¹. С тех пор накопился значительный археологический материал, новые эпиграфические памятники, но специальных исследований, посвященных рабству в этом районе, не появилось. В последней работе Д. П. Каллистова и других авторов вопрос о рабстве в античных государствах Северного Причерноморья по сути дела оказался обойденным². Автор ограничился констатацией факта существования там рабовладельческого строя, отметив при этом наличие почти непреодолимых затруднений при изучении указанной проблемы.

Однако при всех затруднениях, которые возникают при изучении рабства, его источников, положения и использования рабов в античных государствах Северного Причерноморья в связи со скудостью источников, некоторые наблюдения сделать можно. Это мы и хотим показать на примере Херсонеса Таврического первых веков н. э.

О существовании рабства в Херсонесе свидетельствуют немногочислен-

ные, но достаточно убедительные данные эпиграфики и археологии.

Прежде всего следует указать на несколько эпиграфических источников, которые еще не попали в поле зрения исследователей. К их числу относятся три фрагмента рельефного надгробия конца II—III в. н. э. с изображением сцены заgrabной трапезы, изданные сначала раздельно В. В. Латышевым (IOSPE, I², № 518, 459), а позднее М. А. Шапгиным³, объединившим в своей публикации все три фрагмента, что позволило ему восстановить следующий текст: ...³Νλ(ρ)ις Διονυσίου ζήσας ἔτη [...]| ἡ σύνβιος μου | Μάτα ζήσασα ἔτη [...]³Αλκίη] οοσ | ...ζήσας ἔτη κ'. Αύ-[ρηλία]. ... | ἡδίκη(?) Σα[τύρου (?)]...

Обращает на себя внимание термин σύνβιος = σύμβιος. Долгое время этот термин считался равнозначным γυνή, maritus и переводился как «жена», «супруга», как и в данном случае в переводе М. А. Шапгина. Но следует учесть, что нередко, особенно в первых веках н. э., этот термин употреблялся для обозначения сожителя или сожительницы⁴, т. е. рабов и рабынь, находившихся в брачных отношениях. Некоторые исследователи вообще считают, что

термин $\sigma\upsilon\beta\iota\omicron\varsigma$ употреблялся для обозначения рабынь⁵. Однако изучение случаев употребления этого термина в эпитафиях показывает, что его значение не было однозначным в различных районах античного мира и даже в пределах одного района⁶. Поэтому для определения статуса лиц, обозначенных этим термином, следует привлекать и другие данные. Вывод о рабской принадлежности справедлив в тех случаях, когда отсутствует патронимикон, при наличии туземного имени и т. п.

Возвращаясь к нашей надписи, нужно сказать, что в данном случае « $\sigma\upsilon\beta\iota\omicron\varsigma$ μου Μάτα» следует понимать в значении «сожигательница моя Мата», поскольку в херсонесских надписях, когда речь идет о жене или супруге, употреблялся термин $\gamma\upsilon\upsilon\eta$ ⁷. О том, что Мата была рабыней, указывают отсутствие патронимикона и ее имя, которое Л. Згуста относит к числу туземных малоазийских⁸.

Термин $\sigma\upsilon\beta\iota\omicron\varsigma$ упоминается еще в одном херсонесском памятнике. Это грубое надгробие с обрамлением, у которого сбитая верхняя часть, датируемое 115 г. н. э.⁹ Эпитафия из шести строк гласит: «Χρησ[ι]μ[η] Ἀμαστριανῆ | $\sigma\upsilon\beta\iota\omicron\varsigma$ Ἀριστονικ[ου] | μνή[μης] χάριν ἀνέστη[σεν]. Βι[ο]ύς ἐς[σ]τ[ι]ν λ[ο]ύ[σ]του | ροθί, μὴν(ός) Λώου ἴ[σ]τ[ι]ν».

В. В. Латышев переводил эпитафию следующим образом: «Хрессима Амастрианка супругу Аристонику памяти ради поставила. Живший 30 лет. Года 179, месяца Лоя 3-го». Однако отсутствие у Хрессимы и Аристоники патронимиков позволяет полагать, что это лица рабского статуса, а следовательно, Хрессима поставила памятник своему сожителю ($\sigma\upsilon\beta\iota\omicron\varsigma$)¹⁰.

Есть в Херсонесе одна латинская надпись, в которой названы рабы. Надпись найдена еще в 1900 г. на верхней части известнякового надгробия и издавалась трижды¹¹, но

из-за неверного восстановления 4-й строки, предложенного М. И. Ростовцевым¹², ее содержание искажалось. Эпитафия гласит: «DIS·MA|MARINO ET| VALERIO FRA|VER·GEMI. . . AL», что позволяет восстановить текст следующим образом: «DIS MA (nibus). Marino et Valerio fra(tribus) ver (nis). Gemi [nius? . . V] al [erius?]. . .» При таком восстановлении вместо «Богам Манам. Марину и Валерию братьям истинно-близнецам. Геминий (?). . . Валерий (?)», перевод будем иным: «Богам Манам. Марину и Валерию, братьям-рабам (доморожденным) (поставил) Геминий (?). . . Валерий (?). . .», что существенно меняет содержание надписи.

На использование рабского труда в керамическом производстве Херсонеса эллинистического времени указывал в свое время Б. Н. Граков¹³. Были рабы среди гончаров и в первых веках н. э., но в условиях сравнительно небольших мастерских, какими были херсонесские, применение рабского труда не могло быть значительным. Это подтверждается и появлением в херсонесском керамическом производстве первых веков н. э. некоторого технического прогресса, например ножного гончарного круга, попарного размещения гончарных обжигательных печей и т. п.¹⁴

Видимо, в ограниченных масштабах применялся труд рабов и в металлообрабатывающем производстве, в литейных и медницких мастерских. Основные работы там выполняли, вероятно, мастера — владельцы этих мастерских, а рабы использовались главным образом в качестве подручных¹⁵.

В значительно больших размерах применялся рабский труд в сельском хозяйстве Херсонеса. На это указывают довольно крупные размеры участков земли при типично античных формах хозяйства, а также от-

крытые в некоторых усадьбах эргастулы, где содержали рабов¹⁶. Да и трудно представить, чтобы в условиях рабовладельческого хозяйства в таких имениях, в значительной мере занятых виноградниками, требовавшими для ухода и переработки продуктов значительного количества рабочих рук, не использовался бы труд рабов.

Использовались рабы и в качестве домашней прислуги. Об этом свидетельствуют надгробные рельефы II—III вв. н. э. с изображениями рабов и рабынь, прислуживавших своим господам¹⁷. Вероятно, число их в каждом доме было невелико, но в целом домашних рабов было немало.

Часть рабов была выращена и воспитана в домах рабовладельцев. На это указывает присутствие в городе *θηρεπτοί*¹⁸. Некоторые исследователи под этим термином понимают домашних рабов, воспитанных в домах рабовладельцев из числа детей рабынь и подкидышей¹⁹. Однако, на наш взгляд, для первых веков н. э. более справедлива точка зрения, согласно которой *θηρεπτοί* не просто доморощенные рабы (*vernae*), а рабы, воспитанные из подкидышей (*alumni*)²⁰, т. е. из детей свободных, не имевших средств растить детей и вынужденных их бросать. Именно такое толкование можно дать термину *θηρεπτός*, если исходить из свидетельств перешки Плиния Младшего с императором Траяном²¹. Следовательно, это не просто доморощенные рабы, а дети свободной бедноты, превращенные в рабов в семьях, их подобравших. *θηρεπτοί* имели в первых веках н. э. особое правовое положение и нередко, став взрослыми, добивались освобождения с соответствующими правами. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что они часто встречаются в актах об отлучении рабов на волю, на что в свое время указы-

вал С. А. Жебелев²². Это один из источников рабства, возникший в условиях обнищания широких слоев свободного населения. В Херсонесе, как свидетельствуют эпиграфические памятники, это явление возникло во II в. до н. э. и продолжало развиваться в первых веках н. э.

На существование в Херсонесе рабынь-гетер указывает наличие в городе такого заведения, как *πορνείον*. Высказавший это мнение В. Д. Блаватский²³ опирался на свидетельство одного широко известного эпиграфического документа 185—186 гг. н. э., содержавшего переписку херсонеситов с римскими властями по поводу проституционной подати²⁴. Однако это не единственный документ такого рода. Известна и другая надпись, из которой можно заключить, что в Херсонесе был *πορνείον*, а также *πάρνοι*-одиночки (IOSPE, I², № 705). В этой надписи говорится о наличии в городе *μισθωτάι* — откушников или арендаторов *τέλος πορνικόν*. Датируется она также II в. н. э. Следовательно, в Херсонесе было немало рабынь, занимавшихся этим ремеслом.

Были в Херсонесе и храмовые рабы (*ιερόδουλοι*). Об этом свидетельствует одно рельефное надгробие со сценой загробной трапезы. Надпись на этом памятнике гласит: *Σωτήριχος θεᾶς Παρθένου ζήσας ἔτη π' καὶ ἡ συμβίος αὐτοῦ Κόνχα ζήσασα ἔτη...* т. е. Сотерих богини Девы, проживший 80 лет, и его сожительница Конха, прожившая лет... В. В. Латышев, издавший этот памятник (IOSPE, I², № 457), датировал его римским временем, а в комментарии указывал, что Сотерих был жрецом Девы, но не исключал, что он мог быть и иеродулом. Г. Д. Белов считает Сотериха жрецом²⁵, а В. Ф. Гайдукевич видел в нем иеродула²⁶.

В связи со спорностью вопроса следует подробнее остановиться на надписи. На наш взгляд, Сотерих

был иеродулом, а не жрецом. На это указывает формула — $\Sigma\omega\tau\eta\rho\iota\gamma\omicron\varsigma \theta\epsilon\acute{\alpha}\varsigma \text{ Παρθένου}$, где употреблен *genetivus possessivus*, а следовательно, нужно понимать, что Сотерих принадлежал или посвящен богине Деве. О том, что он был иеродулом, свидетельствуют: отсутствие у него патронимикона и указание в эпитафии, что Конха — $\eta \sigma\upsilon\mu\beta\iota\omicron\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$, т. е. его сожительница, а не жена. Следовательно, она также была рабыней. Это подтверждается отсутствием патронимикона.

Итак, в Херсонесе в первых веках н. э. были храмовые рабы, в частности при храме богини Девы, который был, вероятно, самым значительным храмом города. Находясь при этом храме, херсонесские иеродулы, очевидно, не были собственностью только этого храма или его жрецов, а принадлежали государству²⁷, поскольку культ Девы носил государственный характер, а сама Дева была высшим эпонимным магистратом²⁸. Обычно иеродулия носила наследственный характер, и потомки иеродулов неизбежно становились иеродулами. Другим источником иеродулии были дарения рабов храмам частными лицами (*Strab.*, XI, 14, 16). Что касается имущественного положения, то, судя по надгробию, выполненному по индивидуальному заказу, иеродул Сотерих был человеком обеспеченным и, в свою очередь, владел рабами или рабом, о чем свидетельствует соответствующее изображение на надгробии²⁹.

Имеется в Херсонесе и памятник, указывающий на наличие в городе гладиаторов. Это рельеф с изображением гладиаторов и надписью Εἰς τοῦθ' ³⁰. На наш взгляд, это единственный памятник, который принадлежит к числу местных. Попытка А. Н. Щеглова использовать в качестве источников изображения на светильниках для доказательства

проведения в Херсонесе гладиаторских боев³¹ нам представляется несостоятельной, поскольку привлекаемые им светильники привозные³². На социальное положение Ксанфа указывает его имя без патронимикона. Он был, по-видимому, рабом, а не должностным лицом, как полагал А. Н. Щеглов³³.

Таким образом, в Херсонесе Таврическом по происхождению и положению было несколько категорий рабов. Они использовались в сельскохозяйственном и ремесленном производствах, в домах местных рабовладельцев, при храмах, а также для зрелищ и увеселений. Следовательно, одни были заняты тяжелым физическим трудом, а другие — обслуживанием и развлечением местных рабовладельцев. Различным было и их имущественное положение. Некоторые из рабов жили в достатке и даже в свою очередь владели рабами. Однако, как и в других рабовладельческих государствах, рабы Херсонеса были лишены гражданских прав, не были юридическими лицами и, если состояли в браке, то не считались мужем и женой, а лишь сожителями³⁴. По этнической принадлежности среди херсонесских рабов были греки, представители туземного населения Малой Азии и, вероятно, Крыма, хотя о последних несомненными фактами мы пока не располагаем, а вынуждены говорить предположительно.

¹ Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, с. 34 сл.

² Калистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 193 сл.

³ Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея. ВДИ, 1938, № 3, с. 76—77, № 5.

⁴ Словарь Liddell—Scott, s. v. $\sigma\upsilon\mu\beta\iota\omicron\varsigma$.

⁵ Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. н. э. М., 1962, с. 78.

- ⁴ Например, в надписях Филиппополя термин *σφύβιος* употребляли представители высших слоев местного общества по отношению к своим женам (IGBR, III, I, № 992, 995, 997), но встречается там он и для обозначения сожительницы (IGBR, III, I, № 1018).
- ⁷ IOSPE, I², № 453, 455, 517 и др.
- ⁸ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964, S. 277, 279, 303 (§ 839—2, 845, 881—1). О малоазийском происхождении свидетельствует и эпитафия с указанием возраста. Этим эпитафиям мы надеемся посвятить специальную статью.
- ⁹ IOSPE, I², № 543.
- ¹⁰ Косвенно это подтверждает эпитафия амастрианца Элия, сына Элиты (IOSPE, I², № 542). В этой надписи, в отличие от эпитафии Аристоннику, жена названа *γυνήκας*, а не *σφύβιος*, поскольку здесь супруги, а не сожители.
- ¹¹ ИАК, вып. 2, 1901, с. 65, № 6; IOSPE, I², № 564; *Гримевич К. Э.* Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому. Севастополь, 1926, с. 130, № 191.
- ¹² М. И. Ростовцев восстанавливал в этой строке «VER. GEMI. . .» как *vere geminis*, что приводило к чтению «братья истинно близнецы». См. IOSPE, I², № 564. Очевидно, он самой надписи не видел, а поэтому *vasat* и разделитель между *ver* (*nis*) и *Gemi* (*nus*?) остались без внимания.
- ¹³ *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, с. 160; *он же.* Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, 1935, с. 179.
- ¹⁴ *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970, с. 119.
- ¹⁵ Там же, с. 76.
- ¹⁶ *Стржецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», вып. VI, Симферополь, 1961, с. 94.
- ¹⁷ IOSPE, I², № 457, 459, 460, 528; *Соломонович Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, № 52, 53; *Иванова Г. П.* Сцена «загробной трапезы» на херсонесских надгробных рельефах. «Археология», т. XXIII, Київ, 1970, рис. 3—5, 12, 13.
- ¹⁸ IOSPE, I², № 709; *Борисова В. В.* Херсонесское надгробие, поставленное вскорлениником. ВДИ, 1962, № 2, с. 109 сл.
- ¹⁹ *Голубцова Е. С.* Указ. соч., с. 71 сл. Здесь же приведена основная литература по данному вопросу.
- ²⁰ *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 81; *Стоян И.* О некоторых до сих пор неизвестных аспектах рабства в г. Томы в свете незаданной надписи. «Dacia», IV, 1960, с. 297.
- ²¹ Император Траян в своем ответе на запрос Плиния отвечал: «*Questio ista quae pertinet ad eos, qui liberi nati, expositi, deinde sublata a quibusdam en in servitute aducati sunt, saepe tractata est*» (Plin., Epist., X, 66).
- ²² *Жебелев С. А.* Последний Персид и скифское восстание на Боспоре. СПб., с. 106.
- ²³ *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 40.
- ²⁴ IOSPE, I², № 404. Подробно об этой податии см.: *Ростовцев М. И.* Дело о взаимном институционной податии в Херсонесе. ИАК, вып. 60, 1916, с. 63 сл.
- ²⁵ *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 120.
- ²⁶ *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья. АГСП, I, с. 92.
- ²⁷ По мнению А. Г. Перихания, специально исследовавшей статус перодулов, они находились в положении, близком к общинным или государственным рабам. См. *Перихания А. Г.* Иеродулы и иероі храмовых объединений в Малой Азии и Армении. ВДИ, 1957, № 2, с. 53 сл.; *она же.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 116 сл.
- ²⁸ Подробно вопрос о «царствовании» Девы в Херсонесе Таврическом мы рассматриваем в специальной работе.
- ²⁹ Датируется надгробие второй половиной II—III в. н. э. См. *Иванова А. П.* Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941, с. 115; *она же.* Сцена «загробной трапезы» на херсонесских надгробных рельефах, с. 84.
- ³⁰ IOSPE, I², № 483; *Колесникова Л. Г.* Спорт в античном Херсонесе. Л., 1964, с. 24, рис. 9.
- ³¹ *Щелов А. Н.* К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом. «Египет», V, Praha, 1966, табл. XI, 3; XII, 2, 4.
- ³² Светильники эти аттического и малоазийского производства. См. *Кадеев В. И.* Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса. СА, 1969, № 3, с. 160 сл.
- ³³ *Щелов А. Н.* Указ. соч., с. 105.
- ³⁴ Об этом достаточно ярко свидетельствует термин *σφύβιος*, употребляемый в надписях Херсонеса в отношении рабов-супругов.

М. М. Кобылина

ТЕАТР В ОРИКЕ

Здание театра в Орике на территории древнего Эпира было раскопано в 1958 г. ¹

От театра сохранились четыре уступа театрона, поднимавшиеся по склону холма, выполненные из местного белоснежного известняка, и примыкавшая к ним площадь оркестры (рис. 1 и 3).

Здание было сооружено в традициях греческой архитектуры: театрон расположен на склоне холма и субструкции лишь выравнивают неровности почвы и понижения склона для достижения правильной формы театрона; места для зрителей расположены не по полукругу, как в римских театрах, а больше, чем по полукругу. Сохраняется свойственная греческой архитектуре высокая техника обработки камня.

Однако есть ряд особенностей, которые заставляют отнести театр в Орике к более позднему времени.

Рассмотрим более детально отдельные части театра. Сначала театрон. Нижний уступ (шир. 0,82 м) сложен из плоских блоков камня почти одинаковых размеров, скошенных к центру здания. Второй уступ поднимается над первым на 0,18 м, он немного шире первого (шир. 0,97 м) ².

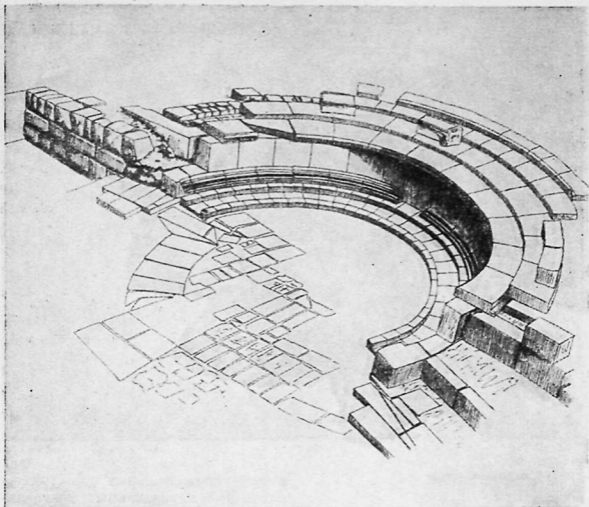
На втором уступе в средней его части еще стояло кресло, оно было только немного сдвинуто со своего первоначального положения (рис. 2). Кресло с одной стороны украшено львиной лапой; на поверхности сидения с той же стороны сохранились две лапы, остатки скульптурного украшения, вероятно изображения сфинкса.

На поверхности этого уступа параллельно креслу проходила тонкая углубленная черта (глуб. 0,1 см, шир. 0,5 см); основания стоявших здесь кресел доходили до этой черты. Поверхность уступа как раз перед креслами мягко, едва заметно углублена (очевидно, в результате трения ног граждан, сидевших на креслах).

Украшенная скульптурой сторона кресла была обращена к проходу. О проходе к местам для зрителей свидетельствует не только оформление кресла, но и след ступени лестницы (шир. 1 м) и след львиной лапы, украшавшей кресло, стоявшее по другую сторону прохода.

Третья ступень поднимается над второй на 0,18 м. Она немного уже (шир. 0,81 м). На расстоянии 0,18 м от края ее поверхность немного потемнела, вероятно от стоявших здесь сидений. Третья ступень с передней стороны заглажена не полностью, очевидно потому, что ее передняя сторона не была видна за креслами (рис. 4).

Четвертая ступень поднимается над третьей на 0,16 м, сложена из небольших блоков камня различной ширины, она хорошо отесана на передней, обращенной к центру стороне; сверху она заглажена лишь по краю (на шир. 0,14 м), дальше поверхность шероховатая и слегка приподнятая (на 0,02 м). Вследствие плохой сохранности четвертой ступени неясно, были ли здесь сидения или, может быть, стояла стенка, отделявшая места для почетных граждан от вышележащих мест для других зрителей.

1. Театр в Орике

Отсутствие следов сидений на первом уступе и следы лестницы на втором и третьем уступах и особое оформление кресел, отмеченное выше, позволяет говорить о том, что здесь было два прохода к местам для зрителей; один по первому уступу, другой посередине театрона с первого уступа к верхним. Есть также следы боковых лестниц.

Ряды уступов с местами для зрителей поддерживает субструкция, которая залегает глубже там, где материковая скала больше снижается. Субструкция построена по следующей схеме: от полукольцевой

кладки, на которой лежит передняя часть первой ступени, отходят радикальные кладки. На протяжении 4 м от переднего края первого уступа эти кладки сооружены из массивных хорошо отесанных, большей частью продолговатых квадров; в промежутках между ними плотно уложены такой же высоты более мелкие квадры. Они образуют мощное полукольцо, от которого радиально расходятся кладки из более грубо отесанных камней средних размеров, между ними заложен бут.

С восточной стороны субструкция подпирается кладкой, которая, видимо, представляет собой фундамент аналеммы. Последняя выявлена на высоту 1,80 м; ее подошва сливается

2. Кресло на втором уступе

с мощной насыпью из дикарных камней, уходящих вглубь.

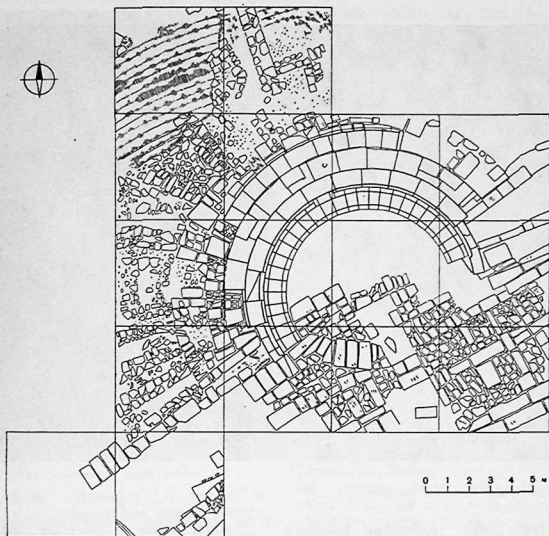
Театрон отделен от орхестры высоким подиумом (см. рис. 5). Он имеет строго тектоническое оформление: в кладке первого уступа для сидений высечен карниз, под ним фриз зубчиков; затем идет гладкий пояс (выс. 0,62 м), расчлененный линиями вертикальных граней широких блоков кладки; он заканчивается базой, состоящей из плинты и двух выкружек, разделенных выемкой. Такое оформление подия придает всей конструкции театра законченность и некоторую изысканность.

Большая часть поверхности орхестры представляет собой горизонтально отесанную скалу, поверхность ее местами очень шероховатая, имеются несколько следов подтесов

в виде горизонтальных полос, более или менее параллельных центральной части подия (глуб. до 0,015—0,02 м).

В южной части эта подтеска скалы протягивается до самого подия. В северной части орхестры к скале примыкает выравняющая ее кладка.

Вдоль подия на орхестре проходит водосток. Он полностью сохранился. Водосток высечен в крупных одинаковых по размеру блоках камня. Углубление водостока имеет ширину 0,65 м и глубину 0,16 м. Вся поверхность кладки водостока хорошо заглажена, кроме обращенной к орхестре боковой стороны, которая полностью отделана только вверху, остальная поверхность сохраняет следы шпунта. Такая незаконченность, а также шероховатая, со следами подтесов поверхность орхестры свидетельствуют, что ор-

3.] План строительных остатков театра

хестра имела вымостку, возможно мраморную, которая примыкала к водостоку.

На одной линии с центральным проходом в средней части подия карниз и цоколь прерываются (рис. 5), здесь на поверхности подия видны очертания вытянутого прямоугольника (выс. 1,06 м, шир. 0,92 м) и венчающей его более широкой части (шир. 1 м, выс. 0,12 м). Часть каменного блока водостока, примыкающая к подию в этом месте, находится в полном соответствии с этими очертаниями прямоугольника на стене подия, т. е. на шир.

0,92 м немного выступает вперед (на 0,003 м). Камень в этом месте сверху обработан только шпунтом (тогда как вся остальная поверхность этой кладки сверху хорошо стесана); на поверхности камня имеются два паза под углом (каждый дл. 0,04 м, шир. 0,02—0,03 м); видимо, монумент (может быть, плита с надписью) был на этом камне укреплен.

Восточная часть театра в Орике еще не исследована полностью, но, может быть, уже теперь следует отметить закономерность в кладке против центральной части театрона на продолжении пола орхестры. Она представляет собой правильную сетку прямоугольников из массивных

4. Третий ряд мест для зрителей

камней, между которыми уложены более мелкие камни. При этом прослеживается несколько рядов кладок, которые, возможно, являются фундаментами продольных стен комплекса проскения и помещений сцены (см. рис. 3).

В кладке позднейшего здания найден массивный блок белого камня (выс. 0,89 м, дл. 0,80 м, толщ. 0,44 м). Одна из узких сторон его завершается пилястром; на широкой стороне выступает приставная полуколонна ионийского ордера; к полуколонне примыкает поле, внизу которого обозначен цоколь, вверху карниз с зубчиками. Соответствие общего характера архитектурных форм и техники обработки этого фрагмента позволяет предположить, что рассматриваемый блок относится

к театру и, вероятно, является частью подия проскения.

Сопоставление с другими античными театрами приводит к заключению, что театр в Орике относится ко времени не ранее I в. н. э. В греческих и эллинистических театрах нижний ряд сидений для зрителей находится на одном уровне с оркестрой. Это можно видеть на таких классических примерах, как театр в Эпидавре³ или в Приене⁴. Расположение же театра выше оркестры связано с теми изменениями зрелищ, которые появились в I в. н. э., прежде всего в Италии: уже с I в. н. э. кроме театральных представлений в программу зрелищ в театре стали вводить и битвы гладиаторов.

В связи с популярностью смешанной программы появился новый тип здания, сочетавший черты теат-

5. Центральная часть подия театра

ра и амфитеатра⁵, например театр в Стоби и в Кирене⁶. В связи с этим некоторые эллинистические театры были переделаны для смешанной программы⁷.

В переделанных театрах путем удаления двух или трех передних рядов сидений нижний ряд оказывался поднятым над орхестрой; как добавочную защиту иногда перед подъем воздвигали мраморный парапет.

Ярким примером такой переделки является театр в Пергаме; первый ряд мест для зрителей, который первоначально был третьим, находится теперь на высоте 1,60 м над орхестрой. Старая граница орхестры хорошо сохранилась в виде полудиркульного канала, который ее опоясывал и служил теперь для

собираания дождевых вод, стекавших с лестниц⁸.

Театр в Орике не имеет следов переделки мест для зрителей. Они были сооружены с самого начала на высоком подии, об этом свидетельствует конструкция мест для зрителей, связанная с субструкциями и с оформлением подия.

Одной из хороших аналогий театру в Орике является театр в Никополесе, он имеет близкие размеры: диаметр его орхестры 10 м; подий, на котором находились места для зрителей, поднимался на 1,20 м над орхестрой. Г. И. Кацаров писал, что в Никополесе были популярны бои гладиаторов и травля животных⁹. Там орхестра была выстлана каменными плитами, расположенными косыми рядами, на которых лежал настил из мраморных плиток значительно меньшего размера.

По определению С. И. Бобчева, театр в Никополесе вмещал до 400 человек¹⁰. Театр в Никополесе имел в плане четырехугольную форму. С. Бобчев считает, что он был крытым, водостоки отсутствовали. Наличие водостока по краю орхестры театра в Орике говорит о том, что он был открытым.

Ярким примером такого типа театра, но более роскошного, является прекрасно сохранившийся театр в Аспенде. Он был построен при Марке Аврелии. Орхестра этого театра имеет форму более полукруга, как и в театре в Орике; высота подия 1,50 м — почти такая же, как в Орике; но театр в Аспенде был больших размеров — он имел 40 рядов зрителей и вмещал до 7000 человек¹¹.

Подий в театрах римского времени решался весьма различно. Наряду с богато украшенным скульптурой подием театра Диониса в Афинах мы наблюдаем скромную профилировку подия Одеона Ирода Атика¹².

Подий театра в Орике не находит полных аналогий в других театрах. В большинстве случаев подий решался более просто. Аналогичный, но более богато украшенный подий был в Милетском театре, построенном в римское время на месте эллинистического театра. Здесь подий облицован мрамором, он имел профилированный карниз, украшенный киматием и иониками, и цоколь¹³. В Коринфском театре подий был расписан изображениями боев гладиаторов и травли диких зверей. Декор подия театра в Орике прост и тектоничен. Аналогичный карниз с зубчиками можно найти у алтарей, например у алтаря в Приене, около 200 г. до н. э.¹⁴

Отделка мест для зрителей театра в Орике представляет собой один из известных нам вариантов, распространенных в античных театрах. В театре Диониса в Афинах было 67 мраморных кресел, среди них кресло жреца со скульптурными украшениями¹⁵. В театре Делоса стояли каменные скамьи со спинками и с боковыми стенками со стороны проходов-лестниц¹⁶. В театре Приены в переднем ряду между скамьями со спинками стояли кресла, украшенные львиными лапами¹⁷.

Описанный театр в Орике был сооружен на месте эллинистического театра. Принадлежавшие последнему квадры с именами граждан оказались в субструкциях нового здания.

От эллинистического театра остались также части ионийских полуколонн, высеченных вместе с пилястрами, найденные в нижних частях субструкций.

В позднеримский период здание театра в Орике перестало функционировать, его орchestra была засыпана. Находки в засыпи в основном эллинистического и римского времени, встречались и более ранние (VI—IV вв. до н. э.).

- ¹ Блаватский В. Д., Ислами С. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. СА, 1959, № 4, с. 198—201, рис. 27—29; Будина Д. Руины рассказывают. «Новая Албания», 1959, № 5, с. 12—13.
- ² На втором с юга блоке камня на задней стороне имеются знаки каменотеса Д и I.
- ³ Bieber M. Die Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum. Berlin—Leipzig, 1920, Tab. 10.
- ⁴ Ibid., Tab. 13.
- ⁵ Duggue E. Le théâtre mixte de Bas Empire. «Revue archéologique», 1958, N 1, p. 145.
- ⁶ Ibid., N 2, p. 37, fig. 26, 27; AJA, 1971, N 4, tab. 87, 5.
- ⁷ Dinsmoor O. The architecture of Ancient Greece. London—New York—Toronto—Sidney, 1950, p. 315—319.
- ⁸ Pontremoli E., Collignon M. Pergamo. 1900, p. 166.
- ⁹ Кацаров Г. И. Нови антични памятници от България. ИБАД, 1915, IV, с. 6.
- ¹⁰ Бобчев С. И. Нови данни за «Одеона» в Nicopolis ad Istrum. София, 1948, с. 116—125; *он же*. Nicopolis ad Istrum. ИБАИ, 1928—1929, т. V—VI, с. 56—76.
- ¹¹ Dinsmoor O. Op. cit., p. 317—318.
- ¹² Bieber M. Op. cit., tab. 35.
- ¹³ Dinsmoor O. Op. cit., p. 318.
- ¹⁴ Schede M. Die Ruinen von Priene. Berlin—Leipzig, 1934, Fig. 87.
- ¹⁵ Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея. СА, 1957, № 2, с. 247—250; Kraus T. Bemerkungen zum Sessel des Dionysos. Priester im Athener Dionysos Theater. IDI, 1954, Bd. 69, S. 62—84.
- ¹⁶ Bieber M. Op. cit., tab. 12.
- ¹⁷ Ibid., tab. 13.

Ю. И. Козуб

СТЕКЛЯННЫЙ РИТОН ИЗ ОЛЬВИИ

Стекланные изделия разнообразного вида и назначения нашли широкое распространение в античных центрах Северного Причерноморья первых веков нашей эры¹. Ольвия, несмотря на потрясения, вызванные экономическим кризисом и гетским разгромом, не являлась исключением. Наряду с широко распространенными формами посуды, как, например, бальзамарии, графины, стаканы, здесь встречаются редкие формы, к числу которых относятся и ритон².

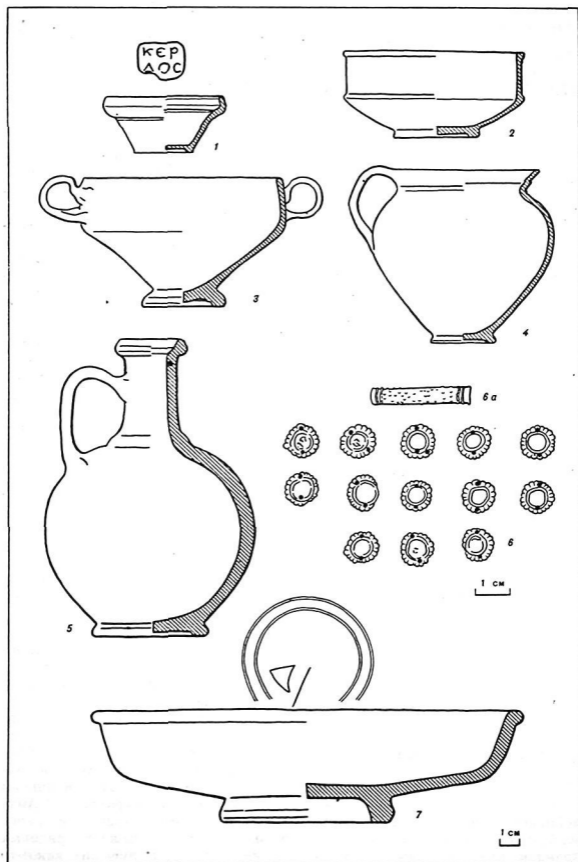
Эта публикация посвящена первому стеклянному ритону из Ольвии, найденному в 1973 г. в подобном погребении № 20 на территории некрополя к западу от городища. В подбое, закрытом мощным каменным закладом, находилось захоронение ребенка в вытянутом положении на спине, головой на север, в деревянном гробу. За гробом у головы погребенного находился целый набор разнообразной посуды: на большой краснолаковой тарелке (рис. 1, 7) лежал стекланный ритон³, затем краснолаковая чашка с вертикальным бортиком пергамского производства первой половины I в. н. э. (рис. 1, 2)⁴, краснолаковый двуручный сосуд типа килика (рис. 1, 3)⁵, в котором находилась миниатюрная краснолаковая чашечка с двусторонним четырехугольным клеймом на доньшке КЕР
ΔΟC, датирующаяся первой третью

I в. н. э. (рис. 1, 1)⁶. Рядом стоял красноглиняный одноручный кубок (рис. 1, 4). Возле тарелки с сосудами находился красноглиняный узко-

горлый кувшин типа лекифа, покрытый кремовой обмазкой (рис. 1, 5)⁷. Одежда погребенного была обшита тончайшими золотыми бляшечками круглой формы со штампованным орнаментом по краю в виде ов (рис. 1, 6)⁸. От двух серебряных фибул сохранились лишь незначительные обломки. Шею ребенка украшало ожерелье, состоявшее из амулета в виде скрученного в трубочку тонкого листочка золотой фольги (рис. 1, 6a), различных бус из сердолика и стекланный пасты, мелкого голубого бисера. Очевидно, магическое значение имели такие предметы, как бронзовый колокольчик с железным язычком и подвеска в виде ведерка.

Следует отметить, что это несомненно богатое захоронение не совсем обычного типа. Как правило, детские погребения Ольвии содержат немногочисленный специфически детский инвентарь: гуттусы, миниатюрные сосудики, игрушки. В погребении № 20 нет ничего, кроме костяка ребенка.

Все эти сосуды, за исключением лекифа, игравшего определенную роль в погребальном ритуале, однотипны по назначению: они предназначены для питья или возлияний. Тарелка, на которой они стояли, видимо, имела не только бытовое назначение. Об этом свидетельствует граффито, которое по содержанию и расположению соответствует надписям погребительного характера. Амулеты, нашивные бляшки и ранее находили в погребениях не рядовых граждан, а людей, имевших какое-то

2. Ольвийский ритон (слева) и ритон из Аквилеи (справа)

отношение к культу. Возможно, содержание данного комплекса может быть объяснено ритуальной его принадлежностью. В таком случае, и ритон (согну — согласно римской терминологии) мог относиться к кругу предметов культового назначения.

Ритон был раздавлен тяжестью стоявших на нем сосудов и извлечен в сильно фрагментированном виде. В настоящее время он пол-

ностью восстановлен⁹. Его длина 25,8 см, диаметр венца в виде раструба, имеющего очертания правильного круга, 8,2 см (рис. 2). Тулово ритона украшено рельефными вертикальными ребрами, образующими полукруглые лепестки под венцом сосуда. Противоположный конец ритона представляет собой трубочку с отверстием диаметром 0,5 см. Над туловом ритона возвышается (на 3,8 см) зооморфная фигурка длиной 10 см. Обобщенность образа затрудняет ее точное определение. Больше всего она напоминает характерные очертания лисьей мордочки с углублениями на месте глаз, с остроконечными ушками, запаянными на концах¹⁰. Возможна и иная трактовка фигурки, в частности рассмотрение ее как головки оленя с рожками. Этот мотив в отличие от

1. Предметы комплекса погребения № 20
1 — краснолаковая чашечка с клеймом; 2 — краснолаковая чашка; 3 — краснолаковый сосуд типа килика; 4 — красноглиняный кубок; 5 — красноглиняный сосуд типа лекифа; 6 — золотые шашивные бляшки; 6а — золотая трубочка амулета; 7 — краснолаковая тарелка с граффито

вышеупомянутого широко распространены среди украшений металлических и керамических ритонов.

Ритон был изготовлен способом выдувания в форме из очень тонкого прозрачного стекла с голубым оттенком.

Этот сосуд относится к группе ритонов зооморфного типа, весьма малочисленной среди стекланный посуды первых веков нашей эры, причем ольвийский ритон является лучшим его образцом. В настоящее время известно не более трех сосудов, представляющих довольно близкую аналогию ольвийскому. Один из них находится в музее г. Аквилеи (Северная Италия, бывшая область Венеция)¹¹. При несомненной близости формы, характера отделки, качества стекла сравниваемые ритоны имеют и отличия. Аквилейский ритон немного короче, зооморфная фигурка не выделена из тулова ритона: от нее сохранились только ушки. Стекло, такое же тонкое и прозрачное, имеет зеленовато-оливковый цвет. Этот ритон отнесен к группе сосудов I—II в. н. э.

Второй ритон этого типа известен в музее г. Адрии¹², которая находится на месте античной Атрии. Сосуд очень близок аквилейскому по форме, цвету и качеству стекла.

Третий ритон хранится в музее г. Сфакса (Тунис). Он был найден в римском некрополе конца I—III в. н. э. г. Тены, располагавшегося на месте современного г. Сфакса¹³.

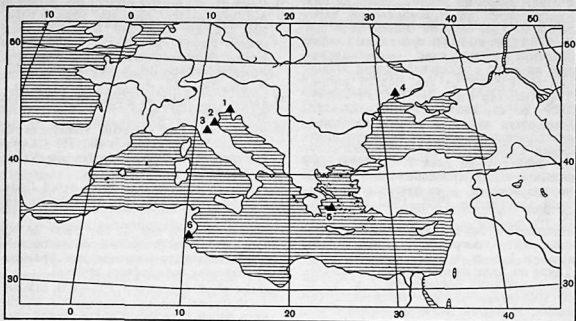
К этому же типу сосудов следует отнести ритоны с еще более упрощенной зооморфной фигуркой. По-видимому, они представляют вырождение формы и составляют лишь отдаленную аналогию вышеописанным. Это прежде всего ритон с острова Сифнос, на принадлежность которого к той же группе указывают лишь выступы, названные С. Isings «ушками на голове животного»¹⁴. Этот ритон найден в погребении, да-

тированном монетой Веспасиана. По-видимому, аналогичные сосуды представлены в музеях Болоньи и Аквилеи¹⁵.

Датировка сосудов этой группы далеко не всегда может быть установлена точно. Поэтому особо важное значение приобретает определение времени бытования ольвийского ритона. Комплексом сопровождающего инвентаря он датируется первой половиной I в. н. э., скорее всего даже первой третью столетия. Ритоны некрополя Тены и Сифноса свидетельствуют о существовании этого типа еще во второй половине I в. н. э. Некоторые экземпляры этого периода обнаруживают тенденцию к упрощению формы и крайней схематизации зооморфной фигурки.

Представленная группа ритонов настолько своеобразна, что единство происхождения всех ее сосудов не вызывает сомнения, хотя ареал их довольно широк (рис. 3). Целая группа сосудов этого типа происходит из района северного побережья Адриатического моря. Значительное развитие стеклоделательного производства, наличие нескольких тонкостенных ритонов, а также стекланных фигурок голубя¹⁶, живо напоминающих по стилю исполнения головки зооморфных ритонов, позволяют предполагать производство ритонов зооморфного типа I в. н. э. в районе древней Аквилеи. Единичные находки зооморфных ритонов в Северном Причерноморье, в островной Греции, римском городе африканского побережья свидетельствуют о широких экономических связях этого центра, бывшего торговыми воротами Рима.

Такие ритоны выпускались в пределах I в. н. э., по-видимому, в небольшом количестве. Большую популярность приобрела эта форма с III в. н. э., и на протяжении нескольких веков их производили

3. Распространение зооморфных ритонов

1 — Аквилел; 2 — Атрия; 3 — Бонония; 4 — Ольвия; 5 — о. Сифнос; 6 — Тена

в стеклотделательных центрах как Средиземноморья, так и западно-римских провинций.

Ольвия является крайней северной границей распространения североиталийских ритонов I в. н. э. Это новое важное свидетельство об экономических связях Ольвии с крупнейшими производственными центрами Средиземноморья, откуда импортировались не только дешевые товары широкого потребления, но и редкие предметы, представлявшие определенную ценность.

¹ Это убедительно продемонстрировано Н. П. Сорокиной в обобщающем докладе «Das antike Glas der Nordschwarzmeerküste» «Annales du IV Congrès des Journées Internationales du Verre», [Ravenne—Venise, 13—20 mai, 1967.

² До сих пор среди стеклянных изделий Причерноморья эта форма была представлена только одним сильно фрагментированным экземпляром простейшего типа в одном из античных городов Гру-

зии — Урбинси (Сегинашвили М. Н. Стекланные сосуды Урбинского могильника. Тбилиси, 1970, с. 114, № 124, погр. 20, № 1—58 : 1918). Ритон датирован I в. н. э.

³ На внутренней стороне дна тарелки прочерчено граффито: ΔΙ. Близкая по форме краснолаковая тарелка происходит из погребения 7 у дер. Кыз-аул, датированного I—II вв. н. э. (Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, с. 199, 209, рис. 71). Первоначальное положение ритона на блюде представлено в информационном сообщении автора (АО 1973 г. М., 1974, рис. на с. 286).

⁴ Knipowitsch T. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. «Materialen zur römisch-germanischen Keramik», IV, Frankfurt a. M., 1929, S. 22, 28, Tab. I, 12a, b (второй малоазийский тип С).

⁵ Аналогичной формы сосуд известен в погребении 8 кызаульского некрополя. Он датирован I в. до н. э. Учитывая некоторые его отличия от ольвийского, можно предполагать несколько более раннее время его изготовления (Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 200, 208—209, рис. 73, 2).

⁶ Чашечка самосского производства, первого малоазийского типа В, согласно классификации Т. Н. Книпович. Идентичной формы сосуд (немного больший по размерам) известен в Ольвии: Knipowitsch T. Указ. соч., с. 18, табл. I, 10.

Тожественные клейма относятся к категории довольно редких. Одно из них представлено на краснолаковой тарелочке того же типа из Ольвии (там же, с. 13—14, рис. 3, 4), три таких клейма известны в Эфесе и одно — на миниатюрной чашечке с афинской агоры: *Robinson H. Pottery of the Roman period, The Athenian agora, t. V. New Jersey, 1959, p. 25, tab. 4, 57, 62, 73—921*. Этот сосуд найден в засыпи цистерны, относящейся ко времени не позже правления Тиберия. Общая датировка сосудов этой группы дана Т. Н. Кипович (*Кипович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, с. 292*).

⁷ Подобные кубки и лекифы широко представлены в погребальных комплексах Ольвии I в. н. э.

⁸ Такие же бляшки происходят из танаисского детского погребения I в. н. э. № 105 (*Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса, МИА, № 98, с. 39—40*).

⁹ Пользуясь случаем, выражаю благодарность И. А. Хазановой за реставрацию ритона.

¹⁰ Конец одного из них утрачен.

¹¹ *Calvi M. C. I vetri romani del Museo di Aquileia. — In: Aquileia, 1968, p. 107—108, tab. 19, I, № 259; Baume P. Zwei neuere Funde römischer Trinkhörner in Köln. «Kölner Jahrbuch für For- und Frühgeschichte», Bd. 9. Berlin, 1967/1968, S. 56, Tab. 12, 3.*

¹² *Zecchin L. Vetri al Museo di Adria. Venezia, 1965, p. 30.*

¹³ *Fendri M. Les verreries romaines de Thaenae. — In: Annales dei III Congres des Journées Internationales du Verre, Liege, 1964, p. 37, fig. 7.*

¹⁴ *Isings C. Roman glas from dated finds. Djacarta, 1957, p. 91 (погребение 14, форма 73a).*

¹⁵ *Baume P. Op. cit., S. 56; Calvi M. C. Op. cit., p. 108 (в музее Аквилеи помимо вышеописанного есть еще два фрагментированных зооморфных ритона).*

¹⁶ *Calvi M. C. Op. cit., p. 107—108, tab. 18, I. Фигурка голубя изготовлена из такого же по качеству и цвету стекла, что и приведенный аквилейский ритон (*Isings C. Op. cit., p. 91*).*

Ю. К. Колосовская

КОЛЛЕГИЯ ПОЧИТАТЕЛЕЙ ИСИДЫ ИЗ ПАННОНИИ

Культе египетской богини Исида проник в Паннонию из Италии¹. Уже в I в. н. э. из триады египетских богов — Озирис, Исида и Гарпократ — почитание Исида было широко распространено в провинции, особенно в городах, лежавших вдоль так называемого «янтарного пути». Как известно, эта торговая дорога начиналась в Аквилее и проходила через паннонские города — Эмону (ныне Любляна), Саварию (ныне Сомбатхей), Скарбантию (ныне Шопрон) и Карлунт (ныне Дейчальтенбург под Веной). Она доходила до Дуная и далее до Прибалтийских

областей, откуда поступал янтарь в города Северной Италии.

Первыми почитателями Исида в Паннонии были итальянские колонисты, среди которых имелось множество отпущенников, прибывших в провинцию в I в. н. э. — первой половине II в. н. э. и колонизовавших ее юго-западные города. Их торговая и ремесленная деятельность в немалой степени содействовала социальной и культурной романизации Паннонии и экономическому освоению ее богатств².

Самые ранние свидетельства о почитании Исида в Паннонии про-

исходят из Саварии с конца I в. н. э.³ Тиберий Барбий Валент, декуршон и понтифик колонии, уроженец Аквилей, посвятил Исыде алтарь⁴. Барбии, относительно которых известно, что это был богатый торговый дом Аквилей (отпущенники и рабы их в качестве торговых агентов и представителей своих господ и патронов проникли во все дунайские провинции)⁵, вместе с другими колонистами принесли в Паннонию и культ Исыды. Во II в. н. э. в Саварии уже существовала религиозная община, почитавшая Исыду. Ко времени до Маркоманских войн (167—180) относится алтарь из Саварии, поставленный жрецами коллегии, Квинтом Юлием Модератом и Юлием Нигеллионом⁶.

В Саварии, которая до разделения Паннонии на Верхнюю и Нижнюю при Траяне была столицей провинции и оставалась главным центром управления императорского культа, недавно (1955 г.) обнаружено существование Исеума, священного храмового округа Исыды и самого святилища⁷. Этот Исеум имел два строительных периода; его главные здания второго периода занимали большую площадь — 50 × 100 м. С существованием этого Исеума и деятельностью почитателей Исыды связана происходящая из Саварии надпись, которая долгое время понималась как *album ordo* колонии Саварии, хотя этому противоречило то обстоятельство, что *album* (список членов) содержал имена нескольких рабов. Эта надпись весьма интересна. Поскольку она оставалась до сих пор вне поля зрения в нашей литературе, целесообразно остановиться на ее многозначном содержании, основываясь, в свою очередь, на публикации и чтении этой надписи, данной в описании римских памятников из Саварии⁸.

Надпись нанесена на мраморной

плите с профилированной рамкой. Высота плиты 71 см, ширина 84 см и толщина 15 см. Она датируется 188 г. н. э. и содержит перечень 95 личных имен, названных в пяти куриях коллегии, из которых 88 принадлежат членам коллегии Исыды. Половина имен италийские; большинство лиц с правом римского гражданства; некоторые из них отпущеннического происхождения. Имеются имена западного происхождения и уроженцев Далмации; четверть всех имен составляют местные имена, вероятно уроженцев Паннонии. Среди членов коллегии находились также лица с императорскими *nomina* Юлиев, Клавдиев, Флавиев, Ульпиев, Элиев и Аврелиев. Мы можем думать, что некоторыми из них были паннонцы с правом римского гражданства. Среди членов коллегии мы находим также отпущенников и рабов частных лиц, отпущенников и рабов самой колонии Саварии. *Album* коллегии был высечен на мраморной плите или по случаю сооружения Исеума, или по случаю произведенного дарения⁹. Надпись начинается с посвящения *Numinibus* — могущественным силам божества, совершенного при дуумвирах коллегии Меммии Эмерите и Рубрии Эвпорионе и жреце коллегии Романе.

Обратимся к рассмотрению самих имен коллегатов, за которыми скрывается их социальный статус и этнос, хотя в некоторых случаях из текста надписи прямо следует, что речь идет о свободном, отпущеннике или рабе. У половины всех членов коллегии мы встречаем италийские имена¹⁰. Это — Аннии, Аррии, Атили, Валерии, Кании, Карминии, Консилии, Лампонии, Луцилли, Манлии, Марции, Меммии, Пацилли, Петронии, Постумии, Рубрии, Сервилии, Стлабонии, Тиции, Торрии, Цезии. Так, в коллегию входило шесть Цезиев, пять Петрониев,

трое Марциев, двое Лампониев, двое Луциллиев, двое Валериев и Плосурниев. *Cognomina* Петро-ниев — Онесифор, Ромул, Петро-ниан, Урсул, Сальвиан — свидетельствуют о том, что перед нами отпущенники. Такие *cognomina* коллегатов, как Апулей Эптитюхан, Бласий Созомен из Аквилей, Ти-ций Аристон, несколько Домициев — Дионисий, Эвтих, Домициан, Фар-ракс Алип, Плосурнии из Аквилей — Пантериск и Терций, Мар-ций, Секур, сам декуршон коллегии Рубрий Эвпорион, Каний Кресцент указывают на их несвободное про-исхождение.

Членами коллегии были шесть рабов частных лиц как с правом римского гражданства, так и перегринского статуса. Упоминаются двое рабов Цезиев — Пеоний и Валентин; Сьюмфор, раб Террасиана, лица с перегринским статусом, не имевшего римского гражданства, как о том свидетельствует его одно имя; Ру-фин, раб Флавиана, лица того же правового статуса; раб Апулеев, Эвтих и раб Вимиев, Дионисий.

В коллегию входили и рабы, на-ходившиеся в собственности всей колонии Саварии: Валентин, Се-кундин и Селевк, при именах ко-торых стоит обозначение *col(ono-rum servus)*. В коллегии находи-лись также двое отпущенников ко-лонии, Колоний Валериан и Коло-ний Виндициан, имена которых — *Coloni* были образованы от на-именования статуса города.

Рабы частных лиц не были объеди-нены в одной курии. Раб Цезия Магна — Пеоний был в первой ку-рии; другой раб Цезиев — Валентин состоял в третьей курии. В той же курии был раб Апулеев Эвтих; в чет-вертую курию входил раб Вимиев Дионисий. Рабы колонии Валентин и Секундин находились во второй курии, раб Селевк — в пятой. Господа и их рабы могли состоять в одной и

той же курии. В первой курии было несколько свободных Цезиев — Са-бии, Виктор и Проб и уже упоми-навшийся раб Цезия Магна — Пеоний.

Коллегиатами были и лица пере-гринского статуса и могли занимать жреческие должности. *Sacerdos* Рома-н, при котором была поставлена эта надпись, возможно, не был рим-ским гражданином — он носил одно-имя и, вероятно, был восточного происхождения¹¹.

Из лиц с императорскими *nomina*, входившими в коллегию, большин-ство было свободных, вероятнее всего паннонского происхождения. Четверо лиц носили имена Юлиев, шесть человек — имена Клавдиев, трое — Флавиев, четверо — Уль-пиев, пять — Элиев и двое — Ав-релиев. Такие *cognomina*, как Мак-сим, Валентин, Клавдиан, Квинт, Приват, Лициниан, Урсул, свиде-тельствуют о свободном происхо-ждении их носителей. Но Юлий Децибал, одноименный известному царю даков, Флавий Фортунат, Элий Пегас были отпущеннического происхождения¹².

При некоторых именах стоит обо-значение *impunitis*, указывающее на освобождение от уплаты денежных взносов в коллегию. Такой при-вилегией пользовались один из от-пущенников колонии и несколько римских граждан — Петроний Петро-ниан из первой курии, Манлий Се-кунд из второй, Юлий Валентин и Лампоний Вер из третьей и Па-цилий Басс из пятой. Шесть рабов частных лиц, входивших в колле-гию, и трое рабов самой колонии были в состоянии нести определенные расходы, связанные с членством в коллегии. Мы можем считать, что они вели собственные дела и рас-полагали пекулием. Известно также, что вхождение для раба в коллегию было возможно только с согла-сия господина (*Dig., XXXXVII, 22,3*).

Как с очевидностью следует из приведенных данных, состав коллегии Исиды был весьма неоднородным в социальном, правовом и в этническом отношении. Греческие в большинстве своем *colpompina* отпущенников и имена рабов могли скрывать любой этникон. Почтателями Исиды оказывались отнюдь не уроженцы Востока, но потомки итальянских колонистов, переселенцы из западных провинций, романизированные паннонцы.

Проникший в Рим уже во II в. до н. э. культ Исиды занял прочное место в римском пантеоне и получил признание в различных социальных слоях. Как всемогущая богиня, научившая человека земледелию, покровительница женского плодородия и сил земли, подательница благ и повелительница судьбы Исида отождествлялась с Деметрой, Афродитой и Тюхе. Во второй половине II в. н. э. ее культ оказывается связанным с почитанием императора. Фрагменты мраморных плит, украшавших фасад святилища Исиды в Саварии, несли изображение Геракла и Фортуны Изобилующей (*Fortuna Abundantia*), с которыми ассоциировались образы обещанного Римской империей золотого века¹³. Главной фигурой Исеума в Саварии было изображение в различных вариантах Исиды в сопровождении Озириса и Анубиса¹⁴. Исида держит в правой руке патеру, в левой — рог изобилия. Она изображена также скачущей на собаке Сотис с систром в левой руке и с корзиной плодов в правой. Фигуры богини Победы, Марса, Геракла, Фортуны Изобилующей находятся в связи с тем признанием, которым пользовался культ Геракла и Исиды

в правление Коммода: и фигура Геракла на фасаде святилища, и фигура жреца в маске Анубиса указывают на императора¹⁵. Известно, что Коммод охотно изображал себя в образе Геракла и принимал участие в Риме в процессиях в честь Исиды (SHA, *Vita Commod.*, 9, 4—6). Паннонская надпись времени Коммода и рельефы святилища Исиды свидетельствуют, что официальная идеология Римской империи, находившая свое наиболее яркое выражение в императорском культе, складывала ощутимый отпечаток на самые различные формы религиозной жизни в провинции.

¹ *Mócsy A.* Pannonia, RE, IX Hbd., col. 734 f.

² *Sašel J.* Caesernii. «Živa antika», 1960, X, 1—2, p. 201—221; Колосовская Ю. К. Роль итальянских отпущенников в романизации Паннии. ВДИ, 1971, № 2, с. 57—70.

³ *Balla L., Buocz T., Kádár Z., Mócsy A., Szentlélek T.* Die römischen Steindenkmäler von Savaria, Budapest, 1971, S. 40 (далее — Steindenkmäler von Savaria).

⁴ CIL, 111, 4156; Steindenkmäler von Savaria, S. 89, N 40.

⁵ *Domaszewski A. V.* Die Beneficiärerposten und die römischen Strassennetze, WZGK, 1902, 21, S. 159; *Sašel J.* Barbii, Eirene, Studia Graeca et Latina, V, Praha, 1966, S. 117—137; Die Steindenkmäler von Savaria, S. 40.

⁶ CIL, 111, 10918; Die Steindenkmäler von Savaria, S. 40, 90. N. 41.

⁷ *Szentlélek T.* Die Ausgrabungen des Iseums von Savaria. Acta Ant., 1959, 7, S. 195 f.

⁸ CIL, 111, 4150; Steindenkmäler von Savaria, S. 40—43; 81—83, № 1.

⁹ Steindenkmäler von Savaria, S. 41.

¹⁰ Ibid., S. 82—83.

¹¹ Ibid., S. 83.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid., S. 41.

¹⁴ Ibid., S. 95, N 71; S. 96, N 72, 73, 74.

¹⁵ Ibid., S. 42.

Ю. Д. Колпинский

О МЕСТЕ АНТИЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Изучение наследия древнегреческой художественной культуры ставит перед исследователем (наряду с рядом других) два существенных вопроса.

Первый из них: является ли художественная культура античной Греции явлением локальным, частным в истории мировой культуры или оно — некий этап в истории художественных свершений человечества, имеющий общее всемирно-историческое значение.

Второй, тесно связанный с первым вопрос, — это вопрос о ее значении для художественной культуры социалистического общества как художественного наследия.

Художественная культура греческого полиса с точки зрения узко социологической порождена особым конкретно-историческим вариантом развития рабовладельческой общественной формации. Она возникла в некоторых зонах Средиземноморья — собственно Греции, побережья Малой Азии, и в таких именно формах она больше нигде не повторялась. Человеческое общество знало ряд других форм и путей развития рабовладения и вообще раннеклассовых общественных формаций, чем собственно греко-римская. Некоторые народы вообще не знали периода развитого рабовладения. Например, лишь феодальная общественная формация получила полное развитие у народов Древней Руси, западных славян, в германских землях.

Опыт истории мирового искусства показывает, что часто конкретно-исторические различия в пределах единой общественной формации вызывают далеко идущие последствия, порождая глубоко качественные различия в соответственных художественных культурах. Иногда разные «региональные» варианты единого в общем процесса исторической эволюции приводят также к «выпаданию» и «смазыванию» тех или иных этапов этой эволюции (особенно в сфере духовной культуры). Так, в Европе, в частности, переход от феодализма к капитализму не у всех народов порождал в развитом виде такой конкретно-исторический этап эволюции духовной культуры, в частности искусства, как Возрождение в собственном смысле этого слова¹. В данном случае мы под Возрождением имеем в виду сложение качественно нового искусства, пронизанного пафосом утверждения значительности и красоты образа земного человека, создающего основы реализма нового времени. Такая культура возникла в специфических условиях расцвета вольных городов Европы, в недрах которых и зародилась предкапиталистическая культура позднего средневековья. В историческом (а не отвлеченно вневременном) смысле этого слова развитого Возрождения не знали при переходе к капиталистической формации ряд культур, внесших свой великий вклад в сокровищницу мирового искусства.

Обращаясь к древности, мы можем констатировать, что формирование общества рабовладельческого типа у ряда народов Востока проходило в формах, существенно отличных от собственно античных — греческих.

Как бы ни стали обозначать, к примеру, раннеклассовую стадию развития общества в Индии, Китае, Центральной и Южной Америке — либо как самую раннюю ступень рабовладения, либо как особый, параллельный греко-римской античности вариант сложения и эволюции этой формации, либо как-нибудь иначе — факт существенного их социально-исторического, историко-культурного и особенно художественно-культурного отличия и от греко-римской цивилизации, и друг от друга бесспорен. Это конкретно-исторические, «локальные» в момент их возникновения варианты в истории древней культуры.

Существование самих художественных ценностей этих культур глубоко различно. Конечно, можно вынести за скобки некие самые обобщенные типологические признаки этих древних или средневековых цивилизаций (связь с мифом; монументально-культурной характер искусства, и то не везде; синтез искусства и т. д.). Эти категории имеют свой содержательный смысл, но они в своей отвлеченности от живого чувственного характера искусства оставляют нас вне сферы реального содержания эстетической сущности данного искусства.

Чтобы уловить действительно глубинные различия между этими древними художественными цивилизациями, достаточно сравнить греческую и месопотамскую концепцию архитектуры: например, вход в Афинский акрополь и «Аллею процессии» в Вавилоне. Достаточно также сравнить греческий курс VI в. и «сидящего писца»; рельеф, изображающий «Рамсеса, поража-

ющего врагов», и фриз Парфенона, чтобы ощутить специфическую неповторимость каждой из этих культур. Также характер синтеза, сам тип понимания соотношения «скульптура—архитектура», как и понимание образа человека существенно отличны в искусстве Индии и Греции.

Обращаясь к древней, к средневековой цивилизации Дальнего Востока, мы поразимся той особой роли, которую играло воплощение огромности мира—космоса в их пейзаже; иному, почти обратному пониманию соотношения «человек и мир», чем в античности и в европейском средневековье (достаточно для этого сопоставить китайский пейзаж XII—XIII вв., например Ма-Юань «Полнолуние» или Со-Си «Осенний туман», с «Нырлящиком» из Пестума или с «Адамом и Евой в раю» с сицилийско-византийской мозаики в Монреале—Палермо).

В различных древних цивилизациях мир мифических представлений, т. е. казалось бы, самая общая исходная черта духовной культуры раннеклассовых цивилизаций, в своих живых проявлениях приобретает весьма различные качественные аспекты. Так, мера антропоморфизма мифических образов, их связь с духовной жизнью людей в своем конкретном содержании глубоко различны. Особый характер социального и социально-бытового уклада², а также авторитарной структуры общества и культа, тесное переплетение «государственной» и религиозно-магической сторон социальной практики породили в ряде стран «классического Востока» мощную сложно организованную касту жрецов, ставших не только огромной, часто господствующей социально-политической силой, но и догматизировавшей всю сферу культа, чего не было в такой мере в Греции. Это, как и расцвет полисной формы

жизни, не могло не породить в Греции совершенно особой идеологической и общедуховной атмосферы, оказавшей огромное влияние на сложение собственно греческого типа искусства. Действительно, существенные различия форм практической деятельности и государственного устройства (полис и восточная деспотия), в особенности всей структуры духовной жизни, особо тесно были связаны с искусством. Поэтому каждый вариант развития рабовладельческого и вообще раннеклассового общества создавал свою качественно своеобразную культуру со своими особыми как бы «локальными» эстетическими ценностями и со своими специфическими историческими ограниченностями.

Конечно, поздняя цивилизация «переосмысливает» достижения более ранней. И все же «Колосс Мемнона», «Дискобол» и «Танцующий Шива» не «сводимы» друг к другу, не «выводимы» один из другого. Тем более это относится к странам Египет — Китай или Майя — Греция.

В этом смысле культура и искусство классической антики (как и любой другой культуры древности) не представляла собой некий обязательный тип духовной культуры, и в частности искусства, через который должны были пройти все народы мира. Собственно всестороннее взаимодействие культур всего земного шара возникает лишь в эпоху капитализма. В связи с этим приходится констатировать следующую важную особенность истории человеческого общества: объективно историческим фактом является, что именно в Европе (истоки цивилизации которой восходят к Древней Греции и Риму) сложился капитализм со всемирным характером его экономических, социально-политических и культурных связей. Капитализм — последняя формация

классового эксплуататорского общества — породил, правда в уродливо-противоречивых формах, понятие непосредственного живого взаимодействия всех культур земного шара, создал в XIX в. новую, мировую историко-культурную ситуацию. На месте отдельных, относительно изолированных национальных литератур «образуется одна всемирная литература», замечают Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте»³. Эта «мировая литература», так же как и художественная культура в целом, не есть нечто нивелированное, однообразное. Это есть сложное многообразное единство, где культуры разных народов — наций вступают в сложное, живое, «сиюминутное» с точки зрения истории взаимодействие, в котором возникает идея непосредственной общности задач, стоящих перед культурой всех народов мира (понятно, по-разному толкуемой в разных регионах земного шара, а главное, по-разному понимаемой сознанием основных классов эпохи).

Эта мировая культура, это мировое искусство нового типа, точнее гуманистическая и реалистическая его линия, складывается первоначально в Европе, т. е. в том историко-культурном регионе, который вырос из традиции античности, из традиции западноевропейского и восточноевропейского средневековья и ренессанса и видит в античности свою колыбель.

Распространение капиталистических форм производства на весь мир и вовлечение в его оборот народов других зон земного шара калечило в ходе колонизации социальное и духовное развитие народов, временно опоздавших в темпах своей социально-исторической эволюции, разрушало их культуру с их особыми традициями, с их великими ценностями.

Это была, так сказать, «разрушительная» сторона процесса. Но была и другая сторона, связанная с подъемом социально-освободительного движения народных масс в странах капитализма, а также с тем фактом, что реалистическая, гуманистическая, демократическая культура Европы и Америки XIX—XX вв. оказывала своим опытом ускоряющее воздействие на создание демократической, народной культуры нового типа и во временно колонизированных странах, и во всем земном шаре в целом.

Одновременно внутри культуры европейских стран, ставших на путь капитализма, возникает представление о многообразии форм мировой культуры, растет интерес к духовной, художественной жизни народов других материков. И здесь сталкиваются два подхода: с одной стороны, возникает трактовка «внеевропейских» культур как некоей экзотической и занятой чужеродности. С другой стороны, возникает сознание глубокой самоценности «внеевропейских» культур и «взаимодополняемости» различных культур, только в своей совокупности создающих подлинную всенародную, мировую культуру. Возникает представление о сложном единстве мировой культуры и ее дифференцированной целостности. В ходе этого процесса передовая демократическая наука преодолевает европоцентристские предрассудки с присущей им идеей о «внеисторичности» и локальности культур других регионов земного шара.

Перед деятелями «внеевропейских» культур вовлечение в орбиту единого мирового хозяйства всех народов, возникновение сложного взаимодействия культур ставит сложный комплекс задач: а) защиты ценностей своих культур, б) развития всего живого, всего перспективного, что сделано в своих

национальных традициях и в) поисков той или иной меры освоения ценностей культуры той же Европы и остальных народов мира, их критического отбора, переработки и т. д.

В результате этих процессов взаимное освоение великих культурных ценностей как вырастающей из антики европейской культуры, так и старых культур народов Азии, Африки и Америки превращает ценности этих культур, когда-то представлявших основу культурной жизни одной зоны земного шара, в достояние культуры всех народов мира.

Конечно, и в прошлые эпохи цивилизации — «культурно-исторические миры» или «регионы» не были полностью изолированы друг от друга. Взаимосвязи и взаимодействия между ними существовали. Однако в XIX и особенно в XX в. речь идет уже не о взаимосвязях и взаимовлияниях. Как уже отмечалось, возникает понятие о целостно-дифференцированной мировой культуре, внутри которой идет борьба основных направлений, тенденций развития. При всем богатстве и сложном многообразии национальных школ, идейных направлений каждое существенное явление в искусстве становится достоянием *всех* зон земного шара, вызывает практически мгновенную позитивную или негативную реакцию. Мировая культура — непосредственная взаимосвязь мало-мальски значительных явлений в современной культуре — есть историческая реальность.

Движущая сила этого всемирно-исторического процесса развития современной культуры в конечном счете определяется борьбой сил гуманизма, народности, реализма с антигуманизмом, с упадочничеством.

Искусство и культура прошлых эпох как Греции и Египта, так и Индии, Дальнего Востока, древней Америки, становятся (в меру цен-

ности их художественного вклада) органической частью культурных традиций всех народов мира. Тем самым культура того или иного исторического региона реализует те общемировые, представляющие общий эстетический интерес ценности, которые в ней были созданы; она становится «мировой».

По мере перехода ряда народов к социализму этот процесс взаимообогащения культур, освобождаясь от уродливой противоречивости его осуществления в условиях капитализма, получает возможность своего действительно всестороннего и гармонического развития. Большую роль в этом процессе формирования новой, единой в своем многообразии уже социалистической мировой культуры призван играть опыт строительства новой культуры в семье социалистических народов Советского Союза. В конечном счете полная победа социализма во всем мире, победа демократических направлений в культуре даст окончательное гармоническое решение проблемы. Так готовится переход к культуре зрелого коммунизма. В будущем исчезнет своеобразное стихийное «разделение труда» между национальными культурами, исчезнет вместе с исчезновением наций. Но принцип не «унисонной», а «симфонической» целостности художественной культуры человечества останется. Его основной движущей силой окажется действующий, особенно активно с эпохи Возрождения, принцип существенной ценности личного своеобразия творческой индивидуальности, способной с особой силой и глубиной воплотить существенные для всех людей аспекты эстетического осознания тех или других сторон окружающего мира, воплотить те или другие ценные качества нравственного мира человека.

В настоящее время античное ис-

кусство опосредованно (через эстетический опыт выросших на ее основе цивилизаций, в частности европейского реализма нового времени, из которого, вбирая в себя и все мировое наследие, выросло искусство социалистического реализма), а также непосредственно через наслаждение его художественными свершениями раскрывается как эпоха, несущая в себе огромные, близкие не только нашей стране, нашей культуре, но и всем народам мира всемирно-исторические ценности. Ценности эти (гуманизм, героическая концепция человека, ясная гармония монументального синтеза и т. д.), выявляя сегодня свое всемирно-историческое значение, могли возникнуть когда-то лишь в специфических, в какой-то мере носящих исключительный характер условиях ранней полисной стадии античного рабовладельческого общества.

В античной Греции с особой полнотой, глубиной и художественно-жизненной правдой, доступной искусству прошлого, воплотились представления о величии свободного человека и человеческого коллектива, человек впервые так полно раскрылся в свободной от фантазмагорической преображенности, своей реальной телесно-духовной ценности. Это придает греческому искусству особую значимость в системе ценностей того общества, которое освободило творческие способности человеческого коллектива и человеческой личности, которое открыло путь для его действительно гармонического развития, т. е. общества коммунистического.

Античное наследие и в косвенно опосредованной форме своего воздействия (Возрождение и т. д.), при непосредственном обращении к его опыту, к его художественному обаянию сегодня, одна из великих, близких и дорогих нам эпох в на-

следии прошлого. Конечно, речь идет не о «стилизующей имитации» греческого искусства. Ряд глубинных принципов греческого искусства близок и созвучен нашей эпохе: это героический образ гармонически прекрасного человека в монументальном искусстве, утверждение ценности образа человека в синтезе пластических искусств и архитектуре, высокий этический и гражданский пафос искусства.

Античная культура есть явление, представляющее всемирно-историческую ценность, есть культура, имеющая всемирно-историческое значение как один из важных истоков коммунистической культуры будущего.

Без занятия позиции по отношению к ней, без ее творческого переосмысления невозможен процесс действительно всестороннего овладения наследием прошлого, осуществляемого нами ради развития культуры сегодняшнего и завтрашнего дня — культуры социалистической, культуры создаваемого нами коммунизма.

А. К. Коровина

АКРОТЕРИЙ ИЗ ТИРАМБЫ

Во время работ экспедиции ГМИИ в поселке Пересыпь (Краснодарского края Темрюкского района) в 1969 г. местный житель А. Еремеев сообщил, что в декабре 1968 г. в обрыве берега им была обнаружена известняковая плита с «ажурным рисунком». Эту плиту он передал экспедиции, и в настоящее время она хранится в ГМИИ. На месте ее нахождения был заложен небольшой раскоп,

Поэтому изучение античного наследия во всех его аспектах имеет огромное актуальное, а не только общепознавательное значение как средство духовно-художественного обогащения личности. Без решения ряда коренных проблем археологического, историко-культурного и собственно историко-художественного характера такое плодотворное освоение античности невозможно. Во всех этих трех областях советское антиковедение провело огромную работу. Вклад В. Д. Блаватского, одного из создателей советского антиковедения, в этом смысле неопределим.

- ¹ Как известно, термин «возрождение» (ренессанс) можно употреблять в смысле самого общего обозначения факта возрождения — роста гуманистических тенденций, образованности, интереса к античности. Отсюда «Каролингское возрождение», Возрождение в Грузии в XII—XIII вв. и т. п.
- ² Например, сохранение общины, в отличие от развития частного владения землей в «классической» античности.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. IV, с. 428.

на котором открыт склеп I в. до н. э. — I в. н. э. и разрушенное погребение эллинистического времени. В том месте, где лежала плита, обнаружена бронзовая монета второй половины III в. до н. э.¹ и разбитая гераклейская амфора.

Памятник представляет собой акротерий надгробия с хорошо сохранившимся рельефом (рис. 1; 2). Высота акротерия 60 см, ширина у ос-

1. Акротерий

нования 61 см, толщина 14 см, высота рельефа 5 см. С нижней стороны основания имеются два прямоугольных отверстия глубиной от 5,5 до 6,5 см, служившие для соединения акротерия с плитой надгробия. На обратной стороне акротерия отмечены следы подтески.

Основанием акротерия служит невысокая профилированная база с двумя глубокими горизонтальными врезанными линиями. Акротерий представляет собой полукружие в виде раковины, заполненное рельефным стилизованным изображением пальмовых веток, расположенных симметрично по углам, листьев аканфа в центре и двух толстых крученых стволов аканфа, из которых выходят волюты. В центре над ство-

лами аканфа находится какой-то предмет, похожий на шишку пинии, а по сторонам в низком рельефе расходятся веером узкие листья пальметы. Вверху изображен круглый предмет, возможно нераспустившийся цветок.

Памятник отличается ясностью построения, строгой симметрией и схематичностью исполнения деталей. Он не имеет полных аналогий среди акротериев других надгробий, несмотря на то, что почти все элементы декора повторяются в ряде памятников не только Боспора², но и происходящих из Аттики³ и других центров античного мира.

В Аттике уже в IV в. до н. э. сложился тип надгробия, увенчанного акротерием с пышным декором, состоящим из ряда листьев аканфа над основанием акротерия с подни-

мающимися кверху стволами аканфа, боковые ветки которого закручены в волноты, а остальные составляют рельефный орнамент верхней части акротерия. Между ними вверху часто изображается или цветок или бутон⁴. В Аттике среди надгробий этого времени встречаются изображения перекрученных стволов аканфа, как и на рассматриваемом памятнике⁵ и на ряде боспорских надгробий, например на надгробии из Нимфея, изданном В. М. Скудной и датированном ею II—I вв. до н. э.⁶

Обширные коллекции южнорусских надгробий содержат ряд памятников, верхняя часть которых завершена акротериями. Сходство между ними и публикуемым акротерием только в общей схеме построения и в изображении отдельных деталей. Так, на многих надгробиях из Керчи, датируемых IV—III вв. до н. э., мы видим шишку пинии между стволами аканфа, а над ней между стеблями пальметы — розетту⁷. Мастера, создававшие эти памятники, были хорошо знакомы с лучшими произведениями аттического искусства, некоторые образцы которого попадали на Боспор, примером чего является мраморный акротерий из некрополя Фанагории⁸.

Самым трудным вопросом является датировка нашего акротерия. Как мы уже отметили, акротерий в Тирамбе был найден случайно местным жителем, около него лежали обломки гераклейской амфоры и медная монета III в. до н. э., что дает нам основание издаваемый памятник отнести к концу III в. до н. э. Нам представляется, что необычайная законченность и целостность композиции декора акротерия, заключенного в полуовальном углублении, правильность его формы (длина основания почти равна высоте), а также плоские рельефы побегов аканфа, характерные для более ранних па-

2. Акротерий. Вид сбоку

мятников, не противоречит выше-названной дате.

Публикуемый памятник интересен еще и тем, что он принадлежит резцу оригинального мастера с определенной манерой исполнения, что дает возможность определить его руку и в других произведениях. Не исключена возможность, что им было сделано надгробие женщины из западного некрополя Фанагория. Четкость линий, строгость пропорций и удивительная соразмерность фигуры, вкомпанованной в архитектурное обрамление плиты, напоминают публикуемый акротерий⁹.

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, с. 246, табл. XLII, 13.

² Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin,

- 1909, Bd. VIII, N 128—130; Bd. IX, N 124, 132.
- 3 *Conze A.* Die Attischen Grabreliefs, Bd. III, Berlin, 1906.
- 4 *Möbius H.* Die Ornamente der Griechischen Grabstelen klassischer und nachklassischer Zeit. Berlin—Wilmersdorf, 1929, S. 36 f., Tab. 22, 24; *Conze A.* Op. cit., N 1547—1549, 1552, 1570, S. 329 f.
- 5 *Möbius H.* Op. cit., N 22a.
- 6 *Скуднова В. М.* Надгробие из Нимфея. СА, 1968, № 1, с. 239 сл.
- 7 *Kieseritsky G., Watzinger C.* Op. cit., Bd. VII, N 114, 118—120; *Möbius H.* Op. cit., N 63a, b.
- 8 *Марченко И. Д.* Акротерий из Фанагории. «Труды ГМИИ», 1960, с. 103 сл.
- 9 *Коровина А. К.* Группа надгробных стел Таманского полуострова. «Сообщения ГМИИ», 1968, IV, с. 103, рис. 8. Это надгробие датируется III—II вв. до н. э.

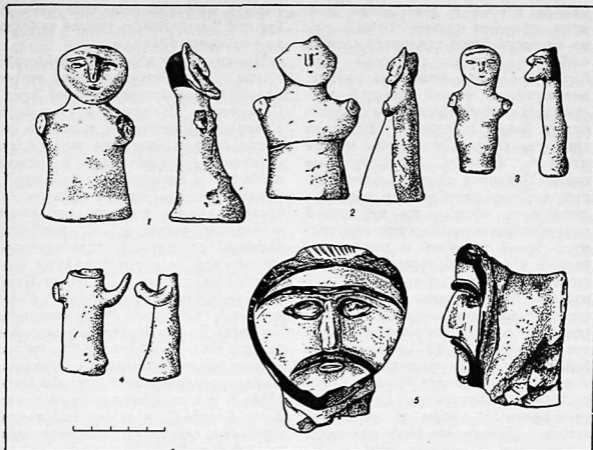
И. Т. Кругликова

ИДОЛЫ ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА

В 1973 г. при раскопках западного бастиона привратных укреплений кушанского города вблизи деревни Дильберджин (Северный Афганистан) были найдены семь примитивных глиняных фигурок, частично фрагментированных¹. Среди них было четыре идола (рис. 1, 1—4), близко напоминающих лепные статуэтки-идолы из Северного Причерноморья², и обломки трех мужских фигурок. Все они лежали в наполовину заложеной, потерявшей свои оборонительные функции бойнице. Г. А. Пугаченкова, основываясь на стратиграфии слоев, хорошо датированных находками монет, относит время заложения бойниц к кушано-сасанидскому периоду. Почти напротив бойницы с глиняными фигурками в том же помещении была ниша, в которой стояла глиняная статуя Геракла. Под ней обнаружены ноги еще одной такой же статуи предшествующего периода. В глину одной из ног оказалась вмазанной бронзовая монета последнего из царей Великих Кушан — Васудевы II с изображением на аверсе фигуры стоящего царя около алтаря, на реверсе—

сядущей на троне богини. Верхняя из статуй была частично разбита, а ниша заложена глиной и кирпичами, по-видимому, в то же время, когда были замурованы в бойницу остатки глиняных фигурок, которые, так же как и Геракл, были связаны с религиозными представлениями последних защитников городских укреплений. Это дает основание отнести статуэтки-идолы ко времени Васудевы II, т. е. к концу II—началу III в. н. э.³

Статуэтки-идолы вылеплены без применения форм, из уплотненных кусков глины. Руки фигурок оттянуты в стороны в виде выступов. Впрочем, полностью сохранилась лишь одна поднятая вверх рука (рис. 1, 4), позволяющая предположить, что у некоторых из фигурок руки воспроизводили жест адорации. Лица у идолов в виде плоских лепешек с выступающими носами находятся под углом к плоскости тулова, что создает впечатление приподнятости головы и подбородка. Глаза, рот и иногда брови прорисованы острым инструментом, нос образован прилепным валиком. Две самые

1. Идолы из Дальберджина

крупные из фигурок высотой 10—10,5 см имеют расширяющееся книзу тулово, которое плоско срезано у основания, что придает фигуркам устойчивость (рис. 1, 1, 2). Две маленькие статуэтки, одна из которых имеет высоту 8 см, другая без головы — 6,5 см, более плоские и узкие; они имеют неровное основание и стоять без дополнительной опоры не могут (рис. 1, 3, 4).

Поверхность всех статуэток была, по-видимому, покрыта розовой обмазкой, может быть тонким слоем окрашенного гипса, который сохранился в углублениях и неровностях глины по всему туловищу, но преимущественно на лицах. Черной краской изображены волосы сзаци. При этом черная краска наносилась

прямо на глину без предварительной обмазки.

Хотя признаки пола у этих статуэток отсутствуют, можно предполагать, что они являлись изображениями женского божества в длинной одежде. Основанием для этого утверждения служит, во-первых, поразительное сходство этих фигурок с идолами из боспорских поселений III в. н. э. (деревень Семеновки и Мысовки)⁴, на которых имеются выступы-груди, и с идолом из Афрасиаба, также воспроизводящим женщину, но в длинном камзоле с поясом и с ожерельем на шее⁵.

Кроме того, следует учесть, что вместе с этими четырьмя идолами в заложенной бойнице имелись обломки трех мужских фигурок, сделанных совсем в другом стиле, с большим количеством деталей. От первой из них, самой крупной, сохра-

вилась голова с совершенно плоским круглым лицом (10×10 см), из которого резко выступает сделанный прищепом горбатый нос (рис. 1, 5). Два наlepных валика, покрашенные черной краской, воспроизводят сросшиеся над переносицей брови и слегка опущенные вниз усы. Острой палочкой и черной краской сделаны миндалевидные глаза. Налепная лепешка с поперечной насечкой изображает рот. Волосы надо лбом и на небольшой окружающей лицо бородке подчеркнуты косой насечкой и покрашены черной краской. Вытянутый за затылком головной убор производит впечатление башлыка, задняя часть которого плоско срезана. Торс, которому эта голова принадлежала, утрачен в древности. В 1974 г. в одной из бойниц другого помещения этого же привратного бастиона была найдена уплощенная фигурка с аналогично трактованным лицом и усамиваликами. Детали ее тела переданы пластически, выделены ноги, руки, очертания камзола, что отличает ее от четырех описанных выше идолов.

От второй мужской статуэтки, найденной в 1973 г., сохранились только часть тулова, руки и правая нога. Отчетливо видна рубашка с длинными рукавами, перехваченная поясом в виде валика, концы которого переkreщены, образуя рельефный узел, и длинные штаны. Одежда покрашена красной краской по белой обмазке, а обнаженная кисть руки — черной. Сзади поверхность фигурки совсем плоская, не заглажена и без следов покраски. Стоять эта фигурка не могла. Сохранившаяся высота ее 29,5 см. Здесь же были обломки еще одной подобной же фигурки, но меньших размеров.

Все три мужские статуэтки, найденные в 1973 г., отличались от женских большими размерами и большей детализацией, тогда как женские сделаны очень схематично.

Высота мужской статуэтки 1974 г. без ног 9 см. Общая высота ее была значительно большей.

Примитивные идолы из алебастра, глины и камня неоднократно встречались на территории Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Северного Кавказа⁶. Близкие им гипсовые головки были найдены на территории Северного Афганистана на городище кушанского времени Шах-и-Бану⁷. Среди примитивных изображений, большая часть которых относится к первым векам н. э., наиболее близкое сходство с дильберджинскими идолами кроме глиняных статуэток, найденных в Северном Причерноморье (в Золотой балке⁸, Киммерике⁹, Семеновке¹⁰, Мысовке¹¹, Тасунове¹², на Краснодарском городище¹³ и на Кавказе¹⁴), имеют алебастровые изваяния из Ферганы: из раннесредневековой усадьбы Кайрагач¹⁵ и с городища первых веков н. э. Актобе¹⁶; а также маленькая глиняная статуэтка, обнаруженная на трассе Большого Ферганского канала¹⁷. Очень интересно также антропоморфное изображение из Шах-Сенем¹⁸ из необожженной глины, поверхность которой, как и у идолов из Семеновки и Дильберджина, была покрыта тонким слоем алебастра и потом раскрашена. Имеется сходство и со значительно большей по размеру каменной бабой из Куйбышевской области¹⁹, аналогии к которой исследователи находят в кругу памятников скифосарматского времени.

Среднеазиатские и афганские идолоподобные статуэтки типа дильберджинских датируются I тысячелетием н. э. и преимущественно его первой половиной. Аналогичные им статуэтки из Причерноморья относятся к периоду от рубежа н. э. до III в. н. э., т. е. связаны с периодом интенсивной сарматизации античных государств Северного Причерноморья. Иначе говоря, появле-

ние их можно связать с приходом новых этнических элементов. Только очень примитивные женские статуэтки-идолы без рук, найденные в Прикубанье (на Елизаветинском²⁰ и Краснодарском²¹ городищах), возможно относятся к более раннему времени. Однако аналогичные им идолы из Неаполя Скифского²² и из Ялтинского святилища²³ датируются II—III вв. н. э.

По стилистическим признакам антропоморфные статуэтки-идолы или миниатюрные «бабы», как их иногда называют, можно разделить на две группы: идолы в виде брусков с нерасчлененным туловом и лишь слегка намеченными очертаниями головы и деталей лица и идолы-статуэтки с руками-выступами и четко выделенной головой. К первой группе относится подавляющее большинство антропоморфных изображений из Средней Азии, сарматские антропоморфные фигурки II—III вв. из курганов на р. Бахмут²⁴ и у с. Быково²⁵, а также упомянутые выше идолы из Ялты, Неаполя Скифского и Прикубанья.

Ко второй группе относятся статуэтки из Дильберджина, Семеновки, Мысовки, Золотой балки, Киммерика, статуэтка, найденная на Кавказе²⁶, и некоторые из идолов Ферганы (из Актобе 2, Большого Ферганского канала, из усадьбы Кайрагач). Вторая группа статуэток не является выражением более высокого этапа развития изобразительного искусства, оба стиля изображений могут сосуществовать. Более того, в Семеновке были встречены фигурки второй группы, покрытые сверху несколькими слоями гипса, каждый из которых сохранил следы окраски. Неоднократно повторявшаяся обмазка постепенно сглаживала детали тела, и в результате одна из статуэток превратилась в брусковидную фигурку²⁷. При этом детали

головы, волос и тела были нанесены красками. Вполне возможно, что красками были нанесены детали тела и у идола из Хорезма (Шах-Сенем)²⁸, на котором сохранились следы росписи.

Идолов находили как в могильниках, так и на городищах. В Средней Азии существуют устойчивые традиции антропоморфных изображений, связанных с погребальным культом²⁹. С погребальным культом связана, вероятно, и гипсовая фигурка из сарматского кургана у с. Быково. Однако идолы из святилища Неаполя Скифского, из многих помещений Семеновки, а также другие идолоподобные статуэтки, найденные на городищах, скорее всего следует трактовать как изображения верховного женского божества, покровительницы земледелия, животного и растительного мира. Именно такое универсальное божество, по-видимому, было изображено на глиняном штампе для культовых хлебцев из Илурата, датированном II—III вв.³⁰

Интересно отметить, что в период, предшествующий греческой колонизации, у племен Северного Причерноморья антропоморфных изображений божеств не было. После основания греческих городов в Причерноморье, и в том числе на Боспоре, распространяются терракотовые фигурки различных божеств греческого пантеона, и особенно богинь, аналогии которым легко найти во многих греческих городах Средиземноморья. Чаще всего это изображения богинь, связанных с культом плодородия: Деметры, Керы-Персефоны, Афродиты и иногда Кибелы. Можно предполагать, что на Боспоре под личиной греческих богинь представляли различных местных и пришлых племен, составившие, вероятно, главным образом сельское население, почитали свои древние божества плодородия и

земледелия³¹, имен которых мы не знаем.

Однако в первые века н. э. в боспорских городах и поселениях наряду с изображениями божеств греческого пантеона появляются статуэтки совсем новых типов. Одни из них в виде маленькой фигурки сидящей на троне богини в очень высоком головном уборе³², хотя и очень отдаленно, но напоминают широко распространенные в предшествующее время типы статуэток сидящей богини (Кибелы, Деметры). Другие же резко отличаются своей примитивностью от привычных типов античных терракот и напоминают идолоподобные фигурки, наиболее близкие аналогии которым можно найти либо в коропластике архаической Греции, либо, как указывалось выше, среди статуэток кушанского и более позднего времени, найденных на территории Средней Азии и Афганистана. Обе группы боспорских терракот связаны с культом верховного женского божества. Но в первые века н. э. с упадком греческой культуры это божество, уже получившее в представлении боспорян антропоморфный облик, стараются изобразить отлично от принятой ранее иконографии эллинских богинь. Одна линия в развитии этого образа приводит к распространению фигурок сидящей богини в высоком головном уборе.

Ко второму типу относятся изображения стоящей богини в виде примитивных идолов. Этот тип не имеет генетических связей с иконографией эллинских богинь. Именно этот тип идолоподобных изображений богини характерен для боспорских сельских поселений. К нему же относятся и дильберджинские идолы. Их близкое сходство позволяет предположить наличие генетических связей у племен, проникших на территорию Боспорского царства в первые века н. э., и у племен, вторгшихся

на территорию Средней Азии и Северного Афганистана в кушанское или в позднекушанское время. Общие черты в материальной культуре населения этих отдаленных территорий (Северного Причерноморья и ряда районов Азии) прослеживаются в первые века н. э. в распространении, кроме идолоподобных статуэток, также и краснолощеной керамики, сосудов с зооморфными ручками, тамгообразных знаков, статуэток всадников и ряда других элементов. Но этот вопрос еще ждет серьезного исследования.

¹ Раскопками руководила Г. А. Пугаченкова.

² Терракоты Северного Причерноморья. САИ, Г—II, М., 1970, ч. I, табл. 39, 3; ч. II, табл. 19, 4; 27, 3; 48, 1, 7; 49, 3—7; 50, 1—6; 51; 52, 6.

³ Если следовать хронологии А. К. Нарайна и Р. Гиршмана. Но по хронологии Д. Бхандаркара — Е. В. Зеймалю и Р. Гебля время правления Васудевы приходится на конец III—IV в. (См. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология. Душанбе, 1968, с. 134).

⁴ Кругликова И. Т. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства. САИ, Г—II, М., 1970, ч. 2, табл. 48; 7; 50, 1, 2, 6.

⁵ Хранится в Республиканском музее культуры узбекского народа в г. Самарканде.

⁶ См. библиографию в работах: Кругликова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, с. 114; Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Институт истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXXV. Сталинабад, 1955, с. 51 сл.; Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960, с. 202; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, с. 27; Максимова А. Г., Мещеряков М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 70 сл. (изображения на с. 63, рис. 27, 1; с. 126, рис. 6; с. 130, рис. 11), Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре. —

- В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 167—177.
- ⁷ Carl J. Fouilles dans le site de Shahr-i-Manu et sondages au Zaker-tépe. «Memoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», t. III. Paris, 1959, p. 67, 14, 41.
- ⁸ Вязьмитина М. И. Терракотовые статуэтки из с. Золотая Балка. САИ, Г—II, М., 1970, ч. 1, табл. 39, 3, 4.
- ⁹ Кругликова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика, с. 114, рис. 39.
- ¹⁰ Там же, с. 108, рис. 2.
- ¹¹ Там же, табл. 49, 1 и 7.
- ¹² Кобылина М. М. Терракоты из Тасунова. САИ, Г—II, М., 1970, табл. 52, 6.
- ¹³ Крушкова Ю. С. Древняя Синдика. М., 1971, с. 73, рис. 15.
- ¹⁴ Веселовский Н. И. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, 1910, с. 2, рис. 1.
- ¹⁵ Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрага. АО 1970 г. М., 1971, с. 448.
- ¹⁶ Максимова А. Г., Мецераков М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Указ. соч., с. 63, рис. 27, 1.
- ¹⁷ Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «Труды Института истории и археологии», т. IV, Ташкент, 1951, с. 26, табл. X, 2.
- ¹⁸ Раппопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1958, с. 406, рис. 6.
- ¹⁹ Смирнов А. П. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, вып. XII, 1946, с. 41, рис. 17.
- ²⁰ Городцов В. А. Станица Елизаветинская. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М., 1941; с. 213; Анфилов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 37.
- ²¹ Захаров Н. А. Краснодарское городище. Записки СКОАИЭ. Ростов-на-Дону, 1928 (отдельный оттиск), с. 8; Крушкова Ю. С. Указ. соч., с. 73, рис. 15.
- ²² Маликов В. М. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. КСИА, вып. 11. Киев, 1961, с. 64—69, рис. 2.
- ²³ Бертъе-Делагард Ю. Л. Случайная находка древности близ Ялты. ЗООИД, т. XXVIII, 1907, с. 20—26; Клейман И. Б. Статуэтки из святилища у г. Ялты. САИ, Г—II, М., 1970, с. 78, табл. 19, 4.
- ²⁴ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. «Труды XIII Археологического съезда», т. I, М., 1907, с. 253, рис. 59.
- ²⁵ Смирнов К. Ф. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, с. 181, рис. 6, 10.
- ²⁶ Веселовский Н. И. Указ. соч., с. 2, рис. 1.
- ²⁷ Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки. — В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. М., 1970, с. 25, рис. 1—2; с. 66, рис. 51.
- ²⁸ Раппопорт Ю. А. Указ. соч., с. 406.
- ²⁹ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Указ. соч., с. 58.
- ³⁰ Гайдукевич В. Ф. Илурат. МИА, № 85, 1958, с. 82, 83, рис. 76.
- ³¹ Кругликова И. Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э. КАМ, с. 112—115; она же. Религиозные представления сельского населения Боспора. КСИА, вып. 124, 1970, с. 7.
- ³² Романовская М. А. Две терракоты из Ново-Отрадного. СА, 1974, № 1, с. 162, рис. 2, 2; Прулло В. И. Терракоты из Илурата, табл. 55, 3.

В. И. Кузнецин

СЕВООБОРОТ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В РИМЕ ВО II В. ДО Н. Э.

Под севооборотом современная агрономия понимает определенное чередование культур во времени и на территории, обеспечивающее повышение плодородия почвы и рост уро-

жайности возделываемых растений. Благодаря севообороту естественное плодородие почвы не только используется самым эффективным образом всеми растениями, участвующими

в чередовании, но при условии правильной агротехники и соответствующих удобрений даже повышается. Как показывает химический анализ сухого вещества растений, зольные элементы и азот, усваиваемые растением непосредственно из почвы, составляют не более 1—2% веса растения. Остальная же масса образуется из элементов воздушной пищи и воды, которые поступают к растению непрерывно. В почве сохраняются практически безграничные запасы почти всех минеральных элементов пищи растений, но каждое растение нуждается лишь в определенном комплексе этих элементов. Если одно и то же растение сеять в течение некоторого времени на одном и том же участке, то оно вскоре истощит именно эти элементы, содержащиеся в почве, в то время как множество других элементов, необходимых для других растений, будет бесцельно пропадать, вовлекаясь в стихийный геологический кругооборот, надолго выключаясь из биологического кругооборота: естественное плодородие почвы резко упадет. При рациональном и дозированном удобрении, обеспечивающем возвращение усвоенных элементов пищи, естественное плодородие почвы увеличивается, так как некоторые растения служат сами по себе удобрением для других, оставляя после себя полезные органические остатки, накапливают в почве азот, перерабатывая мертвые минеральные вещества в доступную для усвоения растений форму, т. е. из стихийного геологического кругооборота вовлекают их в биологический.

Чередование культур во времени означает смену одних растений другими на данном поле. Чередование же культур на территории означает, что каждая культура проходит через все поля севооборота в течение определенного периода, называемого ротацией. Как правило, продолжитель-

ность ротации равна числу полей в севообороте, например 4 года при четырехпольном, 5 лет при пятипольном и т. д.

Севообороты обеспечивают не только высокую урожайность и повышение почвенного плодородия, но и позволяют рационально использовать все земельные угодья, включая неплодородные земли, малопродуктивные площади лугов, пастбищ, залежей, кустарников и заболоченных участков.

Севообороты характеризуются сочетанием нескольких типичных признаков: характером основных восстановителей почвы (например, пары, травы, зеленое удобрение), составом культур в севообороте (например, полевые, кормовые, овощные и т. д.), специализацией по ведущим культурам (например, зерновые, льняные, конопляные) и числом полей (4-польные, 5-польные, вплоть до 12-польных севооборотов).

Понимание севооборотов и их применение является показателем высокого уровня агротехнической науки и сельскохозяйственной техники.

Сейчас большая часть специалистов по римскому земледелию считает, что примитивные севообороты были известны римлянам и применялись ими в I в. н. э. (время жизни Колумеллы и Плиния)¹. Вопрос о том, были ли известны севообороты или хотя бы их элементы передовым хозяйствам времени Катона или Варрона, остается открытым, хотя К. Уайт и склонен решать его положительно².

Попытаемся присмотреться к «Земледелию» Катона. Катону известно, что некоторые растения истощают почву, а другие ее удобряют. К первым он относит: нут, ячмень, греческое сено, виковую чечевицу и другие, которые обозначены неопределенно: «все растения, которые выдергивают» (*Cat.*, 37, 1). Удобряют же ниву люпин, бобы и вика. Сле-

дует думать, что указанное наблюдение вело к тому, что бесменные посе­вы растений, сильно истощавших землю, не производились, за исключением может быть ячменя. После этих растений поля засеивались дру­гими, в частности теми, которые удобряют почву.

«Вот что следует соблюдать, — пишет Катон в другом месте, — при засаживании отдельных мест в имении. Где хорошее жирное поле без деревьев, то следует ему быть хлебным полем. Это же самое поле, если над ним стоят испарения, следует преимущественно засаживать репой и брюквой и засеивать просом и могаром» (*Cat.*, 6, 1). Репа и брюква высаживались осенью, а просо и могар весной (в апреле), причем все эти растения считались неприхотливыми и могли высеваться на неплодородных землях. В данном же случае под те и другие шло хорошее жирное поле, которое обычно отводилось под хлебную ниву. В ряде случаев почву под посе­вы репы хорошо уваживали (*Cat.*, 35, 2). Таким образом, просо, могар, репа и брюква сеялись на почвах, не характерных как раз для них, но вполне подходящих для злаковых культур: пшеницы и полбы. Данное место предполагает скорее всего следующий порядок посевов на землях такого рода: посе­вы пшеницы или полбы, очевидно многолетние, сменялись осенними посадками репы или брюквы, которые весной уступали место просу и могару. Удобренное после этих культур поле опять засеивалось более ценными зерновыми. Подобный севооборот является привычным для Кампании I в. н. э., как об этом прямо говорит Плиний (XVIII, 191)³. Причем в разбираемом месте Катон имеет в виду также Кампанию, вернее ту ее часть, которая славилась плодородной нежной землей, так называемой *pulla*⁴. Следует обратить внимание на хо-

роший подбор предшественников при этом севообороте. Действительно, репа и брюква — лучшие предшественники не только для непосредственно следующих за ними проса и могара, но и для последующих зерновых. Столь удачный подбор культур-предшественников, видимо, был не случайной комбинацией растений только по срокам посева, но отражал понимание, скорее всего смутное, о положительном влиянии разных растений друг на друга и на почву⁵.

Катон (35, 2) вообще рекомендует сажать репу и редьку на хорошо уваженном или жирном поле. Вряд ли речь идет здесь только об их бесменных посевах. Отводить под эти неприхотливые культуры, хорошо идущие на тощих землях, наилучшие участки вряд ли было целесообразно. В то же время все становится на свои места, если истолковать совет Катона в том смысле, что репа и брюква в данном случае рассматриваются в качестве предшественников зерновых и прерывают их многолетние посе­вы. Контекст отрывка подтверждает это толкование, так как в данном месте речь идет как раз о посевах зерновых: ячменя и пшеницы и притом на плодородных почвах, т. е. пригодных прежде всего для злаковых.

О чередовании культур прямо говорится также в главе 27: «Сей корма волам: кормовую смесь, вику, греческое сено, бобы, виковую чечевицу. Сей корма и во второй и в третий раз. Затем сей другие злаки»⁶. О предварительных посевах кормовых на хлебной ниве речь идет также в 29-й главе⁷. При этих посевах кормовые растения выступали не в роли зеленого удобрения (среди них были, например, греческое сено, виковая чечевица, которые не удобряли, а истощали землю), а считались определенно предшественниками зерновых.

В катововском поместье имели дело с культурами, среди которых главными были: полба, пшеница, ячмень, бобы и репа (*Cat.*, 134, 1). Из них репа и, очевидно, бобы использовались как предшественники зерновых. Нет ничего невероятного и в том, что полба, пшеница и ячмень высевались не одновременно на разных полях, а могли чередоваться на одном и том же поле. Некоторое основание к такому заключению дает Катон в другом месте (35, 2). Здесь Катон рекомендует сеять яровую пшеницу там, где своевременный озимый посев не был сделан, т. е. после ярового посева пшеницы так называемого трехмесячного сорта приступали к озимому севу (и это могли быть посевы полбы или ячменя). Катон говорит о полях, которые из-за высокого естественного плодородия могут, не отдыхая, засеиваться зерном (*qui locus restibilis crassitudine fieri poterit* — 35, 2). Вместе с тем Катон знает, что ряд растений истощает почву, в том числе и ячмень, что его бессменные посевы могут привести к истощению земли. Это заставляло хозяев или прерывать бессменные посевы, или вводить регулярное чередование культур, т. е. севообороты.

При анализе катововского «Земледелия» бросается в глаза, что автор нигде не упоминает о парах, или, вернее, о чистых парах. Нет никакого сомнения в том, что отдых земли под паром был издавна известен итальянским земледельцам. То же самое место (*Cat.*, 35, 2) позволяет думать, что пар хорошо знаком и Катону, тем не менее чистые пары в его трактате прямо не называются. Мало того, если взглянуть в характер хозяйства идеального имения (*Cat.*, 1, 7), пригородной виллы (*Cat.*, 8, 2), маслинника (*Cat.*, 10) или виноградника (*Cat.*, 11), то можно заметить, что в них нет места чистым парам. Все участки имения,

даже самые неплодородные, засажены той или иной культурой. Например, в идеальном поместье в 100 юг (25 га) предусмотрены шпалерный виноградник, огород, ивняк, масличный сад, луг, хлебная нива, роща, виноградный сад. Здесь просто нет места для чистого пара. Земли настолько мало, что начинают широко использовать сочетание ранних культур, т. е. на участке, занятом одной культурой, засевают в промежутках другую⁸. Самый распространенный вариант — это комбинация масличного сада с хлебной нивой, а также плодового сада, виноградных лоз, вьющихся по деревьям, и зернового поля.

Хотя Катон не упоминает о чистых парах, однако вряд ли он мог обойтись в своем хозяйстве без паров вообще. Ряд упоминаний о посевах кормовых на хлебной ниве говорит о том, что они часто играли роль так называемого занятого пара⁹, позволявшего более продуктивно использовать отдыхающую под паром землю. В ряде передовых хозяйств, располагающих плодородными землями, хозяева совсем отказались от паров как чистых, так и занятых, например в Кампании и, возможно, в других местах¹⁰. Уничтожение чистых паров, а в ряде случаев и занятых, освоение комбинированных культур означало переход к интенсивной обработке земли, к повышению расхода источников почвенного плодородия. Эти явления вызывались стремлением рабовладельцев, собственников средних по размерам поместьев, установивших более или менее тесные связи с рынком, получить наибольший доход. В этих условиях возрастала заинтересованность в восстановлении источников почвенного плодородия: лучшим унавоживанием полей, экспериментах по чередованию различных культур, поисках наилучших предшественников растений. В практике Катона

уделено много внимания удобрению, но уваживание не могло решить полностью проблему восстановления почвенного плодородия. Тогда-то обратили внимание на полезность чередования разных культур и отобрали в качестве предшественников зерновых корма, репу, брюкву, просо и могар.

Однако многое было неясным, еще не было достигнуто понимание необходимости регулярного чередования культур, их смены во времени и в пространстве. В основе примитивного чередования лежала архаическая система земледелия — двухпольная, которая часто дополнялась занятым паром или системой комбинированных культур. Вот почему освоенные и каким-то образом понятые элементы севооборотов могли быть реализованы лишь на немногих землях, а именно — на очень плодородных почвах типа кампанской мягкой почвы; они были подчинены основной задаче: повышению урожайности зерновых культур, для этих целей подбирались предшественники, удобрялись поля и проводились другие профилактические мероприятия.

Но начало было положено, и на основе катововских идей италийские агрономы более позднего времени, особенно I в. н. э., разработают более насыщенные севообороты и достигнут более отчетливого понимания этого сложного агрономического явления, о чем нам сообщают Страбон (V, 4, 3), Колумелла (II, 2, 8, 9, 3, 10, 7, 17, 4 и др.) и Плиний Старший (XVII, 191; XVIII, 259).

¹ Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, с. 59; Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Traiano, Louvain, 1958, p. 197; White K. Roman farming. New York 1970, p. 121—123; Античная цивилизация. М., 1973, с. 162.

² White K. Указ. соч., с. 112.

³ Страбон (V, 4, 3), правда, приводит несколько иной севооборот для этих мест, а именно: два раза полба, просо, а в некоторых местах еще и огородные растения. О репе и брюкве ничего не говорится. Видимо, это был один из местных севооборотов.

⁴ Об этом говорит термин *nebulas* кампанская *pulla* испускала *nebulas*. См. Verg. Georg. II, 217, а также: Plin., N. H., XVII, 25.

⁵ Представление о севообороте было очень смутным. Высевая именно эти культуры, больше руководствовались тем, что они позволяли наилучшим образом использовать исключительное плодородие кампанской почвы и хорошо подходили по срокам. В октябре сажали репу и собирали ее в марте, в апреле высаживали просо и убирали его в июле, а в октябре землю засевали зерновыми. В некоторых местах, видимо, отрезок времени в августе-сентябре использовали для посадок огородных растений. См. Strab., V, 4, 3.

⁶ Cat., 27: *sementim facito, ocinum, viciam, foenum graecum, fabam ervum, rabulum sationem facito. Deinde alias fruges serito.* М. Е. Сергеев (в кн.: Катон. Земледелие. М.—Л., 1950, с. 160) понимает это место иначе: как посевы разных кормовых растений в течение одного года, например первый посев весной, второй позже, третий осенью. Толкование вполне возможное. Но оно имеет и уязвимые места. Если следовать ему, нужно признать, что кормовая смесь, вика, греческое сено, бобы, виковая чечевица высевались в первый срок, т. е. весной. Однако большинство названных здесь растений высевались осенью.

⁷ Cat., 29. Итак, один год сеяли корма, а на следующий, очевидно, зерновые. Катон (137) говорит также о хлебном поле и множестве кормов, которые, видимо, на нем сеялись.

⁸ О переходе к комбинированным культурам см.: Сергеев М. Е. Указ. соч., с. 9—10. Особенно хорошо — White K. Указ. соч., с. 123—124.

⁹ Все хлебное поле скорее всего делилось на два участка: один засевался кормами, другой — зерновыми. На следующий год корма и зерновые менялись местами. При этих условиях участок, засаженный кормами, являлся занятым паром.

¹⁰ В частности в Этрурии и Апулии, где были очень плодородные почвы. Варрон, например, говорил о педрых, не знающих отдыха нивах (*segetes fructuosas ac restibiles* — 1, 9, 6).

Е. И. Леви

НОВЫЕ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ АПОЛЛОНУ ДЕЛЬФИНИЮ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ

Раскопками Ольвийского теменоса установлено, что на территории культового участка находилось два храма, один из которых был посвящен Аполлону Дельфинию¹. Об этом с несомненностью свидетельствовали посвятительные надписи, вырезанные на мраморных плитах, культовом блюде, а также около 50 посвятительных граффити на чернофигурных и чернолаковых киликах конца VI—начала V в. до н. э.² Если на лапидарных памятниках имя божества указано полностью, то граффити содержали в основном лишь эпитет Аполлона, нередко передаваемый в сокращенной форме ΔΕΛ. Вместе с тем были найдены посвящения с полной формулировкой, т. е. не только с именем Аполлона, но и именем лица, сделавшего приношение. Так, по краю одного из чернофигурных киликов с изображением сцены состязаний была вырезана надпись, что данный килик принесен в дар Аполлону неким Тихоном, сыном Гекатокла³.

Сохранившиеся строительные остатки храма Аполлона Дельфиния относятся к V в. до н. э. и к периоду его реконструкции в IV в. до н. э.; граффити указывают на то, что уже в VI в. в теменосе проводились церемонии, связанные с культом этого бога, столь почитаемого в Ольвии с раннего периода истории города.

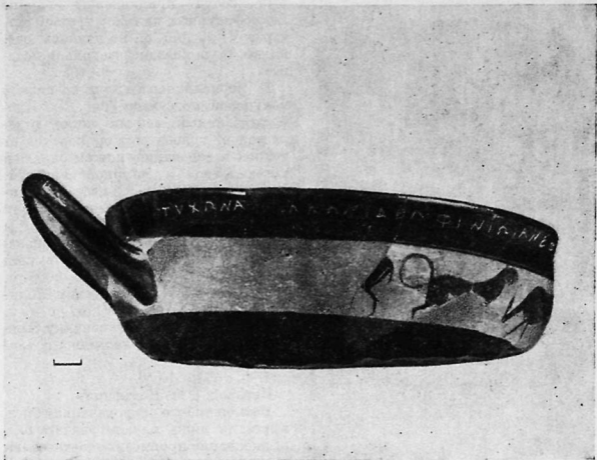
На протяжении своего существования с VI по II в. до н. э. облик теменоса видоизменялся; коренной перестройке он подвергся в последней четверти IV в. до н. э., однако гра-

ницы его с востока и запада, определяемые главной и «восточной» улицами, оставались во все времена неизменными. Иначе обстоит дело с южной границей, где теменос примыкал к агоре. В период эллинизма эти участки разделяла большая стоя агоры, но, как установил А. Н. Карасев, в связи с постройкой стои территория священной округи была частично сокращена⁴.

Вопрос об определении южной границы теменоса раннего периода оставался открытым до раскопок центральной части агоры, изучение которой начато в 1973 г.

В непосредственном соседстве с большой стоей по линии местонахождения монументального алтаря и храма Аполлона (раскоп Е — центр) были открыты остатки дороги с обочиной из валунов и три последовательных напластования черепяных вымосток от V до III в. до н. э.⁵

Разведочные шурфы ниже вымостки V в. показали, что она перекрывает в двух местах углубления в материке, заполненные рыхлой золотистой насыпью (с керамикой второй половины VI—начала V в. до н. э.). Особенно интересные материалы дало углубление № 2. Среди значительного количества сильно измельченных обломков чернофигурных и чернолаковых киликов были найдены фрагменты двух чернофигурных и трех чернолаковых киликов с посвящениями Аполлону Дельфинию, к ознакомлению с которыми мы и переходим.

1. Фрагмент чернофигурного килика с изображением пасущихся животных и посвяжительной надписью по краю

1. Фрагмент верхней части чернофигурного килика с изображением в поясе цвета глины пасущихся животных. Детали рисунка переданы при помощи резьбы, пурпурной и белой красок (рис. 1). Длина 0,175 м, высота 0,07 м, высота венчика 0,017 м, толщина 0,003 м. Лак черный с оливковым оттенком равномерно покрывает поверхность сосуда. Килик склеен из мелких частей, реставрирован⁶.

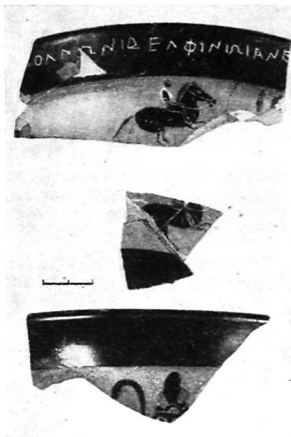
По слегка вогнутому венчику вырезана надпись, почти полностью сохранившаяся:

Τύχων Ἀ[πό]λλωνι Δελφινίῳ ἀνέθ[ηκε].

Перевод: Тихон Аполлону Дельфинию посвятил.

Выше упоминалось, что при раскопках теменоса был найден фрагмент чернофигурного килика с посвящением Аполлону от некоего Тихона, сына Гекатокла. Любопытно, что здесь мы вновь встречаемся с тем же именем лица, принесшего дар, но без указания имени отца. Может быть, мы имеем дело с одним и тем же ольвиополитом? Следует отметить, что данный килик датируется еще в пределах третьей четверти VI в., тогда как килик из раскопок теменоса относится к последней четверти этого столетия. Однако надпись на вновь найденном сосуде была вырезана, очевидно, позднее.

2. Фрагменты чернофигурного килика с изображением всадников и разводами пальметок около ручек. Все детали рисунка выполнены резьбой, белой и пурпурной крас-

2. Фрагменты чернофигурного килика с изображением всадников и посвячительной надписью по краю

ками (рис. 2). Длина фрагмента 0,015 м, высота 0,048 м, высота венчика 0,020 м, толщина 0,004 м. Лак черный, оливкового оттенка, равномерно покрывает поверхность сосуда. Склеен из мелких обломков⁷.

По слегка вогнутому венчику была вырезана надпись:

[Α]πόλλωνι Δελφινίωι ἀνά[θηκη].

Перевод: Аполлону Дельфинию посвятил.

Возможно, что перед именем божества имелось имя лица, принесшего этот дар. Килик с аналогичным сюжетом был в свое время найден и при раскопках теменоса среди сброса храмового инвентаря⁸.

Как и вышеописанный килик с фризом пасущихся животных, дан-

ный сосуд принадлежит группе мелкофигурных киликов третьей четверти VI в. до н. э., но надпись, очевидно, была сделана несколько позднее.

3. Чернолаковый килик на низкой кольцевой подставке (рис. 3). Профилированный венчик четко отделяется от тулова сосуда; переход от тулова к основанию ножки окрашен разбавленной пурпурной краской. Лак черный, густой, местами принимает оливковый оттенок. Килик склеен, реставрирован⁹.

Диаметр 0,173 м, диаметр основания 0,008 м, высота 0,075 м, высота венчика 0,019 м, толщина 0,003 м. По форме близок аттическим киликам третьей четверти VI в. до н. э.

По слегка вогнутому венчику была вырезана надпись, частично сохранившаяся:

--- ο Δελφινί(ο).

Перевод: . . . Дельфиния.

Возможно, что первоначально было вырезано лишь начало эпитета Δελ, а окончание приписано позднее; на это как будто бы указывает то, что конец надписи φινί(ο) несколько отличается от стиля письма начала слова. Надпись вырезана не ранее последней четверти VI в. до н. э.

4. Незначительный фрагмент венчика чернолакового килика¹⁰. Склеен из двух обломков. Длина 0,025 м, высота 0,015 м, толщина 0,003 м. Сосуд был покрыт лаком с оливковым оттенком. По слегка вогнутому венчику вырезано Δελ. Значительное расстояние от дельты влево и от ламбды вправо указывает на то, что, очевидно, надпись содержала только начало эпитета Аполлона Дельфиния. Аналогичные случаи среди посвящений этому богу имелись и среди материалов теменоса¹¹.

5. Незначительный фрагмент венчика чернолакового килика. Длина 0,072 м, высота 0,033 м, толщина 0,003 м.

3. Чернотаковый килик

От посвянительной надписи дошли лишь две буквы $\alpha\lambda$, которые мы считаем частью имени Аполлона:

[$\text{Ἀπ}\alpha\lambda\omega\nu\iota\text{---}$].

Характер заполнения углубления, раскрытие которого только началось, сильная измельченность керамических изделий, наличие сосудов с посвящениями Аполлону Дельфинию аналогичны содержанию углублений со сбросами, открытыми в свое время в теменосе.

Любопытно, что углубление на раскопе Е — центр лежит не только на линии монументального алтаря храма Аполлона Дельфиния, но и на линии углубления № 2 теменоса, в котором было найдено преобладающее число фрагментов киликов с посвящениями Аполлону Дельфинию. Не остается сомнений в том, что

углубление № 2 на раскопе Е' — центр также входило в территорию теменоса, являясь своего рода фависсой. Таким образом, разведочные работы 1973 г. подтвердили выводы А. Н. Карасева о том, что южная граница теменоса в VI в. до н. э. выходила за пределы большой стой агоры IV в. до н. э., т. е. что размеры теменоса в ранний период были несколько больше его площади в эпоху эллинизма. Кроме того, новые граффити существенно пополняют серию посвянительных надписей Аполлону Дельфинию, еще раз подчеркивая значение культа этого божества в Ольвии уже в VI в. до н. э.

¹ Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 27—73.

² Леви Е. И. К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии. КАМ,

с. 124—130; она же. Материалы Ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора, с. 140 сл.

³ *Леву Е. И.* Материалы Ольвийского теменоса, с. 149, рис. 16. На неточность более раннего чтения граффити мне было указано Ю. Г. Виноградовым и В. П. Яйленко, за что приношу им свою благодарность.

⁴ *Карасев А. Н.* Указ. соч., с. 34—36.

⁵ Полученные данные совпадают с данными раскопа площади в 1948—1949 гг. См. *Леву Е. И.* Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, с. 38.

⁶ Инв. № Ол. 73, 1366.

⁷ Инв. № Ол. 73, 1369.

⁸ *Леву Е. И.* Материалы..., с. 150, рис. 17.

⁹ Инв. № Ол. 73, 1367.

¹⁰ Инв. № Ол. 73, 1368.

¹¹ *Леву Е. И.* Материалы..., с. 142, рис. 9, I; рис. 152, рис. 21, I.

П. Д. Либеров

К ВОПРОСУ О ГЕЛОНАХ ГЕРОДОТА¹

В настоящей статье автор пытается рассмотреть вопрос о причинах столь далекого проникновения предметов античного производства и искусства и на этой основе ставит вопрос о гелонах Геродота и более глубокой истории возникновения этого народа.

Греческий историк Геродот говорит, что «жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни у них также иной². «Гелоны, — говорит далее Геродот, — занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и по цвету кожи они вовсе не похожи на будинов³».

Таким образом, согласно Геродоту, гелоны отличаются от будинов своим происхождением, видом, цветом кожи, языком и родом занятий. Но Геродот не знает ни времени переселения эллинов в страну будинов, ни количества переселившихся.

Опираясь на ряд других сообщений Геродота, можно не только до-

пустить многочисленность гелонов, но и говорить о них как о целом народе, игравшем значительную роль в общественной жизни гелоно-будинов. Так, например, в связи с вторжением войск персов в Скифию (513 г. до н. э.) цари скифов на своем совете решили разослать вестников к своим соседям, нескифским народам — таврам, агафирсам, неврам, андрофагам, меланхленам, гелонам, будинам и савроматам, цари которых также собирались по этому случаю на совет⁴.

Соответствующая последовательность перечисления этих народов соблюдается и при их характеристике. Аналогичное перечисление, но в обратном порядке, производится и при описании отступления скифов на запад, из страны будинов, совершаемое под давлением войск Дария. За землями меланхленов в последнем случае идут земли андрофагов, затем невров и далее агафирсов⁵.

Подобное упоминание народа гелонов предполагает не только их многочисленность и значимость, но, надо полагать, и определенную территорию, занимаемую ими, по-

сколькo они послали своих вождей на общий совет нескифских народов. Геродот не дает объяснения причин столь противоречивого рассказа о гелонах.

Последовательность перечисления народов и размещение их по периферии степной и лесостепной скифской территории подкрепляется ныне исследованием археологических памятников⁶, что позволяет надеяться на то, что сведения Геродота о нескифских народах и их территориях предельно достоверны. Поэтому мы вправе предположить, что земля гелонов могла находиться только на правом берегу среднего Дона, в лесостепной его части, поскольку левобережье было занято скотоводами-кочевниками, не оставившими сколько-нибудь заметных следов своих постоянных поселений.

Допуская проникновение какой-то части эллинского населения из торговых поселений в будинскую среду, этим мы объясняем не только сильное проникновение эллинских элементов материальной культуры, но и эллинизацию некоторой части местной военной аристократии.

Известно, например, что на городище № 1 у дер. Волошино и в ряде других городищ (у с. Сторожевое, у хут. Городище и др.) встречается значительное количество амфорного материала, проникшего сюда через античные города Северного Причерноморья. В частности, на городище № 1 у дер. Волошино найдены амфоры из Боспора, Херсонеса, Гераклеи, Синопы, Фасоса, Хиоса и других средиземноморских центров. На городище у хут. Городище встречаются амфоры из Синопы, Фасоса, Хиоса, Боспора, Гераклеи и Византия. О связях с античным миром свидетельствуют и такие факты: на городище № 1 у дер. Волошино в раскопе № 2 найден 391 обломок амфор, что составляет 7,1% к общему составу местной лепной керамики;

на поселении № 3 в уроч. «Частые курганы» найден 81 обломок амфор, или 8% к общему количеству лепной керамики; на городище у хут. Городище в раскопе № 1 амфорный материал составил также 8%.

В 18 погребальных комплексах найдено 19 амфор. В погребальных комплексах и на поселениях нередко можно встретить и привозную античную столовую посуду: чернолаковую, краснолаковую, роскошную металлическую посуду, используемую преимущественно аристократической частью населения.

В кургане № 2, высотой до 6 м, раскопанном Н. Е. Макаренко в 1908 г. у с. Мастюгино, оказалось погребение в большой могиле, перекрытой древесным настилом на столбовом каркасе из 12 столбов. Несмотря на попытку ограбления могилы, погребальный инвентарь сохранился почти полностью. Погребение сопровождалось богатым и очень интересным комплексом вещей, среди которых было снаряжение античного воина, состоящее из бронзового головного убора, кожного панциря с бронзовой пластиной, используемой в качестве нагрудной брони, остатков двух бронзовых поножей⁷. Подобный погребальный комплекс характеризует погребение хорошо вооруженного конного воина, принадлежащего к местной аристократической верхушке, показывает высокую степень его эллинизации. Поэтому, естественно, возникает предположение о том, что погребение относится к той части военной аристократии, которая, по Геродоту, была эллинской.

В кургане № 5, высотой более 1 м, того же могильника, исследованного Н. Е. Макаренко, обнаружено коллективное погребение, содержащее четыре костяка; захоронение совершено по местному обряду⁸. Основное женское погребение сопровождалось золотыми серьгами с изо-

бражением малоазиатской богини Кибелы в сопровождении двух львов и ожерельем с золотой пластиной с двумя львами, стоящими на задних лапах в геральдической позе⁹. Подобная бляшка имелась и в ожерелье второго женского костюма. Отличие второй бляшки от первой заключалось лишь в большей схематизации штампа и в наличии внизу между фигурами, стоящими в геральдической позе, морды какого-то животного¹⁰.

Таким образом, и здесь мы видим явный импорт (серьги с Кибелой), и заимствованное изображение геральдической позы львов на бляшках, вероятно, местного производства.

Импортным является и уникальный серебряный сосуд с изображением сцен скифской жизни из кургана № 3 уроч. «Частые курганы»¹¹, который сопровождал не менее богатое погребение, принадлежавшее представителю военной аристократической верхушки общества гелонов. Следует также напомнить исключительно богатый погребальный комплекс из кургана № 1 у дер. Дуровки Алексеевского района Белгородской области. Погребение ограблено, но в комплексе сохранилось несколько уникальных вещей местного производства и импортных из античных центров. Основной материал из этого погребения опубликован¹², поэтому обратимся лишь к некоторым наиболее важным предметам. Среди вещей комплекса имелась амфора, которая, по определению И. Б. Зеест, принадлежит одному из средиземноморских центров¹³ и датируется V—IV вв. до н. э., серебряный ритон античного происхождения с протомой головы барана и особенно золотая круглая нашивная бляха диаметром до 7 см с изображением человека, сидящего на крылатом львиноголовом грифоне, терзающем копытное животное

(лань?). Сидящий на грифоне человек приподнял правую руку, как бы для удара копьём в поражаемое животное. Несовершенство штампа на бляхе позволяет предположить местное производство на основе античных образцов¹⁴.

Античным прообразом такого изображения, по-видимому, является изображение на керамических медальонах из погребального комплекса близ Феодосии. На них изображена та же сцена: человек, сидящий на львиноголовом грифоне, терзающем лань¹⁵. Сходство сцены на нашей бляхе со сценой на керамических медальонах поразительное. Но имеются и различия в деталях. В частности, на золотой бляхе отсутствует изображение копыта, поражающего лань, что очень выразительно представлено на керамических медальонах из Феодосии; на бляхе имеется изображение сосков под животом лани, которые отсутствуют у лани на медальонах; различно изображены рога ланей, на медальонах отсутствует изображение шейной гривны, тогда как на бляхе они представлены рельефно; на бляхе человек, сидящий на грифоне, представлен голым, тогда как на медальонах он изображен в одежде. В целом группа человека и животных на бляхе изображена значительно грубее, чем на медальонах.

Количество предметов античного производства достаточно велико и имеет широкий хронологический диапазон. Напомним находку ранней хиосской пухлогорлой амфоры VI—V вв. до н. э. на городище у с. Сторожеево¹⁶, бронзовую гидрию V в. до н. э. из кургана № 29/21 у с. Мастюгино¹⁷, описанные выше вещи V—IV вв. до н. э. из кургана № 1 у дер. Дуровки¹⁸, серебряный сосуд IV—III вв. до н. э. из кургана № 3 в уроч. «Частые курганы»¹⁹, амфору III в. до н. э. из кургана № 30/6 в могильнике у с. Мастюгино²⁰ и

ряд других предметов античного времени.

Этот материал позволяет принять высказывание Геродота о гелонах как о выходцах из античных торговых городов, которые содействовали установлению и расширению прочных торговых связей местного населения с античным миром. Однако вряд ли можно допустить мысль о том, что группа торговых людей, пришедших из античных торговых поселений, могла со временем занять господствующее положение среди местного населения варваров. Известно, как варвары отстаивали свои традиции, защищали обычаи предков. «Скифы, — говорит Геродот, — как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анархасиса и потом Скила»²¹. Кроме того, из сообщений Геродота видно, что гелоны вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и садоводством, имели своих царей, участвовавших в совете царей других, нескифских народов на равных правах. Наконец, немалое значение в определении местоположения гелонов имеет и перечисление их вслед за меланхленами и раньше левобережных кочевых будинов. Все это и позволяет размещать гелонов на правом лесостепном берегу р. Дона.

Больше оснований имеется для того, чтобы в народе гелонов видеть многочисленную часть местного населения варваров, которая исторически сложилась на базе населения местных культур предшествующего времени. В осмыслении этого факта, по-видимому, помогут те же сообщения Геродота. Во второй его легенде о происхождении скифов говорится, что от сожительств Геракла с девушкой-змеей родились три сына: Агафирс, Гелон и Скиф. На вопрос девушки-змеи: «что мне с ними де-

лать, когда они подрастут»²², Геракл посоветовал ей поступить следующим образом. После возмужания сыновей оставить при себе того сына, который натянет лук и опоясается поясом так, как это делает он, а остальных изгнать на чужбину. Завет Геракла удалось выполнить младшему сыну — Скифу, а Агафирс и Гелон были вынуждены оставить свою страну²³. Геродот дальше сообщает, что «от этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари»²⁴. Продолжая это сообщение Геродота, можно поставить вопрос: не произошли ли гелоны от изгнанного царя Гелона, ушедшего, по-видимому, со многими представителями этого народа. Такая легенда, вероятно, отражает какую-то реальность; это событие, согласно исследованиям катакомбной культуры, могло произойти примерно в середине II тысячелетия до н. э. и его возможно связать с расселением племени катакомбной культуры из степных районов Северного Причерноморья, и в том числе из Нижнего Поднепровья, на север вдоль Днепра и Дона. Катакомбная культура на среднем и верхнем Дону появляется около этого времени, охватывая широкую территорию правобережья и левобережья Дона.

Исторический процесс сложения населения среднего и верхнего Дона осложнен был проникновением племени срубной и абашевской культур. Наши исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа на Дону показывают, что среднедонская культура возникла на основе сосуществования племени катакомбной, срубной и абашевской культур эпохи бронзы, следы подобного сосуществования нередко наблюдаются в погребальных сооружениях, в обряде и керамике среднедонской культуры эпохи раннего железа. С течением времени произошла концентрация населения сообразно жизни и харак-

теру занятий: кочевого, в основе будинского населения в левобережной части и оседлого будино-гелонского населения в правобережье, где будины говорили на языке особом, отличном от языка гелонов, говоривших частью на скифском языке и частично на эллинском.

Возможно, что гелоны, являясь значительной частью населения правобережного Дона, представляли ту часть населения, которая сохранила предшествующие традиции населения катакомбной культуры эпохи бронзы и его язык, на котором говорили скифы.

¹ О городе Гелоне, гелонах и возможной их территории, а равно и схему памятников на территории среднего Дона эпохи раннего железа. См. специальные работы автора: *Либеров П. Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. МИА, № 151, 1969, с. 5—26; *он же.* Памятники скифского времени на среднем Дону. САИ, Д1-31, М., 1965, с. 9.

² *Herod.*, IV, 108.

³ *Herod.*, IV, 109.

⁴ *Herod.*, IV, 102.

⁵ *Herod.*, IV, 100, 125.

⁶ *Ализова А. Е.* Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, с. 86 сл.; *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннежелезном

веке. М., 1967; *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.

⁷ *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43. 1911, с. 50—54; табл. II—V.

⁸ Там же, с. 58, рис. 64.

⁹ Там же, табл. I, 9, 10, 12.

¹⁰ Там же, табл. I, 14.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд. Пг., 1914, табл. I—III.

¹² *Пузикова А. И.* Новые курганы скифского времени в Белгородской области. КСИА, вып. 107, 1966, с. 80 сл.

¹³ Пользуясь случаем, благодарю И. Б. Зеест за многочисленные определения амфорного материала из поселений и погребальных комплексов.

¹⁴ *Пузикова А. И.* Указ. соч., с. 82, рис. 29, 4.

¹⁵ См. статью Н. А. Онайко в данном сборнике. Благодарю Н. А. Онайко, которая обратила наше внимание на находки из Феодосии.

¹⁶ *Либеров П. Д.* Отчет за 1962 г. Архив ИА, Р1, д. 2489, с. 37—38.

¹⁷ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 24, рис. 2, 159, табл. 30, 6; *Башилов В. А.* Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастогино. СА, 1966, № 2, с. 304, сл., рис. 1—2.

¹⁸ *Пузикова А. И.* Указ. соч., с. 84.

¹⁹ *Ростовцев М. И.* Указ. соч., табл. I—III.

²⁰ *Либеров П. Д.* Указ. соч., с. 24, рис. 2, 1.

²¹ *Herod.*, IV, 76—80.

²² *Herod.*, IV, 9.

²³ *Herod.*, IV, 8—10.

²⁴ *Herod.*, IV, 10.

Г. А. Лордкипанидзе

АЛТАРИ ВАНСКОГО ГОРОДИЩА (Западная Грузия)

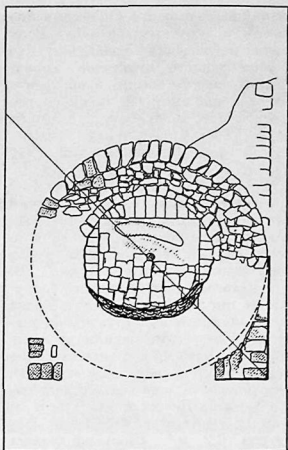
За последние годы археологическими раскопками Ванского городища (V—I вв. до н. э.) было выявлено несколько культовых сооружений, в том числе алтари¹.

Форма античных алтарей не была канонически определена, чем и вызвано их большое разнообразие². Этим характеризуются и алтари Ванского городища. Они представлены

несколькими типами; в данной работе мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Жертвенные ямы. Они были выявлены в скальном грунте в верхней части городища (уч. 211). Диаметр одной из них 0,80 м, глубина 0,40 м. Рядом обнаружена другая жертвенная яма диаметром 1 м, глубиной 0,60 м. К последней примыкает канавка длиной 5,40 м, глубиной 0,30 м, по которой стекала кровь жертвенных животных к «подземным богам» в «подземный мир». Жертвенные ямы с канавкой для стока крови, по-видимому, связаны с большим деревянным культовым сооружением V—IV вв. до н. э., исследование которого еще не завершено. Святылища с жертвенными ямами зафиксированы этнографами в горных районах Грузии (Пшави—Хевсурети и др.). Культ хтонических божеств засвидетельствован и письменными источниками. По Аполлонию Родосскому, Гея являлась одним из верховных божеств колхского пантеона (*Apoll. Rhod., Arg. III, 714—716*); кроме того, здесь почиталась Геката.

Большие церемониальные алтари. С хтоническими культами надо связать и т. н. «круглый храм», раскопанный у самого северо-восточного края центральной террасы Ванского городища (уч. 68, 60). Как предполагают, в конце IV в. до н. э. здесь стоял прямоугольный в плане храм размером 11,40×10,40 м. Во второй половине III в. до н. э. на старом основании был воздвигнут круглый храм (рис. 1) диаметром 10 м (внутренний диаметр 5,40 м). С восточной стороны сооружение было открытым, здесь не обнаружено следов фундамента и стен, сохранилась лишь своеобразная платформа высотой 1,7 м, состоящая из 10 рядов квадратов, расположенных несколько ступенчато. Здесь можно предположить наличие широкой лестницы. Западная стена «круглого храма»

1. План «круглого храма» III—II вв. до н. э.

была выложена в земле. Сохранившаяся максимальная высота от уровня пола 2,20 м, а от поверхности материка — 1,20 м. Стена состоит из 12 рядов квадратов, имевших в среднем толщину 0,15—0,20 м. Над этой стеной был обнаружен фрагмент жертвенной плиты (рис. 2), напоминающий тарпан. Сохранившаяся длина плиты 0,80 м, ширина 0,60 м, толщина 0,20 м. По краю жертвенника проходит глубокая борозда шириной 5 см и глубиной 6 см, служившая сливом для крови жертвенного животного. Алтари такого типа (*εσχάραι*) клались непосредственно на землю и были посвящены хтоническим божествам³.

Жертвенник не был обнаружен *in situ*, но вряд ли мог сюда попасть

случайно, со стороны. Он несомненно связан с «круглым храмом». Если наши наблюдения правильны, то внутри данного культового сооружения должны были происходить жертвоприношения. В таком случае здесь скорее всего мог находиться столь характерный для эллинистической эпохи церемониальный, т. н. «большой алтарь».

Вероятно, «подземным богам» был посвящен и нижний, более ранний четырехугольный в плане храм, у западной стены которого в скале была устроена траншея для стока крови жертвенных животных (рис. 2). Кроме того, в центре данного сооружения имеется яма, которая также вряд ли имела конструктивное значение. Интересные параллели находим среди памятников античной Греции. Например, над прямоугольным сооружением также неизвестного назначения на Делосе в VI в. до н. э. был построен круглый храм диаметром 6,2 м⁴. «Большой толос» Дельф имел наружный диаметр 9 м, а более ранний, т. н. «архаический толос» — всего 6,32 м⁵. Как предполагают, диаметр ольвийского толоса также равнялся 6 м⁶. Назначение этих сооружений точно не установлено: одни считают их одеонами, другие — героонами. Круглые в плане храмы, связанные с идеями самофракийских божеств, в эллинистическую эпоху строились и на Востоке⁷. Кроме того, известны и круглые в плане «большие алтари». Например, один из них в Лаконике имел диаметр 8,40 м, а высота стен достигала 2,50 м. Алтарь, посвященный хтоническим богам, датирован эллинистической эпохой. Круглый в плане алтарь раскопан на о. Делосе. По многочисленным наблюдениям К. Явиса, такие алтари обычно строились в честь хтонических божеств (Деметра, Кора-Персефона и др.). Известны случаи, когда они посвящались и героям⁸. В связи

с этим примечательно, что в 4 м к западу от ванского «большого алтаря» было раскопано погребение знатного колхского воина, датированное третьей четвертью IV в. до н. э.

На вершине холма — высшей точке акрополя городища (уч. 209) раскопками выявлены развалины прямоугольного в плане храма и связанного с ним семиступенчатого церемониального алтаря IV—III вв. до н. э. Алтарь (рис. 3) воздвигнут у средней части 15-метровой стены монументального храма на расстоянии всего 0,50 м, длина его 4,5 м, ширина 2,80 м. Первая ступень, имевшая длину 2,85—2,87 м, состоит из шести не очень тщательно пригнанных квадратов, ширина ее (проступь) равняется 0,33 м. Ступенька сохранила следы специальной отметки архитектора в виде неглубокой короткой поперечной линии, по которой точно выверены остальные шесть ступеней. Их длина, согласно этой отметке, равняется 2,72—2,73 м. Эти размеры выдерживают вторая и третья ступени, но последующие дают разницу от 2 до 10 см. Высота ступеней 0,19 м, проступь в среднем 0,33 м, что почти полностью совпадает с наиболее распространенной единицей небольших мер греческой метрологии — аттико-эвбейским футом, равнявшимся 0,328 м⁹. Число ступеней было нечетным, и это было определено канонически: вступление на верхнюю площадку правой ногой считалось добрым предзнаменованием. Не исключено, что число семь — количество ступеней предхрамового, церемониального алтаря — являлось священным. Как известно, семь считалось священной цифрой как Аполлона, так и Диониса.

→
2. Фрагмент жертвенника из «круглого храма» (вверху); канава для сбора крови жертвенных животных (внизу)

Ванский ступенчатый алтарь предназначен для сожжения отборных частей жертвенных животных. Он обращен в сторону восхода солнца, но по странам света, как и сам храм, ориентирован не очень строго. Отклонение от оси север-юг довольно значительно и достигает 20°. Точно такое отклонение имеет и храм, что может служить доказательством их одновременного строительства¹⁰.

Местонахождение алтаря и храма несомненно говорит о большой важности почитаемого здесь божества. К сожалению, археологический материал не позволяет определить характер культа.

Ступенчатые алтари в греческом мире появляются довольно рано, с VIII в. до н. э., и впоследствии становятся распространенным типом предхрамовых жертвенников. Аналогичные алтари раскопаны в Капуе (II в. до н. э.), на Делесе, в Пергаме (III в. до н. э.) и других местах. Семиступенчатый алтарь эллинистической эпохи раскопан в Приене¹¹.

В 20 м от ступенчатого алтаря (уч. 220) расположен четырехугольный квадратный алтарь эллинистической эпохи. Полностью сохранилась лишь северная стена длиной 1,20 м. Восточная, фасадная сторона с кладкой из рустованных квадров сохранилась частично. Высота алтаря 1,10 м. Пространство между стенами выложено плоскими рваными плитами. Поверхность алтаря предназначалась для жертвенного костра. Рядом были обнаружены два позднеэллинистических пифоса, служившие скорее всего для хранения обетного вина. Судя по этнографическим материалам, пифосы играли важную роль в обрядах, связанных с культами плодородия¹². Они часто служили для жертвоприношения и воскурения благовоний. По-видимому, они считались священным, наиболее приближенным к божествам

местом, где происходил мнимый контакт с ними. В античную эпоху колхские пифосы использовались и для погребения усопших.

Прямоугольные в плане квадратные алтари хорошо известны в античном мире, обнаружены они и в Северном Причерноморье — на о. Березань и в Ольвии¹³.

Храмовые алтари. Развалины храма II—I вв. до н. э. с небольшим монолитным цилиндрическим алтарем раскопаны в южной части центральной террасы Ванского городища (уч. 199—200). Храм в плане прямоугольный, типа мегарона, имел сырцовые стены, каменный цоколь, мозаичный пол и черепичное перекрытие. Он почти правильно ориентирован по оси запад—восток, с небольшим отклонением. В 2,50 м от западной стены, почти в средней части (на 0,20 м ближе к северной стене, чем к южной) на базе из квадров стоял алтарь (рис. 4). Его высота 0,66 м (два аттико-звейбейских фута), размеры верхней плоскости 0,52×0,42 м. Алтарь предназначался для воскурения благовоний и для бескровных жертвоприношений.

Аналогичные алтари широко распространены в греко-римском мире. В Приене они связаны с т. н. восточными, или египетскими богами (Серапис, Анубис, Гарпократ, Геракл Непобедимый). Высота приенских эллинистических алтарей 0,68 и 0,59 м, диаметр 0,39 и 0,52 м. К III в. до н. э. относятся монолитные цилиндрические алтари из Делоса¹⁴. Они в равной степени использовались и для культа этнических божеств.

В восточной части храма было выявлено около 40 раздавленных колхских амфор; ближе к алтарю ле-

→
3. Общий вид развалин храма и ступенчатого алтаря IV—III вв. до н. э. (на переднем плане вход в крипту, заваленный камнями) — сверху; ступенчатый алтарь IV—III вв. до н. э. — внизу

4. Монолитный цилиндрический алтарь II—I вв. до н. э.

жал пифос. Предполагают, что они являлись подношениями с обетным вином, а храм представлял собой священное винохранилище — марани¹⁵. Раскопками здесь обнаружены фрагменты большого ритуального бронзового сосуда, украшенного горельефными головками представителей свиты Диониса: Пана, Сатира, Менад и Ариадны. Кроме того, были найдены три фигурки орла с раскрытыми крыльями и скульптура высотой 30 см Крылатой Нике. По этим данным описанный нами храм можно отнести не только к Дионису, но и к другим божествам.

Несколько алтарей связано с крепостными воротами городища, являющимися священными. Палом-

ничество было настолько интенсивным, что каменный порог плиточной мостовой у городских ворот оказался значительно стертым. Здесь же возвышалась мраморная скульптура богини-покровительницы города, от которой сохранился лишь мраморный пьедестал (рис. 5). Все это удивительным образом совпадает с картиной абстрактных городских ворот, воссозданных Лукрецием.

И мостовую дорог, мощенную камнями, видим
Стертой ногами толпы, и правые руки у статуй
Бронзовых возле ворот городских постепенно хуеют
От припадания к ним проходящего мимо народа.
(О природе вещей, I, 315—318).

Как уже доказано, привратный маленький храм с составным трапезовидным алтарем, пристроенным к средней части западной стены (рис. 6), был посвящен местному божеству плодородия, образ которого в эллинистическую эпоху ассоциировался с Деметрой¹⁶.

В 3 м к северо-западу за крепостной стеной у основания нависшей скалы раскопан четырехугольный в плане, т. н. скальный или земляной алтарь. Западной стеной и частично северной служит скала, остальные выложены из квадров. Размеры алтаря $4 \times 2,5$ м; внутренняя его часть площадью $1,80 \times 0,95$ м представляет собой своеобразную цистерну глубиной 0,50 м, оштукатуренную известковым раствором. Следы такого же покрытия сохранились снаружи. Оштукатуренные таким образом алтари встречаются и в других местах античного мира, по технике строительства их обычно объединяют в группу т. н. монолитовидных алтарей¹⁷. По своему типу ванский алтарь больше подходит к скальным или земляным алтарям Малой Азии, которые были посвя-

5. Северо-западный угол крепостных ворот Ванского городища IV—III вв. до н. э. На переднем плане стертый каменный порог и пьедестал скульптуры

6. Привратный храм с составным трапезовидным алтарем II—I вв. до н. э.

щены хтоническим богам¹⁸. Традиция устройства алтарей непосредственно на земле известна в Западной Грузии с эпохи поздней бронзы¹⁹.

Археологическими раскопками на небольшой площади между скальным алтарем и крепостными воротами обнаружено свыше 40 моделей колхских пифосов и терракотовая маска Диониса. Эти находки не оставляют никакого сомнения в том, что алтарь был посвящен Дионису.

В отличие от крепостных ворот скальный алтарь имеет 6° отклонения от оси север—юг. Построен алтарь довольно небрежно, из камня различных пород, что позволяет от-

нести его к более позднему времени, а именно к рубежу II—I вв. до н. э.

Рассмотрев часть ванских алтарей IV—I вв. до н. э., определив их функциональное назначение, мы выделили отдельные типы, привели аналогии из различных областей античного мира, выяснили, что большинство ванских алтарей связано с хтоническими культами, местными божествами плодородия. Некоторые образцы алтарей несомненно происходят из греческого мира. На религиозные верования древних обитателей Вани большое влияние оказали эллинистические традиции; процесс синкретизации был весьма значительным.

- ¹ Вани, И. Археологические раскопки в 1947—1969 гг. Тбилиси, 1972.
- ² Подробно об античных алтарях см.: *Javis S. G. Greek Altars. Saint Louis, 1949* (здесь же обширная библиография).
- ³ *Javis S. G. Указ. соч.*, с. 94; *Латышев В. В. Очерк греческих древностей*, ч. II. СПб., 1899, с. 23.
- ⁴ Всеобщая история архитектуры, II. М.—Л., 1965, с. 63, рис. 22.
- ⁵ *Соколов Г. И. Дельфы*. М., 1972, с. 33.
- ⁶ *Карасев А. Н. Архитектура*. — В кн.: *Античные памятники Северного Причерноморья*. М.—Л., 1953, с. 200.
- ⁷ *Кошеленко Г. А. Культура Парфии*. М., 1966, с. 24 сл.
- ⁸ *Javis S. G. Указ. соч.*, с. 200, 240.
- ⁹ *Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора*. СА, XXVI, 1954, с. 227 сл. См. также: *Beriman A. E. Historical metrology. A new analyses*. London, 1953.
- ¹⁰ Ср. *Javis S. G. Указ. соч.*, с. 56, 57.
- ¹¹ Там же, с. 185, 187, 191, 248.
- ¹² *Топурия Н. С. Зедаре — вино обрядового подношения. «Материалы по этнографии Грузии», т. XII—XIII*. Тбилиси, 1963, с. 157—173 (на груз. яз.); *Читава Г. С. Мотив древа жизни в лазском орнаменте. «Известия Ин-та языка, истории, материальной культуры»*. Тбилиси, 1941, с. 313 (на груз. яз.); *Казвани Х. Е. Крестьянская усадьба в Имерети*. Тбилиси, 1964, с. 116 (на груз. яз.).
- ¹³ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники Ольвийского темеоса. — В кн.: *Ольвия*. М., 1964, с. 102 сл.; *Левин Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры и темеоса. Там же, с. 163; «Археология УССР». Киев, 1971, с. 296, 467.
- ¹⁴ *Javis S. G. Указ. соч.*, с. 140, 142—144.
- ¹⁵ *Лордкипанидзе О. Д.* К локализации ТО THE ΔΕΥΚΟΘΕΑΣ ΙΕΡΟΝ. ВДИ, 1972, № 2, с. 120.
- ¹⁶ Более подробно см.: *Лордкипанидзе Г. А.* К истории древней Колхиды, Тбилиси, 1970, с. 121—122.
- ¹⁷ *Javis S. G. Указ. соч.*, с. 153.
- ¹⁸ Там же, с. 221, 222.
- ¹⁹ *Рашишвили А.* Древние стоянки на Пичвнарских песчаных дюнах. — В кн.: «Памятники Юго-Западной Грузии», I, Батуми, 1964, с. 18, 26 (на груз. яз.).

О. Д. Лордкипанидзе

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ КОЛХИДЫ С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

В. Д. Блаватский¹ обратил внимание на весьма любопытное сообщение Стефана Византийского о том, что город Пантикапей, ставший столицей Боспорского царства, был будто бы основан сыном колхидского царя Айэта: «*ῥήσιθη δὲ παρὰ Αἰήτου κολίδος*»². Аналогичное сообщение имеется и у Евстафия: «*κτίσας κολίδος Αἰήτου*»³. Конечно, правдивость этих сообщений вызывает сильное сомнение и едва ли их можно принимать всерьез во внимание при исследовании вопроса о времени и условиях основания этой милетской апокнии, достаточно хорошо уже известной не только по более достоверным

письменным свидетельствам (Страбон, Плиний, Аммиан Марцеллин), но и весьма богатым археологическим материалам, добытым и изученным В. Д. Блаватским и его учениками и сотрудниками⁴. Тем не менее вышеуказанные свидетельства Стефана Византийского и Евстафия представляют определенный интерес; по справедливому замечанию В. Д. Блаватского, хотя в настоящее время и «невозможно найти реальную основу этой литературной традиции, но несомненным является отражение в древнегреческих мифах каких-то очень близких связей Колхиды с Северным Причерноморьем»⁵.

В. Д. Блаватский считает возможным предполагать, «что возникновение этой мифологической версии (т. е. основание Пантикапея колхидским царевичем. — *О. Л.*) связано с традицией о существовании еще в догреческое время поселений на Боспоре (и в частности, на месте, где позднее был основан Пантикапей); может быть, здесь следует искать отголоски каких-то данных о связях древнейших обитателей Крыма с населением Кавказа»⁶.

Археологические материалы действительно свидетельствуют о межплеменных сношениях между Колхидой и Северным Причерноморьем уже с рубежа II—I тысячелетий до н. э. Об этом указывают находки колхидских бронзовых топоров и других изделий в Крыму и даже на территории Украины⁷. С другой стороны, на территории нынешней Западной Грузии появляются предметы (в том числе бронзовый шестигранный кельт), место производства которых локализуется на территории днепровского правобережья⁸. Конечно, эти отдельные находки еще не могут служить основанием для предположения о наличии каких-либо регулярных сношений. Это был межплеменной обмен, но, как предполагал А. А. Иессен, уже с использованием каботажных морских путей⁹.

Регулярные торгово-экономические связи Колхиды с Северным Причерноморьем наблюдаются с VI в. до н. э., когда Колхида, как и Северное Причерноморье, включилась в орбиту греческой торговли. Интересно отметить, что на территории Колхиды в настоящее время найдены изделия (хотя и сравнительно в меньшем количестве) почти всех греческих центров, импорт которых в VI—IV вв. до н. э. засвидетельствован в Северном и Западном Причерноморье¹⁰. Факт этот неоспоримо свидетельствует о включении Колхиды

в общепонтийский рынок греческой торговли.

Включение отдельных областей Причерноморья в общегреческую торговлю несомненно должно было способствовать установлению экономических связей и между различными регионами Понта Евксинского¹¹. И вот с VI в. до н. э. и особенно в V—IV вв. до н. э., когда торговля греков с Понтом проходила под гегемонией Афин, в археологических материалах все убедительнее можно констатировать наличие экономических связей между Колхидой и Северным Причерноморьем, точнее — его северо-восточной областью (Боспор Киммерийский). Об этом свидетельствуют уже давно известные находки колхидских пифосов и серебряных монет («колхидок») в Нимфее¹².

За последнее время обломки колхидских пифосов в большом количестве были обнаружены в архаических слоях Пантикапея¹³. Особо большой интерес представляет находка глиняного светильника (ионийского, открытого типа), на котором сохранились граффити: *Κολχος*, т. е. Колх. Палеографическое очертание букв, в частности употребление букв «коппа», указывает, что они выпараны не позднее V в. до н. э.¹⁴

Найденные в Пантикапее граффити с именем «Колх», а также колхидские монеты дают некоторое основание предположить возможное участие в торговых операциях и колхидских купцов. В связи с этим следует указать также на упоминание этника «Колх» в качестве собственного имени и в боспорских надписях IV в. до н. э. В одной из них, найденной в Керчи, упоминается некий «Филоком сын Колха» (*φιλόκομος Κόλχο[υ]*)¹⁵. Около Керчи найдена и другая надпись, также IV в. до н. э., с упоминанием «Мадзиса сына Колха» (*Μαζις Χόλο[υ]*)¹⁶. Не указывают ли эти данные на наличие в боспорских

городах определенной колхидской этнической прослойки?

Ряд исследователей считают, что из Колхиды на Боспор вывозили лес, главным образом корабельный¹⁷. В пифосах на Боспор привозили широко известные в античном мире колхидские воск, смолу (потреблявшиеся при кораблестроении), а также мед¹⁸.

С другой стороны, о торговых связях Боспора с Колхидой указывают находки боспорских монет на территории древней Грузии¹⁹. Наибольший интерес представляют находки пантикапейских и нимфейских монет в Кобулети—Пичввари, где они встречаются в погребениях греков²⁰. Возможно, данное обстоятельство указывает на участие боспорских купцов в греческой торговле с Колхидой²¹.

¹ Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей. «Вестник МГУ», 1948, № 8, с. 12.

² St. Byzant., Παντικαπαιον.

³ Eustath., Comm. ad Dion, 31.

⁴ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.

⁵ Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос. . . , с. 12.

⁶ Блаватский В. Д. Пантикапей, с. 10.

⁷ Иссен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 31.

⁸ Гамбашидзе О. С. Тхморский клад. Тбилиси, 1963, с. 64—70 (на груз. яз.).

⁹ Иссен А. А. Указ. соч., с. 32.

¹⁰ Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1966, с. 68 сл. (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

¹¹ Ср. Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья. ВДИ, 1970, № 2, с. 129 сл.

¹² Скуднива В. М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее. ВДИ, 1952, № 2; ср. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1951, с. 72, табл. 24.

¹³ Зест И. Б., Марченко И. Д. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, с. 154—155, рис. 6, 6. Обломки колхидской керамики VI—II вв. до н. э., найденные

при раскопках Пантикапея, хранятся в ГМИИ. К VI—V вв. относятся: М 49 ВМ V/4, № 783; М 52 ВМ XIV/II, № 267; М 53 ВМ XVII/26, № 592; М 45, № 228; М 57 НЭ 58/VII, № 286 (7); М 49 ВМ IX/IV, № 1482; М 53 ВМ XVII/28, № 592.

¹⁴ Привожу глубокую признательность И. Д. Марченко, которая любезно сообщила нам об этой интересной находке и предоставила право первой публикации. По сообщению И. Д. Марченко, обломок два с частью втулки конийского светильника открытого типа конца VI в. до н. э. найден в Пантикапее: раскопки 1961 г. Ново-Эспланадный раскоп XXIX, пл. 8 штык, № 144 (архаический слой).

¹⁵ КБН, № 230.

¹⁶ КБН, № 200. Написание Χόλκος является обычным и засвидетельствовано уже в середине VI в. до н. э. на аттической чернофигурной гидрии — см. Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen, I, München, 1923, S. 271. Этнокон «Колх» в форме Χόλκος встречается в боспорской надписи II в. н. э., которую и В. В. Сысов, и В. В. Латышев считают происходящей из Горгиппии, КБН, № 1231.

¹⁷ Колобова К. М. К вопросу о судостроении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, 1933, с. 51; СП, с. 142; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 92; Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. ПИСП, с. 142; Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 36—38.

¹⁸ Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 38—39, прим. 239. Автор совершенно справедливо возражает против нашего предположения о том, что в колхидских пифосах перевозили льняное масло (Лордкипанидзе О. Д. Античный мир. . . , с. 92), однако на той же странице сказано: «в колхидских пифосах вывозили мед, смолу. . . »

¹⁹ Полную сводку находок боспорских монет до 1958 г. см.: Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях. . . , с. 143 сл. Наиболее ранней в этом списке является медная монета Пантикапея (370—340 гг. до н. э.), найденная около Цихис-дзир.

²⁰ Казидзе А. Ю. Итоги полевых исследований могильника греков-пришельцев в Пичввари. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971, с. 181.

²¹ К концу V и особенно в IV в. до н. э., как известно, наблюдается усиление боспорского торгового влияния в некоторых областях Причерноморья. Так, например, в этот период ольвийская торговля в определенной мере зависела от Боспора: афинский импорт в Ольвию

находился под боспорским влиянием (Граков Б. Н. Каменское городище. МИА, № 36, 1954, с. 148, 172; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, с. 117—118).

Н. М. Лосева

ДВЕ СТАТУИ «ПЛАКАЛЬЩИЦ» ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА

Две небольшие женские статуи из терракоты¹ были переданы Музею из собрания И. С. Остроухова в 1929 г. Происхождение их неизвестно.

Обе фигуры выполнены из красновато-коричневой глины, поверх которой была нанесена белая обмазка и по ней раскраска, теперь не сохранившаяся. Высота статуй: № 1 — 0,915 м, № 2 — 0,91 м.

Обе фигуры почти повторяют одна другую, вероятно, они стояли рядом; у одной поднята выше левая рука, у другой — правая. Обе фигуры рассчитаны на рассмотрение спереди; сзади мало обработаны, возможно, стояли в нишах. На спине у каждой — довольно большое (0,09 × 0,06 м) прямоугольное отверстие. Три небольших просверленных круглых отверстия (очевидно, для прикрепления) имеются у каждой фигуры на нижней части одежды: одно в центре спереди и два сзади.

Каждая из статуй изображает женщину в длинном хитоне дорийского типа из плотной материи, доходящем до пола, без рукавов, с высоко подпоясанной апоитигмой. Из-под одежды видны ступни ног в узкой, плотно охватывающей ногу обуви. Одежда падает крупными прямыми

складками. На сгибе колена складки расположены соответственно движению ног. Апоитигма немного укорачивается к центру фигуры, подчеркивающему складкой и бантом пояса. Концы пояса свободно спадают вниз. Центральные складки апоитигмы образуют подобие «ласточкина хвоста».

У обеих фигур довольно большие головы при узких плечах. Черты лица крупные, немного грубоватые. Веки переданы узкими валиками, зрачки обозначены процарапанными кружками. Рот небольшой, слегка приоткрытый. Волосы гладко причесаны, разделены на прямой пробор и заплетены в косу, падающую за спину. Руки, согнутые в локтях, подняты вверх. Кисти рук большие, широкие, с раскрытыми пальцами².

В. Деонна в своей работе об античных терракотовых статуях³ говорит о находках в гробницах Канозы погребальных статуй, подобных нашим, примерно в половину натуральной величины. Центром их производства он считает Канозу. Согласно мнению Деонна, эти статуи укреплялись в гробницах с помощью отверстий внизу одежды. Высота их от 0,9 до 1,1 м. Все они одного типа, с легкими вариантами в чертах лица, положении рук, складках одежды,

прическах. Они близки по типу терракотовым фигурам, украшающим аски Канозы. Фигуры отливались в формах, и только волосы проходили резцом или стекой. Они раскрашивались поверх белой обмазки, как и фигуры на вазах. Производство подобных статуй, по мнению Деонна, существовало недолго. Это могли быть те же мастерские, которые выпускали вазы, украшенные статуэтками. Помимо статуй в Руане, Копенгагене и Бари Деонна называет еще статуи в музеях Неаполя, Вены, Парижа (кабинет медалей), в Британском музее в Лондоне.

Деонна ведет эти статуи от более ранних прототипов V в. до н. э. и датирует их I в. до н. э.

В статье А. Оливера⁴ опубликованы три женские фигуры из терракоты. Высота этих статуй 0,97 м. Они очень близки нашим терракотовым фигурам вплоть до трех просверленных отверстий на одежде, расположенных таким же образом: одно спереди в центре и два по бокам сзади. Статья А. Оливера касается материалов двух гробниц, найденных итальянской экспедицией Scosserra в конце XIX в. Материалы находок обеих гробниц сразу попали в руки фирмы «Канесса» в Неаполе и были проданы в различные страны.

В женской гробнице В было найдено 8 терракотовых женских фигур в половину натуральной величины. Одна из этих фигур была куплена Национальным музеем Копенгагена⁵. В каталоге сказано, что статуя была приобретена в 1900 г. у неаполитанского антиквара⁶. Вторая фигура была куплена Музеем древностей в Руане в 1905 г. у антиквара Feuadent. Ее высота 0,9 м⁷.

Третья воспроизведенная Оливером фигура находится в Бари⁸. Она менее похожа на две предыдущие, но тоже, как предполагает Оливер, принадлежит к восьми найденным в гробнице В статуям, так как

была получена музеем Бари вместе с другими материалами из гробниц Канозы. Еще две аналогичные фигуры видел В. Деонна в 1906 г. в Париже у антиквара Feuadent.

Близость наших скульптур с фигурами, найденными в гробнице В в Канозе, сходство в глине, технике, аналогичные размеры делают весьма вероятным происхождение наших фигур из той же гробницы. В настоящее время твердо установлена дата — III век до н. э. — для полихромной керамики Канозы. Эта керамика является непосредственным продолжением апулийской краснофигурной керамики, одним из центров производства которой, вероятно, была Каноза. Близость наших скульптур к статуэткам, украшающим аски из Канозы, делает и для них наиболее правильной дату III в. до н. э.

¹ № 1 — инв. II, Ia, 634; № 2 — инв. II, Ia, 635.

² Деонна № 2 сохранилась лучше. Один кусок ее одежды приклеен. Значительный сбой имеется на нижнем крае одежды и на носке правой ноги. У статуи № 1 склеен весь низ, частично также верхняя часть фигуры. Приклеена левая рука. Пальцы рук реставрированы, небольшие части их утрачены. У обеих статуй местами отслаивается верхний слой глины. Имеются выкрошки по склейкам, частично заполненные глиной. Сильно стерта белая обмазка, сохранившаяся только местами.

³ *Deonna W.* Les statues de terre cuite dans l'antiquité Sicile, grande Grece, Etrurie et Rome. Paris, 1908, p. 72.

⁴ *Oliver A.* The Reconstruction of Two Apulian Tomb Groups. — In: 5 Beiheft zur Halbjahresschrift «Antike Kunst». Bern, 1968, tab. II (1—3). Я приношу благодарность проф. А. Грейфенхагену, любезно указавшему мне эту статью.

⁵ *Breitenstein N.* Catalogue of terracottas. Danish National Museum. Copenhagen, 1941, tab. 80 (659).

⁶ *Ibid.*, p. 69—70.

⁷ *Deonna W.* Op. cit., p. 74, N 6; p. 77, N 13; *Oliver A.* Op. cit., tab. II, 1.

⁸ *Oliver A.* Op. cit., tab. II, 3.

Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко

О СТРУКТУРЕ СКИФСКОГО ПАНТЕОНА

Еще в прошлом веке установлен тот факт, что скифы были ираноязычным народом. Но исследователи, изучавшие скифскую религию, не учитывали его в должной мере, рассматривая религиозные представления этого народа изолированно, вне общего иранского контекста, что, естественно, затрудняло понимание самых существенных сторон проблемы. Большое значение для правильной ориентации исследований имела опубликованная десять лет тому назад статья В. Д. Блаватского¹, в которой показано принципиальное сходство между скифским и персидским пантеонами. Дальнейшие исследования (среди которых назовем работы Д. С. Раевского²) еще более подтвердили плодотворность подобного подхода.

Однако, как нам представляется, в изучении данной проблемы сделано еще далеко не все, в частности дальнейшего анализа требует важнейшее свидетельство о характере скифской религии — сообщение Геродота³. Древнегреческий автор пишет (*Herod.*, IV, 59 : «Скифы почитают только следующих богов: более всего — Гестию, затем Зевса и Гею, считая, что Гея — супруга Зевса, после них — Аполлона и Афродиту Уранию, и Геракла и Ареса». Далее Геродот указывает, что царские скифы помимо этих божеств почитают также Посейдона⁴. И, наконец, он дает скифские соответствия некоторым из этих божеств, которых только что определил посредством греческих имен: Гестия — Табити, Зевс — Папай, Гея — Апи, Аполлон — Ойтосир (Гойтосир), Афродита Небесная —

Аргимпаса, Посейдон — Фагимасад. Для Геракла и Ареса скифские имена не приводятся.

В данном свидетельстве, как нам кажется, следует выделить две черты, одна из которых (хотя само сообщение Геродота анализировалось неоднократно) почти не изучалась, а вторая, насколько нам известно, вообще никогда не отмечалась. Первая особенность — общее число божеств скифского пантеона: их семь. На это обстоятельство обратил внимание только В. И. Абаев⁵, сопоставивший число скифских божеств с семью богами алан и осетин, семью амшаспандами зороастризма и семью Адитья религии Вед. Тем самым он показал, что культ «семи богов» — не случайность, но что он связан с древнейшими религиозными представлениями, восходящими к эпохе индо-иранской общности.

В дополнение к его аргументации можно привлечь и некоторые другие факты. Это прежде всего сведения античных авторов о религии Аршакидской Армении, где в различных контекстах упоминаются семь божеств, семь алтарей и т. д.⁶ Хотя несомненно, что религия Армении имела в основе своей местный характер, столь же несомненно сильнейшее иранское влияние, которое сказалось как в представлениях об отдельных божествах, так и в формах объединения их в единый общегосударственный пантеон. В. И. Абаев не учел еще одного важного свидетельства — сообщения Геродота о религии персов (*Herod.*, I, 131 : «У них в обычае совершать жертвоприноше-

ния Зевсу, поднявшись на вершины гор, и весь небесный свод они называют Зевсом. Приносят жертвы они также Солнцу, и Луне, и земле, и огню, и воде, и ветрам. Только этим божествам они приносят жертвы издревле, позднее же они научились [узнали] приносить жертвы и Урании, заимствовав [почитание ее] у ассирийцев и арабов. Ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы — Алилат, персы же — Митрой». В этом сообщении Геродота по существу (исключая сведения о заимствованиях) только одна ошибка — уподобление Афродиты Урании Митре⁷. Страбон более точен, когда пишет, что Митра должен сопоставляться с Гелиосом (*Strab.*, XV, 3, 13). Как бы то ни было, в данной связи важно одно, а именно, что, согласно Геродоту, персидский пантеон времени Ахеменидов состоял тоже из семи божеств.

Вторая черта скифского пантеона по Геродоту — его строго иерархическая структура. При внимательном чтении приведенного отрывка становится совершенно очевидно, что Геродот не просто перечисляет скифские божества, но что он описывает четко организованную систему. Определяя место Гестии в пантеоне, «отец истории» указывает, что она почиталась *μάλιστα*, т. е. «превыше всего», «прежде всего». Точно так же, говоря о месте Зевса и Геи, он определяет его (по отношению к Гестии) словами *ἐπι δὲ* — «затем», конечно, не во временном значении. И для остальных четырех божеств Геродот находит выражение, не оставляющее сомнения в том, каково их место в пантеоне: *μετά δὲ τούτων* — «после этих», т. е. после предыдущих трех богов, причем и здесь ясно, что не во временном смысле, а в смысле их значения. Таким образом, Геродот отчетливо создавал и передал структуру пантеона скифов, которая определялась наличием трех уровней бо-

жеств. Графически эта схема может быть выражена следующим образом:

- I. Табити (Гестия)
- II. Папай (Зевс), Апи (Гея)
- III. Гойтосир (Аполлон), Афродита Урании (Аргимпаса), Геракл, Арес

Более того, как ясно из схемы, пантеон не только состоит из трех уровней, но имеет строгую систему взаимодействия их, а именно соотношения числа божеств на разных уровнях определяется как соотношение 1 : 2 : 4.

Надо думать, что подобная система отнюдь не случайна, но отображает какие-то очень древние, восходящие к эпохе иранского (а возможно, и индо-иранского) единства религиозные представления.

Для подтверждения этого положения обратимся вновь к религии персов⁸. Геродот, перечисляя божества персидского пантеона, особо выделяет только место Зевса. Однако было бы преждевременно утверждать, исходя из этого, что персидский пантеон состоял лишь из двух уровней. Уже давно установлено, что под именем Зевса у Геродота скрывается Ахура-Мазда. Но, с другой стороны, известно, что при поздних Ахеменидах наряду с Ахура-Маздой в царских надписях появляются два других божества — Митра и Анахита, особо выделяемые из всего персидского пантеона. Безусловно, и Анахита, и Митра ранее тоже почитались персами, но только при поздних Ахеменидах создается нечто вроде верховной триады, стоящей над остальными божествами. Поэтому есть основания считать, что и персидский пантеон был организован согласно схеме, которую мы наблюдаем в скифском пантеоне, т. е. он делится на три уровня с удвоением числа божеств на каждом уровне, считая с вершины. Следовательно, учитывая общепринятые сопоставления, пер-

скифский пантеон представляется следующим образом⁹:

- I. Ахура-Мазда (Зевс)
 II. Митра (Гелиос), Анахита (Селена)
 III. Огонь, Земля, Ветры, Вода

Это сравнение дает возможность высказать некоторые более общие соображения как о скифской религии, так и о ее месте среди верований других ираноязычных народов. Не касаясь сейчас вопроса о функциях различных божеств и в скифском, и в персидском пантеоне, мы тем не менее вправе со значительной долей уверенности утверждать, что при всем сходстве двух этих систем между ними есть и существенные различия. Они связаны в первую очередь с тем, какое божество занимает вершину пантеона, и вообще, как распределены божества в схеме. У персов, согласно Геродоту, высшую ступень занимает божество небесного свода, у скифов же — богиня, олицетворяющая огонь, — Гестия—Табити. Кроме того, насколько можно судить из «Истории» Геродота, у ираноязычных массагетов верховным божеством было Солнце¹⁰. Как показал В. Хеннинг¹¹, еще у одного ираноязычного народа — согдийцев во главе пантеона (имеющего ряд общих черт с зороастризмом, но отличающегося от него) стояла богиня Нанайя.

Таким образом, следует, видимо, думать, что у различных иранских народов эволюция религиозных представлений после распада иранского единства привела к тому, что во главе пантеона оказались различные божества: Ахура-Мазда — у персов (в чем, вероятно, особая роль принадлежала Заратуштре), Табити — у скифов, Нанайя — у согдийцев, Солнце — у массагетов. Все эти божества входили в древнейший общий пантеон, но в силу тех или иных условий у разных народов верхушку пантеона заняли различные божества¹².

¹ Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—XIII вв. до н. э.). СА, 1964, № 2, с. 13 сл.

² Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. СА, 1970, № 3, с. 90 сл.; *он же*. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. — В кн.: Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады. М., 1971, с. 268 сл.; *он же*. О семантике одного из образов скифского искусства. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 63 сл.

³ Мы не разделяем точки зрения С. А. Жебелева («Геродот и скифские божества», СП, с. 29 сл.) о малой ценности сообщения Геродота о скифском пантеоне, о том, что Геродот не смог сколько-нибудь адекватно передать характер скифских богов и что его уподобления их греческим божествам были в значительной мере случайными. Нам представляется весьма справедливой критика, которой подверг взгляды С. А. Жебелева М. И. Артамонов (см. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. АСГЭ, вып. 2. Л., 1961, с. 57 сл.), показавший, что свидетельства «отца истории» базировались на более глубоком, чем это ранее предполагали, знании скифских религиозных представлений и его уподобления божеств имели обоснованный характер.

⁴ В данной работе мы не касаемся вопроса о соотношении общескифского пантеона с племенными божествами.

⁵ Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов. — В кн.: Древний мир. Сб. в честь В. В. Струве. М., 1962, с. 445 сл.; *см. также: он же*. Дохристианская религия атак. М., 1962.

⁶ Chaumont M.-L. La culte de la déesse Anahit (Anahit) dans la religion des monarches d'Iran et d'Arménie au Ier siècle de notre ère. «Journal Asiatique», t. 253, fasc. 2, 1965, p. 175 f.

⁷ Zaehner R. C. The dawn and twilight of Zoroastrianism. New York, 1961, p. 98.

⁸ В понимании общих проблем религии Ирана эпохи Ахеменидов мы следуем М. А. Дандамаеву, считающему, что в это время там сосуществовали три различные религиозные системы: персидского народа, ахеменидских царей и магов, близкие друг другу в некоторых отношениях и, кроме того, испытывающие сильные взаимовлияния (Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 234 сл.).

⁹ Свидетельство Страбона (XV, 3, 13) также совершенно недвусмысленно в отношении системы персидского пантеона. Однако в нем есть некоторые расхождения с Геродотом, показывающие утрату той простоты, которая лежала в основе пантеона времени Геродота. Согласно Страбону, персидский пантеон (учитывая общепринятые сопоставления) выглядел следующим образом:

I. Ахура-Мазда (Зевс)
II. Митра (Гелиос), Анахита (Селена), Афродита

III. Огонь, Земля, Ветры, Вода

¹⁰ Геродот (I, 216) сообщает, что массагеты поклонялись только Солнцу. То же самое пишет и Страбон (XI, 8, 6). Однако вряд ли это утверждение верно в столь категорической форме. Во-первых, общетеоретические соображения заставляют сомневаться в монотеизме у народа, находившегося на той стадии развития, на которой стояли массагеты. Во-вторых, у массагетов установлено наличие пережитков тотемизма (*Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 25*). В-третьих, имеются свидетельства о почитании массагетами, как и сарматами, рек (*Plut., De fluv., XIX; Maxim. Tyr., Orat., VIII, 8*). Наконец, рассказ Геродота (*Herod., I,*

212) о массагетской царице Томирис и ее клятве Солнцем настолько своим содержанием и формой выражения напоминает его же сведения об отношении скифов к Гестии и их клятвы ей (*Herod., IV, 68 и 127*), что кажется весьма вероятным видеть в Солнце не единственное, но верховное божество в массагетском пантеоне. Недостаток сведений и первенствующая роль этого божества привели Геродота, а за ним и Страбона к ошибочному утверждению.

¹¹ *Henning W. B. A Sogdian God. BSOAS, v. XXVIII, 1965, part 2, p. 252.*

¹² В рамках данной статьи невозможно коснуться важного вопроса о соотношении трех уровней скифского (и персидского) пантеона с «тремя функциями» Ж. Дюмезиля. Подчеркнем только, что, с нашей точки зрения, схема организации скифского пантеона не имеет ничего общего со схемой Ж. Дюмезиля. Взгляды критиков его концепции представляются нам весьма справедливыми. См. *Brough J. The tripartite ideology of the Indo-Europeans: an experiment in method. BSOAS, v. XXII, 1959, part 1, p. 69—85*. См. также: *Boyce M. On Mithra part in Zoroastrianism. BSOAS, v. XXXII, 1969, part 1, p. 10 f.*

И. Д. Марченко

О КУЛЬТЕ АФРОДИТЫ НА ТАМАНИ

На протяжении длительного времени среди населения Боспорского государства получили широкое распространение религиозные представления, связанные с верой в великое женское божество — богиню производящих сил природы, покровительницу всего живого на земле, наделенную чертами хтонических подземных богов. В кругу греческого населения эти идеи персонализации сил природы олицетворялись в образах элевсинских богинь Деметры

и Коры, а также Афродиты и Артемиды¹. На азиатской стороне Боспора культ великой богини получил развитие среди синдских и меотских племен и ее религиозный облик ближе всего подходил к греческим богиням Афродите и Артемиде. Судя по большому числу надписей, эта богиня почиталась в течение нескольких столетий широкими слоями греческого и синдо-меотского населения. Показателем огромного значения культа Афродиты является ее популярность

1. Фрагменты протом: полуфигура Афродиты с голубем, V в. до н. э. Терракота

в период варваризации и превращение в государственную религию во II в. н. э.

Можно полагать, что в городских храмах и святилищах ее культ имел более греческую окраску, в святилищах же, расположенных вне городских центров, он проводился в иных формах и вся организация храмового хозяйства была другая.

На Таманском полуострове святилища устраивались в тех местах, где особенно ярко проявлялось своеобразие местной природы, связанное с действием грязевых и газовых вулканов. Одно из крупных святилищ находилось на горе Бориса и Глеба (где и теперь постоянно наблюдаются выходы газа и происходят оползни). Второе святилище располагалось

между двумя грязевыми вулканами на Майской горе, в окрестностях Фанагории. Здесь раскопками открыты остатки здания антового типа и большая фависса, заполненная обломками тысяч протом². Среди последних встречаются разновременные типы Афродиты, Деметры, Артемиды и Кору, что дает твердые хронологические рамки функционирования святилища от VI по II в. до н. э.

В этих двух святилищах допускалось многообразие религиозного облика великой богини, наделявшейся чертами других богинь — Артемиды, Астары, Кору или Деметры. Это подтверждается находением различных протом в фависсе на Майской горе. Но главным божеством святилища была Афродита. Ее протомы отличаются высоким уровнем исполнения и большими — сравнительно

с протомами других богинь — размерами. Протомы ее представлены в двух вариантах: в виде полуфигуры, задрапированной в покрывало, с голубем в правой руке³ (рис. 1), и в виде небольшой протомы, с лентой на лбу и в покрывале, обрамляющем лицо (рис. 2). В протомах первого варианта заметны черты, позволяющие сблизить их со скульптурами V в. до н. э. Плотнo облегающий чепец или покрывало сходны с головным убором лапифянки на западном фронтоне храма Зевса в Олимпии и Афродиты на панафинейском фризе⁴. Протомы второго варианта с головой Афродиты в налобной ленте тоже относятся к V в. до н. э. Тип их восходит к изображению гермы Афродиты, реплика которой происходит из Лептис-Магна⁵.

Исследователи полагали, что первоначально процесс соприкосновения и дальнейшего слияния двух религиозных аспектов культа Афродиты — греческого и местного — проходил сложно, временами со столкновениями, что сказалось на положении некоторых религиозных персонажей, не получивших официального признания и не включенных в пантеон боспорских божеств⁶. Д. Б. Шелов показал, как шел процесс скрещивания и взаимодействия греческих и местных культов на примере образа грифона и бородатого силена, имевших явно не греческий характер, но тем не менее изображенных на монетах Боспора⁷. В памятниках монументального искусства IV—III вв. до н. э. эти персонажи почти не представлены, надписи о них ничего не говорят, их изображали только на золотых бляшках, которые клали в погребения.

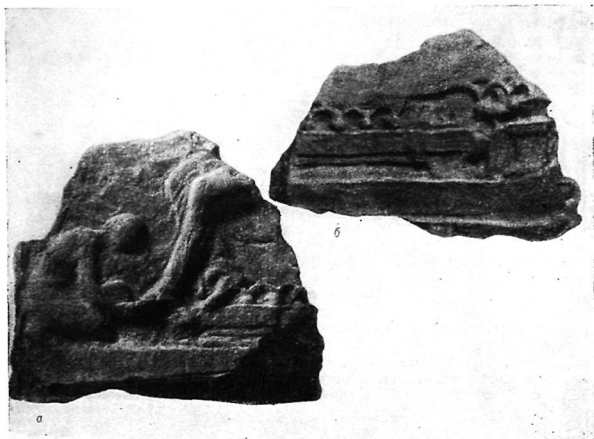
Л. П. Харко считал, что наименование святилища Апатур могло быть производным от названия общеоийских праздников Апатурий, справлявшихся в Фанагории под покровительством Афродиты, устроитель-

2. Протома Афродиты в налобной повязке, V в. до н. э. Терракота

ницы племенного и родового единства греков. В мифе о преследовании Афродиты гигантами и освобождении ее путем обмана можно уловить глухие отзвуки столкновений, происходивших в начальные моменты истории Боспора. Быстрая эллинизация синдских и меотских племен привела их к усвоению того культового образа женского божества, который почитался греками в виде Афродиты Апатуры. В. Д. Блаватский на широком фоне показал различные формы воздействия античной культуры на местную, на изменение представлений, выразившихся в антропоморфизации образа богини⁸.

Можно предполагать, что к IV в. до н. э. процесс слияния религиозных течений завершился, выработа-

3. Фрагмент рельефа с Афродитой и Эротом. Конец V—начало IV в. до н. э. (а); фрагмент рельефа с частью лежа с покрывалом. Конец V—начало IV в. до н. э. Терракота (б)

лась иконография, установился культовый ритуал, наладилась организация храмовых комплексов.

Перейдем теперь к новому памятнику, дополняющему наши материалы по культуре Афродиты на Тамани. В 1972 г. на Майской горе местным жителем Г. В. Спицыным был найден обломок рельефа и передан начальнику Фанагорийской экспедиции М. М. Кобылиной⁹. На обломке терракотового рельефа сохранилось изображение Эрота, присевшего перед сидящей женской фигурой (рис. 3, а). Несмотря на то, что обломок сильно стерт и утрачен поверхностный слой, можно представить общий вид всего рельефа. Фигурка Эрота занимает левый угол,

он присел на правую ногу, отчего колено левой ноги видно на заднем плане, правой рукой он придерживает ногу женской фигуры. Две рельефные линии выше головы Эрота являются контуром его крыльев, поднятых кверху. Эрот присел скорее всего перед Афродитой. Левая нога богини слегка протянута к Эроту, правая отведена за нее и поставлена на носок; обе ноги задрапированы одеждой, которая лежит складками у правой ступни. Правое колено выдвинуто немного вперед и расположено выше левого; это дает основание полагать, что сидящая фигура изображена в три четверти: ее торс повернут к зрителю и она либо опирается на левую руку, либо держит ее на коленях. В правой руке Афродита держит ветку или другой предмет¹⁰. Богиня сидит, по-видимому, на ложе, на которое набро-

шено покрывало с грузиками по краям. Основание ложа видно у ног богини.

Для восстановления сюжета рельефа важны обломки от двух таких же терракотовых рельефов¹¹, найденных прежде на Майской горе. Сопоставление всех трех фрагментов позволяет сделать вывод, что центральное место на рельефе занимало изображение Афродиты и кроме Эроса на нем не было других фигур.

Техника изготовления рельефа обычная: на тонкой глиняной пластинке матрицей оттиснуто изображение; для придания устойчивости пластинка книзу сделана толще и переходит в овальное в плане основание. Глина трех фрагментов фанаторийская. Наверное, поверхность рельефов была раскрашена, но краска не сохранилась.

Изображение Афродиты и Эроса широко распространено начиная с V в. до н. э. в вазовой живописи, в терракоте, в мелкой пластике и других видах прикладного искусства. Наиболее близкое изображение Эроса, присевшего на правую ногу и поправляющего обувь сидящей перед ним женской фигуры, мы видим на краснофигурной вазе 30—20-х годов V в. до н. э.¹² Совпадает с нашим изображением не только его склоненная поза и положение левого колена, но и поднятые вверх крылья. Аналогии находим в аттической скульптуре середины V в. до н. э. Такое же положение ног видим у Посейдона и у Аполлона на зофоре Парфенона, у Зевса на метопе храма Е в Селинунте. Близкое изображение основания ложа или пьедестала имеется у статуи Икетиды¹³.

{Возникновение сюжета нашего рельефа, по-видимому, следует отнести к концу V в. до н. э. На сложение его, вероятно, оказал воздействие образ Афродиты Урании, созданный Фидием¹⁴. О. Ф. Вальдгауэр приводит варианты его воспроизведе-

дений в различных видах искусства, вплоть до боспорской стелы II в. до н. э. Можно предполагать, что в святилище Майской горы находилось культовое изображение Афродиты. Неизвестно, был ли это рельеф или статуя, но изображение Афродиты с Эротом повторяется на других памятниках, происходящих из богатых погребений Тамани: на пластинке из слоновой кости из VI Семибратнего кургана и на двух золотых перстнях и зеркале из погребения жрицы в I склепе кургана Большой Близницы. На пластинке¹⁵ вырезана Афродита и парящий перед ней Эрот с тенью в руках. Богиня сидит, повернувшись в три четверти к зрителю, левая рука на колене, в правой какой-то предмет. Изображение помещено между двумя ионийскими колоннами, между волют капителей — кессонированный потолок. Очевидно, на пластинке изображено внутреннее помещение храма с культовым изображением богини.

В погребении жрицы найдены два золотых перстня с изображением Афродиты и Эроса¹⁶. Имеется некоторое различие в композиции изображения: в одном случае Афродита стоит, в другом — сидит. Подобные варианты в передаче одного и того же памятника связываются, по мнению О. Ф. Вальдгауэра¹⁷, с тем, что оригиналом служила статуя. В погребении также найдено бронзовое зеркало, явно культового назначения, с изображением сидящей Афродиты и обнимающего ее Эроса. Это зеркало относится к первоклассным образцам аттической художественной школы¹⁸. Нам представляется, что наличие трех изображений Афродиты на предметах из этого погребения является подтверждением взгляда В. Ф. Гайдукевича¹⁹, что погребенная была жрицей богини Афродиты святилища Апатура.

В. Ф. Гайдукевич отметил особую значимость росписи краснофигурной

пелики с Гераклом, освобождающим девушку от кентавра; он видел в ней напоминание о местном мифе, связанном с Афродитой Апатурой. В других могилах кургана имеются предметы, относящиеся к иным аспектам религиозных представлений, объединенных в святилище Афродиты Апатуры: в плитовой могиле 1868 г. найден калаф с золотыми фигурами менад, орлиноголовых грифонов и сатиров. Сюжет явно связан с дионисийскими представлениями, как и статуэтки актеров из группы знаменитых терракот, найденных в этом же погребении. А. А. Передольская видела в этих терракотах иллюстрацию эпизодов мифов о Деметре и Коре и полагаала, что терракоты были положены погребенной здесь жрице Кору²⁰. Нам представляется, что правильно будет несколько расширить это определение: и калаф, и терракоты, и бляшки с Афиной были культовыми принадлежностями жрицы святилища Афродиты Апатуры, которая одновременно являлась и жрицей Кору и связанного с элевсинским дионисийского культа.

М. И. Ростовцев связывал погребения в Большой Близице с культом Деметры²¹ и отмечал сближение культа великого женского божества с элевсино-орфическим культом Деметры и Кору²².

Совпадение изображения Афродиты Апатуры на трех терракотовых рельефах из святилища Афродиты на Майской горе с изображениями на золотых перстнях из I склепа Большой Близицы свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что погребенные в I склепе Близицы являлись жрицами святилища на Майской горе. Мы склонны считать его святилищем Афродиты Апатуры. Последнее существовало длительное время, начиная с конца VI в. до н. э. по II в. до н. э. и позже. В нем поклонялись божествам различных культов, объединенных под эгидой Афродиты Апатуры.

- ¹ Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.—III в. н. э.). СА, 1964, № 4, с. 28.
- ² Марченко И. Д. К вопросу о культах азиатского Боспора. ВДИ, 1960, № 2, с. 101; она же. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории. — В кн.: 50 лет ГМИИ. М., 1962, с. 121; она же. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. КСИА, вып. 95, 1963, с. 86.
- ³ Winter F. Die antiken Terrakotten, t. III, Berlin, 1903, S. 250, N 2.
- ⁴ Collignon M. Le Parthenon; Paris, 1912, pl. 128.
- ⁵ Auidi A. Afrodite del Mercato. «Africa Italiana», IV, 1931, p. 1—31.
- ⁶ Харко Л. П. Культе Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, вып. XIII, 1947, с. 138.
- ⁷ Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, с. 62.
- ⁸ Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.). СА, 1964, № 2, с. 16 сл.; № 4, с. 28.
- ⁹ Выражаю большую благодарность М. М. Кобылиной за разрешение его опубликовать (инв. № Ф 72, № 685).
- ¹⁰ ОАК за 1865 г., с. 79.
- ¹¹ Раскопки Майской горы в 1959 г. ГМИИ, № 27, 41.
- ¹² Грач Н. Л. Бронзовое зеркало из Таманского погребения. ТГЭ, VII, 1962, ваза на рис. 7.
- ¹³ Кобылина М. М. Аттическая скульптура. М., 1953, с. 94, рис. 6.
- ¹⁴ Вальдгауэр О. Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос. ИРАИМК, т. II, 1922, с. 212.
- ¹⁵ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 97, рис. 27.
- ¹⁶ ОАК за 1865 г., табл. III, № 23—25, 28.
- ¹⁷ Вальдгауэр О. Ф. Указ. соч., с. 211.
- ¹⁸ Античная художественная бронза. Каталог ГЭ. Л., 1973, № 67, с. 27.
- ¹⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 214, 288.
- ²⁰ А. А. Передольская датировала пеллукку серединой IV в. до н. э. (Передольская А. А. Терракоты из кургана Большая Близица и гомеровский гимн Деметре. ТГЭ, т. VII. Л., 1962, с. 48).
- ²¹ Ростовцев М. И. Роспись Керченской гробницы, открытой в 1891 г. — В кн.: Сборник статей в честь Бобринского. СПб., 1911, с. 121.
- ²² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 372.

А. А. Масленников

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБЕНИЯХ ДАНДАРИЕВ

Среди погребений VI—II вв. до н. э. в грунтовых некрополях боспорских городов выделяется группа захоронений, в которых обнаружено оружие. Такая черта погребального обряда, как известно, не была характерна для греков метрополии в классическую и эллинистическую эпохи. Однако специфические условия жизни эллинов на Боспоре отразились на их погребальном обряде, в частности на характере инвентаря, сопровождавшего покойного. Поэтому только один факт наличия оружия в том или ином захоронении сам по себе еще не дает основания для утверждения о принадлежности этих погребений негреческому населению городов Боспорского государства. Более уверенно варварскими можно считать те из них, где имеются еще какие-либо элементы, не типичные для греческих захоронений. Например: не восточная ориентация, особый набор предметов вооружения, его расположение по отношению к покойному и т. п.

В этой связи представляют интерес несколько захоронений, в которых содержится оружие в сочетании с западной ориентацией костяка. К ним относятся четыре погребения, датируемые IV—III вв. до н. э. из некрополя Пантикапея¹; одно захоронение IV в. до н. э. у станции Ахтанизовской на Таманском полуострове²; четыре погребения VI—IV вв. до н. э. из некрополя Тирамбы³, расположенной в северной части Таманского полуострова на берегу Азовского моря.

С большой осторожностью к этой

группе, вероятно, можно отнести одно погребение IV—III вв. до н. э. из Пантикапея, в котором покойник лежал головой на северо-запад⁴, и одно II в. до н. э., ориентированное на юго-запад, из Горгиппии⁵. Четыре аналогичных погребения V—IV вв. до н. э. с той же ориентацией известны из Тузлинского некрополя⁶, могильника предполагаемой Корюкандамы⁷, некрополя Тирамбы⁸ и Гермонассы⁹.

Но поскольку юго-западная ориентация может объясняться как сезонное отклонение от западного и южного направления, погребения этой группы в данной статье не рассматриваются.

Несмотря на кажущееся единообразие, исследуемые погребения Пантикапейского некрополя отличаются от захоронений с Таманского полуострова.

	VI—V вв. до н. э.	V—IV вв. до н. э.	IV в. до н. э.	IV—III вв. до н. э.	III в. до н. э.
Станица Ахтанизов- ская			1		
Тирамба	2	1	1		
Пантикапей			1	1	2

Как видно, в хронологическом плане это отличие заключается в том, что погребения в Азиатской части Боспора относятся к несколько более раннему времени, чем в Пантикапейском некрополе. Отличаются они и характером самого оружия

в захоронениях. В пантикапейском грунтовым могильнике оно представлено в трех случаях только стрелами¹⁰ и лишь в одном случае стрелами и железными наконечниками копий¹¹.

Из пяти погребений с Таманского полуострова в четырех имелись мечи¹², причем в двух могилах вместе с железными наконечниками копий¹³, в одной — вместе со стрелами¹⁴. В другом погребении зафиксирован лишь наконечник копья¹⁵. Все эти погребения скорее всего являлись захоронениями воинов.

Попытаемся определить, какому населению они могли принадлежать. Исходным моментом для этого может служить западная ориентация. Картографирование всех случаев погребений VI—II вв. до н. э. с западной ориентацией (с отклонениями к югу и северу) в грунтовых могильниках боспорских городов дает следующую картину (см. табл. 1).

Наибольшее число случаев западной ориентации в VI—IV вв. до н. э. отмечено на севере Таманского полуострова в районе Тирамбы. В других некрополях этого времени они единичны, но их количество возрастает в последующее время, к IV в. до н. э. Особенно это заметно в некрополях Пантикапея, Фанагории, Кеф. Зато в могильнике Тирамбы эта ориентация в III—II вв. до н. э. почти исчезает. Возможно, в какой-то части погребений с неустойчивой ориентацией она могла быть отклонением от западного направления. Таким образом, наблюдается совпадение районов наибольшего распространения погребений VI—IV вв. до н. э. с западной ориентацией с районом захоронений воинов головой на запад в этот же самый период. Все это наводит на мысль, что в северной части Таманского полуострова, в частности около Тирамбы, находилась какая-то группа местного негреческого населения, которое в VI—IV вв. до н. э., несмотря

Таблица 1

Ориентация	Западная							Всего
	VI-V	V	V-IV	IV	IV-III	III	III-II	
Дата (вв. до н. э.)								
Горгиппия								
Тузла								
Корокандама								
Гермопасса						1		1
Фанагория				1				3
Кефы		1			1	1		6
Поселение у хут. Зеленского						1		1
Поселение у ст. Ахтанзювской				1				1
Тирамба	2	2	1	1	1		1	8
Мирмекий				1				1
Пантикапей				1	1	5	4	11

Ориентация	Северо-западная							Всего
	VI-V	V	V-IV	IV	IV-III	III	III-II	
Дата (вв. до н. э.)								
Горгиппия								
Тузла								
Корокандама								
Гермопасса								
Фанагория						1	3	1
Кефы		1			1	2	2	5
Поселение у хут. Зеленского								6
Поселение у ст. Ахтанзювской								
Тирамба								
Мирмекий								
Пантикапей	1			1				2

Ориентация	Юго-западная							Всего
	VI-V	V	V-IV	IV	IV-III	III	III-II	
Дата (вв. до н. э.)								
Горгиппия					1		1	2
Тузла			1					1
Корокандама		3				1		3
Гермопасса		3		2				5
Фанагория							2	3
Кефы		2					4	1
Поселение у хут. Зеленского								7
Поселение у ст. Ахтанзювской								
Тирамба	1	2		1		1		5
Мирмекий								
Пантикапей	1	1			2			4

на эллинское влияние в связи с включением в Боспорское государство, продолжало хоронить некоторых своих покойников с оружием, головой на запад.

Как известно, такая ориентация была присуща в VI—IV вв. до н. э. всем ираноязычным племенам Северного Причерноморья и Поволжья — скифам и савроматам¹⁶. Возможно, она была связана с общими для ираноязычного мира этого района религиозными представлениями и хозяйственным укладом, господствовавшими в эпоху раннего железного века.

Территорию Таманского полуострова, Нижнего и Среднего Прикубанья и Восточного Приазовья, по свидетельству античных авторов, населяли различные племена, известные под общим собирательным названием «меоты». Среди этих племен выделяются дандарии. Само название этого племени, по мнению В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, восходит к иранским корням¹⁷. О дандариях уже в VI в. до н. э. упоминает Гекатей Милетский¹⁸. Имя дандариев содержится в надписях первых Спартокидов: Левкова I и его сына Перисада I¹⁹. Название этого племени всегда помещается в текстах на третьем месте после синдов и торетов, что, возможно, отражает их очередность включения в состав Боспорского государства. Страбон, перечисляя меотские племена, также называет дандариев²⁰.

Более точную локализацию этого племени, как нам представляется, можно установить, используя сообщения античных авторов и данные лингвистики.

Страбон рассказывает о строительстве царем Фарнаком канала, по которому было отведено течение реки Гипанида, т. е. Кубани. В результате этого были затоплены земли дандариев²¹. Плутарх помещает дандариев на берегу Азовского моря²². На то,

что территория дандариев находилась на севере Таманского полуострова, в районе впадения одного из рукавов Кубани в Азовское море, убедительно указывает предложенный В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым перевод самого слова «дандарии» как «береговичи», «держачие реку»²³, т. е. контролирующие низовье Кубани. Специально занимавшийся локализацией местных племен В. П. Шилов также размещает племя дандариев в этом районе²⁴. Судя по Тациту, дандарии продолжали и в I в. н. э. жить на той же самой территории, а их соседями на северо-востоке были сираки²⁵.

Город Тирамба тоже скорее всего должен был находиться на земле дандариев. Во всяком случае, Страбон и Псевдо-Скилак, перечисляя эллинские города в области Синдов, Тирамбы не называют²⁶. Зато приблизительно в указанном районе помещает Тирамбу и племя «тирамбов» Клавдий Птолемей²⁷. Вероятно, у дандариев были общие с другими ираноязычными племенами элементы культуры, мировоззрения, в частности господство в VI—IV вв. до н. э. западной ориентации. Из всего сказанного можно предположить, что интересующие нас погребения воинов из некрополя Тирамбы принадлежали отдельным представителям племени дандариев. Показателен и негреческий характер предметов вооружения, особенно мечей. Все они отличаются от синдо-меотских образцов этого оружия и относятся к основным типам скифо-сарматских мечей, датируемых VI—IV вв. до н. э.²⁸ Мечи лежат либо поперек костяка от правой руки к левой ноге, либо справа, а не слева, как было принято носить у греков²⁹.

Аналогичные особенности в форме мечей и их положении в погребении отмечены и в некоторых других захоронениях с оружием, но с иной ориентацией, из некрополя Тирамбы.

Таблица 2

Место	№ погребения	Форма меча	Место меча в могиле	Другое оружие и инвентарь	Дата (вв. до н. э.)
Тирамба	№ 18	С сердцевидным перекрытием и волютообразным навершием	Поперек костяка: от правой руки к левой ноге	Чашка фанагорийской глины, солонка	V—IV
	№ 34	Бронзовое навершие в виде когтей птицы	Справа	4 железных наконечника стрелы, амфора, миска, около нее кость коровы	V—IV
	№ 95/1	С брусковидным навершием и почковидным перекрестием	Поперек костяка	Справа наконечник железного копыя, кувшины, чаша	VI—V

Возможно, эти погребения имеют ту же негреческую этническую принадлежность. Ведь хотя, как говорилось выше, западная ориентация и была в VI—IV вв. до н. э. господствующей для ираноязычных кочевых племен в Северном Причерноморье и Поволжье, наряду с ней имелись многочисленные случаи погребений головой на юго-запад, юг, восток³⁰.

Нельзя также отрицать возможность воздействия на дандариев греческих традиций и представлений, а также соседство других меотских племен.

Материальная культура дандариев нам практически не известна. Единственное поселение на их территории, подвергавшееся раскопкам, — город Тирамба. Но слои VI—IV вв. до н. э. изучены здесь еще слабо. К тому же значительная часть города уже не существует, так как размыта морем. Примечательно, что погребения, носящие наиболее варварский характер, относятся к самому раннему периоду в истории города. Следовательно, дандарии входили в состав его жителей с самого начала существования Тирамбы. Не исключено, что город Тирамба вообще вырос из варварского поселения и название его дано местным догреческим населением. Сами дандарии, быть может, являлись потомками

части древних киммерийцев, живших на Таманском полуострове. Позднее, в IV—II вв. до н. э., западная ориентация да и погребения с оружием в некрополе Тирамбы исчезают. Происходило ли то же самое на всей территории, населенной дандариями, неизвестно.

Не исключено, что воины-дандарии использовали первыми правителями Боспора как союзники или наемники и именно ими оставлены погребения с мечами, лежащими поперек костяка, встречающиеся среди ранних захоронений в некрополях некоторых городов Боспорского государства.

Погребения же с оружием и западной ориентацией в грунтовом некрополе Пантикапея, видимо, могли принадлежать той этнической волне, которая принесла с собой эту ориентацию, но уже в более поздний период боспорской истории, т. е. в IV—III вв. до н. э. Но исследование этого вопроса в задачу данной работы не входило.

¹ Архив ЛОИА, ф. 1, № 6, 1863, л. 5; Шкорнил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. ИАК, вып. 9, 1904, с. 90, № 95—96; ОАК за 1874 г., с. VIII.
² Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. ИАК, вып. 2, 1902, с. 59, № 5.

- ³ Коровина А. К. Отчет о раскопках некрополя древней Тирамбы в 1961 г. Архив ИА, Р. 1, № 2337, с. 20, № 18; Отчет за 1963 г. Там же, № 2790, с. 12, № 34; Отчет за 1967 г. там же, № 3569, с. 3, № 41/7; Отчет за 1968. Там же, № 3762, с. 8, № 95/1.
- ⁴ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. ИАК, вып. 30, 1909, с. 20—21, № 76.
- ⁵ Смирнова Т. М. Отчет о раскопках в Анапе в 1971 г. Архив ИА, № 46.
- ⁶ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, с. 37, № 105/60.
- ⁷ Там же, с. 64, № 205/23.
- ⁸ Коровина А. К. Отчет о раскопках некрополя древней Тирамбы в 1969 г. Архив ИА, Р. 1, № 3911, с. 3, № 145/5.
- ⁹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, с. 159—162, № 13.
- ¹⁰ Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках. . . , с. 90, № 95—96; ОАК за 1875 г., с. VIII.
- ¹¹ Архив ЛОИА, ф. 1, № 6, 1863, л. 5.
- ¹² Думберг К. Е. Указ. соч., с. 59, № 5; Коровина А. К. Отчет за 1961 г., с. 20, № 18; Отчет за 1963 г., с. 12, № 34; Отчет за 1968 г., с. 8, № 95/1.
- ¹³ Думберг К. Е. Указ. соч., с. 59, № 5; Коровина А. К. Отчет за 1968 г., с. 8, № 95/1.
- ¹⁴ Коровина А. К. Отчет за 1963 г., с. 12, № 34.
- ¹⁵ Коровина А. К. Отчет за 1967 г., с. 3, № 71/7.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 266.
- ¹⁷ Миллер В. Ф. Осетинские этюды, т. III. М., 1887, с. 48; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. М., 1949, с. 37.
- ¹⁸ *Несат.*, Fr., 161.
- ¹⁹ КВН, № 6, 6-а; 1014; 1037; 1038.
- ²⁰ *Strab.*, XII, 2 (11).
- ²¹ *Strab.*, XII, 2 (11).
- ²² *Plut.*, Lukull, XVI.
- ²³ Миллер В. Ф. Указ. соч., с. 78; Абаев В. И. Указ. соч., с. 37.
- ²⁴ Шилов В. П. О расселении меотских племен. СА, XIV, 1950, с. 119.
- ²⁵ *Tac.*, Ann., 15—17.
- ²⁶ *Strab.*, XLII (2, 10, 12, 14); *Ps. Scyl.*, 70.
- ²⁷ *Ptol.*, V, 8 (17—25).
- ²⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, с. 9—22.
- ²⁹ Сокольский Н. И. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1951, с. 129.
- ³⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 91.

М. Е. Массон

ПАРФЯНО-СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ ОБЛАСТИ ДОЛИНЫ КАШКАДАРЬИ

Древние западные писатели знают только парсийских Аршакидов. О других Аршакидах они и понятия не имеют.

Н. О. Эмин

Вскоре же после присоединения в 1868 г. Самарканда к России в нем под влиянием все возрастающего спроса со стороны приезжих на предметы местной старины начал складываться своеобразный «антикварный рынок». Среди продававшихся на нем

предметов видное место занимали нумизматические объекты. Уже с конца XIX столетия на нем можно было встретить немало разнообразных монет как из числа местных находок, так и привозных. Изредка встречались доставлявшиеся грене-

рами из соседних владений Бухарского ханства и попадавшие затем в частные коллекции небольшие загадочные медные «домусульманские» монеты, точное место находок которых оставалось неизвестным. На их лицевой стороне в кругу из точек была помещена повернутая влево голова правителя с необычным профилем, без бороды и усов, с длинными волосами, ниспадающими прямыми прядями на плечи и лишь на самой макушке с помощью ленты собранными в торчащий в разные стороны клок. Слева перед лицом имелась короткая легенда, выполненная раздельно расположенными буквами, обращенными своими основаниями к краю монетного кружка. Долгое время буквы оставались непознанными, хотя и признавались принадлежащими к необычному пехлевийскому шрифту. На обратной стороне в аналогичном кругу из точек была изображена сцена единоборства в виде стоящей слева человеческой фигуры в доходящей до колен одежде, туго перехваченной в талии поясом, поражающей выхваченным из ножен коротким прямым мечом поднявшегося на задние ноги льва.

Первым исследователем, введшим в научный обиход эти монеты, явился Эдмонд Друэн, уже в 1899 г. опубликовавший их изображения и высказавший о них некоторые соображения в одной из своих работ. Дав их описание, он предложил читать имеющуюся на них легенду как *Vohmazdai-Vohumazdai* = «Добрый маздеец»¹. Поскольку считалось, что один экземпляр монеты с изображением единоборства человека со львом якобы был найден в Афганистане у Ташкургана близ Мазари Шерифа, а о местах находок других не имелось никаких сведений, в дальнейшем ареалом всех подобных монет стали условно считать вообще Тохаристан в широком понимании этого термина.

Сам Э. Друэн относил эти монеты к арамео-кушанской группе и считал, что их чеканили кушанские государи, современники последних Аршакидов или первых Сасанидов, т. е. не позднее III в. н. э.

С 1910 г. начал свои многолетние исследования над монетами Согдианы и сопредельных стран от IV в. до н. э. до VII в. н. э. Аллот де ла Фюи, посвятивший свой труд памяти Э. Друэна как своего главного предшественника по данной теме. В своей 16-й статье, выпущенной в 1926 г., Аллот де ла Фюи подверг подробному разбору имевшиеся в его распоряжении 10 экземпляров монет рассматриваемой нами группы. Заметив на одной из них следы посеребрения, он высказал предположение, что в действительности эти монеты с легендой *BUNMZDAJ*, по-видимому, представляют собой медные в основе «драхмы», некогда покрытые снаружи тонким слоем серебра, утраченным со временем в процессе обращения. На другом экземпляре он усмотрел наложенный позднее надчекан в виде пирея, встречающегося на монетах, которые в его время ошибочно приписывали Хорезму, хотя уже была известна монета Бухархудатов с аналогичным пиреем. Опираясь на показания Наршахи, что серебряные подражания сасанидским монетам появились в Бухаре в пору правления Абу Бекра (623—634), Аллот де ла Фюи датировал VII в. и предполагавшиеся им «хорезмийские монеты», считая, однако, что нумизматические объекты с легендой *BUNMZDAJ* несколько древнее и, вероятно, относятся к VI в. Приписывая последним происхождение из Тохаристана, который до 565 г. находился под властью эфталитов, наш автор считал весьма вероятным, что в изображении государя на монетных кружках со сценой единоборства со львом надо видеть представителя этого народа.

Одновременно Аллот де ла Фюи допускал, что эти монеты могли чеканиться после разгрома эфталитов тюрками и в таком случае должны быть отнесены к одному из вассалов Хосроя (531—378) ².

Новое в понимании монет рассматриваемой группы связано с деятельностью советских исследователей.

Проводимым мной с первого года сложения Советского государства учет монетных находок сперва на территории Туркестанской республики, а после национального размежевания — всех среднеазиатских республик уже давно выявлено, что нумизматические объекты, несущие на реверсе изображение единоборства человека со львом, не встречаются на советской территории бывших областей правобережного Тохаристана. Не попадают они также ни в афганском Туркестане (т. е. левобережном Тохаристане), ни в долине Зарафшана, ни севернее. Дальнейшее уточнение их ареала дали многолетние работы С. К. Кабанова по изучению археологических памятников классового общества в долине Кашкадарьи до арабского завоевания, где ими зарегистрировано свыше десятка пунктов их нахождения. Все они расположены в нижней части долины. Это может при дальнейшем подтверждении послужить лишним фактом в пользу высказанного нами положения об определенной политической, а порой лишь административной обособленности районов Карши и Кеша на протяжении исторического периода, освещенного письменными источниками.

В части легенды на аверсе, которую С. К. Кабанов именует «кушанской» и начертания которой варьируют от наиболее раннего отдельного письма до письма с курсивными элементами, интересны соображения О. И. Смирновой, что надписи выгнаны одним из вариантов согдийского шрифта, «возможно парфяно-согдий-

ским письмом». Заслуживает внимания также ее вывод, что поскольку легенда, состоящая из двух слов, неизменно повторяется на всех явно разновременных монетах, выпускавшихся в правление различных лиц одной и той же династии, в ней не заключено собственного имени ³. Что касается расшифровки ее содержания, то последнее пока нельзя считать окончательно установленным. В 1964 г. в печати был предложен вариант ее чтения в форме: $ku\acute{s}kw\ k'w$ в смысле «Кешский царь» ⁴, что не получило общего признания и, наоборот, вызвало решительное возражение С. К. Кабанова. Не более убедительно и чтение, высказанное с оговорками О. И. Смирновой, как $*kws('n)k$ = «кушанский», «относящийся к кушанам» и $βrζ$ = «вараз» как титул («великий»), в том смысле, что монеты принадлежат эмиссии местных династий, зависевших от кушан ⁵. Эту расшифровку разделяет С. К. Кабанов (даже свою статью 1973 г. озаглавивший «Поздние кушаны в Нахшебе»).

В отношении времени выпуска и обращения рассматриваемых монет С. К. Кабанов в своих работах 50-х годов указывал IV—V вв. ⁶; в статье 60-х годов называл V—VI вв. ⁷ В статье 1973 г., учитывая находку одной монеты на Пирмат-баба-тепе, которая «на основании палеографических и археологических данных» была отнесена к III—IV вв., С. К. Кабанов, в соответствии с заключением О. И. Смирновой, пришел к выводу, что «исследуемые монеты выпускались в течение значительного срока — 200—250 лет, с IV по VI в.» ⁸ Выпуск монет в IV в. он приписывает некой местной династии очень сильных владетелей государства-оазиса, причем в чекане якобы произошел перерыв в «правление Кидаритов, примерно между 420 и 468 г.», тогда как О. И. Смирнова тот же перерыв относит «к рубежу IV—V вв.». Во-

1. Увеличенные прорисовки лицевых сторон двух монет из числа добытых и опубликованных С. К. Кабановым (ВДИ, 1973, № 3) — 1; увеличенные фотографии лицевых сторон двух монет из собрания Музея истории Узбекистана (г. Ташкент) — 2; увеличенные фотографии оборотных сторон двух монет из собрания Музея истории Узбекистана (г. Ташкент) — 3

зобновили же чекан этих монет в V—VI вв. уже новые правители эфталиты, чей облик будто бы запечатлен на аверсах и которые якобы унаследовали помещенное на реверсах традиционное изображение единоборства человека со львом как преемственный символ борьбы прежних местных владетелей против Сасанидов⁹.

Не касаясь всего вопроса в целом, пока попутно отметим, что находка одной монеты того же облика, лишь несколько отличной в деталях тех же изображений и той же по содержанию легенды из единообразной серии

нумизматических объектов, не обязательно служит показателем прекращения (тем более длительного) в деятельности монетного двора. Перемена же штампов и даже введение нового стандарта больше связано с переходом на иную монетную систему, вступлением на престол нового династа или реформой денежного хозяйства в пределах правления одного из них.)

Как уже отмечалось, единая по самому характеру содержания аверса и реверса группа нумизматических памятников из долины Кашкадарья благодаря работам С. К. Кабанова пополнилась за последние годы явно более ранним типом, представленным пока единственным экземпляром — упомянутой медной монетой из раскопок на Пирмат-баба-тепе. Невысокой техники исполнения, с плоховатой видимостью изображений на обеих сторонах, выполненная не чеканом, а отливкой, она явно принадлежит нелегальной продукции древнего фальшивомонетчика. Последний старался при изготовлении матрицы возможно точнее в общих чертах скопировать обращавшиеся при нем на рынке подлинные монеты, одновременно внося нарочитые изменения для придания вида изношенности от хождения. Некоторое отличие от изображений на всех позднее выпускавшихся монетах этой серии у экземпляра с Пирмат-баба-тепе составляет лишь «шлем с наушниками» и диадемой на обращенной влево голове правителя, а позади ее, как отмечает О. И. Смирнова, «две ленты мантии», что не улавливается на приложенной к статье С. К. Кабанова сильно увеличенной фотографии лицевой стороны монеты (с. 161, № 1 на табл. 1). В процессе отливки своего монетного кружка фальшивомонетчик получил средние мерческие показатели подлинных монет, уже утративших часть своего веса и размера от длительного обра-

щения, а именно 2,42 г при диаметре в 16 мм.

Всю остальную массу дошедших до нас кашкадарьинских монет данного окончательно оформившегося единообразного типа, выпускавшегося на протяжении некоторого времени, составляют небольшие плоские кружки, а под конец — несколько скифатные. Вес всех их в настоящее время колеблется примерно в пределах от 2,88 до 1,6 г, при диаметрах от 18 до 15 мм и толщине от 0,8 до 1 мм¹⁰. Характерные следы посеребления, нанесенного некогда на их поверхность тонким слоем, усматриваются далеко не всегда и не сразу, особенно на экземплярах, хранящихся в музеях, где они порой исчезают в результате неумелой чистки объектов.

Не только легенды на всех монетах нельзя называть «кушанскими» (как неточно именовал их С. К. Кабанов), но и сами нумизматические объекты отнюдь не близки к эмиссиям Кушан, чтобы можно было улавливать признаки какой-либо зависимости от них местных кашкадарьинских правителей в подтверждение предложенного О. И. Смирновой толкования слов легенды как «кушанский» и «великий». Как известно, в основе денежной системы государства «Великих Кушан» было золото, и там выпускались, за исключением самого раннего периода, полноценные золотые монеты, а в качестве разменных — медные. Это настолько укоренилось в быту и представлениях населения Балхской области, что после занятия ее Сасанидами правительство последних вынуждено было для местных нужд выпускать там отнюдь не серебряные монеты своего общегосударственного образца, а только золотые, электровы и медные монетные кружки кушано-сасанидского облика.

Не копируют кашкадарьинские монеты со сценой единоборства человека со львом и сасанидские сере-

бряные дирхемы, которые были значительно более крупного диаметра и имели изображение головы государя, повернутой вправо. Ничего общего нет у них и с чеканом эфталитов второй половины V в. — первой половины VI в., выпускавшихся в Средней Азии монет, полностью подражавших всем своим обликом сасанидским, независимо от того, чеканились ли они из чистого серебра или из низкопробных сплавов. Вообще рассматриваемые кашкадарьинские монеты ни по внешнему виду, ни по стилю изображений, ни по размеру и стандарту совершенно не подходят ни к одной из групп нумизматических объектов, чеканившихся в Средней Азии на протяжении V—VI вв.

Следы тонкого слоя серебра, наклеивавшегося на поверхность монетных кружков, обращавшихся в долине Кашкадарьи, — наглядный показатель того, что, во-первых, им старались хотя бы придать внешний вид серебряных, за каковые их должны были принимать при денежных расчетах, а во-вторых, что это имело место в пору явной нехватки в Средней Азии в распоряжении правителей достаточного количества данного драгоценного металла. Для времени, предшествовавшего арабскому завоеванию, подобное явление очень наглядно отражено в здешних нумизматических объектах с изначального момента появления кризиса рабовладельческого общества, наступившего на грани III—IV вв. Ряд владений к северу от областей правобережного Тохаристана, входившего долгое время в состав государства «Великих Кушан», которое не включало в свои границы земли долины Кашкадарьи¹¹, унаследовав от поры греко-македонского владычества денежную систему, основанную на серебряной драхме, упорно придерживался ее, не переходя из особых соображений на золото. Это было

не легко из-за отсутствия в стране месторождений серебро-свинцовых руд, рентабельных для разработки в условиях уровня тогдашней техники горного дела. Как известно по данным Наршахи, в VI в. Бухара вообще прекратила выпуск всякой монеты, перейдя при торговых сделках к счету на бумажные материи и пшеницу.

Задолго до того в той же Бухаре мероприятия по легальной фальсификации серебряной монеты наглядно прослеживаются по группе монет раннего чекана Бухархудатов, объединяемой помещавшимися на аверсах изображениями головы правителя вправо, а на реверсах — изображениями пирея. Начиная с III в. они представлены сперва мелкими серебряными монетами уменьшенного веса. Их сменили толстые медные посеребренные монетные кружки, после которых перешли к выпуску того же типа тонких, слегка скифатных медных монет, несущих иногда на своей поверхности следы посеребрения. При этом изображение пирея не остается неизменным. Известно восемь их типов, начиная от наиболее ранних, напоминающих широкую чашу Джемшида, и кончая упрощенной фигурой в виде прямолинейного очертания буквы «Н» с пятью поднимающимися вверх короткими черточками, имитирующими языки пламени над алтарем. Такого вида пирей имеется на монетах Сасанидского государя Варахрана IV (388—399). Между прочим, такой же пирей встречается в виде надчекана на нескольких поздних кружках интересующих нас кашкадарьинских монет, имеющих немало общих признаков в смысле формы, размеров и веса с третьей скифатной категорией бухархудатских монет описанной группы. Учитывая все сказанное, можно думать, что наложение вышеупомянутого надчекана в виде пирея позднего упрощенного начерта-

ния было сделано в IV в. по распоряжению Бухархудатов для допущения кашкадарьинских монет к рыночному обращению в бухарских пределах и, весьма вероятно, после присоединения к ним земель низовьев Кашкадарьи.

Намечаемой датировке выпуска и времени обращения кашкадарьинских монет III—IV вв. вполне отвечают выводы О. И. Смирновой, что легенды на них выполнены «парфяно-согдийским письмом» и что тип лица правителя на аверсах «приближается к парфянскому профильному изображению царя» в аршакидском чекане. В приведенном нами в самом начале описании головы правителя нетрудно усмотреть воспроизведение той устрашающего вида прически парфянского воина с пучком торчащих волос, которая в свое время пугала римских воинов. Заслуживает особого внимания факт, что сама голова правителя на кашкадарьинских монетах, как и в парфянском чекане, обращена влево, тогда как на кушанских, сасанидских, эфталитских монетах и на подавляющем большинстве согдийских бюст государей показан вправо.

Все вместе взятое натолкнуло меня в процессе создания и чтения с начала 40-х годов курса «Нумизматика Средней Азии» в Среднеазиатском государственном университете на приведенные Н. О. Эминовым показания ряда армянских писателей V в., упоминающих в своих исторических трудах «парсийских, армянских, кушанских, маскутских Аршакидов». У Агафангела в его «Истории Армении» буквально говорится следующее:

«Партевам (т. е. парфянам. — М. М.) благоприятствовало счастье. Они покорили себе царства парсийское, армянское. . . и индийское и маскутское. . . Первый из рода Партевов. . . получил царскую власть в парсийском государстве. Второй

за ним (по времени. — М. М.) взял себе армянское царство (где династия Аршакидов просуществовала с 150 г. до н. э. до 428 г. н. э. — М. М.). Третий завладел индийским царством, сопредельным с парсийской границей. Четвертый из них получил царство маскутов»¹².

Проектируя на этот текст свои исследования трудов Фавстоса Бузанда, Егнше и других армянских авторов, Н. О. Эмин отметил наличие у них упоминаний о великом царе кушанов Аршакиде, об относящемся к 228 г. первом упоминании кушанской ветви Аршакидов и о войнах Сасанидов с кушанскими царями Аршакидами, династия которых еще существовала в середине IV в. Что касается маскутов, то так именовали армянские писатели в свое время среднеазиатских массагетов. О начале и прекращении династии маскутских Аршакидов Н. О. Эмин никаких сведений не нашел, но зато обнаружил имя аршакидского царя маскутов Санесана, у которого в IV в. происходили какие-то военные отношения с Аршакидом Хосровом II Малдым.

Приведенные данные представляют интерес как свидетельствующие, что после крушения основного Парфянского государства в отдельных районах Средней Азии (в широком понимании этого термина) продолжали удерживаться захватившие там власть представители свергнутой Сасанидами династии Аршакидов. Одной из ее боковых ветвей и могли принадлежать парфянские правители, обосновавшиеся каким-то образом в низовьях Кашкадарья. Там при них некоторое время на протяжении III и IV вв. чеканились медные посеребренные монеты, на которых в качестве династического символа помещалась сцена единоборства со львом, возможно самого основателя династии. Подобное явление мы видим на реверсах выпускавшихся в

Парфии драхм, на которых в течение почти пяти столетий удерживалось изображение сидящей сперва на омфале, а позднее на троне обожествленной фигуры парфянина (может быть, Аршака I) с протянутым в правой руке луком.

Несмотря на привнесение некоторых чисто внешних парфянских элементов в чекан посеребренных медных кашкадарьинских монет, последние хотя по своим диаметрам и были приблизительно равны серебряным аршакидским драхмам, но далеко не соответствовали им по весу и вообще таковыми не были. К ним скорее приложимо согдийский термин *st[alt]yr n'kr[alt]alk* («серебряный статер»), упоминаемый в согдийских письмах IV в. и, судя по цене, прилагавшийся к низкопробным и, вероятно, только посеребренным медным монетам.

В заключение следует отметить дискуссионность применения С. К. Кабановым к посеребренным кашкадарьинским монетам III—IV вв. эпитета «нахшебские», что, базируясь на спорном пока отождествлении этим автором городища Ер-курган с Боло и Нахшебом. Последнее наименование известно только для поры раннего средневековья незадолго до арабского завоевания и явно принадлежит городу, возникшему после прихода в упадок Ер-кургана, носившего при вторжении в Среднюю Азию войск Александра Македонского название Наутака¹³. Что касается Боло, то изучение нами исторической топографии Афганского Туркестана дает больше оснований отождествлять его с древними руинами в Бадахшане.

¹ Drouin E. Les monnaies des Grands Kouchans postérieurs. «Revue numismatique», 1899, pl. V, fig. 9, 10; Morgan J. De Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et de moyen âge, t. I. Paris, 1923—1936, p. 425.

- ² *Fuye A. de la. Monnaies incertaines de la Sogdian et des contrees voisine. «Revue numismatique».* Paris, 1926, p. 37—40. Одно изображение монеты и десять факсимиле легенд помещены на таблице к статье 1925 г.
- ³ *Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе.* ВДИ, 1973, № 3, с. 163, прим. 12 и 13; с. 164 и 170.
- ⁴ *Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.* ВДИ, 1964, № 3, с. 170, прим. 110.
- ⁵ *Кабанов С. К. Указ. соч., с. 163 и 164.*
- ⁶ *Кабанов С. К. Археологические раскопки на Шор-тобе близ Карши. «Известия АН УзССР», 1954, № 1, с. 92; он же. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашкадарьи. СА, 1958, № 3, с. 151.*
- ⁷ *Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, № 1, с. 137—144.*
- ⁸ *Кабанов С. К. Поздние кушаны. . .*, с. 165.
- ⁹ Там же, с. 170. Автор и раньше считал описываемые монеты эфталтскими конца V—начала VI в. См.: *Кабанов С. К. Нахшебские монеты. . .*, с. 137—140.
- ¹⁰ Данные о весе и размерах 14 экз. монет данной группы, хранящихся в нумизматическом фонде Музея истории АН УзССР в Ташкенте, по моей просьбе представил мне Э. В. Ртвеладзе, за что я приношу ему искреннюю благодарность.
- ¹¹ *Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства Великих Кушан. «Общественные науки в Узбекистане».* Ташкент, 1968, № 8, с. 14—25.
- ¹² Армянские, кушанские и маскутские Аршакиды. Исследования и статьи Н. О. Эмина. — В кн.: *Этнографический фонд Н. О. Эмина при Лазаревском институте восточных языков*, вып. II. М., 1896, с. 146.
- ¹³ *Массон М. Е. Столичные города области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен.* Ташкент (Минск), 1973, с. 6—33.

В. М. Массон

ЗАР-ТЕПЕ — КУШАНСКИЙ ГОРОД В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В настоящее время на юге Узбекистана и в юго-западном Таджикистане на землях, входивших в древности в состав Бактрии, известен ряд крупных городищ, беспорядочно являющихся остатками городских центров кушанской эпохи. Систематические раскопочные работы проводятся Узбеккистанской искусствоведческой экспедицией на городище Дальверзин¹. С 1972 г. Бактрийская экспедиция ЛОИА АН СССР и Института археологии АН УзССР начала раскопки на другом, также достаточно крупном городище — Зар-тепе, расположенном к югу от районного центра Ангор². Предварительно этот памятник изучался Л. И. Альбаумом в 1950—1951 гг.³⁻⁴

В ходе исследований городища Зар-тепе, проводившихся Бактрийской экспедицией, топографом А. А. Ляпиным был снят план памятника, позволяющий достаточно детально охарактеризовать его внутреннюю планировку. Само городище почти квадратное, расположено углами по странам света и имеет в северном углу цитадель размером 120×120 м, отделенную от остального городища глубокими низинами, указывающими на отсутствие в древности застройки. Вместе с тем цитадель планировочно вписана в квадрат городища, общая площадь которого составляет 16,9 га. Окружавшие городище стены сохранились в виде оплывших валов с отдельными всхолмлениями, ука-

зывающими на места былых башен. В восточном углу городища выделяется квадратный в плане форт размером 60×60 м, своего рода миниатюрная цитадель, которая вместе с главной цитаделью делала северо-восточный фас города особенно укрепленным. Вдоль юго-восточного фаса города сразу за крепостными стенами идет участок шириной около 50 м, лишенный культурных наслоений и в настоящее время занятый насаждениями, орошающимися самоотечной водой. Возможно, таково же было его назначение и в древности.

В планировке города достаточно отчетливо выделяется центральный массив, занимающий участок к югу от цитадели и ограниченный с юга низкой ложбиной, явно указывающей на древнюю, достаточно широкую улицу или площадь. В западной части этого центрального массива был заложен раскоп 1, вскрывший остатки монументального здания. Одновременно на раскопе 4 вскрыта крепостная стена города длиной 100 м (в тех пределах, в каких к ней примыкал этот центральный массив). К западу от последнего на двух отдельных буграх были раскопаны хозяйственно-жилые комплексы верхнего слоя городища (раскопы 3 и 5). Наконец, на раскопе 2 был осуществлен разрез северо-западной стены города, причем оказалось, что здесь в самый поздний период располагалось буддийское святилище, разрушившее самую стену.

Наряду с таким изучением города на уровне верхнего строительного горизонта был заложен большой стратиграфический шурф на раскопе 1, достигший здесь материковых наслоений, и параллельно на раскопе 4 произведен разрез стены и примыкающих к ней участков городища также до уровня слоев, лишенных культурных остатков. Проведенные работы позволяют наметить некоторые характерные черты Зар-тепе как на

уровне статической структуры верхнего культурного слоя, так и в известной мере в динамике его развития.

Стратиграфический шурф на раскопе 1 установил мощность культурных напластований в 5 м и наличие восьми строительных горизонтов, верхний из которых соответствует руинам монументального оружия. Семь последующих строительных горизонтов содержали остатки строений со сравнительно тонкими стенами, видимо рядового назначения. Весьма интересным оказался самый нижний горизонт, который с известными основаниями можно выделить в особый, девятый слой. Здесь была обнаружена землянка шириной около 1,6 м, впущенная в глинистые прослойки аллювия и окруженная небольшой канавкой с валиком в сторону землянки. Вероятно, подобные сооружения служили жилищами первым строителям города, изготовлявшим кирпич для его крепостных стен и домов. Необходимо отметить, что монументальное здание раскопа 1 претерпело кардинальную перепланировку, что позволяет считать его одновременным не одному, а двум строительным горизонтам обычных рядовых строений. В таком случае, учитывая слой с землянкой, можно сделать вывод о 10 строительных горизонтах для этого участка, учитывая обычно принимаемую цифру существования глинобитного строения в 50 лет⁵, можно говорить об отрезке времени в 500 лет, на протяжении которого наблюдается непрерывное существование города.

Разрез крепостных стен Зар-тепе на раскопе 4 позволил сделать заключение о четырех периодах ее существования, достаточно ярко отражающих историю самого города. Для первого, самого древнего периода характерно наличие широкой кирпичной вымостки, служившей своего рода подушкой-основанием для самой

стены. Стена эта достигала в ширину 7,6 м и имела внутривенный коридор шириной в 1,4 м. Наличие внутривенных коридоров является характерной чертой кушанской фортификации и достаточно широко представлено в памятниках Северной Бактрии. Снаружи стену фланкировали полукруглые в плане башни диаметром 6 м с внутрибашенными помещениями. Во втором периоде старый обводной коридор закладывается, но размеры стены увеличиваются — ее ширина теперь достигает 9 м, а ширина внутривенного коридора 2,7 м. Это был период максимального увеличения крепостных стен Зар-тепе, время бесспорного расцвета города. В третий период стена не имеет обводного коридора и ее толщина достигает всего 4 м. Со стороны города у стены постепенно накапливаются мусорные слои и небольшие строительные завалы, возможно от частичного разрушения верхних частей самой стены. Эти отложения достигают мощности в 1,7 м. Этот период определенного запустения и обветшания сменяется последним, четвертым периодом, когда сама стена (при сохранении толщины в 4 м) частично ремонтируется кирпичом зеленоватого цвета, а с внутренней стороны города к ней пристраиваются поперечные стены, образуя ряд пристенных помещений. Разумеется, наличие таких пристенных помещений, а не обводного коридора, облегчавшего передвижение обороняющихся вдоль стен со стрелковыми бойницами, ослабляло фортификационные возможности крепостных стен.

Имеются известные основания для синхронизации этих двух стратиграфических разрезов, осуществленных на городище. Так, по кирпичу зеленоватого цвета и по специфическому керамическому комплексу можно синхронизировать четвертый период в истории крепостных стен и

монументальное строение раскопа 1. Керамические комплексы позволяют сказать это также о первом периоде стены и о двух нижних горизонтах шурфа, включая сюда горизонт с землянкой. И там и тут в равной мере встречаются тонкостенные серые чаши и светлые и красные чаши с отогнутым краем венчика⁶.

Соответственным образом второй и третий периоды крепостных стен должны быть синхронизированы с пятью средними строительными горизонтами шурфа.

Более сложна проблема абсолютной хронологии, главным образом из-за значительных расхождений в оценке абсолютных дат кушанских правителей⁷. В верхнем слое Зар-тепе, раскопанном в значительных масштабах, во всех раскопах найдено большое число монет, определение которых пока еще не завершено полностью. Обращают на себя внимание небольшие тонкие медные монеты, принадлежащие, судя по размерам, так называемому кушано-сасанидскому чекану. Вместе с тем раскопки Зар-тепе полностью подтвердили наблюдения о длительности обращения монет различных правителей, сосуществующих в одном культурном слое⁸. На раскопе 3 в одном слое были найдены монеты Канишки, Хувишки и Васудевы (рис. 1), причем датировочное значение, разумеется, имеют монеты самого позднего правителя — Васудевы.

Керамический комплекс верхнего слоя Зар-тепе имеет ряд специфических особенностей, из которых отметим широкое распространение штампованного орнамента, исчезновение бокалов и появление наряду с хумами традиционно кушанской формы хумча горшковидной формы с примесью в тесте дресвы и с фигурным венчиком. Аналогичный керамический комплекс характерен для верхнего слоя ряда памятников Северной Бактрии, в частности для

Дальверзина, Явана и Кара-тепе в Старом Термезе⁹, что в целом достаточно определенно позволяет его датировать IV в. н. э.¹⁰ В таком случае нижние слои Зар-тепе по относительному отсчету строительных горизонтов должны уходить в I в. до н. э. В третьем сверху строительном горизонте нашего стратиграфического шурфа была найдена монета, чеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла. Эти монеты при всей сложности денежного рынка кушанской эпохи не встречаются с монетами поздних кушанских правителей, начиная с Канишки. Возможно, ко времени начала обживания городища относится найденная на Зар-тепе бронзовая монета Агафокла (рис. 1, 1) с изображением на реверсе пантеры¹¹. Судя по нумизматическим типам, время правления Агафокла приходится на период до завоевания Бактрии кочевниками¹², но его эмиссия могла быть в обращении и некоторое время после падения Греко-Бактрии.

Четкая планировка Зар-тепе не оставляет сомнений в том, что перед нами город, построенный по единому плану, скорее всего под эгидой какой-то центральной власти. При этом его возведение именно в период юечжийского владычества в Бактрии представляет большой исторический интерес. Археологические работы показывают, что именно этот период накануне сложения крупной кушанской державы был, по крайней мере для Северной Бактрии, эпохой определенной стабилизации и значительной хозяйственной и строительной деятельности. Именно в это время складывается как крупный город Дальверзин¹³, а в Ширабадском оазисе возникает ряд мелких поселений, указывая на увеличение обрабатываемых земельных угодий¹⁴. Раскопки на Зар-тепе в сопоставлении с исследованиями других памятников ангорской группы позволяют го-

1. Монеты с Зар-тепе: Агафокла (1), Хувишки (2), Васудевы (3)

ворить, что в это же время складывается и ангорский оазис, базировавшийся на водах канала древнего Занга, видимо проведенного в это же время из Сурхандарьи и осуществившего, таким образом, межбассейновую переброску вод¹⁵. Все это свидетельствует о том, что юечжийские правители в Северной Бактрии принимали энергичные меры по развитию экономики, и прежде всего городской жизни, что, надо полагать, привело к созданию устойчивого потенциала, обеспечивавшего последующий подъем и военно-политические успехи кушанского царства.

Благодаря раскопкам верхнего слоя начинает намечаться картина жизни города на позднем этапе его существования. В это время в цен-

тральном массиве городища располагался комплекс монументальных строений скорее всего дворцового характера. Его парадная часть состояла из двух зал: четырехколонного размером $13 \times 9,3$ м и 12-колонного размером $17,6 \times 9,2$ м. От колонн сохранились каменные базы обычного кушанского типа: из двух торцов, разделенных скопией, расположенных на сравнительно высоком плинте. Оба зала открываются входами на юг, где находился обширный двор; перед четырехколонным залом был дополнительно устроен айван. К числу парадных помещений относится и узкое помещение рядом с 12-колонным залом, где были обнаружены обломки глиняных статуй, покрытых поверх глины алебастровой обмазкой с последующей позолотой или окраской в красный цвет. Вторая, скорее всего хозяйственная группа помещений, меньших по размерам, располагалась вдоль северного крыла комплекса и была отделена от парадных помещений узким коридором. В обоих парадных залах и во дворе заметны следы большого пожара: обгоревшие кирпичи и обуглившиеся балки, порой весьма значительных размеров.

На раскопе 3 был вскрыт отдельно стоящий дом, состоящий из семи жилых и хозяйственных строений и примыкающего к нему двора; жилые комнаты были тщательно оштукатурены и имели суфы и очаги для обогрева. Стены сложены частично из пахсы, частично из квадратного сырцового кирпича. При раскопках дома помимо керамики были найдены терракотовые фигурки, каменные пряслица, костяные булавки и бронзовые монеты. Те же находки были сделаны и при начавшихся раскопках другого многокомнатного массива, располагавшегося к северо-востоку от описываемого (раскоп 5), и при разведочных раскопках улицы, проходившей посередине

большого участка, занятого строениями к югу от дворцового комплекса.

Особый интерес представляют результаты работ на раскопе 2, где в ходе исследования крепостной стены было обнаружено прорезавшее ее буддийское святилище. Ориентировочно ширина крепостной стены на этом участке определяется в 3,5 м. При возведении в этом районе многокомнатной постройки часть крепостной стены была срублена, на одном участке она была уничтожена полностью. Именно здесь располагалось длинное коридорообразное помещение ($17 \times 2,5$ м), игравшее, видимо, в пределах всей постройки роль святилища. В его суженной части, приходящейся как раз на место бывлой крепостной стены, поперек помещения располагалась ступенька из четырех плит мергелистого известняка. По краям ступеньки имелись два каменных основания с смонтированными в них бронзовыми «курильницами». Последние представляли собой бронзовые плиты размером $20 \times 20 \times 2,8$ см, с круглым в плане углублением на верхней плоскости. Над полом непосредственно перед ступенькой находился мощный слой горелого дерева и в нем обломки глиняной статуи Будды, покрытой позолотой. Обломки статуи, разбитой на мелкие кусочки, лежали в беспорядке на полу и много выше уровня пола. Здесь же обнаружены горелые обломки резного дерева.

Относительно поздний характер этого святилища, прорубившего крепостную стену, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует и характер прически Будды, в нижней части которой идут два ряда мелких змеобразных завитков, характерных уже для скульптуры гунтского времени. Не вполне ясно, следует ли синхронизировать пожар, имевший место в святилище, с пожаром,

охватившим дворцовое здание. Не исключено, что многокомнатная постройка, в состав которой входило это святилище, была возведена уже после разрушения дворцового комплекса.

Таким образом, отчетливо вырисовывается картина определенной стабилизации, имевшей место в последний период существования города, когда здесь с использованием старых культурных традиций было возведено дворцовое здание, подновлены крепостные стены, интенсивно обживался целый ряд жилых строений на территории городища. Этот поздний ренессанс скорее всего был связан с каким-то периодом политической стабилизации, возможно, с тем этапом в последней трети IV в. н. э., когда, по мнению ряда исследователей, произошло ослабление сасанидского влияния на востоке и усиление роли местных правителей и династов¹⁶.

Раскопки Зар-тепе, а также ряда других кушанских памятников Северной Бактрии дали массовый археологический материал, устойчивое сочетание набора определенных предметов, повторяющееся как в крупных центрах, так и на незначительных поселениях. Таков устойчивый набор керамических форм, выполненных в одной технической традиции, квадратный формат сырцового кирпича, использование в архитектуре мергистого известняка, мелкая терракота, включающая фигурки всадников, объекты, связанные с буддизмом, многочисленные бронзовые монеты. Сочетание всех этих элементов дает кушанский археологический комплекс, или кушанскую археологическую культуру.

Отдельные из этих элементов представлены и в других областях Средней Азии, как, например, фигурки всадников в Согде и в Хорезме. Однако отмеченное выше сочетание характерно именно для территории

Бактрии и составляет ее специфическую черту. Разумеется, в этом в известной мере сказались и специфические особенности бактрийской этнической общности, нашедшие отражение в массовой традиционной культуре¹⁷, но вопрос отнюдь не ичерпывается подобным этническим своеобразием. Нам представляется, что в специфических чертах кушанской археологической культуры нашло свое выражение такое большое историческое явление, которое в терминологии современной социологии можно обозначить как «кушанский культурный комплекс». Под культурным комплексом понимается «широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом»¹⁸. В нашем случае мы имеем культурный комплекс, тесно связанный с широким развитием городской культуры и урбанизма вообще, который характерен для кушанской эпохи в целом¹⁹. Широкое распространение денежного обращения как отражение высокого уровня товарного производства кушанских городских центров, монументальная архитектура, широко использующая камень, как воплощение функции организационного и идеологического лидерства древних городов, буддизм как идеология городского населения — все это уводит нас при рассмотрении кушанской культуры именно в сферу городской жизни древней Бактрии. Разумеется, еще предстоит большая работа по выявлению и обоснованию специфических особенностей кушанского культурного комплекса, по установлению динамики его развития и генетических истоков, объединивших в единое устойчивое целое достаточно разнородные элементы. Но показательно, что с упадком и исчезновением кушанских городов постепенно исчезает и кушанский культурный комплекс, что хорошо видно на примере древ-

1. Портретные геммы Эрмитажа

1 — Юлий Цезарь. Сердолик (а и б); 2 — Юлий Цезарь. Гранат; 3 — Юлий Цезарь. Гранат; 4 — Юлий Цезарь. Гранат; 5 — Юлий Цезарь и

Венера. Гранат; 6 — Марк Антоний. Халцедон (а и б); 7 — Марк Антоний. Аметист; 8 — Марк Антоний. Сердолик

3. Портретные геммы Эрмитажа

20 — Октавия. Сард; 21 — Октавия. Сердолик;
 22 — Октавия и Октавиан. Сард; 23 — Октавия
 и Октавиан. Сердолик; 24 — Октавия и Октавиан.

Халцедон; 25 — Марк Брут. Сердолик; 26 —
 Секст Помпей. Аметист; 27 — Секст Помпей.
 Аметист; 28 — Цицерон. Яшма; 29 — Цицерон.
 Аметист

ней Бактрии. Изучение кушанских городов, одним из которых является кратко охарактеризованный выше Зар-тепе, имеет первостепенное значение для правильного понимания «кушанской проблемы».

¹ Пузаченкова Г. А. Новое о Дальверзин-тепе. СА, 1971, № 4; Пузаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г. — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974.

² Массон В. М. Археологические работы в Северной Бактрии. АО 1972 г. М., 1973, с. 480; *он же*. Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана. АО 1973 г. М., 1974, с. 510; Щетенко А. Я. Раскопки монументального культового комплекса Зар-тепе. — В кн.: Древняя Бактрия, с. 42 сл.; Сабиров К. С., Пилико В. Н. Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепе. Там же, с. 49 сл.

³⁻⁴ Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников. «Труды Института истории и археологии АН УзССР», Ташкент, 1955, с. 115 сл.; *он же*. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 14—41.

⁵ Обзор соответствующих расчетов и их обоснование см.: Массон В. М. Поселение Джейгун. МИА, № 180, 1971, с. 59—60.

⁶ О применяемой терминологии см.: Некрасова Е. Г. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия, с. 88 сл.

⁷ Зеймаль Е. В. Кушанская хронология. М., 1968.

⁸ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс. Л., 1969, с. 4.

⁹ См., например: Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964, рис. 31—38.

¹⁰ Эта дата хорошо определяется материалами Кара-тепе. Т. И. Зеймаль добавляет сюда и первую половину V в. н. э. (Зеймаль Т. И. Указ. соч., с. 6), но единственным датирующим объектом для всего слоя называет лишь отгаск штампа с изображением кушано-сасанидского правителя Хормизда с датировкой его по В. Г. Луконину 381—384 гг.

¹¹ Garter P. The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India. London, 1886, pl. IV, 8.

¹² Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 117.

¹³ Пузаченкова Г. А. Указ. соч., с. 191.

¹⁴ Массон В. М. Изучение кушанских памятников. . . , с. 485.

¹⁵ О древности Занга справедливо писал еще Л. И. Альбаум. («Некоторые данные по изучению. . . », с. 136).

¹⁶ Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв. ВДИ, 1972, № 3, с. 189.

¹⁷ Этот аспект убедительно обоснован в книге: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 71—72.

¹⁸ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 47.

¹⁹ Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 11—12.

• О. Я. Неверов

ПОРТРЕТНЫЕ ГЕММЫ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

В богатейшем собрании портретной глистики, хранящемся в Эрмитаже, особого внимания заслуживают геммы времени римской республики. Искусство портрета в Риме играло

очень своеобразную роль. В древней Италии, где почти все стороны общественной жизни базировались на личных отношениях между массой клиентов и их патроном, между

солдатами и их вождем, традиции патрона и клиентелы придавали совершенно особые свойства портретным изображениям.

Право оставить свое изображение потомству, выразившееся в специальном «*jus imaginum*», издавна поддерживало тщеславное соревнование римских патрициев. Но если прежде искусство портрета носило в основном погребальный, замкнуто-родовой характер или было выражением социально-сословных привилегий знати, то в бурную эпоху гражданских войн I в. до н. э. оно становится одним из самых действенных орудий политической борьбы. «Война картин и статуй», — так характеризовал художественную жизнь Рима в этот период известный французский исследователь Яль¹. Эпоха гражданских войн совпала с расцветом римского портретного искусства. Повидимому, именно соперничество политических группировок, возглавлявшихся беззащитными честолюбцами, дало толчок подъему этого искусства, черпавшего силы в ослабевавшем интересе к индивидуальности, в той особой роли, которую играли в этот период «сильные личности» в борьбе партий и сословий.

Даже в благочестивый обычай почитания изображений умершего родственника в эти годы вносятся характерные коррективы. Цицерон приводит текст красноречивого постановления: «Всякий, кто, храня у себя изображения мятежника и врага отечества, тем самым чтит его, недостойно оставаться в числе граждан»². Плутарх сохранил рассказ о том, как юный Цезарь, во время эдилитета подчеркивавший свою верность популярам, «ночью принес на Капитолий и поставил там сделанные втайне статуи Мария», в свое время уничтоженные Суллой. Наутро огромная толпа стала свидетелем этой политической демон-

страции, объектом которой были портреты погибшего вождя демократов. Сторонники Сената обвиняли Цезаря в подготовке тирании, а популяры, у которых, как пишет Плутарх, «при виде портретов Мария блистали слезы радости», надолго отдали свои симпатии и поддержку молодому честолюбивому патрицию, «достойному родственнику Мария»³.

Наряду с живописным и скульптурным портретом действенным средством пропаганды становятся монеты, имевшие преимущество портативности и широкого обращения. До сих пор религиозные запреты мешали появлению портретов живых современников там, где римляне привыкли видеть лишь изображения богов — покровителей государства и легендарных героев прошлого. Первые шаги делают Марий и Сулла: на их монетах портретные черты придают Юпитеру-триумфатору. Не довольствуясь этим, в 81 г. диктатор Сулла в нарушение всех традиций, подражая эллинистическим царям, открыто помещает свой портрет на золотых монетах. А в 44 г. Сенат уже вынужден был издать специальный закон, даровавший такое же право Цезарю⁴.

Характерно, что и в искусство глиптики, которое всегда отличалось особой интимностью и камерностью, проникают отголоски политической борьбы. Можно утверждать, что портретные геммы становятся в эти годы своеобразным орудием политической пропаганды. Об этом свидетельствуют реплики портретных изображений на камне или в виде механических отливок из стекла и металла. Хрупкие стеклянные копии гемм, которые в музеях мира насчитывают десятки повторений, видимо, некогда изготовлялись сотнями или тысячами⁵. Это были упоминаемые Плинием «стеклянные геммы в перстнях простонародья»⁶. Их распространяли во время политических

сходок, массовых денежных раздач и разного рода подарков плебсу. Они могли служить своего рода вещественным паролем в виде тессер, вручавшихся солдатам перед боем, или как «отличие воинской доблести»⁷, их могли вручать войнам, показавшим храбрость в бою.

В условиях упомянутого личного оттенка отношений с клиентами и солдатами «маленький человек, который, — по словам Цицерона, — во всем уповал на патрона»⁸, был благодарным объектом такого рода агитации со стороны политических лидеров, патронов всего народа. В отличие от монет геммы и их стеклянные копии имели то преимущество, что они более интимно и прочно связывались с личностью их обладателя. Особая убедительность и сила эмоционального воздействия, несомненно, учитывалась организаторами этой действенной агитации. В портретную глиптику времени гражданских войн шире вводятся элементы новой, монархической идеологии, предвещавшей грядущую эпоху империи.

Портреты Юлия Цезаря, убитого заговорщиками 15 марта 44 г. до н. э., стали своего рода знаменем борьбы для партии цезарианцев. На одной портретной гемме Эрмитажа сохранилось тонкое и одухотворенное изображение убитого диктатора, исполненное, вероятно, греческим резчиком⁹ (рис. 1, I). Отдельные черты роднят этот портрет с работами, приписанными мастеру Диоскуриду¹⁰. Если в этом изображении, казалось бы, ничто не говорит о его прокламативном характере, то в других геммах эрмитажного собрания недвусмысленные политические символы окружают портрет Цезаря. На одной из них изображен сосуд для возлияний — атрибут первосвященника¹¹ (№ 4). Этот портрет должен был напоминать о поруганном благочестии, убийстве великого понтифика Цезаря. В стихах Овидия

сама Веста, покровительница Рима, объявляет священной месть за его смерть:

Вспомни без колебаний, он мой был
священнослужитель,
Тех святотатцев мечи целили прямо
в меня...
Те, что на это решились, волю богов
презирая,
И злодеяньем святой дерзко коснулись
главы,
Смерть заслужив, полегли, в этом свиде-
тель — Филиппы
С белой поныне землей от незарытых
костей¹².

Эрмитажная гемма имеет две реплики: стеклянную в Вене и позолоченную эмблему железного перстня в Британском музее¹³. Сам материал копий говорит о скромном социальном положении их владельцев. Точное воспроизведение этого портрета на монетах, чеканившихся Марком Антонием в 42 г. на Востоке, так же как материал эрмитажной геммы — восточный гранат, уточняют и дату и локализацию всей этой серии. Видимо, в войсках Антония получили распространение и такие геммы из граната, на которых Цезарь предстает то как жрец со священным жезлом-литуусом, то как «Отец отечества» с венком, дарованным ему сенатом, на голове¹⁴ (№ 2). На одной из гемм эрмитажного собрания вокруг портрета размещены, кроме того, каудеи — символ процветания, дельфин и трезубец — знаки владычества на море¹⁵ (№ 3). И это изображение-прокламация также исполнено после смерти Цезаря, о чем свидетельствует звезда — символ обожествления умершего диктатора, провозглашенного «божественным Юлием». Этот же символ, восходящий к реальной комете, умело связанной Октавианом с гибелью Цезаря, появляется и на другой гемме эрмитажного собрания, где рядом с ним предстает богиня Венера, родоначальница рода Юлиев¹⁶ (№ 5).

4. Портретные геммы Эрмитажа

30 — Неизвестный. Гранат; 31 — Неизвестный. Литик; 32 — Неизвестный. Сард; 33 — Неизвестный. Сердолик; 34 — Неизвестный. Агат; 35 —

Неизвестный. Литик; 36 — Неизвестный. Сердолик; 37 — Неизвестный. Сард; 38 — Неизвестный. Сердолик.

2. Портретные геммы Эрмитажа

9 — Октавиан. Литик; 10 — Октавиан. Сард;
 11 — Октавиан. Сардоник; 12 — Октавиан. Сард;
 13 — Октавиан. Агат; 14 — Октавиан. Сердолик;

15 — Октавиан. Агат; 16 — Октавиан. Аметист;
 17 — Октавиан. Сердолик; 18 — Октавиан. Сер-
 долик; 19 — Октавиан. Сердолик

Не довольствуясь изображениями убитого диктатора, цезарианцы широко распространяют и портреты его преемников — триумвиров Антония и Октавиана. Халцедоновая гемма в Эрмитаже с редким по экспрессивности портретом Антония имеет два очень близких повторения: одно из сердолика, другое из стекла¹⁷ (№ 6). Марк Антоний портретирован, видимо, итальянским резчиком: смелыми лаконичными врезами передает мастер глаза, словно вылезавшие из орбит, уверенно и нагло ухмыляющиеся губы, мясистый подбородок триумвира. Безудержное своеволие, беззащитность и цинизм, пугавшие Рим, подчеркнуты в этом портрете. Это словно иллюстрация к инвективам цезарианцев «Филиппик» в адрес цезарианцев и их главы. «Представьте себе их лица, сенаторы, особенно лица Антониев, их вид, походку, все, чем они дышат», — восклицает Цицерон, разоблачая стремление триумвира к единовластию¹⁸. Напуганная знать в самом облике властителей угадывала новые процессы, проскрипции, казни. Еще одного диктатора, казалось, сулили им «эти глаза, сверкающие одновременно жестокостью и высокомерием, этот лик — не человека, а скорее — гражданской войны»¹⁹.

В двух других портретах Антония в Эрмитаже подчеркнуты энергия и чисто физическая сила триумвира, качества, делавшие его необычайно популярным у солдат и вызывавшие сравнения с Гераклом²⁰ (№ 7). На одной из гемм — монограмма Квинта Вара, видимо, владельца печати. Портрет триумвира здесь настолько идентичен изображению на монетах 42 г., что его можно приписать тому же самому мастеру, который вырезал их штемпели²¹ (№ 8). Видимо, не случайно и совпадение монограммы с именем чиновника, ответственного за выпуск этих монет, — Гая Вибия Вара: портретная гемма принадле-

жала одному из клиентов Антония. Изображения этого типа, видимо, были очень известны, как как совпадают с описанием внешности триумвира в его биографии. «Пышная борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают живописцы и ваятели» — пишет Плутарх²².

Совсем иным на многочисленных геммах предстает его коллега по триумвирату юный Октавиан. Этот необычайно ловкий политик, бывший и союзником и соперником Антония, отдавал себе отчет в том, что «личность принцепса должна согласовываться не только с умонастроениями, но и с самыми взорами граждан»²³. Понимая, каким важным политическим орудием может стать его изображение, Октавиан, надо полагать, не относился безразлично к созданию своих портретов. Не случайно лишь единицами насчитываются поистине разоблачающие изображения могущественного и одновременно болезненного юноши-триумвира, своей злобещей мрачностью заставляющие вспомнить человеческие жертвоприношения в память Цезаря и ужасы проскрипций²⁴. Напротив, сотни портретов варьируют ставший каноническим и, видимо, одобренный самим Октавианом портрет-маску, в котором реальные черты заслоняются «образом доблести, благочестия и ума» — идеальных качеств старозаветного римлянина, о котором мечтала измученная братоубийственными войнами Италия²⁵ (рис. 2, № 9—11).

Изображение благообразного подростка с глубокомысленно строгим выражением лица должны были убедить общество в том, что Октавиан, как уверял сенаторов Цицерон, «доблестью победил свой возраст»²⁶. Очень характерно количество реплик: эрмитажный литик с изображением Октавиана-подростка имеет 20 аналогий

в одном лишь берлинском собрании²⁷ (№ 12). Нередко портрет юного триумвира окружают политические символы — рог изобилия, дельфин, корабль и трезубец, орел с победной пальмовой ветвью, земной шар и т. п.²⁸ (№ 13—15).

Возмужавшим предстает Октавиан в геммах начала 30-х годов, в период Сицилийской войны с Секстом Помпеем²⁹. В этом новом типе портретов италийская традиция заметно смягчается обращением к греческой классике. Три эрмитажные геммы, на которых повторяется изображение Октавиана в виде эфеба с копной вьющихся волос и легкой бородкой, имеют близкие повторения в Неаполе, Лондоне и в частных коллекциях³⁰ (№ 16—19).

В годы второго триумvirата появляются геммы с портретами Октавии, сестры триумвира, бывшей первой из римлянок, удостоенных изображений при жизни. Ее популярность объясняется выпавшей ей ролью примирительницы Октавиана и Антония, соперничество которых готово было вызвать новый взрыв междоусобной войны. На брак Октавии и Антония возлагались большие надежды. В портретах сестры триумвира подчеркиваются чистота, строгость и скромная сдержанность — идеальные качества римлянки.

Одна из гемм Эрмитажа с изображением Октавии имеет точную реплику в берлинском собрании, что свидетельствует о копировании подобных портретов³¹ (рис. 3, № 20), другая несет на себе имя владельца, некоего Афра, по-видимому, клиентальноопущенника³² (№ 21). Октавиан нередко предстает вместе со своей сестрой, портрет которой в этих случаях играет роль своеобразного символа — олицетворенного залога мира³³ (№ 22—24). Руки, сомкнутые в рукопожатии, добавленные под парным портретом в одной из берлинских реплик, лишней раз под-

черкивают прокламативный характер этих олицетворений мира и согласия³⁴.

Сторонники сенатской партии в свою очередь распространяли изображения своих лидеров — Катона Утического, как его называет Сенека³⁵, Брута, Кассия, Секста Помпея. Портрет Марка Брута, одного из убийц Цезаря, сохранился на эрмитажной гемме³⁶ (№ 25). Образ непримиримого республиканца несколько идеализирован: Брут выглядит явно моложе своих лет, голова гордо вскинута, взор устремлен ввысь. Именно такого рода изображения тираноубийцы могли служить олицетворением свободы, при одном упоминании о которой, по словам Цицерона, «кажется так и видишь образ Брута»³⁷. Очень близкое повторение геммы дошло до нас в виде стеклянных отливок, хранящихся в Женеве и Лондоне³⁸.

Последний из борцов за дело сенатской партии, Секст Помпей, предстает на великолепной эрмитажной гемме из аметиста³⁹ (№ 26). Это, видимо, вышедшее из мастерской резчика Агатопа авторское повторение подписного камня, хранящегося во Флоренции⁴⁰. Варианты этого эллинистического по духу изображения дают еще одна эрмитажная гемма и литик в Британском музее⁴¹ (№ 27). Дельфин под обрезом шеи в эрмитажном портрете заставляет вспомнить о том, что этот потомок Помпея Великого, одно время державший под своим контролем весь бассейн Средиземного моря, величал себя «сыном Нептуна»⁴². Средства символики, героизации и обожествления и у республиканцев и у цезаристов одни и те же⁴³.

В портретах главных действующих лиц исторической трагедии, разгравшейся в Риме в конце I в. до н. э., все прокламативно и агитационно нацелено. Гораздо более живыми, глубокими и интересными художест-

венными документами этой трагической эпохи являются геммы с портретами второстепенных персонажей и неизвестных лиц, видимо, также игравших какую-то роль в политической борьбе, так как до нас дошли повторения их портретов. Среди них выделяются изображения Цицерона. На одной эрмитажной гемме великий оратор предстает еще в расцвете лет, когда он отправлял должность проконсула, на другой — это убежденный сединами старец, признанный духовный глава сената⁴⁴ (№ 28—29).

Изображения неизвестных пожилых патрициев поражают интенсивной эмоциональностью, их лица дышат неукротимой энергией, полны внутренней силы и значительности⁴⁵ (рис. 4, № 30—34). Экспрессивные портреты молодых римлян выгодно отличаются более живым и сложным характером от плоскопрокламативных изображений «доблестей» Октавиана⁴⁶ (№ 35—38). Нарастание элементов прокламативности, черты героизации и прямого обожествления, отмеченные выше в портретах главных антагонистов гражданской войны, привели к утрате традиций как италийского «веризма», так и эллинистической эмоциональности, еще живших в портретах частных лиц и второстепенных деятелей республиканского Рима.

И если в копировании и распространении портретов знати лежали древние обычаи патроната, то нечто совсем иное лежало в основе налаженной пропаганды в пользу вождей партий, расширявших путь к установлению императорского режима. Здесь под прикрытием привычных для Италии форм вводилось новое, по сути своей монархическое содержание.

¹ *Jal P.* La guerre civile à Rome. Paris, 1963, p. 181.

² *Cicero.* Pro Rabirio, 9.

³ *Plut.,* Caesar, 6.

⁴ *Babelon J.* Le portrait dans l'antiquité d'après les monnaies. Paris, 1950, p. 43.

⁵ *Volleneider M. L.* Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der römischen Republik. «Museum Helveticum», 12, 1955, p. 96.

⁶ *Plin.,* NH, 35, 48.

⁷ Там же, 33, 6.

⁸ *Cicero.* Pro Murena, 70.

⁹ ГЭ, № Ж 3558. Сердолик, 1,3×1,1 см.

«Искусство портрета». Каталог выставки. Л., 1972, № 65.

¹⁰ *Volleneider M. L.* Die Gemmenbildnisse Cäsars. «Antike Kunst», 1960, S. 81, Taf. 12, 14.

¹¹ ГЭ, № И 8897. Гранат, 1,3×1,1 см.

¹² *Ovid.* Fasti, III, 699, sv.

¹³ *Volleneider M. L.* Gemmenbildnisse Cäsars, Taf. 14.

¹⁴ ГЭ, № Ж 4328. Гранат, 1,2×0,9 см.

Несеров О. Римские портретные геммы времени гражданской войны I в. до н. э. в собрании Эрмитажа. СГЭ, 1971, № 32, с. 61.

¹⁵ ГЭ, № Ж 1434. Гранат, 1,4×1,2 см.

Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, с. 86; *Несеров О.* Указ. соч., с. 60.

¹⁶ ГЭ, № Ж 1435. Гранат, 1,4×0,9 см.

Надпись: DIVI JULI DIC, *Несеров О.* Указ. соч., с. 61, рис. 6.

¹⁷ ГЭ, № И 8780. Халцедон, 1,4×1,2 см.

Ср.: *Furtwängler A.* Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896, N, 5100; *idem.* Die antiken Gemmen. Berlin, 1900. Taf. 47, 31.

¹⁸ *Cicero.* Philippicae, 13, 2.

¹⁹ *Seneca Major,* Suasoria, VI, 3.

²⁰ ГЭ, № Ж 3548. Аметист, 1,2×1,0 см.; Ив. № Ж 1463. Сердолик, 1,4×1,1 см.

Несеров О. Указ. соч., с. 61, рис. в.

²¹ *Buttrey T.* The triumphal portrait gold of the Quattuorviri monetales of 42 B. C. New York, 1956, pl. VI, IX.

²² *Plut.,* Antonius, 4.

²³ *Cicero.* Philippicae, 8, 10.

²⁴ ГЭ, № Ж 4875. Сердолик, 1,8×1,1 см.

Несеров О. Указ. соч., с. 62, рис. 6.

²⁵ *Cicero.* Philippicae, 5, 9.

²⁶ *Ibid.,* 14, 10.

²⁷ ГЭ, № Ж 4884. Литник, 1,2×0,9 см.

Несеров О. Указ. соч., с. 62, рис. а. Ср.: № Ж 3531. Сард, 1,1×0,9 см.

Furtwängler A. Die antiken Gemmen, Taf. 47, 12; № Ж 1761. Сардоникс, 1,3×0,9 см;

№ Ж 1460. Сард, 1,4×1,1 см. *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 87. Ср. *Furtwängler A.* Beschreibung. . ., N 5097—5116.

²⁸ ГЭ, Ж 2936. Сердолик, 1,1×0,9 см; № Ж 5898. Агат, 1,3×0,9 см; № Ж 263.

Агат, 2,4×2,3 см. *Несеров О.* Античные камни в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1971, № 71; № И 9881.

- Агат, 1,2×0,9 см. Ср. *Furtwängler A.*, Beschreibung, N 5136—5181.
- ²⁹ ГЭ, № Ж 4882. Сердолик, 1,4×1,2 см. *Несеров О.* Римские портретные геммы, с. 63; № Ж 4879. Аметист, 1,6×1,3 см.; № Ж 4900. Сердолик, 1,6×1,4 см. *Несеров О.* Указ. соч., с. 62, рис. в. Ср. ГЭ, № Ж 6462. Сард, 1,3×1,1 см. *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen, Taf. 47, 44.
- ³⁰ *Vollenweider M. L.* Steinschneidekunst und ihre Künstler in spätrepublikanischer und augusteischer Zeit. Baden-Baden, 1966, Taf. 29.
- ³¹ ГЭ, № Ж 6464. Сард, 1,2×1,0 см. «Искусство портрета», № 72. Ср.: *Furtwängler A.* Beschreibung, N 6543.
- ³² ГЭ, № Ж 6456. Сердолик, 1,3×1,2 см; № Ж 3552. Агат, 0,9×0,6 см; № Ж 3569. Сердолик, 1,2×0,9 см.
- ³³ ГЭ, № Ж 3564. Сард, 1,4×1,0 см; № Ж 3570. Сердолик, 1,2×0,9 см; № Ж 6493. Халцедон, 1,3×1,0 см.
- ³⁴ *Furtwängler A.* Beschreibung, N 5197.
- ³⁵ *Seneca*, De tranquillitate animi, 15.
- ³⁶ ГЭ, № Ж 6466. Сердолик, 1,5×1,3 см. *Несеров О.* Указ. соч., с. 61, рис. а.
- ³⁷ *Cicero*. Philippicae, 10, 4.
- ³⁸ *Vollenweider M. L.* Les portraits Romains sur les intailles et camées. Geneva, VIII, 1960, pl. IV; *Walters H.* Catalogue of the engraved gems and cameos in the British Museum. London, 1926 N 3253.
- ³⁹ ГЭ, № Ж 1468. Аметист, 2,1×1,7 см. *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁴⁰ *Vollenweider M. L.* Steinschneidekunst, Taf. 90.
- ⁴¹ ГЭ, № Ж 6471. Аметист, 1,1×0,8 см. Ср. *Walters H.* Указ. соч., № 3225.
- ⁴² *Dio Cas.*, Historia Romana, 48, 19.
- ⁴³ *Alföldi A.* Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr. Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek, 1954, N 5, S. 161.
- ⁴⁴ ГЭ, № Ж 3563. Яшма, 1,3×1,0 см; № Ж 3557. Гранат, 1,2×0,9 см.
- ⁴⁵ ГЭ, № Ж 4871. Гранат, 1,4×1,2 см. *Несеров О.* Указ. соч., с. 63, рис. б; № Ж 1467. Сард, 1,4×1,2 см. *Несеров О.* Указ. соч., с. 63, рис. в; № Ж 1475. Литик, 1,3×1,0 см; № Ж 4994. Агат, 1,3×1,1 см.
- ⁴⁶ ГЭ, № Ж 6475. Сердолик, 1,3×1,2 см. *Несеров О.* Указ. соч., с. 63, рис. а; № Ж 3547. Литик, 1,4×1,1 см; № Ж 1472. Сард, 1,5×1,2 см; *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 87.

Э. Я. Николаева

ФРАГМЕНТ АРХАИЧЕСКОГО СОСУДА ИЗ КЕП

В 1973 г. при раскопках западной части городища¹, к югу от архаического дома², найдено большое количество фрагментов архаической керамики, один из которых заслуживает особого внимания.

Обломок представляет верхнюю часть округлого тулова закрытого чернофигурного сосуда. Глина плотная, хорошо отмученная, розового цвета, с мельчайшими блестками слюды и песчанистыми включениями. Обломок принадлежал амфоре (или ойнохое) родосско-ионийского стиля. Сохранилась часть росписи на плечах сосуда: часть фигуры козла с повернутой назад головой и заполнитель-

ный орнамент: язычки, пальметта, волута, кружочки (рис. 1; 2).

Роспись исполнена по тонкому слою подмалевки из очень жидкой глины с небольшим добавлением лака. Контур рисунка нанесен тонкой кистью жидким лаком и закрашен более густым черно-коричневым лаком. Незакрашенными остались голова козла, полоса вдоль нижней части туловища и полосы, подчеркивающие движение ног.

Сюжет росписи, техника ее исполнения, а также частый аналогичный орнамент находят аналогии на вазах из Халкиды, с Родоса, из Клазомен, с Березани, из Токры

1. Фрагмент архаического сосуда с изображением козла

2. Реконструкция формы сосуда

и т. д., которые позволяют отнести этот фрагмент к концу VII—началу VI в. до н. э.³ Наиболее близкие аналогии⁴ нашему фрагменту дают сосуды родосского происхождения⁴. Размеры сосуда, вычисленные по криватуре фрагмента, соответствуют указанным выше амфорам.

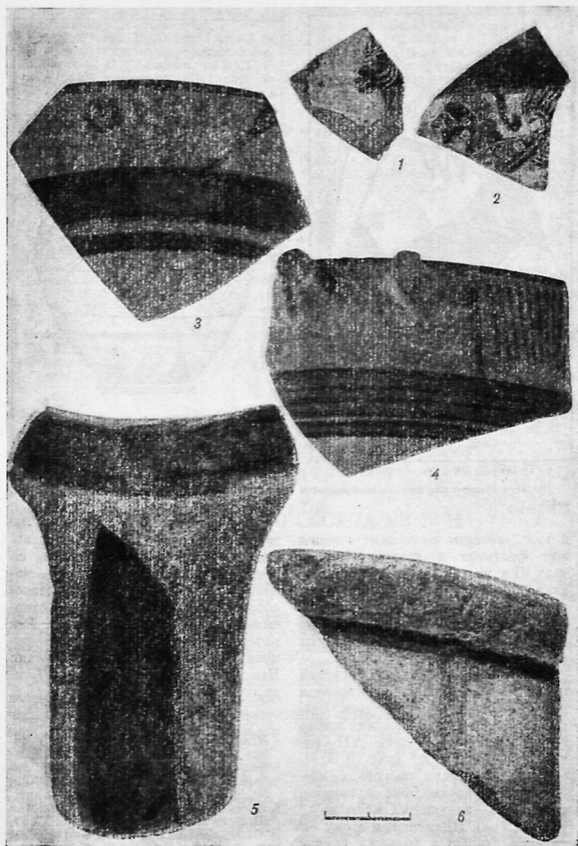
Кроме этого фрагмента к первой половине VI в. до н. э. относится ряд обломков других сосудов. Это, во-первых, обломки хиосских амфор с полосами лака конца VII—начала VI в. до н. э.⁵ (рис. 3, 5, 6), обломки самосских сосудов с изображением головы быка и сирены, конец VII—начало VI в. до н. э.⁶ (рис. 3, 1, 2). Примерно, к этому же времени относится большая группа киликов-скифосов общеоийского

типа⁷ (рис. 3, 3, 4) несколько фрагментов тонкостенных горшочков со спиралевидным орнаментом⁸, довольно большое количество разнообразных фрагментов сосудов, относящихся к началу VI в. до н. э. Эти материалы позволяют поставить вопрос о более ранней дате основания Кеп, чем вторая половина VI в. до н. э.⁹

¹ Николаева Э. Я. Отчет о раскопках в Кепках в 1973. Архив ИР, Р. I, д. 5192.

² Долгоруков В. С., Соколовский Н. И. Работы Таманской экспедиции. АО 1970 г. М., 1971, с. 120.

³ Fairbanks A. Catalogue of Greek and Etruscan vases. Cambridge, 1928, pl. XXVI, N 290; pl. XXXIV, N 321, 9—11; Kitch K. F. Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914, fig. 114, 132, pl. 16, 1, 2; Boardman J.,

- Hayes J. Excavations at Тосра 1963—1965. The archais deposits, I, 1966, pl. 28, № 580, 581; pl. 29, N 588; Prinz H. Funde aus Naukratis. Leipzig, 1908, Taf. 11; Murray A. S. Escavations in Сургуз. London, 1900, p. 104, fig. 151, 5; Скудинова В. М. Родосская керамика с о. Березани. СА, 1960, № 2, с. 164.
- ⁴ Руднева С. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской. ИАК, 1912, № 45, с. 107, рис. 3; Pottler E. Vases antiques de Louvre. Paris, 1897, pl. 12. N 314—317; Buschor E. Griechische Vasen. München, 1940, S. 52, N 61; S. 7, N 99.
- ⁵ Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949—1952 и 1953 гг. МИА, 103, 1962, с. 11; Boardman J., Hayes J. Указ. соч., пл. 90, № 1414.
- ⁶ Определенне Н. А. Сидоровой
- ⁷ Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритак, МИА, № 25, 1952, с. 231; Boardman J., Hayes J. Указ. соч., № 734—743; Сидорова Н. А. Архаическая керамика Пантикапея. МИА, № 103, 1962, с. 115; Fairbanks A. Указ. соч., пл. XXXVI, № 327, 2—4.
- ⁸ Homolle M. Th. Ecole française d'athenes. «Fouilles de Delphes», t. V, Paris, 1908, p. 11, fig. 44.
- ⁹ Соколовский Н. И. Кепы. АГ, с. 101.

Н. А. Онайко

АПОЛЛОН ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ

В XIX в. в кургане Слоновская Близница на Днепропетровщине были найдены четыре бронзовых навершия с изображением мужской фигуры и двух животных, переданных в плоском рельефе (рис. 1)¹. В течение многих лет сюжет этих изображений оставался неразгаданным, хотя неоднократно привлекал к себе внимание. Обычно в нем видели борьбу героя с фантастическими животными. Б. Н. Граков, а вслед за ним и другие исследователи, называли этого героя скифским Гераклом².

В настоящее время благодаря новой находке — золотой бляхе из Дуровского кургана близ Воронеза (рис. 2)³ и очень близким аналогам в греческой керамике (феодосийский медальон (рис. 3)⁴, ваза Ксенофанта⁵, боспорская пелика⁶), можно без труда

определить образы, украсившие навершия из Слоновской Близницы. Это всадник на львиноголовом грифе, который пытается поразить копьём молодого оленя.

Хуже всего рассматриваемая сцена удалась мастеру бронзовых наверший. Он не смог даже схематично передать позу всадника. Наиболее отчетливо изображена непропорционально большая голова и поднятая кверху правая рука с оружием, направленным в сторону животных. Силуэтные изображения грифа и оленя, даже без особых подробностей, в моделировке их фигур, кажутся более совершенными. Уравновешенная композиция рисунка в целом. Элементы орнаментализма, особенно ярко выраженные в изображении экспрессивной фигуры грифа, не умаляют, а усиливают художественную выразительность образов.

Как видим, художественное достоинство изображений на бронзовых навершиях из Слоновской Близницы

←
3. Архаическая керамика из Кеп
1, 2 — обломки самосских сосудов; 3, 4 — обломки ионийских килеков; 5, 6 — обломки амфор с полосами лака

1. Бронзовое навершие на кургана Слоновская
«Близница» (уменьшено)

несколько противоречиво: беспомощное изображение человеческой фигуры и большое мастерство в трактовке животных. Это вполне отвечает уровню развития северочерноморского варварского искусства, в котором изображения звериных мотивов получили наиболее высокое развитие, в то время как изображения человека (каменные изваяния) отличались нерасчлененностью форм и неумелой передачей фигур в сложных поворотах, в движении. Если учесть, что меото-скифское искусство звериного стиля почти не знало многофигурных композиций, то изображения на навершиях из Близниц Слоновской являются одними из немногих, но ярких образцов такой композиции, навеянной популярным

в Северном Причерноморье сюжетом греческого искусства.

Центры производства степных приднепровских наверший пока не выяснены. Наиболее вероятным представляется искать их в районах, близко расположенных к Боспору. На это указывают сильная стилизация образов животных, наличие греческого орнамента, а также попытка изобразить в металле человеческую фигуру⁷.

Рельеф дуровской бляхи, хотя и повторяет довольно точно схему феодосийских медальонов, все же отличается рядом признаков, с одной стороны роднящих его с изображениями на бронзовых навершиях, с другой — существенно отличающих от них. Юному герою дуровской бляхи присущи те же иконографические черты, что и герою на бронзовых навершиях. Несмотря на более четкое воспроизведение всадника на бляхе, его изображение на ней в общем также схематично. Далеко отодвинутая от корпуса правая нога кажется настолько длинной, что если всадника поставить на ноги, то они окажутся длиннее всей его фигуры. Совсем иначе, чем в бронзовых навершиях, выглядят на бляхе животные. В навершиях они переданы в характерном меото-скифском зверином стиле на той стадии его развития, когда изображения животных стали отличаться графической схематизацией образов и наличием в варварской стилистической переработке орнаментально-декоративных элементов греческого искусства. В трактовке же образов на дуровской бляхе при наличии тех же особенностей чувствуется стремление как можно точнее передать реалистические черты копируемых изображений, наделить их мягкой моделировкой, хотя в це-

2. Золотая бляха из Дуровского кургана. Фото (а) и рисунок (б) (уменьшены)

3. Глиняный феодосийский медальон. Увеличен

лом они переданы небрежно, чего нельзя сказать об исполнении тех же животных в бронзе.

Воспроизводя грифа и оленя для оттисков золотых блях, художник сравнительно четко передал их головы. Передние же ноги грифа крайне бесформенные. В отличие от четкой ритмичной расстановки фигур животных в навершиях, на бляхе их изображения смазаны, задняя часть фигуры грифа точно срезана. Художник не смог так виртуозно вписать рисунок в круглое поле модели для штампа блях, как это было сделано художником-керамистом феодосийских медальонов. Дуровская бляха, на наш взгляд, произведение боспорского художника, воспитанного в традициях местного греко-варварского искусства. Им мог быть и грек, и выходец из варварской среды, работавший в городской мастерской. Это тем более вероятно, что керамические изделия, с росписей которых заимствован сюжет для украшений в металле, не получили распространения на варварской территории.

Чтобы разгадать смысловое значение изображений на навершиях и на бляхе, обратимся к уже упомянутым источникам, с которых этот сюжет заимствован. Это прежде всего роспись на большом лекифе Ксенофанта начала IV в. до н. э., где одной из действующих фигур является подобный конный всадник в персидском костюме, а под ним — припавшая к земле лань. В определении сюжета этой росписи нет единого мнения. А. А. Передольская видит в нем изображение охоты персидских царей, которая носит отвлеченный, парадный характер⁸. В. Д. Блаватский высказал предположение, что здесь показана охота Дария, о чем могут свидетельствовать надписи имен охотников⁹.

Л. Стефани полагал, что сочетание грифа с треножником, пальмовым

и лавровым деревьями позволяет видеть в росписи лекифа сцены из популярных в то время сказаний о северо-восточных окраинах Скифии: земле гипербореев, посвященной Аполлону, об аримасах и стерегущих золото грифах¹⁰.

В росписях так называемых боспорских пелик, которые изготавливались в Аттике специально для Северного Причерноморья с конца V в. до н. э., широко использована тематика, посвященная сказаниям о гиперборейцах. Одним из главных ее сюжетов является Аполлон гиперборейский в виде всадника на грифе. Близкая аналогия всаднику на дуровской бляхе имеется на пелике из Исторического музея¹¹, к композиции в целом — на феодосийских медальонах аттической работы начала — первой половины IV в. до н. э.

Поскольку заимствованное с этих источников изображение Аполлона гиперборейского не подверглось радикальной переработке в дуровской бляхе и в навершиях из Слоновской Близницы, у нас нет оснований считать, что на них изображен другой персонаж. Но этот Аполлон представлен с гривнами на шее; у него короткая прическа из прямых волос, напоминающая изображения молодых безбородых сатиров в эмблемах пантикапейских монет середины IV в. до н. э.¹² и особенно стилизованные изображения сатиров на золотых бляшках из Верхне-Рогачинского, Александропольского и Елизаветовского курганов и сидящего варвара из Аксютинского кургана¹³. С другой стороны, этот герой показан обнаженным, как молодой эллинический бог на боспорских пеликах. Все это может указывать на то, что дуровская сцена была скопирована непосредственно не с керамических росписей, а с греческого оригинала в металле, скорее всего в золоте. Так в северочерноморской торевтике были выработаны варварские черты

в иконографии Аполлона гиперборейского. В отличие от боспорских пелик, где Аполлон сидит на орлиноголовом грифе, здесь, как и на феодосийском медальоне, он оседлал львиноголового грифа, изображение которого получило широкое распространение в украшениях художественных металлических изделий и в эмблемах монет Боспора IV в. до н. э.

Согласно античной традиции, дикое чудовище — грифа, ставшего атрибутом Аполлона¹⁴, могло оседлать и подчинить своей воле только всемогущее божество. Правда, в дополнение к этим мифологическим представлениям можно еще сказать, что грифов якобы можно было укротить, если их удавалось поймать совершенно молодыми. Причем охотились на них только варвары. Именно этим Л. Стефани объясняет наличие композиций в греческом искусстве, где обычно молодые варвары изображены верхом на грифах¹⁵. Однако обращает на себя внимание тот факт, что варвар был всегда молодой. Не являются ли эти изображения отзвуком мифических представлений об Аполлоне гиперборейском, который, согласно античной традиции, изображался в виде молодого юноши, а согласно легенде о гипербореях, был связан с представлениями об окружающей его варварской среде?

Создается впечатление, что не только аттическим художникам круга боспорских пелик, но и местным, повторившим этот мотив в металле, Аполлон представлялся мчавшимся каждые 19 лет к гипербореям¹⁶, но не как обычно на колеснице, запряженной лебедями¹⁷, а на имевшем к нему отношение грифе — хозяине тех земель. Появившееся еще в период греко-персидских войн новое направление в греческом искусстве — изображать охотниками не только греков, но и варваров, было связано, по-видимому, и с персона-

нией¹⁸, и с увлечением сюжетами северо-восточных окраин античного мира, которое не ограничивалось одними сказаниями об этих землях. Яркой иллюстрацией этому явились росписи пелик, свидетельствующие о тесных экономических и культурных связях Боспора с Афинами. До этого столь излюбленные в этих росписях образы животных — гриф и олень (лань) не играли большой роли в искусстве греков, особенно в сочетании с Аполлоном, Амазонками и так называемыми Аримаспами.

Геракл же¹⁹, с которым привыкли отождествлять героя на навершиях из Слоновской Близницы, хотя когда-то и считался у греков солнечным богом и в этом смысле имел много общего с Аполлоном, тем не менее ни у себя на родине, ни в Северном Причерноморье не совершал подвигов, связанных с грифом. Встречающиеся совместные изображения этого героя и грифа воспринимаются обычно как дополняющие друг друга своей всеокрушающей силой персонажи-обереги²⁰. К образу оленя Геракл имел большее отношение, чем к грифу, но здесь рассматриваемый сюжет никак не вытекает с нашим представлением об изображениях подвига героя, связанного с киренейской ланью. Против атрибуции изображений на бронзовых навершиях и дуровской бляхе подвига Геракла говорит также хорошо известная иконография этого героя: он всегда пеший, а не всадник; его оружие борьбы — дубина. На первый взгляд кажется также странным и сочетание Аполлона с оленем, так как, согласно греческой мифологии, *ἑλαφρίβλος*, *ἑλαφοτόνος* — его сестра Артемиды²¹, а не он. Однако напомним, что у сестры и брата много общего. Аполлон нередко является в сопровождении лани и Артемиды²². Вместе с сестрой он убивает гиганта Тития, детей Ниобы. Имеются сообщения древних авторов о священных ланях Аполлона²³.

Олень иногда представляет атрибут Аполлона на монетных эмблемах²⁴. Гиперборейки Арга и Опис прибыли на Делос со священными дарами вместе с обоими, так близко стоящими друг к другу божествами — Аполлоном и Артемидой²⁵. Наконец, в росписях тех же боспорских пелик встречаются изображения Артемиды с атрибутами брата — грифами, запряженными в колесницу²⁶.

На связь Аполлона с культом оленя прямо указывает декор сербрядной фиалы V—VI вв. до н. э., найденной на Кубани у хут. Зубовского: 13 головок оленей и свернувшийся в кольцо змей Питон, сраженный, согласно легенде, стрелами Аполлона²⁷. Поэтому есть основания утверждать, что на северо-востоке античного мира, особенно на Боспоре, где эллинское мифотворчество активно воспринимало образы, навеянные религиозными представлениями варварских племен, символическое значение оленя при Аполлоне могло приобрести особый смысл.

Кульм оленя в Северном Причерноморье имел древнюю традицию. Это нашло отражение в названиях собственных имен. Геродот упоминает скифских военачальников и царей, этимология имен которых свидетельствует о сравнении с быстрым оленем, другого называют «пронзающим оленя»²⁸. Чаще всего олень воспринимался, по-видимому, как священное животное какой-то богини²⁹ и изображался то с нею (северокавказские пояса³⁰, александропольская бляха³¹ и др.), то самостоятельно (бронзовые и золотые бляшки, пластины Северного Кавказа, Приднепровья, Подонья)³². Аполлонов гриф и, по-видимому, связанный с его культом олень становятся главными персонажами в украшениях боспорской торевтики, предназначенной на сбыт варварским племенам. В это же

время, т. е. с конца V в. до н. э., на эмблемах пантикапейских монет появляется изображение самого Аполлона³³. Это совпадение можно объяснить не только усилением роли культа Аполлона на Боспоре, но и усилением роли подобного ему божества в мировоззрении племен Приднепровья и Подонья, там, где получили распространение и образы животных, связанные с культом этого божества, и его антропоморфные изображения.

Как известно, Аполлон выполнял роль покровителя города и переселенцев, возглавлял процесс колонизации, был предводителем войска³⁴. Об этом наглядно свидетельствует надпись на упомянутой фиале из Зубовского хутора: «Я принадлежу Аполлону Гегемону, что в Фасисе»³⁵. Но Аполлон мог отождествляться также с божеством, охраняющим людей, их стада, урожай. Наконец, не исключено, что он воспринимался также в роли божества, охраняющего золото в стране гипербореев.

Близкое греческому Аполлону божество — скифский Гойтосир — тоже солнечный бог и стрелок³⁶; он входил в пантеон северочерноморских варварских божеств. Согласно местным обычаям, Гойтосир, как и другие божества, во времена Геродота не имел антропоморфных изображений. Но изображения его спутников — орлиноголового грифа и орла в виде стилизованной головы и глаза получили широкое распространение в украшениях конской сбруи, колчанов и пр. Вышеизложенные данные могут свидетельствовать о связи варварского культа Аполлона—Гойтосира, Аполлона гиперборейского, Артемиды и посвященных им животных.

Олень при Аполлоне, возможно, символизировал присутствие его ипостаси — сестры Артемиды, но скорее всего, как предполагает В. Д.

Блаватский, это олень — «золотое солнце». Хтоническое значение Аполлона, по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, тесно связано с мифом о гипербореях и с идеей аполлоновой религии, по которой Аполлон похищает праведных в свой рай, загробную страну гипербореев³⁷. Композиция рассматриваемого сюжета, воспринимаемая и как полет ввысь, указывает на связь Аполлона гиперборейского с солярными религиями. Это не противоречит принятой в греческой мифологии атрибуции Аполлона как божества солнечного света, а грифа — слуги солнца. Дуалистическое восприятие Аполлона как хтонического и солярного божества отвечало и иранскому мировоззрению. К древнейшим культам двойственного восприятия божества в Северном Причерноморье относится культ Ахилла Понтарха с признаками бога — конника и солярного божества³⁸.

Создание иконографии образа Аполлона гиперборейского, как уже отмечалось, принадлежит аттическим художникам, но схема этого изображения заимствована ими с известной в то время в греческом искусстве композиции всадника с копьем. Так изображался герой Белерофонт, победивший с помощью крылатого коня Пегаса химеру³⁹. В северочерноморском искусстве эта схема появилась раньше всего в боспорской торевтике и нашла там широкое применение (охотник на вазе и конный воин на гребне из Солохи, всадник в кульбоских и александропольских бляшках и др.)⁴⁰. Образ всадника, связанный с культом героя, занимал большое место в греческой мифологии. В боспорской торевтике он нередко изображался в виде конного воина и охотника. Не являются ли эти изображения отголоском древнейшего культа фрако-киммерийского кон-

ного божества, названного греками Ахиллом Понтархом?

Традиционные фракийские и позднескифские рельефы с изображением охоты, а также боспорские надгробия с изображением героизированных умерших — это более поздний этап отражения образа всадника в искусстве Западного и Северного Причерноморья. Еще позднее рассматриваемый мотив всадника был заимствован сасанидскими торевтами, творческая деятельность которых находилась под влиянием греко-римского искусства.

- 1 ДГС, вып. II, табл. XXVI, 1, 2. В популярной книге Е. Н. Черепанова и А. А. Щепинского «Там, где пройдет Северо-Крымский...» (Симферополь, 1966, с. 75) упомянута находка еще одного, по-видимому, подобного навершия.
- 2 Граков Б. Н. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, с. 14, рис. 2.
- 3 Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. КСИА, вып. 107, 1966, с. 82, рис. 29, 4.
- 4 ДБК, табл. XX, 10.
- 5 ДБК, табл. 45, 46; *Передольская А. А.* Вазы Ксенофанта. ТОАМ, т. I. Л., 1945, с. 47, табл. III, V.
- 6 *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, с. 143, рис. 5, 1; с. 145, рис. 6, 3.
- 7 ДГС, вып. I, табл. I, 1, 2, 8; табл. III, IV; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 84.
- 8 *Передольская А. А.* Указ. соч., с. 61.
- 9 *Блаватский В. Д.* История ахтичной расписной керамики. М., 1953, с. 266.
- 10 *Стефан Л.* Объяснение вешей, найденных близ Керчи в 1860 г. ОАК за 1861 г., с. 66. См. также: *Scheffold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. «Archaeologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen», Bd. IV, 1934, S. 70, 140.
- 11 *Кобылина М. М.* Указ. соч., с. 145, рис. 6, 3.
- 12 *Зограф А. Н.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. LX, 20; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 55.
- 13 *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, ДИ-27, 1970, табл. XLI, тип 493 и; табл. LX, 810. Датировку дуровской бляхи концом V—началом IV вв. до н. э., по-видимому, следует пересмо-

- треть, тем более что автор ее публикации сам отмечает близкое сходство найденных с нею предметов тюреттики с наборами из Мелитопольского, Александропольского и Карагодеуашского курганов. Варварское подражание расматриваемому мотиву в наверхнях из Слоновской Близницы может быть датировано ближе к концу IV в. до н. э. Подобные изображения животных переданы в наверхнях Александропольского и Краснокутского курганов (ДГС, вып. I, табл. I, 1; табл. IV; вып. II, табл. XXIV, 1, 2, и др.).
- ¹⁴ *Porchug.* III, 18, 16.
- ¹⁵ *Стефани Л.* Объяснение вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. ОАК за 1864 г., с. 79 сл.
- ¹⁶ *Diod.* II, 47.
- ¹⁷ *Himerius or.* XIV, 10.
- ¹⁸ *Блаватский В. Д.* Афиские тиранофилы конца VI—начала V в. до н. э. — В кн.: *Mélange offert à K. Michatovski*, Warszawa, 1966, S. 281 f.
- ¹⁹ Показательно, что о нем Геродот (IV, 9, 10) упоминает только в эллинской легенде о происхождении скифов, не называя близкое этому герою-богу местное божество.
- ²⁰ *Стефани Л.* Объяснение вещей, найденных в 1863 г. в Южной России, с. 88.
- ²¹ *Roscher W. H.* Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1884—1886, S. 558 (Artemis).
- ²² Геракла обычно сопровождает Афина.
- ²³ *Strab.*, XIV, VI, 3.
- ²⁴ *Стефани Л.* Объяснение вещей, найденных близ Керчи в 1862 г. ОАК за 1863 г., с. 142.
- ²⁵ *Herod.*, IV, 35.
- ²⁶ *Кобылина М. М.* Указ. соч., с. 137, рис. 1.
- ²⁷ Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской обл. ИАК, вып. I, 1901, с. 99, рис. 18.
- ²⁸ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 184 сл.
- ²⁹ Но вряд ли Апи, как предполагает Б. Н. Граков («Скифы», с. 86). Согласно Геродоту, Апи — богиня земли, и Артемиды никогда не отождествлялась с греческой богиней земли Геий.
- ³⁰ *Артамонова О. А.* Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, с. 69 сл.
- ³¹ ДГС, вып. I, табл. I, 1, 2.
- ³² *Членова Н. Л.* Скифский олень. МИА, № 115, 1962, с. 167.
- ³³ *Зограф А. Н.* Указ. соч., с. 167.
- ³⁴ *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М., 1957, с. 458.
- ³⁵ *Лордкипанидзе Г.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 114.
- ³⁶ *Граков Б. Н.* Скифы, с. 83.
- ³⁷ АДЖ, с. 288 сл.
- ³⁸ *Блаватский В. Д.* Арханчский Боспор. МИА, № 33, 1954, с. 11 сл.; *он же.* Сцена инвентуры на карагодеуашском рывоте. СА, 1974, № 1, с. 38.
- ³⁹ *Reinach S.* Répertoire de reliefs grecs et romains, t. I, Paris, 1909, p. 108.
- ⁴⁰ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1966, табл. 147, 148, 154; ДГС, вып. I, табл. XIV, 1.

Б. Г. Петерс

О МОРСКОМ ДЕЛЕ В ЭГЕЙСКОМ МИРЕ¹

Важной проблемой в исследовании морского дела в Эгейском мире является выявление его развития. Для решения этой задачи основные изображения и модели судов Крита и Ахейской Греции III—II тыс. до н. э. мы систематизировали в определенном порядке², благодаря чему прослеживается связь между разви-

тием общества и прогрессом в судостроении и судоходстве.

Предложенная таблица изображений судов Эгейского мира³ (рис. 1) составлена на основании их воспроизведений, вырезанных или нарисованных на сосудах, вырезанных на камне, выполненных на письменных таблицах, а также мо-

делей судов, сделанных из различных материалов.

Эти изображения судов отличаются техникой и манерой исполнения; несмотря на схематичность, они дают возможность осветить ряд этапов морского дела в Эгейском мире.

В основу предлагаемой классификации судов Эгейского мира для памятников Крита взята периодизация Эванса⁴, и по аналогии с ней приводятся синхронные памятники средиземноморских островов и Балканского полуострова. Все памятники согласно схеме подразделены на три периода (рис. 1)⁵: раннеминойский (II, III), среднеминойский (I, II, III) и позднеминойский (I, II, III), которые на нашей таблице соответственно показаны сверху вниз.

Проведенные нами исследования изображений судов показали, что, основываясь на конструктивных отличиях корпуса судов, на протяжении рассматриваемых периодов можно выделить два типа судов: I тип — суда с таранами и II тип — суда без таранов.

Суда первого типа в свою очередь подразделены нами по изображенному на них движителю на две группы: «а» — суда с весельным движителем и «б» — суда с весельным движителем и мачтой.

Группа судов с весельным движителем (а) включает 15 изображений (рис. 1, 1—15). Первые 14 — раннеминойского периода II и одно — среднеминойского III.

Изображения судов⁶ с о. Сироса (рис. 1, 1—8) вырезаны на сковородообразных сосудах. Корма судов от 4,5 до 7,5 раза превышает высоту борта. В верхней кормовой части судов, возможно, изображены остроги, на которые насажены тунцы, скумбрии и дельфины. Вероятно, отсюда изображение глаз и других частей рыб и животных в дальнейшем перейдут на корпус судна, но стату-

арные изображения на его оконечностях останутся, став традиционными.

Свисающие с шестов предметы исследователи трактуют как весла⁷, флажки⁸ или ленты⁹. Возможно, что на некоторых изображениях с шестов свисают внутренности животных, на других — бараны шкуры: известно, что последние использовались в ночное время для конденсации из воздуха паров влаги¹⁰.

Все это наводит на мысль, что перед нами изображения судов дальнего плавания с запасами сохнувшей рыбы и приспособлениями для добычи пресной воды.

В выступающей части носа можно предположить таран, что подтверждается моделью из Мохлоса (рис. 1, 11).

Носовая часть судна слегка поднята и на изображениях заканчивается чертой, в которой предполагают руль¹¹ или носовой таран¹². Считаем, что модель судна из Палекастро (рис. 1, 10) говорит в пользу второго решения.

Над бортом и под днищем судна прослеживаются два ряда параллельных черточек количеством до 30. Вероятно, верхний ряд черточек изображает гребцов, нижний — весла. Это подтверждается тем, что наклоны верхнего и нижнего рядов черточек составляют прямые или развернутые углы, подобный разнотой не дает возможности видеть в верхних черточках весла другого борта.

Изображения судов из Орхомена (рис. 1, 9), Палекастро (рис. 1, 10), из Мохлоса¹³ (рис. 1, 11), из Филакопии (рис. 1, 12), с о. Мелоса (рис. 1, 13), с о. Итаки (рис. 1, 14), из Феста (рис. 1, 15) близки по основной конструкции выше рассмотренной группе судов.

Суда подобного типа в дальнейшем, вероятно, сменяются пентеконтерой¹⁴. Это были длинные до 30 м низкорботные ладьи с поднятой кор-

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИЗОБРАЖЕНИЙ СУДОВ ЭГЕЙСКОГО МИРА

Периоды	I ТИП — СУДА С ТАРАНАМИ			
	a — группа судов с весельным движителем			
PM II				
				
				
				
PM III				
CM I				
CM II				
CM III				
PM I				
PM II				
PM III				

1. Типологическая таблица изображений судов
1—15 — суда с весельными движителями,
16—31 — суда с весельным движителем и мачтой;

32—43 — суда с парусно-весельным движителем;
44—57 — суда с парусным движителем

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИЗОБРАЖЕНИЙ СУДОВ ЭГЕЙСКОГО МИРА

Периоды	I ТИП – СУДА С ТАРАНАМИ
	б – группа судов с весельным движителем и мачтой
РМ II	
РМ III	
СМ I	
	
СМ II	
СМ III	
ПМ I	
ПМ II	
ПМ III	

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИЗОБРАЖЕНИЙ СУДОВ ЭГЕЙСКОГО МИРА

Периоды	II тип - суда без тарана	
	в-группа судов с парусно-весельным движителем	
РМ II		
РМ III		
СМ I		
СМ II	 32	 33
СМ III	 34	
СМ III	 35	
ПМ I	 36	
ПМ II	 37	 38
	 39	 40
		 41
ПМ III	 42	
		 43

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИЗОБРАЖЕНИЙ СУДОВ ЭГЕЙСКОГО МИРА

II тип — суда без тарана

2 — группа судов с парусным движителем

Периоды

PM
II

PM
III

CM
I

CM
II

CM
III

45

PM
I

46

47

48

PM
II

49

50

51

52

53

54

55

56

PM
III

57

мой и задранном носом, что давало возможность судну идти при крутой волне и защищало от наката при его вытаскивании на берег и спуске в море. Возможно, поднятые на разную высоту нос и корма судна являлись своего рода стабилизаторами, которые в случае остановки его в море автоматически приводили одну из его оконечностей к ветру, уменьшая тем самым возможность захлестывания его волной через борт.

Конструктивные особенности позволяют выделить среди них суда военно-промыслового назначения с одним тараном и суда специализированные военные с двумя таранами.

Группа судов с весельным двигателем и мачтой (б) включает 16 изображений судов (рис. 1, 16—31). Два изображения (рис. 1, 16—17) датируются раннеминойским периодом III, остальные относятся к среднеминойскому I—III.

Судя по изображениям судов с о. Крита (рис. 1, 16, 17)¹⁶, эти суда имеют задранный нос с тараном и высоко поднятую корму, ахтерштевень, который закачивается акропостолом в виде рыбьего хвоста. Весла показаны наклонными черточками вдоль борта. В центре судна мачта¹⁶, которая с носа и кормы крепится штагами. Изображение парусов отсутствует, хотя наличие их в виде носового паруса-кливера¹⁷ можно предположить (рис. 1, 17, 18, 20). Вероятно, здесь изображены суда с убранными парусами и спущенной реей¹⁸ или с идущими от носа к корме тросами-гипотезмами увеличивающими продольную жесткость судна и известными в египетском судостроении¹⁹.

Изображение судов на резных камнях из Элунта (рис. 1, 18), Крита (рис. 1, 19—24), на слоновой кости из Мессары (рис. 1, 22), на табличках из Кносса (рис. 1, 25, 26), на резных камнях из Мохлоса (рис. 1, 27) и Маллии (рис. 1, 28),

на табличках из Маллии (рис. 1, 29—31) близки по основной конструкции судам выше разобранных групп. Наличие таранов на некоторых судах (рис. 1, 20, 25, 26, 28—31) предположительно.

Суда группы «б» с весельным двигателем и мачтой по сравнению с предыдущей группой были более приспособлены для дальних плаваний и имели высоко поднятую корму и нос, который в средней части заканчивался тараном, а также мачту и, вероятно, парусное вооружение.

Первый тип судов с тараном дает возможность проследить с раннеминойского периода II до среднеминойского III развитие судостроения от длинной многовесельной ладьи военного и военно-промыслового назначения группы «а» к крупным военно-торговым судам группы «б». Для постройки последних требовались новые технические приемы. Тараны свидетельствуют об универсальном назначении крупных судов, которые служили как торговым, так и военным целям. Развитие больших судов поставило вопрос о новом двигателе — парусном, который, вероятно, появляется в это время.

Второй тип — суда без тарана подразделен нами по изображенному на них двигателю на две группы. Группа «в» — суда с парусно-весельным двигателем и группа «г» — суда с парусным двигателем.

Группа судов с парусно-весельным двигателем включает изображения 12 судов (рис. 1, 32—43). Из них три относятся к периоду среднеминойского II и среднеминойского III, одно — к позднеминойскому I, пять — к позднеминойскому II и два — к позднеминойскому III.

На изображении судна на печати из Кносса (рис. 1, 32) прослеживается плавно скругленный нос и корма, мачта со штагами, вдоль днища — весла, в кормовой ча-

сти — каюта кормчего и два рулевых весла.

На резных камнях из Крита (рис. 1, 33, 34) изображены: судно с мачтой и реей с серповидно подвязанными парусами и другое судно с убранными парусами, спущенной реей. Изобретателем паруса античные авторы называют Прометей²⁰, Дедала²¹, карийских мореходов²². Они сообщают, что паруса могли быть белого или черного цвета²³.

Круглое судно с мачтой и веслами изображено на табличке из Маллии (рис. 1, 35), а на изображении судна на золотом кольце из Тиринфа (рис. 1, 36) имеется одна из первых надпалубных построек-кают.

На изображениях судов на печатях из Крита (рис. 1, 37—39) и Фасоса (рис. 1, 40) можно видеть воспроизведение больших многомачтовых кораблей, идущих одновременно под парусами и веслами. В носовой части на бушприте этих судов укреплены двулапые якоря²⁴.

На печати из Кносса (рис. 1, 41) интересно воспроизведение на судне гребцов и фигуры лошади, это одно из первых свидетельств перевозок животных.

Для группы судов с парусно-весельным двигателем характерно: постепенное совершенствование парусной оснастки от одномачтового к трехмачтовому крупному судну; появление надпалубных построек, кабины на корме для рулевого и кают для пассажиров, появление транспортных кораблей, оборудованных для перевозок лошадей.

Группа судов «г» с парусным двигателем включает изображения 14 судов (рис. 1, 44—57), из них два относятся к среднеминойскому периоду III, три — к позднеминойскому I, восемь — к позднеминойскому II и одно — к позднеминойскому III.

Изображения судна на печати из

Агиа-Триады (рис. 1, 44), на печати из Кносса (рис. 1, 45), на золотом кольце из Мохлоса (рис. 1, 46), на ливарной табличке В из Кносса (рис. 1, 48), модели из серебра из Агиа-Триады (рис. 1, 47) имеют некоторые общие черты.

На печатях из Крита (рис. 1, 49—52), из Кносса (рис. 1, 53) воспроизведены трехмачтовые суда с двулапными якорями, из Мирабелло, Закро и Кносса — одномачтовые (рис. 1, 54—56). На серебряной модели судна из Филадельфии (рис. 1, 57) изображены на бортах линии шпангоутов.

Наличие парусного двигателя не исключало применения на судах и весельного двигателя.

В целом суда второго типа характеризуются развитым парусным снаряжением от одномачтового до трехмачтового и имеют весельный двигатель в качестве вспомогательного. Данный тип судна может иметь надпалубные постройки для укрытия экипажа и пассажиров или приспособления для перевозки лошадей.

Хорошие мореходные качества судов этого типа способствовали их успешному плаванию в дальние страны, о чем рассказывается в «Аргонавтике»²⁵. Подводно-археологические работы у мыса Геледонии, где были исследованы остатки судна конца XIII—начала XII в. до н. э.²⁶, также подтверждают возможность дальних путешествий.

Первый тип судов — с тараном появляется на Кикладских островах, где господствовал в это время родовой строй. Жители островов и прибрежной зоны занимались морским промыслом, а также пиратством с того времени, как стали общаться друг с другом по морю²⁷. С конца III тыс. до н. э. жители островов возводят укрепленные поселения, свидетельствующие о начавшихся войнах; войны происходили и на море, что обуславливало военный характер судостроения; каждое

судно того времени независимо от того, предназначалось ли оно для морского промысла или для транспортировки товаров, должно было иметь для защиты и нападения таран. Этот тип судна получил распространение в раннеминойский и среднеминойский периоды.

Но, вероятно, и в последующие периоды имелись суда с таранами, их изображения не сохранились. На них прямо или косвенно указывают письменные источники: пилосские надписи²⁸ и сообщения древних авторов²⁹, многие из которых подчеркивают господство Миноса на море. Последний завладел большей частью моря и достиг господства над Кикладскими островами и старался уничтожить пиратство, чтобы обеспечить безопасность торгового мореходства. Это способствовало широкому развитию судов торгового назначения и подтверждается сохранившимися изображениями судов.

Второй тип судов — без тарана представлен в основном критскими судами. Суда этого типа торговые; они появляются в среднеминойский период II и достигают наивысшего расцвета в позднеминойский период II. Очевидно, в это время устанавливается относительное спокойствие на море, тем самым появляется возможность свободного торгового судоходства. Изделия критских мастеров часто встречаются на Балканском полуострове. Создание большого флота невозможно без развития ремесел. Известно³⁰, что в царствование Миноса на Крите ремесла достигли больших успехов. Здесь были изобретены пила, рубанок, отвес, сверло, клей и организовано столярное дело. Гомер³¹ перечисляет необходимый для строительства судна инструмент: медный топор, скобель, бурав и шнур.

Подъем торгового судостроения приходится на расцвет крито-ми-

кенской культуры. С ее гибелью пропадают изображения крупных торговых судов и им на смену приходят небольшие военно-промысловые и военные суда, близкие судам первого типа.

Развитие древнего морского дела было тесным образом связано с общим ходом исторического развития. Смена типов судов, изменение конструкций отдельных типов объясняются уровнем развития производительных сил, характером древнего общества на тех или иных этапах его развития, а также политической обстановкой в Средиземноморье.

¹ Статья является сокращенным вариантом главы из работы автора «Морское дело в древней Греции». Автореф. канд. дисс. М., 1968.

² С. Маринатосом изображения крито-микенских кораблей были классифицированы по способу их воспроизведения и материалу, на котором или из которого они выполнены (*Marinatos S. La marine creto-mucenienne*. BCH, 1933, № 57, t. I, p. 171 f), С. Пальери расположил эти изображения на хронологической схеме и по форме корпуса выделил три типа судов: эгейский, эллинистический и этрусско-италийский (*Pagliari S. Origine e diffusione delle nave etrusco-italiche. «Studi etruschi», v. XXVIII (serie II)*. Firenze, 1960, p. 209 f.).

³ На таблице прорисы судов, сделанные с фотографий, — схематичны, в них убраны некоторые линии, загромождающие изображение.

⁴ *Evans A. The nine Minoan periods*. London, 1914; *idem. The palace of Minos at Knossos*, v. I—V. London, 1921—1935.

⁵ Историческая характеристика периодов имеется у: *Пендлберги Д.* Археология Крита. М., 1950; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1974 (раздел «Бронзовый век»).

⁶ *Χ. Τσοφντας. Κυκλαδικά. Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική. Ἀθῆναις, 1899, с. 86—89, рис. 16—22.*

⁷ *Koster A. Das Antike Seewesen*. Berlin, 1923, S. 57 f.

⁸ *Χ. Τσοφντας.* Указ. соч., с. 86.

⁹ *Marinatos S.* Указ. соч., с. 180—182.

¹⁰ *Боннар А.* Греческая цивилизация, т. I. М., 1958, с. 84.

- ¹¹ *Martinatos S.* Указ. соч., с. 182—183; *Koster A.* Указ. соч., с. 58 сл.
- ¹² *X. Τσοῦγας.* Указ. соч., с. 86.
- ¹³ Присутствие таранов и рулевых весел на носу и корме свидетельствует о появлении специализированного военного судна повышенной боеспособности.
- ¹⁴ По сообщению Аполлодора (*Apollod.*, I, 9). Арг построил 50-весельное судно; согласно Гомеру (II, II, 493, 509—511, 534, 545 и др.), к стенам осажденной Трои греки прибыли на судах, имеющих по 50 гребцов.
- ¹⁵ *Sakellarios A.* Die Minoischen und Mikenischen Siegel des Nationalmuseum in Athen. Corpus des Minoischen und Mikenischen Siegel, Bd. I. Berlin, 1964.
- ¹⁶ Одна из древнейших моделей судна со втулкой-степсом, в которой крепится шпор мачты, найдена в Ериду и датируется 3500—3400 гг. до н. э. (*Casson L.* The ancient mariners. London, 1960, tab. 1, fig. a). О закреплении шпора мачты в специальное гнездо сообщают: *Hom.*, Od., II, 423—426; *Hesiod.*, 626.
- ¹⁷ О наличии носового паруса на судах античного времени свидетельствуют их изображения, а также сообщения авторов: *Diod.*, XX, 61; *Liv.*, XXXVI, 45.
- ¹⁸ Одно из древнейших изображений судна с парусом воспроизведено на сосуде из Египта 2900 г. до н. э. (*Casson L.* Указ. соч., табл. 1, рис. в).
- ¹⁹ *Torr C.* Ancient ships. Chicago, 1964, tab. 1, fig. 4—5.
- ²⁰ *Aeschyl.* Prom. 467—468.
- ²¹ *Paus.*, XI, 4, 5.
- ²² *Plin.* N H., VII, 198.
- ²³ *Paus.*, I, 22, 5; *Plut.* Thes. XVII, XXII.
- ²⁴ Античные авторы относят изобретение подобного якоря к более позднему времени. Так, Эфор приписывает Авахарсису изобретение якоря с двумя лапами (*Strab.*, VII, III, 8). А. Эванс (*Эванс А.* Критское линейное письмо. ВДЦ, 1939, № 3, с. 33, рис. 661, 1) в ливарных знаках «А» видит изображение морской богини и примитивного якоря.
- ²⁵ *Apoll. Rhod.*, Argon.
- ²⁶ *Bass G. F.* The cephelion wreck: preliminary report. AJA, 1961, v. 65, N 3, p. 267—276.
- ²⁷ *Thuc.*, 1, 5.
- ²⁸ *Лурье С. Л.* Язык и культура Микенской Греции. М.—Л., 1957, с. 338, надпись, № 9; *Bennett E. L.* The Pylos tablets, texts of the inscriptions found 1939—1954. Princeton, 1955 (An. 12; Tn 829).
- ²⁹ *Hom.*, Od., XIV, 172—179; *Herod.*, I, 171; III, 122; *Thuc.*, I, 8; *Plat.* Legg., I, 624A; *Diod.*, IV, 60—62, 77.
- ³⁰ *Plin.*, VII, 198.
- ³¹ *Hom.*, Od., V, 234—237, 247.

И. Р. Пичкиян

ХРАМ ИОНИЙСКОГО ОРДЕРА В ХЕРСОНЕСЕ (попытка реконструкции)

Материалом для реконструкции послужили ионийские ордерные детали, обнаруженные в разное время при раскопках оборонительной башни XVI древнего Херсонеса. Детали выполнены в местном золотисто-сером оолитовом известняке. Башня частично была раскопана в 1898—1905 гг. К. К. Косцюшко-Валюжиничем, в 1926—1928 гг. К. Э. Гриневич вновь предпринял раскопки башни,

которые в последнее время успешно завершены В. В. Борисовой¹.

Все наиболее выразительные архитектурные детали были опубликованы В. В. Борисовой, О. И. Домбровским и Е. А. Паршиной². Отбор архитектурных деталей для реконструкции ордера был несложным, так как детали, снятые с обкладки башни или оставленные в ней, являлись элементами одной ордер-

ной постройки, которая полностью была разобрана на нужды первого утолщения башни³. Следовало лишь привлечь аналогичные памятники, которые, как удалось установить по архивным данным, были найдены неподалеку от нее.

Проверка соотношений пропорций частей антаблемента по отношению друг к другу, капители с базами и т. д. уточнила отбор фрагментов и вертикальное расположение их в ордере (рис. 1).

От храма сохранились все основные элементы ордерного членения от баз до симы: две базы, три ионийские капители, шесть блоков архитрава, четыре фриза, четыре плиты карниза, две части симы и блок сандрика. К этому же храму, вероятно, относились три барабана колонн.

Базы аттического типа состоят из двух валиков и скоции с разделительными полочками между ними⁴. Нижний валик баз покрыт плетенкой с двумя рядами глазков. Верхний диаметр базы равен 0,55 м, нижний, максимальный по валику — 0,61 м. Высота баз 0,18 м (рис. 1, 18—20).

Единственная большая ионийская капитель плохой сохранности (рис. 1)⁵, высота 0,20 м и нижний диаметр 0,46 м наиболее достоверны. При вторичном использовании волюты были отбиты, капители была придана форма прямоугольного блока — 0,52 × 0,52 м. С фасада абак был профилирован иониками, со стороны балюстр овы дополнял снизу lesbийский киматий. Прямая подушка капители украшена рельефным орнаментом цветка калы в центре и расходящимися от нее побегими и колокольчиками аканфа. Капитель имела туго скрученные волюты с гладкими глазками, приходящимися по горизонтали ниже центра эхина, а по вертикали совпадающими с линией свола капители. Балюстры богато украшены шестью рядами находящихся друг на друга лавровых

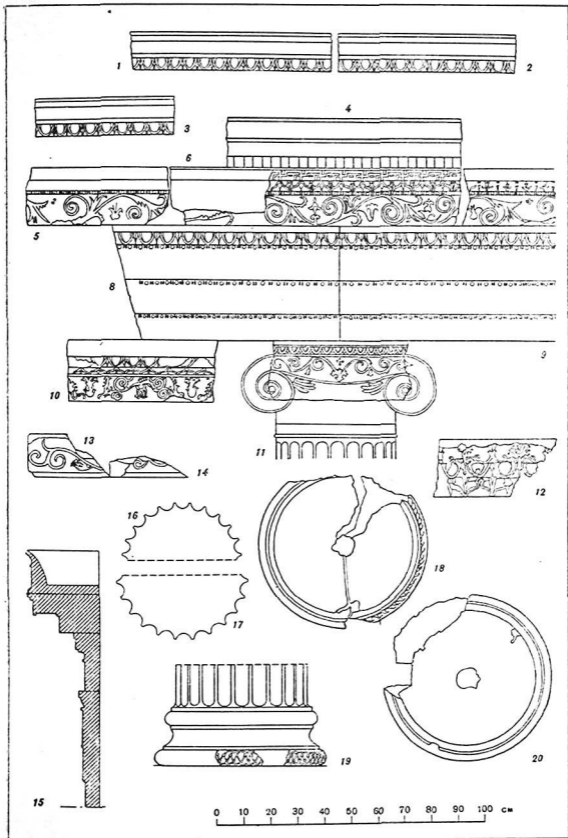
листьев, стянутых в центре перемычкой из трех валиков, между которыми расположены ленты, покрытые рельефным орнаментом из завитков стеблей аканфа. Прямая подушка, расположение и форма глазков, а также характер богатой орнаментации позволяют предварительно датировать капитель эпохой раннего эллинизма.

Гораздо лучше сохранился орнамент от двух других совершенно аналогичных, но меньших по размерам капителей⁶, место находки которых установить пока не удалось. Обе капители, по-видимому, внутренние: диаметр ствола 0,33 м. Шесть блоков архитравов⁷, составляющих в длину 6 м, сильно обломаны по концам со следами подтески их, сделанной при ремонте или вторичном использовании. Первоначально длина сохранившихся архитравов была не менее 11 м. Высота всех архитравов 0,43 м, толщина верха 0,20—0,23 м, низа 0,15—0,17 м. Сверху архитравов полочка с четвертным валом, моделированным ионийскими овами. Высота этих двух обломов равна 0,085 м. Далее архитравы разделены на три фации, подчеркнутые жемчужником. Верхняя фация по высоте равна 0,125 м, средняя — 0,12 м, нижняя — 0,10 м. На верхней плоскости архитравов сохранились следы пиროнов в форме ласточкиного хвоста. На нижней плоскости первого и шестого архитравов, которые являлись угловыми и фланкировали фасад справа и слева, есть прямоугольные пазы для крепления с капителями.

→

1. Архитектурные детали

1—3 — карнизы с иониками; 4 — карниз с «сухариками»; 5—7 — плиты внешнего фриза; 8, 9 — архитравы; 10 — настенный фриз-зофор; 11 — ионийская капитель внешней колоннады; 12 — сандрик дверного проема; 13, 14 — известняковые симы; 15 — профиль антаблемента; 16, 17 — разрез барабанов колонн; 18—20 — ионийские базы аттического типа

От внешнего рельефного фриза сохранились три плиты * (рис. 1, 5—7). Сверху полочка, украшенная усложненным меандром, под ней сима, моделированная лесбийским киматием, и валик с жемчужником. Плоскость фриза покрыта нарядным узором из завитков, стеблей, листьев и цветков аканфа. Задняя сторона фриза, обращенная внутрь фасада, имея те же обломы, лишена орнаментальной порезки. Высота всех фризов 0,22 м, состоит из полочки — 0,055 м, кимы и валика — 0,05 м и поля — 0,115 м. Верхняя ширина 0,62 м. Максимальная длина фриза, хранящегося в лапидарии, около 1 м, длина второго 0,80 м, третьего 0,50 м. Общая длина сохранившихся фрагментов фриза 2,30 м. Это составляет приблизительно половину фасадной части здания.

От внутреннего венчающего фриза дошла, по всей вероятности, всего лишь одна плита стены пронаоса (длина 0,54 м, ширина неизвестна⁹, высота 0,21 м). В профиле внутренний фриз представляет собой полочку, под ней четвертной вал, моделированный ионийскими овами, затем симу с киматием, валик с жемчужником и поле рельефного фриза с цветками калы, колокольчиками, пальметтами и завитками ростков и листьев аканфа (рис. 1, 10).

Карнизы были двух видов: горизонтальные с сухариками и верхние фронтонные с ионийскими овами. Их расположение определяется по обработке верхней плоскости. У горизонтального карниза на верхней поверхности — паз для плит фронтона, у венчающих карнизных плит вырублена дорожка для крепления симы¹⁰.

В Малой Азии, как отмечал О. Шуази, наклонный карниз является повторением горизонтального, но без зубчиков¹¹.

Это же мы видим на примере херсонесских карнизов: горизонталь-

ные фронтонные с зубчиками, наклонные — с пониками. Примечательно также замечание О. Шуази о том, что «зубчики-дентикулы являются признаком не аттическим, а малоазийским элементом архитектуры».

Сима была каменной. От нее сохранилось два обломка, выбитых в том же известняке, что и остальные детали храма. С фасада сима была украшена точно таким же растительным орнаментом, как и поле внешнего фриза, с той только разницей, что завитки аканфа крупнее и наравлены в противоположную сторону. Высота 0,152 м, длина первого фрагмента 0,28 м, второго — 0,25 м, ширина 0,152 м (рис. 1, 13, 14).

От сандрика, перекрывающего дверной проем, сохранилась всего одна плита. Назначение этой плиты определяется по профилю: сверху сильно выступающий вперед гусек, с фасада украшенный пальметтами, цветками калы, колокольчиками и усиками аканфа; под гуськом четвертной вал с овами; снизу — лесбийский киматий (рис. 1, 12).

Ионийские капители херсонесского храма близки по декору капителям храма Артемиды в Сардах (350—300 гг. до н. э.)¹². Еще большую близость херсонесские капители находят в капителях Птоломея на о. Самофракии, построенного Птоломеем II (285—246 гг. до н. э.)¹³.

Декор херсонесского храма, а также пропорции архитрава и отношение его высоты к фризу, сближают эту постройку с нанско-ром в открытой целле диптера храма Аполлона в Дидимах. Лоуренс относит последний к концу IV в. до н. э.¹⁴

Растительный орнамент роднит херсонесские фрагменты симы с симой дорической фимелы в Эпидавре (вторая половина IV в. до н. э.)¹⁵.

Таблица 1

Размеры простильных фасадов (в м)

Простильные фасады	Дата (до н. э.)	Диаметр колонн	Высота колонн в диам.	Ширина фасада	Общая высота	Высота колонн	Высота антаблемента
Ники Аптерос	Середина V в.	0,52	8	5,38	5,13	4,05	1,08
Афины на Илесе	Середина V в.	0,54	8,3	5,84	5,58	4,48	1,10
Наискос в Дидимах	Конец IV в.	0,82	9	8,70	8,70	7,40	1,30
Зевса Сосиполия	Около 200 г.	0,73	9,3	7,40	7,40	6,80	0,60

Херсонесский сандрик по характеру и чередованию декорировки обломов очень близок торцовым частям ант храма Артемиды Левкоприены в Магнезии на Меандре, построенном в конце III в. до н. э. (220—190 гг. до н. э.)¹⁶.

На основании стилистического анализа херсонесские детали ионийского простильного храма следует датировать самым концом IV — первой половиной III в. до н. э.

Приступая к реконструкции ионийского храма в Херсонесе, прежде всего следует выяснить композицию фасада здания. Расположение пазов для крепления с капителями на угловых архитравах храма указывает, что его фланкировали свободно стоящие колонны. По размерам херсонесские детали близки небольшим амфипростильным храмам Ники Аптерос в Афинах¹⁷ (диаметр колонн 0,528 и 0,53 м) и Афины на Илесе (диаметр колонн 0,52 и 0,54 м)¹⁸. Однако херсонесский храм уступал аналогичным простильным фасадам — Северному портику Эреxfейона (диаметр колонны 0,817 м)¹⁹ и наискоу в храме Аполлона в Дидимах (диаметр колонны 0,82 м)²⁰. Храм в Херсонесе уступал по размерам даже маленькому храмику Асклепия в Приене, сохранившийся архитрав которого высотой 0,46 м²¹ был выше херсонесских (0,43 м). Следовательно, херсонесский храм не мог быть перитермальным, если он меньше простильных, и не был

антовым по конструктивным особенностям (табл. 1).

Поэтому простиль фасада для херсонесского храма наиболее вероятен. На основе пропорционального анализа четырехколонных портиков храмов Афины на Илесе, Ники Аптерос в Афинах, северного портика Эреxfейона, наискоса Аполлона в Дидимах и западного простильного фасада храма Зевса Сосиполия в Магнезии на Меандре выяснилось, что обычный четырехколонный фасад, не считая фронтона, представляет собой квадрат с равными сторонами.

Как видно из таблицы, классические и эллинистические постройки следуют одному общему принципу геометрического построения: простиль вписывается в квадрат, в котором ширина фасада равна высоте храма от стилобата до выносной плиты карниза по внешним сторонам боковых колонн²².

Ширина простильного храма составляет из четырех диаметров колонн ($4 \times 0,52 = 2,08$ м) и трех интерколумниев по 3,5 модуля²³ ($3,5 \times 0,52 \text{ м} = 1,82$ м). При этом более узкие интерколумнии — 1,75 м перекрываются архитравами большей длины, чем центральный, — 1,80 м. В сумме это дает полную ширину фасада ($2 + 1, 8 + 2$) в 5,8 м. Вертикаль квадрата в простильном фасаде равна этой же величине — 5,8 м. Поскольку высота сохранившегося антаблемента близка 1 м, высота

ионийской колонны должна быть равна 4,8 м.

Это полностью соответствует данным обратного расчета, который показывает, что высота ионийской колонны в этом храме при ширине ее 0,52 м и высоте 4,8 м равна 9,2 модулям. Сопоставление с простильными фасадами свидетельствует, что величина модуля является промежуточной между наискосом Аполлона в Дидимейоне (модуль 9 диаметров) и храмом Зевса Сосиполия (9,3 диаметра), но значительно превышает пропорции колонн храмов Ники Аптерос — 8 диаметров и Афины на Илисе — 8,3 диаметра.

Из этого явствует, что чем позже датируется памятник, тем более вытянутые пропорции принимают колонны. Общие же пропорции вписанного в квадрат фасада сохраняются за счет уменьшения высоты фриза и архитрава.

Облегченный антаблемент, вызванный утоншением колонн, требовал пропорционального снижения фронтонного поля. Высота фронтона при 6 м его основания выводится по формуле

$$\frac{6\text{м}}{2} \times \text{tg } 15^\circ = 3 \text{ м} \times 0,268 = 0,70 \text{ м.}$$

Следовательно, общая высота херсонесского храма от стилобата до конька фронтона равна 5,8 + 0,7 = 6,5 м (рис. 2).

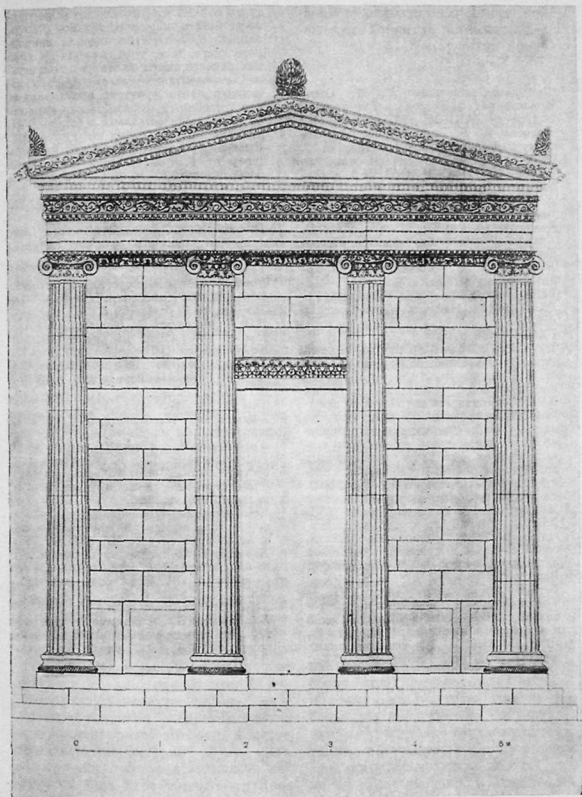
Поскольку фундаменты храма еще не найдены, о стереобате его можно судить только предположительно. Стереобат мог быть и очень высоким и низким, в обратной зависимости от расположения храма на высоком и низком месте. Храм находился скорее всего не на акрополе Херсонеса, который локализуется в северной части города, а на небольшом, но достаточном расстоянии от башни XVI. Об этом свидетельствует полнота представляющих его деталей

в обкладке башни в IV—V вв. н. э.²⁴

Результаты пропорционального анализа как в деталях, так и в целом подтверждают датировку по стилистическим аналогиям. Перегруженный антаблемент, состоящий помимо архитрава и фриза еще и из карниза с сухариками, по мнению Лоуренса, введен в конце IV в. до н. э. Пеонием из Эфеса²⁵, а по Ноаку это нововведение ввел Пифей в перекрытиях построек Приены²⁶. Во всяком случае, появление перегруженного антаблемента большинство исследователей относят ко второй половине IV в. до н. э. Это и определяет верхнюю дату херсонесского полного антаблемента. Форма архитрава, узкого в поперечном сечении, позволяет отнести его также только к раннеэллинистическому времени. Общие вытянутые пропорции, обусловленные узким антаблементом, также не противоречат датировке херсонесского храма началом III в. до н. э. Датировка храма увязывается также с наивысшим экономическим потенциалом херсонесского полиса в это время.

Облегченные пропорции и декор херсонесского храма, как показали аналогии, свидетельствуют о малоазиатской ориентации строителей этого храма. Видимо, связи Северного Причерноморья с городами Ионии поддерживались и в эллинистический период.

Судя по собранным и реконструированным деталям небольшого ионийского храма из Херсонеса, нельзя не присоединиться вместе с автором раскопок В. В. Борисовой к мнению В. Д. Блаватского, что в эллинистический период «города Северного Причерноморья не уступали по уровню культурной и художественной жизни крупнейшим центрам эллинистической периферии. Их зодчество, восходящее к образцам эллинистических городов метрополии, в частности

2. Фасад понийского храма III в. до н. э.
Реконструкция автора

Ионии, чутко воспринимало главнейшие достижения античной художественной культуры»²⁷.

¹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. ИАК, 25, 1907, с. 143—144; *Борисова В. В.* Эллинистические архитектурные детали. СХМ, 1960, № 1, с. 5—9; она же. Раскопки цитадели в 1958—1959 гг. СХМ, 1963, № 3, с. 45—54.

² *Борисова В. В.* Эллинистические архитектурные детали, с. 5—9, рис. 1—4; *Домбровский О. И., Паршина Е. И.* Архитектурные детали античного Херсонеса. СХМ, 1961, № 2, с. 80—83.

³ *Борисова В. В.* Эллинистические архитектурные детали, с. 8.

⁴ ГХМ, № 4/36684.

⁵ ГХМ, № 128. Найдена в левой апсиде собора.

⁶ ГХМ, № 109 и б/№.

⁷ Из шести блоков архитрава первый угловой (ГХМ, № 4528) был найден Н. И. Репниковым в 1926 г. при раскопках некрополя неподалеку от башни XVI. Три архитрава находятся на внешней стороне обкладки башни; один из них угловой; они наихудшей сохранности. Лицевая часть их местами размыта дождем. Два других аналогичных архитрава, снятых с обкладки, прекрасно сохранились (ГХМ, № 2/36503). Рис. 1, 8, 9.

⁸ Две остались в обкладке башни XVI. Третья плита с прекрасно сохранившимся рельефом, расколота пополам, снята с башни и хранится в античном лапидарии музея (ГХМ, № 5/36503). Рис. 1, 6.

⁹ Оставлена в обкладке башни XVI.

¹⁰ Три такие плиты с иониками под ястребиным клювом сняты с обкладки башни и находятся в лапидарии (рис. 1, 1—3), ГХМ, № 3/36503. Их размеры: длина первого 0,97 м, второго — 0,95 м,

третьего 0,86 м. Высота задней поверхности 0,22 м, передних обломов 0,12 м, ширина 0,67 м. Угол падения карнизного ската, т. е. угол наклона верхней поверхности плиты по отношению к нижней горизонтали, равен 10°. Горизонтальная плита фронтона с сухариками под ястребиным клювом такого наклона не имеет. Она оставлена в башне XVI, поэтому полная длина ее неизвестна. Выступает она во внутренний панцирь стены на 1,20 м. Ширина по верхней поверхности 0,61 м, а высота 0,145 м (рис. 1, 4).

¹¹ *Шуази О.* История архитектуры, т. II. М., 1935, с. 277.

¹² *Lawrence A. W.* Greek architecture, London, 1957, tab. 96B.

¹³ Там же, с. 207, рис. 114.

¹⁴ Там же, с. 202.

¹⁵ *Noak F.* Die Baukunst des Altertums. Berlin, 1910, Tab. 66.

¹⁶ Там же, с. 39, табл. 59 с.

¹⁷ *Ross L., Schaubert E., Hansen C.* Die Akropolis von Athen nach den neusten Ausgrabungen, I. Berlin, 1839, Tab. VII.

¹⁸ *Dinsmoor W. B.* The architecture of Ancient Greece. London, 1950, p. 340—341, tab.

¹⁹ Там же, с. 340.

²⁰ *Lawrence A. W.* Указ. соч., с. 204, рис. 111.

²¹ *Noak F.* Указ. соч., с. 41.

²² Расхождение в 0,20 м оправдано тем обстоятельством, что эта величина ширины стилобата, а не крайних вертикальных колонн.

²³ Комментарий О. Шуази для нормального ионийского ордера. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М., 1936, с. 245.

²⁴ *Борисова В. В.* Раскопки цитадели. . ., с. 51.

²⁵ *Lawrence A. W.* Указ. соч., рис. 111, с. 202.

²⁶ *Noak F.* Указ. соч., с. 41.

²⁷ *Блаватский В. Д.* Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. ВИА, т. II, кн. 2. М., 1948, с. 391.

В. И. Пругло

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ВСАДНИКОВ НА БОСПОРЕ

Среди боспорских терракот издавна известны статуэтки всадников¹. Их можно разделить на два типа. Статуэтки первого типа передают всадника на мчащемся галопом коне (рис. 1, 4)². Конь украшен фаларами. Под крупом коня на фоне в низком рельефе изображен заяц и преследующая его собака (на данном экземпляре собака неразличима). Всадник, одетый в кафтан, анаксириды и застегнутый на правом плече плащ, поднял правую руку, чтобы метнуть копьё или дротик в преследуемое животное. Между статуэтками, принадлежащими этому типу³, прослеживаются некоторые отличия. На одних голова коня туго притянута к шее, левое плечо всадника слилось с конской шеей, а его правая нога развернута в сторону зрителя⁴. На других всадник пригнулся к шее коня. Имеются и такие статуэтки, на которых конь изображен с вытянутой вперед головой, под всадником — богато украшенный чепрак, правая нога всадника согнута в колене и несколько отведена назад. Эти статуэтки, в отличие от упомянутых выше, изображают всадника как в башлыке, так и с непокрытой головой. Хорошо исполненные фигурки этого типа трактованы в формах античного искусства. Они характеризуются правильными пропорциями, правдиво переданным движением всадника и коня.

В некоторых терракотах, принадлежавших ко второму из распространенных на Боспоре типу изо-

бражений всадника (рис. 1, 3)⁵, прежде всего бросается в глаза статичность группы, условность и схематизм в передаче сюжета. Терракоты этого типа⁶ также вылеплены с помощью формы, но короoplast, их изготовивший, явно не владел ни анатомическими знаниями, ни свойственными античному искусству приемами художественной трактовки. Рука всадника, изображенная в виде изогнутой выпуклости, не имеет суставов, нога от колена вниз также не промоделирована. Фигуры коня и всадника несоизмеримы. Не сумел короoplast передать и движение коня, которого, очевидно, предполагал изобразить идущим мерным шагом. На всаднике — плащ, скрепленный на правом плече и закрывающий его грудь и спину. Те живые бытовые детали в одежде всадника и в конской сбруе, которые свойственны ряду терракот первого типа, на занимающих нас сейчас статуэтках отсутствуют.

Основываясь на сопоставлении стилистических признаков статуэток обоих типов, можно было бы предположить, что статуэтки второго типа более поздние. Однако имеющиеся для их датировки археологические данные противоречат такому выводу. Так, статуэтка всадника на скачущем коне⁷ была найдена в Пантикапее в погребении, относящемся, как об этом можно судить по другим обнаруженным в нем терракотам, не ранее чем к концу I в. до н. э. Аналогичная статуэтка происходит из

раскопанной там же каменной гробницы, датированной найденными в ней стеклянными сосудами серединой — третьей четвертью I в. н. э.⁸ Что касается терракот второго типа, то одна такая статуэтка⁹ обнаружена в погребении первых десятилетий I в. до н. э.¹⁰ Обломки аналогичной статуэтки были найдены при раскопках эллинистической сельской усадьбы. Жизнь на усадьбе прекратилась в первой половине I в. до н. э.¹¹, что дает *terminus ante quem* для найденного здесь вещевого материала, а следовательно, и для занимающей нас статуэтки всадника¹².

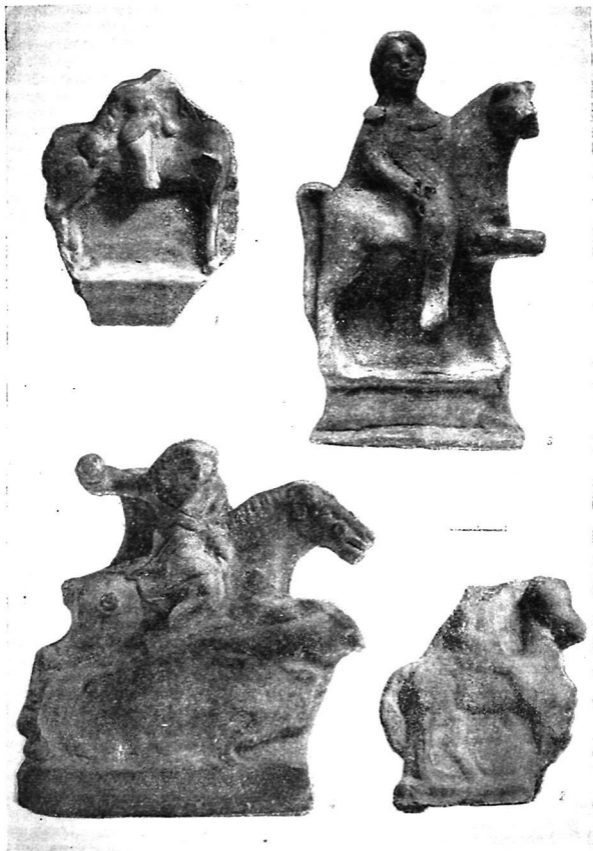
Итак, наблюдения над пантикапейскими погребальными комплексами дают основание заключить, что трактованные в формах античного искусства статуэтки охотников-варваров на скачущих галопом конях, аналогичные терракоте, нами рассмотренной (рис. 1, 4), относятся примерно к тому же времени, что и статуэтки всадников на конях, стоящих или идущих мерным шагом (рис. 1, 3).

К последним близка по композиции фигура всадника из Мирмекия (рис. 1, 1). Конь, украшенный фаларами, очевидно, также был изображен с поднятой передней левой ногой (в этой части терракота повреждена). Торс всадника развернут на зрителя. На всаднике — кафтан, скрепленный на груди. В его правой лежащей на крупе коня руке зажат неясный предмет, возможно шапка (голова всадника утрачена). Эта статуэтка, обнаруженная в цистерне винодельни, использование которой было прекращено на рубеже II—I вв. или в начале I в. до н. э.¹³, является свидетельством тому, что на Боспоре в указанное время были известны также терракотовые статуэтки всадников-варваров на спокойно стоящих (или медленно идущих?) конях, трактованные в античной художест-

венной манере. Но, судя по боспорским терракотам из Эрмитажа, Одесского и Керченского музеев, наиболее популярными были статуэтки двух типов, рассмотренных нами выше. При этом статуэтки грубого, несовершенного исполнения, передающие изображения всадников на спокойно стоящих конях, появившиеся где-то в конце II или в начале I в. до н. э., не выходят за пределы последнего столетия периода эллинизма, в то время как статуэтки охотников-варваров на мчащихся галопом конях, трактованные в чисто античной традиции (они появились в боспорской коропластике примерно в то же время), были популярными и в течение I в. н. э. Изготавливались ли такие статуэтки на протяжении II—III вв., остается неясным. Во всяком случае, в археологических комплексах этого времени находки аналогичных статуэток не зарегистрированы. Более грубый стиль ряда подобных статуэток не может служить достаточно надежным критерием для отнесения их к указанному времени. Схематизированная статуэтка всадника¹⁴, у которого развевающийся за спиной плащ с условно прочерченными параллельными складками приобрел явное сходство с округлым крылом, найдена в погребении со стеклянными сосудами второй четверти — середины I в. н. э.¹⁵, что свидетельствует об одновременном бытовании на Боспоре статуэток всадников различного технического и художественного исполнения.

Статуэтки всадников дают интересный пример параллельного существования в боспорской коропластике периода позднего эллинизма и I в. н. э. двух художественных стилей — античного и сложив-

→
1. Боспорские терракотовые статуэтки всадников 1, 2 — из Мирмекия; 3, 4 — из пантикапейских погребений

шегоса на почве Боспора путем слияния античных и автохтонных изобразительных традиций местного стиля. Они отражают тем самым своеобразие культуры Боспора и свидетельствуют о характере вкусов его населения. Эти статуэтки не менее интересны и с точки зрения их содержания: следует ли видеть в них изображение представителей боспорского населения и тем самым причислить их к категории жанровых терракот или их должно воспринимать в качестве изображений культового характера? Конечно, в отдельных деталях этих фигурок не могли не отразиться наблюдения, почерпнутые коропластом из жизни¹⁶, однако ряд соображений позволяет предположить, что содержание образов, передаваемых этими статуэтками, было связано со сферой религиозных представлений.

Так, нельзя не отметить значительного сходства по общей композиционной схеме статуэток всадников на галопирующих конях с иконографическим образом так называемого фракийского всадника¹⁷. Уже одно это обстоятельство, как представляется, исключает возможность рассматривать эти терракоты как жанровые, поскольку они явно передают устойчивый канонический тип. Правда, в боспорских терракотах периода, предшествовавшего появлению на Боспоре рассмотренных нами статуэток всадников-охотников, этот тип воплощения не получил, но о том, что он имел здесь сложившийся образ по крайней мере уже в IV в. до н. э., можно говорить на основании золотой тисненой бляшки из Куль-Обы¹⁸.

Очевидно, подобным же образом следует решать вопрос о терракотовых статуэтках всадника на спокойно стоящем коне. Определенные основания для этого дает боспорский нумизматический материал. Уже М. И. Ростовцевым¹⁹ было отмечено,

что на оборотной стороне монет царей Боспора, начиная с Савромата II, прочное место занимает изображение всадника на большом спокойно стоящем или мерно идущем вправо коне. М. И. Ростовцев воспринимал его как изображение царя, приобщенного к власти богом. Добавим к этому, что несомненно этот же статуарный тип передает конная статуя, увенчивающая въездную арку городской стены на монетах Рескупорида II²⁰.

Независимо от того, последуем ли мы за М. И. Ростовцевым в интерпретации характера этого монетного образа или определим последний в качестве изображения божества — θεός προπύλαιος, что нам представляется более правдоподобным²¹, и в том и в другом случаях связь всадника, фигурирующего на упомянутых боспорских монетах, с религиозно-культовыми представлениями несомненна. Именно вследствие этой связи изображение всадника было включено в золотые диадемы²² из погребений, которые принято связывать с Рескупоридом III и его супругой. Вместе с тем несомненно сходство занимающих нас терракотовых статуэток всадника на спокойно стоящем коне с фигурирующей на монетах Рескупорида II конной статуей. Отсюда мы вправе заключить, что эти статуэтки также воплощали в себе определенный культовый образ.

Итак, на Боспоре на протяжении I в. до н. э.—I в. н. э. несомненной популярностью пользовались изображения всадников, очевидно связанные с культом. Закономерен вопрос относительно истоков этого культа. На первый взгляд казалось бы возможным связывать его распространение в городах Боспора с инфильтрацией в этот период в состав городского населения сарматского элемента.

Однако изображения всадников изготавливались боспорскими коро-

пластами еще в первой половине III в. до н. э. Несколько относящихся к этому времени статуэток, главным образом в виде фрагментов, были найдены в Мирмекии при раскопках зольного алтаря (одна из этих статуэток воспроизведена на рис. 1, 2²³). Хотя рассматриваемая статуэтка была изготовлена в затертой форме, все же нельзя не заметить, что она трактована в стиле античных терракот и, по-видимому, передает изображение всадника-эллина. При этом если занимавшие нас выше типы фигурок всадников можно с большой долей вероятности считать местными, боспорскими, то несомненное сходство анализируемой сейчас терракоты, вылепленной из боспорской глины, со статуэтками всадников, найденными при раскопках линдийского акрополя на Родосе²⁴ или в Коринфе²⁵, не оставляет никаких сомнений в том, что тип мирмекийского всадника принадлежит к числу заимствованных.

Мирмекийский алтарь, по нашим представлениям, был связан с почитанием женского божества, коррелята Великой богини — матери всего сущего, древний, уходящий, очевидно, своими корнями в киммерийскую эпоху, культ которой пользовался, наряду с культом конного бога, особым почитанием у синдо-меотских племен²⁶.

Как известно, наиболее ранними памятниками с изображением конного бога, являются изделия торевтики конца IV—начала III в. до н. э.: серебряный ритон из кургана Карагодеуашх и золотая пластина из Мерджан. Обратившись к этим изображениям, нетрудно установить, что в тот период бог-всадник не имел устоявшегося культового облика. В этом отношении особенно показателен первый из названных памятников, на котором конный бог представлен в канонической схеме, сохранившейся в произведениях изобразительного и прикладного ис-

кусства на территории Персии вплоть до первых веков нашей эры²⁷. Эта же схема была воспринята для иконографии так называемого придунайского всадника²⁸. Отсутствие устойчивой иконографии синдо-меотского конного бога тем самым открывало широкие возможности для идентификации с ним различных изображений всадников. Именно с культом местного конного бога следует, на наш взгляд, связать изображения всадников из мирмекийского зольного алтаря. Очевидно, этому же культу обязаны своим появлением терракоты в виде всадника-охотника и всадника на спокойно стоящем коне, рассматривавшиеся нами.

Переселение в города Боспора, начиная с эпохи Археонактидов, выходцев из местных племен²⁹, неизбежно влекло за собой распространение среди городского населения свойственных им идеологических представлений, верований, культов. Среди последних, несомненно, главное место занимал культ Великого женского божества, чтившегося в форме различных культов, и культ конного бога. Можно предполагать, что в этом процессе были периоды вспышки, когда эти культы приобретали особую популярность, и периоды затухания, характеризовавшиеся временным отходом последних на второй план. Надо думать, что появление памятников с изображением занимающего нас конного бога соответствовало периодам особого значения его культа.

Самая ранняя, улавливаемая по археологическим материалам вспышка популярности культа конного бога, как и культа Великой богини, приходится на конец IV—начало III в. до н. э. В данной связи можно полагать, что общий кризис эллинской идеологии, имевший место в период раннего эллинизма и, несомненно, коснувшийся боспорских городов, привел к ослаблению культов эллинских божеств официаль-

ного боспорского пантеона и открыл дорогу для расцвета культов местных божеств — Великой богини и конного бога, которые к тому времени уже занимали в религиозных представлениях жителей боспорских городов прочное место.

Появление на монетах Рескупорида II изображения всадника, ставшее каноническим для оборотной стороны монет последующих боспорских царей II—III вв. н. э., позволяет заключить, что в начале нашей эры культ конного божества стал одним из главенствующих. По-видимому, его популярность привела к тому, что этот культ получил официальное признание и был той основой, на которой получил развитие на Боспоре культ бога всевышнего³⁰.

Терракотные статуэтки всадника на коне с поднятой правой ногой (рис. 1, 3), обладающие явным сходством со статуей, фигурирующей на упомянутых монетах Рескупорида II, позволяют высказать предположение, что культ конного бога получил на Боспоре официальное признание еще в I в. до н. э.

¹ *Кобылина М. М.* Терракотные статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 119 сл., 167 сл., табл. XXXII, 2; XXVII, 5; XXV, 1, 4.

² Статуэтка из собрания ОАМ ГЭ, № П.1913.5.

³ Такие статуэтки имеются в коллекции ОАМ ГЭ. Они были в разное время найдены в погребениях пантикапейского некрополя: № П.1832.7 (см. ДБК, табл. LXIV, 2); П.1872.25; П.1870.129; П.1870.130 (см. ОАК за 1870—1871 гг., табл. II, 8); П.1877.58; П.1886.5; П.1900.32; П.1913.5. Аналогичная терракота из собрания Одесского музея: *Деревицкий А. Н., Павловский А. А., Штерн Д. Р.* Музей Одесского общества истории древностей. Терракоты. Одесса, 1898, вып. 2, табл. XI, 1, 3.

⁴ Об этой посадке см.: *Блаватский В. Д.* О боспорской коннице. КСИМК, вып. XXIX, 1949, с. 96—99.

⁵ Статуэтка из собрания ОАМ ГЭ, № П.1859.15.

⁶ Еще две такие статуэтки из пантикапейских погребений имеются в ОАМ

ГЭ, № П.1852.7, П.1881.14. Также см.: *Деревицкий А. Н., Павловский А. А., Штерн Д. Р.* Указ. соч., табл. X, 2, 3.

⁷ № П.1886.5.

⁸ *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамари Боспора. ТГЭ, т. XIII, 1972, с. 160, рис. 7, 55.

⁹ № П.1881.14.

¹⁰ См. Архив ЛОИА, ф. 1, дело Археологической комиссии за 1881 г., № 7, л. 22.

¹¹ *Гайдучевич В. Ф.* Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, XXVIII, 1958, с. 124.

¹² № М.53—486.

¹³ *Пруга В. И.* Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. ЗОАО, т. 1 (34), 1960, с. 266 сл.

¹⁴ ОАМ ГЭ, № П.1900.32.

¹⁵ *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Указ. соч., с. 150, рис. 3, 29.

¹⁶ *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 96—99.

¹⁷ *Kazarow G. I.* Die Denkmäler des Thra-kischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938.

¹⁸ ДБК, табл. XX, 9.

¹⁹ *Ростоцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, 1913, с. 23 сл.

²⁰ *Зограф А. Н.* Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XLVII, 3.

²¹ Ср. *Герасимовъ Т.* Нумизматически приносъ къмъ религията на Тракия. ИБАИ, т. VIII, 1934, с. 163 сл., рис. 106, 108 и др.

²² *Blawatsky W., Koschelenko G.* Le culte de la Mithra sur la côte septentrionale de la mer Noire. EPRO, т. 8. Leiden, 1966, p. 8 f., tab. III, IV.

²³ № М.66—323.

²⁴ *Blinkenberg Ch.* Lindos. Fouilles de l'Acropole. 1902—1914. I. Les petits objets. Berlin, 1931, p. 572, № 2361; p. 573, № 2362; p. 689, № 2923.

²⁵ *Davidson G. R.* A hellenistic deposit at Corinth. «Hesperia», v. XI, 1942, № 1, p. 105 f., fig. 3.

²⁶ *Блаватский В. Д.* Архаичский Боспор. МИА, № 33, 1954, с. 11 сл.; *Blawatsky W., Koschelenko G.* Указ. соч., с. 1 сл.

²⁷ Сравнительный материал приведен в ИАК, вып. 49, с. 23 с.

²⁸ *Tudor D.* Corpus Monumentorum Religionis Equitum Danuvinorum. EPRO, т. 3. Leiden, 1969; *idem.* Der Kult der donauländischen Reiter. «Das Altertum», 1962, Bd. 8., Hf. 4, S. 234 f.

²⁹ Ср. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 59, 63, 64.

³⁰ Ср. *Blawatsky W., Koschelenko G.* Указ. соч., с. 8 сл.

Г. А. Пугаченкова

РИМСКИЙ МАСКАРОН ИЗ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

К числу интересных находок Узбекистанской искусствоведческой экспедиции 1973 г. относится мраморный маскарон. Он был найден колхозниками в обресе у Южно-Сурханского водохранилища. Здесь оказалось размытым древнее тепе, над которым высятся руины покинутого при строительстве водохранилища кишлака Шахри-Гульгуля. Осмотр места находки и зачистка, осуществленные Б. А. Тургуновым и Э. В. Ртвеладзе, выявили здесь культурный слой, включающий два строительных горизонта. Извлеченная из них, а также собранная вблизи обреса керамика типична для времени Великих Кушан (I—II вв. н. э.). Ее характеризует, в частности, сосуществование сосудов красноглиняного черепка со светлым и красным ангобом, сероглиняных чаш и мисок, а также ряд таких типичных форм, как красноангобные кубки и чаши на полуконической ножке. Здесь же найден и маскарон, представляющий стилизованную маску актера (8 × 5 × 3,5 см). Он выполнен из розоватого мрамора, имеет овоидальную форму, пластически разработан на три четверти объема, но сзади лишь тщательно вытесан, с уплощением всей затылочной стороны, без разделки каких-либо деталей (рис. 1).

По типу скульптура принадлежит к категории драматических или трагедийных маскарон. Лицо утрировано удлиненное. Лоб с набегающими морщинками, брови напряженно изогнуты, глаза прямо смотрящие, со слегка намеченными контурами зрачков. Нос очень широкий,

распластаный, сморщенный, огромный открытый рот, в глубинной плоскости которого тщательно разработаны ряды зубов, раздвоенный подбородок. Надо лбом венок или повязка с перехватами в виде цветочков — посередине и над маленькими высоко поставленными ушами; вдоль рта — по два крупных завитка и мелкие прядки бороды.

Маскароны хорошо известны в греко-римском искусстве. Имитируя вначале реальные маски актеров, они со временем становятся декоративной деталью в архитектуре, в орнаментальных пластических и живописных композициях.

В соответствии с изменением типа театральных масок маскароны претерпевают определенную эволюцию. Как известно, в греческом театре маски с огромным, рупоробразным ртом служили как бы рупором, усиливавшим голоса актеров, игравших в обширных амфитеатрах на открытом воздухе. В классической Греции вырабатывается тип масок для комедийных и трагедийных ролей, имевших разные выражения лиц. В частности, у первых рты как бы растянуты в смехе, у вторых очертание рта — с опущенными уголками, придающими им выражение скорби¹.

Со времени Менандра (343/2—292/1 гг. до н. э.) — создателя «новой комедии», изменяются образы масок. В эллинистическом и римском искусстве III—I вв. до н. э. рты драматических маскарон уже не так велики, им придаются натуральные очертания², гротесковые

1. Маска из Шахи-Гульгули

же маски — сохраняются лишь для ролей простолюдинов и рабов³. В императорский период трагедийные маскароны приобретают иллюзионистические особенности — например, в трактовке широко раскрытых глаз с глубоко высверленными зрачками⁴.

Каково назначение сурханского маскарона? Крупные маскароны в эллинистическом и римском искусстве иногда оформляли фонтаны или же края желобов черепичных крыш с отливками⁵, но наш экземпляр мал для этого и не имеет сквозного отверстия. Судя по форме и обработке, маскарон был вмонтирован в какое-то гнездо, выступая из него лишь на три четверти своего объема. Он мог входить и в оформление небольшого переносного алтаря, посвященного

Дионису — богу эллинов, с которым связывалось создание театра⁶, или какого-то крупного сосуда типа кратера.

Сурханский маскарон (или предмет, украшением которого он являлся) завезен в отдаленный район Северной Бактрии из Средиземноморья при Кушанах. Указать на прямую аналогию его в греко-бактрийском искусстве мы затрудняемся, стилистически же сходных памятников немало. Овал лица, рисунок раскрытого рта, трактовка лба, бровей, глаз в глубоких веках с пластической разработкой зрачков напоминают черты бородатой маски в руках статуи Музы Трагедии из Мантуи (Ватиканский музей), представляющей римскую копию греческого оригинала⁷. По стилю сурханский маскарон особенно сближается с мраморным маскарон юности из Тарев-

та (период позднереспубликанского Рима) с его утрированно вытянутым овалом лица, богатой светотенями лепкой мышц, подбородком с ямочкой (однако рот у него трактован почти натурально)⁸. По стилистическим данным близко по времени — в рамках I в. до н. э.—I в. н. э. может быть датирован и наш маскарон.

Богатый цикл халчаянской скульптуры служит свидетельством развития в Бактрии именно в эту эпоху театра и театрализованных действий с участием дионисийских персонажей⁹, которые, однако, всем своим обликом (очевидно, и внутренним содержанием) «бактрианизированы». Сурханский же маскарон предстает как предмет эллинистически-римской художественной и театральной культуры.

До сих пор в Средней Азии была единственная находка маскарона, обнаруженного в хранилище парфянской реликвий на Старой Нисе (II в.

до н. э.). Сурханский маскарон отмечает иное время и иные связи — в этот отдаленный район Северной Бактрии он попал скорее всего в I в. н. э., когда императорский Рим, минуя Парфию, поддерживал через индийские порты оживленные торговые связи с кушанским миром.

¹ Bieber M. The history of the Greek and Roman theatre. Princeton, 1961, p. 80 f., fig. 290—299, 301, 305, 309—313.

² Там же, рис. 316, 317, 324—327, 329—345.

³ Там же, рис. 372—381, 389—397, 402—413.

⁴ Там же, с. 243, рис. 800—810.

⁵ Ср. Ранчевский К. И. Художественные мотивы в древнем римском зодчестве. Рига, 1905, с. 25, рис. 35 (акротерий из Помпеи).

⁶ Ср. алтарь Диониса с масками сатиров и гирляндами (Bieber M. Указ. соч., с. 223, рис. 752; ВИА, т. 2. М., 1973, рис. 38).

⁷ Bieber M. Указ. соч., с. 82.

⁸ Там же, с. 149, рис. 549.

⁹ Лугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971, с. 34 сл.

Б. А. Рыбаков

ТРАКТАТ, НАПИСАННЫЙ НА КОРАБЛЕ

По Эгейскому морю с юга на север, к Константинополю, плыл в начале XII в. византийский корабль, среди пассажиров которого был русский писатель, интересовавшийся сопоставительным рассмотрением различных культов и обрядов.

На корабле оказались произведения Григория Богослова, и наш автор выбрал в качестве исходного материала для своего трактата «Слово на богоявление», полное лаконичных, но ярких обличительных характеристик античных языческих культов, кровавых жертвоприноше-

ний, изуверских обрядов и мифологических нелепостей. Так родилось русское «Слово святого Григорья». Изобретено в тольцех о том, како первое погани суще языци клаялися идолом и требы им клали; то и ныне творят¹.

На Руси уже в XI в. переписывался старославянский перевод «Слова» Григория Богослова, но интересующий нас автор располагал, очевидно, греческим текстом и самостоятельно перевел его, сильно сокращая и опускающая многие подробности. Автор не успел использовать все «Слово на

богоявление» и вынужден был прервать его изложение на середине, так как корабль приближался к Афонской пристани, где он должен был сойти на берег, а книги, служившие ему основой, продолжали путь со своим владельцем до Константинополя: «Досюда беседа си бысть. Досюде могох написати — даже несоща книги ты Царюграду, а мы, выседше ис корабля, идохом в Святую Гору. Нъ то бяхе велико слово, нъ дотуде написах»².

Сохранив по средневековому обычаю имя Григория Богослова, русский книжник создал новое произведение, или, может быть, правильней было бы сказать, черновой набросок трактата, так и оставшегося незавершенным. Его каркас составляло поучение Григория, из которого русский читатель узнавал о культе Зевса Критского, о шумных неистовых празднествах в честь Реи и Афродиты, о жертвоприношениях Артемиде и Семеле, о мрачном культе Гекаты, предсказаниях Дельфийского оракула, о безобразных фаллических обрядах, о таинствах Орфея и Митры и даже о культе умирающего Озириса. Григорий Назианзин обращался к аудитории, для которой мифологические сюжеты, вакханалии, мистерии и гекатомбы были хорошо знакомой реальностью, окружавшей христиан середины IV в. Он ограничился по существу только перечнем, подбором наиболее вопиющих фактов античного мракобесия. Русский комментатор сократил и перечень, и описательную часть, но в некоторых случаях дал пояснения, отсутствующие в греческом подлиннике (например, о рождении Озириса и о музыкальном сопровождении процессий в честь «матери бесовской» — Реи) и почерпнутые из других источников.

Античное язычество стало для русского автора тем историческим фоном, на котором он хотел показать

язычество славян. Путешествие по Эгейскому морю с его бесчисленными античными памятниками, воскрепавшими все многообразие греческой мифологии, прямо наталкивало на такое сопоставительное изучение, а сочинения Григория Богослова были как бы путеводителем по местам критских, фригийских, дельфийских, элевзинских, лакедемонских и фракийских культов.

К краткому пересказу первой половины «Слова» Григория русский книжник XII в. сделал две группы дополнений. Во-первых, он трижды, кстати и некстати, поминает «сарацинского жреца» Магомета и с возмущением описывает мусульманские омовения. Возможно, наш автор побывал в качестве паломника на средиземноморском юге, захваченном в это время сарацинами, и делился личными впечатлениями; не лишено вероятия, что там же он видел рога — «элефанты» (или органы?) крестоносцев — «фряжския словьница».

Во-вторых, автор трактата сделал ряд дополнений, касающихся славянского язычества, его мифологии и обрядов. Первое крупное дополнение носит этнографический характер и содержит перечень славянских божеств (Перун, Хорс, Род, Переплут, Мокошь), добрых и злых демонов (рожаницы, берегини, вилы, упыри-вампиры) и обычаев (питье из рогов, баня для предков, обрядовое печенье, фаллические обряды). Второе дополнение представляет особый интерес, так как содержит периодизацию славянского язычества³.

1-я стадия. Славяне поклонялись упырям и берегиням, что можно осмыслить как дуалистический анимизм далекой первобытности.

2-я стадия. На Ближнем Востоке и в Средиземноморье распространился культ Рода и рожаниц и дошел до славян, у которых не только приносились жертвы, но и устраивались торжественные пиры 8 сен-

тября в честь Рода и рожаниц. Рода следует считать древним земледельческим божеством вселенной, а рожаниц — божествами благополучия и плодородия. Праздник Рода и рожаниц — праздник урожая по окончании обмолота.

3-я стадия. Култ Перуна. По всей вероятности, подразумевалось введение дружинно-военного почитания бога грозы как государственного культа Киевской Руси. Е. В. Аничков доказал, что главенство Перуна среди других славяно-русских богов было явлением очень поздним, прямо сопряженным с рождением русской государственности⁴.

4-я стадия. Принятие христианства. Язычество отступило на «окраины», где продолжали молиться Перуну и другим старым богам, но делали это «отай». Единственным более или менее явным языческим обрядом остались пиришества в честь Рода и рожаниц, приуроченные в качестве «второй трапезы» к осеннему празднику рожества богородицы.

Такова интереснейшая периодизация славянского язычества от охотничье-рыболовческого анимизма до государственного культа Перуна IX—X вв. Весь огромный промежуток между этими крайними точками был заполнен устойчивым культом Рода, небесного бога вселенной, природы и урожая. Култ Рода пережил почитание дружинного Перуна и оказался крайне живучим и после принятия христианства. В спорах русских богословов XII—XIII вв. с язычниками Род оказался соперником христианского Саваофа; ему, Роду, приписывали «вдуновение духа», т. е. создание всего живого на земле⁵.

* * *

Большой интерес представляет сам автор этого замечательного трактата. Попытаемся перечислить извлекае-

мые из «Слова об идолах» черты, обрисовывающие его облик.

Автор, очевидно, духовное лицо и, вероятнее всего, из черного, а не из белого духовенства, так как критически высказался по поводу «череву рабочих попов», пользующихся долей в языческих трапезах. Автор достаточно образован, знает греческий язык и свободно сокращает «Слово» Григория. Более того, на нашего мореплавателя, очевидно, повлияла греческая графика XI—XII вв., так как он воспринял греческое написание альфы-аза, близкое к юсу малому. Поэтому у него и получились начертания: ТРАПЕЗА, АНТХРНЦА, БОГОСЛОВЦА и др.⁶

Автор находился под свежим впечатлением знакомства с сарацинами (что естественно, если он плыл с юга); он знает их обычаи, знает о сарацинских и аравитских книгах и писаниях; к старинной русской форме имени Магомета — Бохмит автор делает пояснение: «Моамед», что фонетически значительно вернее. Знакомство автора с западноевропейскими музыкальными инструментами может говорить о его встречах с крестоносцами, что тоже вполне естественно, если автор, допустим, был в качестве паломника в Святой земле. Автора «Слова об идолах» вполне можно уподобить игумену Даниилу, паломнику, плававшему в Палестину, ездившему по Сарацинской земле и вошедшему в доверие к главе крестоносцев королю Балдуину, с которым он вместе слушал пасхальную службу в Иерусалиме. С игуменом Даниилом связано не только «Хождение в Святую землю» в 1106—1107 гг., но и повесть о Шаруканском походе 1111 г., включенная в Киевский свод 1198 г. (Ипатьевская летопись).

Три мелкие приметы позволяют от уподобления перейти к сближению авторов. Во-первых, сближает их

упомянутое выше начертание Δ как юса малого. Во-вторых, единственное мифологическое дополнение к греческому тексту Григория Богослова связано с именем Даниила: «... Семейно требокладение грому и молнии и Вилу, богу Вавилоньскому, его же разбиа Данило пророк».

Третья примета более существенна. Это указательное местоимение, выполнявшее функцию постпозитивного артикля: «то», «тот», «те», широко применявшееся игуменом Даниилом как в «Хождении» («Остров тот», «столп-от»), так и в повести о походе 1111 г. («смерд тот», «лошадью тою»). В «Слове об идолах» мы встречаемся с той же диалектной (очевидно, черниговской) чертой: «Осирида того», «вере той», «омытье то» и т. п.

Главным препятствием на пути полного сближения автора «Слова об идолах» с паломником Даниилом является неопределенность датировки трактата. Он явно относится к домонгольскому времени; наиболее вероятной датой является XII в., но более точных хронологических примет нет.

Игумен Даниил, судя по косвенным данным, родился в середине XI в., был первоначально боярином, постригся в Киеве, в начале XII в. совершил 16-месячное путешествие в Палестину; возвратился на Русь в августе 1107 г. В 1114 г. он стал

Юрьевским епископом и скончался в 1122 г.⁷

Если мы решимся отождествлять автора «Слова об идолах» с игуменом Даниилом, то написание самого трактата придется на май—июнь 1107 г., когда Даниил, закончив паломничество, плыл по Эгейскому морю с юга на север по направлению к Афону. Этой дате ничто не противоречит. Утверждать нельзя, предполагать можно.

¹ Сокращенно его удобнее называть условно «Слово об идолах». См. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. «Записки Московского археологического института», т. XVIII, М., 1913, с. 17—35; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 244, 384—386. Из четырех известных списков предпочтение следует отдать Новгородскому Софийскому, опубликованному Гальковским.

² Гальковский Н. Указ. соч., с. 25; Аничков Е. В. Указ. соч., с. 244.

³ Гальковский Н. Указ. соч., с. 24—25.

⁴ Аничков Е. В. Указ. соч., с. 319.

⁵ Рыбаков Б. А. Святovit—Род. — В кн.: Liber Josepho Rostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Warszawa, 1968, S. 390—394.

⁶ Подобное начертание в русской эпиграфике известно только в надписи 1114 г. в Софийском соборе в Киеве: ДАННДА (возможно, автограф известного паломника игумена Даниила). См. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, с. 22, табл. XXII.

⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963, с. 115—124.

Н. А. Сидорова

КОРИНФСКИЙ АЛАБАСТР ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

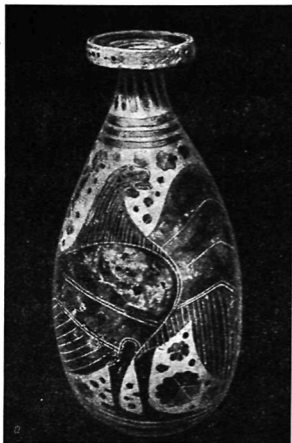
В 1974 г. в собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина поступил коринфский алабастр с изображением петуха, приобретенный у Т. В. Галич. По словам владелицы вазы, она была куплена за границей еще в прошлом веке, точное происхождение ее не известно (рис. 1).

Алабастр¹ представляет собой сосуд довольно большого размера (высота 20,5 см, диаметр венчика 4,9 см), традиционной формы, с округлоудлиненным туловом, более широким внизу и резко сужающимся кверху, где оно переходит в горло, увенчанное широким плоским венчиком; дно слегка уплощено. На горле — небольшая ручка в виде выступа с округлым отверстием. Сохранность алабастра хорошая: только к венчику приклеены два фрагмента, сама же ваза не имеет существенных повреждений, за исключением незначительных сбоев, царапин и потертостей; поверхность несколько загрязнена. Глина сосуда светлая, серовато-желтоватая, типично коринфская. Лак коричневатого-черный, положен не очень аккуратно, местами — на крыльях, на хвосте птицы — пятнистый.

Роспись вазы состоит из большой, занимающей почти всю поверхность тулова фигуры петуха выраво, с маленькой головкой, коротким клювом, миниатюрным гребнем, длинными ногами и большими крыльями, из которых правое опущено, а левое развернуто; над пышным хвостом поднимаются два длинных пера. Фигура петуха исполнена в сплошном сж-

луэте; все детали обозначены процарапанными линиями. Характерные особенности рисунка: оперение на шее передано длинными косыми штрихами, поперечная полоса на крыльях обрамлена — на опущенном крыле двойными линиями, на развернутом — двойной и одинарными; изогнутая двойная линия отделяет ногу от крыла. Рисунок был расписан пурпуром, следы которого сохранились на крыльях; он покрывал верхнюю часть правого крыла, левое же было украшено пурпурными полосами и рядами точек; пятно пурпура видно и на гребне петуха. Фигура птицы помещена не точно в центре вазы, а несколько смещена влево; середина обратной стороны, где расположены друг под другом две большие розетки, оказалась не прямо под ручкой, а несколько левее нее.

Весь фон вокруг изображения петуха густо покрыт заполнительным орнаментом, среди которого выделяется несколько крупных многолепестковых розетт с сердцевинной, ограниченной двойной линией; вокруг них много мелких кляксообразных процарапанных крест-накрест розетт и просто точек; последние помещены вдоль контуров фигуры петуха. Орнамент, украшающий верхнюю и нижнюю части алабастра, обычен: концентрические круги на венчике, точки по его внешнему краю, язычки на горле; сверху и снизу широкий фриз с петухом ограничен тремя горизонтальными ли-

1. Коринфский алабастр из собрания ГМИИ

ниями; на донце снова концентрические круги.

Публикуемая ваза является типичным образцом коринфской вазописи так называемого коврового или ориентализирующего стиля. Алабастр был излюбленной формой коринфских гончаров², известной уже в последней четверти VII в. до н. э., но особенно широкое распространение получившей в средне- (первая четверть VI в. до н. э.) и позднекоринфский (вторая четверть VI в. до н. э.) период. Большие вазы этой формы покрывались росписью, расположенной фризами, или же украшались одной или двумя крупными фигурами — бореадов, львов, сирен, петухов, сфинксов. На более ранних экземплярах фигуры животных,

птиц и мифических существ помещались обычно в геральдической схеме. Тот факт, что наша ваза украшена только одной фигурой, расположенной асимметрично, наряду с характером самого рисунка заставляет отнести ее к более позднему периоду: изображения петухов и других крылатых существ с развернутыми крыльями типичны для позднекоринфского периода.

Коринфская вазопись в последние десятилетия привлекала внимание многих исследователей. Благодаря их работам мы можем не только уточнить время изготовления публикуемой вазы, но и определить ее мастера. Наиболее близкие аналогии она находит среди работ так называемого мастера Лавриона, творчество которого подробно охарактеризовано видным исследователем коринфской вазописи Бенсоном³.

Этот мастер начал работать еще в среднекоринфский период; поздние его произведения доходят до середины позднекоринфского периода. Геральдические группы петухов, львов и сирен были излюбленным мотивом его росписей. Изображения петухов на его вазах до деталей совпадают с росписью нашего алабаstra, с той лишь разницей, что геральдическая композиция не позволяла, естественно, показать крыло в развороте (например, на вазе в Базеле⁴).

Но среди работ мастера Лавриона есть ваза (хранящаяся в Афинах) с изображением одной фигуры петуха, представленного с одним развернутым, а другим опущенным крылом⁵. В этом случае совпадение рисунка с нашей вазой почти полное, единственным различием (сколько можно судить по фотографии) является то, что на афинской вазе полосы точек пурпура украшают оба крыла, а на нашей — только одно. Другой ближайшей аналогией нашему алабаstrу является ваза той же формы, с идентичной росписью, хранящаяся в ГЭ (№ Б 3009). Рисунок птицы и заполнительного орнамента на ней совпадает до деталей с росписью московской вазы. Опушковавшая эрмитажный алабастр С. П. Борисовская⁶ также атрибуировала ее мастеру Лавриона и датировала позднекоринфским I периодом. Тем же временем датируется и афинский алабастр, тогда как вазу в Базеле Бенсон, правда, под вопросом, относит к среднекоринфскому периоду. Однако сходство росписи базельской вазы с двумя предыдущими столь велико, что вряд ли можно датировать ее более ранним временем. Наш алабастр несомненно современен названным произведениям. Роспись всех этих vaz и по рисунку фигур петухов, и по характеру заполнительного орнамента близка вазопи-

си среднекоринфского периода, в частности более ранним произведениям самого мастера Лавриона⁷. Очевидно эту группу его работ следует датировать самым началом позднекоринфского периода⁸, т. е. примерно 575—570 гг. до н. э.

Мастер Лавриона, как справедливо отмечает в своей статье С. П. Борисовская⁹, был не одним среди других коринфских мастеров его времени. Бенсон¹⁰ объединяет вокруг него нескольких вазописцев, из которых наиболее близок ему мастер Галлатина. Следует думать, что эти мастера работали в одной мастерской, специализировавшейся на изготовлении больших алабастров и плоскодонных арибаллов, украшенных одной-двумя фигурами птиц, животных и мифических существ.

¹ ГМИИ, № П.16.1379. В настоящее время термин «алабастр» окончательно сменил распространенный ранее термин «бомбиллий», которым обозначали сосуды описываемой формы.

² Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 91.

³ Benson J. L. The Laurion painter. — In: Oudheidkundige Mededelingen, XLVI. Leiden, 1965, p. 76—86.

⁴ Benson J. L. Указ. соч., табл. IX, 4 (изображение петуха представлено против фигуры сидящего льва).

⁵ Алабастр в Британской археологической школе в Афинах, А—315. Benson J. L. Указ. соч., табл. X, 1—4.

⁶ Борисовская С. П. Мастера и стилистические группы позднекоринфских ориентализирующих vaz. ТГЭ, XIII, Л., 1972, с. 8, рис. 4.

⁷ Таким, как арибаллы в Лейдене (Benson J. L. Указ. соч., табл. VII, 1—3), в Амстердаме (там же, табл. X, 9, 10).

⁸ Эту дату предложил для алабаstra в Базеле Эмюкс (в рецензии в AJA, v. 65, 1961, № 2, p. 210). При этом он отнес три алабаstra — в Майнце, Базеле и Беркли (включенные Бенсоном в число работ мастера Лавриона) вазописцу, названному им «МУ» мастером (по университету в Майнце).

⁹ Борисовская С. П. Указ. соч., с. 9.

¹⁰ Benson J. L. Указ. соч., с. 85.

С. И. Финногорова

РЕЗНЫЕ КАМНИ ИЗ ТИРАМБЫ И ТИРИТАКИ

В собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина имеется группа золотых перстней, происходящих из раскопок некрополей Таманского полуострова. Особенно интересны перстни с гранатовыми геммами.

Два из них происходят из склепа рубежа I в. до н. э.—I в. н. э. некрополя Тирамбы¹. Они состоят из типичной для этого времени оправы в виде двух тонких полос золотой фольги, спаянных друг с другом и заполненных внутри серной массой.

В жуковину одного из перстней² вставлен плоский резной камень овальной формы, закрепленный узким ободком оправы (рис. 1). На нем изображен Амур, слегка склонившийся вперед и держащий в правой руке факел, а левой указывающий на стоящего другого Амура. Последний прислонился к округлой тумбе или столбу, у него руки сзади связаны. За спиной Амура с факелом помимо небольшого крыла с отчетливо выделенными перьями разведена горизонтальная черта, отмечающая линию почвы. Камень отличается прекрасной сохранностью, лишь на теле связанного Амура имеется несколько выбоин, по-видимому древнего происхождения, и на основании колонны небольшой скол.

Сюжет, представленный на этой гемме, напоминает многочисленные сцены, встречающиеся в античном искусстве, где Амур мучает Психею (или Психея Амура)³, поднося к ее телу факел. На гемме из Тирамбы изображены два Амура, а не Амур

и Психея, как это считалось первоначально⁴. На это указывает не только определенная манера в изображении крыльев, не свойственная облику Психеи, но и тот факт, что обе фигуры обнажены, а Психея в античном искусстве всегда представлена одетой. Точной аналогии нашей гемме мы не нашли, но близкие сюжеты в античной глиптике встречаются⁵. Наиболее близка италийского Фуртвенглером, где изображены Амур и Психея⁶. Другая гемма I в. до н. э. из собрания ГЭ почти повторяет изображение на гемме из ГМИИ, однако резко отличается от нее беглой и схематичной манерой резьбы⁷. Сцена, почти повторяющая изображение на нашей гемме, имеется на двух рельефных медальонах серебряных чаш из Новочеркасска, которые датируются позднейллинистическим временем⁸.

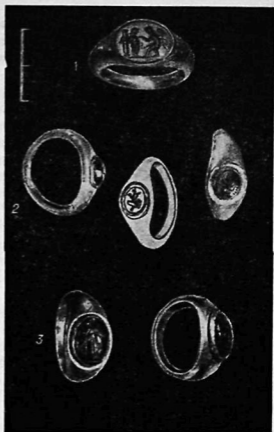
Изображение на гемме с Амурами выполнено по гладкой отполированной горизонтальной поверхности довольно глубокой резьбой, реалистично передающей пухленькие детские тельца. Легкие тонкие линии передают складки плаща и пламя факела. Поверхность изображений отполирована местами: колонна и фигурки Амуров по центральной линии имеют полировку, которая создает впечатление заполированности всех фигур целиком. Крылья, головы Амуров, верхнее и нижнее завершение колонны не отполированы или отполированы частично. Гемма несомненно принадлежит к числу первоклассных произведений, выполнен-

ных резцом умелого итальяйского мастера, и относится к концу I в. до н. э.—I в. н. э., на что указывает не только весь инвентарь склепа, но также и форма оправы из золотой фольги с серным заполнением. Техника изготовления подобных перстней подробно описана М. И. Максимовой⁹.

В том же склепе был найден еще один перстень с резным камнем¹⁰ (рис. 1, 2). Как и вышеописанный, он изготовлен из тонкой золотой фольги и заполнен внутри серной массой. В гнездо шинки вставлен выпуклый гранат с изображением руки, зажатой в кулак и держащей три колоса. Гнездо обрамлено тонким стоячим ободком, составляющим часть небольшой золотой пластинки, изогнутой под прямым углом, одна сторона которой облегает камень и стоит вертикально, а другая припаяна к шинке.

Изображение на камне выполнено в беглой и небрежной манере и отличается крайним схематизмом и неточностью в передаче деталей. Рука исполнена двумя широкими и короткими углубленными линиями, перпендикулярными друг другу, нанесенными широким резцом. Сжатые пальцы слегка намечены короткими насечками более узкого резца. Вертикальной тонкой линией показана граница сжатых пальцев, приводящая их все на один уровень. Также небрежно выполнены колосья, каждый из которых представляет собой стебель, исполненный тонкой врезанной линией с небольшим колоском в виде одной или двух коротких параллельных насечек.

Изображение колосьев как символа материального благополучия неоднократно встречается на ряде гемм из Пантикалея¹¹. Все они представляют собой выпуклые камни (кабошоны). И хотя по сюжету и стилю изображения они очень близки гемме из Тирамбы, однако манера резьбы

1. Золотые перстни из Тирамбы (1, 2); золотой перстень из Тиритаки (3)

на последней более небрежна и схематична по сравнению с пантикалейскими. Гемма с рукой и колосьями, так же как и гемма с Амурами, датируется концом I в. до н. э.—началом I в. н. э.

По стилю и манере резьбы близок гемме с колосьями камень на перстне из раскопок некрополя Тиритаки¹² (рис. 1, 3). Инвентарь погребения датирует его I—II вв. н. э. Он представляет собой типичный для этого времени перстень из золотой фольги с серным заполнением и резным камнем. На его выпуклой полированной поверхности легкими беглыми штрихами изображена стоящая богиня (фигура в фас, голова повернута вправо). В правой руке, опирающейся на скипетр, она держит какой-то предмет, отдаленно на-

поминающий рог изобилия. В левой руке богини фиала. Длинный хитон вертикальными складками спадает с плеч, плащ окутывает бедра. Из-за спины видны две развевающиеся ленты (тени), назначение которых неясно. Если предположить, что предмет в правой руке богини является рогом изобилия, то наиболее вероятно, что на гемме изображена Фортуна. Однако скипетр не является ее атрибутом и встречается на изображениях Деметры или Геры. Наиболее вероятно, что перед нами изображение богини, слившей в себе черты двух божеств. Такие случаи известны в античной глиптике, и о них упоминает М. И. Максимова, анализируя геммы боспорской камерной мастерской¹³. По-видимому, на гемме из Тиритаки представлена Фортуна—Гера. Предположение, что здесь изображена Деметра, отпадает, так как ее образ, как правило, сопровождается колосьями или какими-то другими растительными мотивами¹⁴. Манера резьбы довольно небрежная, что сказывается в неровностях и кривизне линий одежды, в несовпадении отдельных деталей рук, в отходе от анатомического строения человеческого тела (например, правая рука богини исходит от шеи). Стиль изображения очень схематичный и беглый, что позволяет причислить гемму из ГМИИ к серии резных камней, вышедших, по определению М. И. Максимова, из боспорской

каменерезной мастерской и подробно описанных ею в одноименной работе. Для перстней этой мастерской особенно характерны плоскостность, эскизность и предельная упрощенность изображения.

Геммы боспорского производства более скромны, им не свойственна та тщательность в отделке, которая отличает греческие изделия. И тот небольшой материал, который приведен в данной работе, является наглядным подтверждением этому.

- ¹ Коровина А. К. Тирамба (городище в некрополе). «Сообщения ГМИИ», М., 1968, рс. 33.
- ² ГМИИ, № Ф—1161, диаметр 2,2 см.
- ³ Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, с. 65, 77; Furtwängler A. Die antiken Gemmen Geschichte der Steinchneidekunst im klassischen Altertum. Leipzig, Berlin, 1900, taf. XXX, 9.
- ⁴ Коровина А. К. Указ. соч., с. 78.
- ⁵ ГЭ, № Ж 2224, Ж 4349, Ж 4494, Ж 2256, Ж 3701, Ж 4078.
- ⁶ Furtwängler A. Указ. соч., табл. XXX, 9.
- ⁷ ГЭ, № П 1854.63.
- ⁸ Kaposchina S. J. A Sarmatian royal burial at Novoherkassk. «Antiquity», 1963, XXXVII, p. 256—258.
- ⁹ Максимова М. И. Боспорская камерная мастерская. СА, 1957, № 4, с. 75—77.
- ¹⁰ ГМИИ, № Ф—1162, длина 2,3 см; Коровина А. К. Указ. соч., с. 78, рс. 33.
- ¹¹ ГЭ, № П 1950.10; П 1877.70; П 1850.10
- ¹² ГМИИ, № П 1е, 1171, размеры 0,25 × 0,24 см.
- ¹³ Максимова М. И. Боспорская камерная мастерская, с. 79.
- ¹⁴ ГЭ, № П 1841.68.

Г. А. Цветаева

СТАТУИ ЛЬВОВ ИЗ АПОЛЛОНИИ ИЛИРИЙСКОЙ

В 1958 г. во время раскопок загородного дома Аполлонии Илирийской¹ в фундаменте стены III в. были найдены многочисленные обломки от двух статуй львов, выполненных из местного сероватого известняка².

Каждый из львов помещен на прямоугольный пьедестал размером 0,62×0,39 м высотой до 0,10 м (рис. 1). Высота статуй 1 и 1,10 м. Львы сидят на задних лапах, голову держат прямо. Головы львов довольно крупные (0,31×0,32 м), им не пропорционально щуплое туловище. Хищность и мощь зверя мастер старался выразить в более тщательном моделировании гривы и огромных когтистых лап льва. Пасть зверя приоткрыта, так что обнажены зубы, изображенные треугольными выступами. Резко выделены клыки. Язык высунут наружу. Нос расплюсчен, глаза округлые, лоб прорезан горизонтальными складками и вертикальной впадиной. Грива изображена прямыми свисающими прядями и распадается на лбу на две стороны.

Обе скульптуры имеют одну и ту же композицию, сходные постаменты. Статуи львов парные, их поза одинаково спокойная, морды добродушные. Различия незначительные: одна из скульптур (рис. 1а) немного меньшего размера, пропорции более стройные, морда более детально проработана. Другой лев (рис. 1б) более приземистый, он большего размера, детали исполнены небрежнее. Возможно, мы имеем здесь работу не одного, а двух мастеров.

В греческом искусстве с конца VI в. до н. э. лев был не только символом стража, он олицетворял также храбрость. Так, над могилой Леонида был поставлен сидящий лев³, огромный лев около Амфиополя был поставлен в честь одного из сподвижников Александра⁴. Но уже в IV в. до н. э. в изображениях львов начинает пропадать то свирепое выражение, которое характерно для произведений эпохи архаики. Таков сидящий лев, поставленный в честь павших при Херсонесе (338 г. до н. э.)⁵. Лев сидит спокойно, его тело, сильное и напряженное, неподвижно, морда утратила свирепость. Тот же вид у аттического льва IV в. до н. э. из частного собрания⁶. Описываемые скульптуры из Аполлонии генетически восходят к этому типу греческого льва и представляют собой дальнейшее развитие образа сторожевого льва. Прежние характерные черты в данных скульптурах сильно переработаны: вместо нервного напряжения тела — спокойная поза, вместо свирепого выражения морды — добродушный оскал. Такая переработка образа льва характерна для изображений львов римского времени⁷. В изображении хищных зверей важна была, видимо, не столько передача эмоций, сколько общее смысловое значение, превратившееся в штамп. Это можно заметить и на других памятниках: даже у хищного зверя, вцепившегося зубами в жертву, не свирепое, а застывшее, равнодушное выражение⁸. Пантера, обороняюще подвывая

1. Парные статуи сидящих львов

лапу, как бы нехотя подняла голову и высунула язык⁹.

Тип аполлонийского льва находит аналогии в памятниках римского провинциального искусства. Лев из Карнунтума, например, представляет собой тот же тип¹⁰, те же черты у статуи льва из Коммагены¹¹ и головы льва, найденной на территории римского лагеря в Пальмире¹². Более близкие аналогии — в скульптурах сидящих львов, найденных на территории Румынии, относящихся ко II в. н. э.¹³ Однако скульптуры львов из Аполлонии Иллирийской своеобразны, полной аналогии им мною не найдено. Они представляют собой, по-видимому, оригинальное произведение местного мастера II в. и обладают большой выразительностью.

¹ Блаватский В. Д., Ислами С. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г., СА, 1959, № 4, с. 166 сл.; Blawatsky W. D. Ausgrabungen in Apollonia in Illyrien (1958). «Klio», 1962, Bd. 40, S. 271.

² В альбоме «Аполлония Иллирийская» (М., 1959, табл. 39) была помещена фотография головы одного из львов. Отдельные части статуй утрачены: у одного льва утрачены частично передние ноги, кроме лап, у другого — часть передней ноги и имеются выбоины на туловище.

³ Herod., VII, 225.

⁴ Blegen E. P. News items from Athens. AJA, 1938, N 42, p. 151.

⁵ Richter G. Animals in Greek sculpture, 1930, N 1, tab. 1, fig. 3.

⁶ Collignon M. Les statues funéraires dans l'art grec. Paris, 1911, p. 230, fig. 150.

⁷ Ferri S. Arte romana sul Danubio, 1933, p. 272.

⁸ Mosauco e mosaicisti nell'antechita. Roma, 1967, fig. 42.

⁹ Piccottini G. Corpus signorum imperii romani. — In: Corpus des Skulpturen der romischen Welt. Österreich. Die

- Rundskulpturen des Stadtgebietes von Virunum, Bd. 11, Hf. 1. Wien, 1968, taf. 43.
- ¹⁰ Dell J., Bormann E., *Ronde Th. Ausgrabungen in Carnuntum*. «Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich—Ungarn», XVI. Wien, 1893, S. 201, fig. 33, 34a.
- ¹¹ Melink M. *Archaeology in Asia Minor*, AJA, 1959, 59, N 3—4, p. 70, fig. 5.
- ¹² Michalowski K. *Palmyre*. — In: *Fouilles Polonaises 1961*. Warszawa, 1963, p. 165, fig. 216.
- ¹³ Tocilescu G. *Monumentale epigrafice și sculpturali*. București, 1902, p. 301, N 33.

Д. Б. Шелов

ИЗ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ О МИТРИДАТОВЫХ ВОЙНАХ (ПОСИДОНИЙ И ЦИЦЕРОН)

Среди многочисленных трудов античных авторов, рассказывающих о борьбе Митридата Евпатора с римлянами или упоминающих отдельные факты, относящиеся к этой борьбе, особое место занимают сочинения двух лиц — грека Посидония и римлянина Цицерона. Оба они, в отличие от остальных авторов, были современниками и непосредственными свидетелями событий, оба являлись заметными фигурами в политической жизни и по своему общественному положению должны были быть хорошо информированы о всех военных и политических перипетиях митридатских войн. К тому же эти два деятеля были и лично связаны: Цицерон слушал лекции Посидония, высоко ценил его и считал одним из своих учителей¹.

Крупнейший греческий философ-стоик, астроном, физик и писатель Посидоний² из Апамен (около 135—50 гг. до н. э.) в период митридатских войн жил на Родосе, враждебном Митридату, занимал там вы-

сокие государственные должности, в частности был пританом³ и послом в Риме⁴. Среди его слушателей и близких ему людей был и победитель Митридата Помпей⁵. Если бы его исторические сочинения, в том числе его «Истории» в 52 книгах, дошли до нас, они были бы очень ценным источником по истории второй половины II и первой половины I в. до н. э., тем более что по своему положению Посидоний был очень осведомленным человеком. Можно даже предполагать, что у него было специальное сочинение по истории митридатских войн⁶. По крайней мере из одного свидетельства Страбона⁷ можно заключить, что Посидоний описал деяния Помпея.

К сожалению, от исторических сочинений Посидония дошли только небольшие отрывки, сохраненные главным образом Страбоном и Афинеем⁸. Наиболее значительным отрывком, относящимся к периоду митридатских войн, является рассказ о возвышении и деятельности афин-

ского тирана Афиниона—Аристниона, сторонника Митридата⁹. Этот отрывок, видимо, не входил в текст посидониевых «Историй», охватывающих события лишь до 90-х годов I в. до н. э.¹⁰ Скорее всего он взят из сочинения родосского философа о митридатовых войнах. Хотя позиция Посидония резко враждебна Афиниону и в его рассказе можно заметить проявление общей философской концепции автора о психологии вождя и руководимой им массы¹¹, следует все же полагать, что основные факты переданы Посидонием верно¹². Изложение его позволяет составить некоторое представление о той острой социальной и политической борьбе, которая велась в Афинах накануне разгрома города Суллой и которая несомненно была связана с различной ориентацией разных социальных слоев на Рим или на Митридата. Совершенно справедливы очень высокая оценка ясности и выразительности изложения Посидония и признание комплексного использования им как официальных документов, так и устных свидетельств очевидцев¹³.

По этому сохранившемуся отрывку можно составить себе представление о размерах той потери, которую составляет утрата исторических трудов Посидония. И, вероятно, несправедливо суждение Т. Рейнака, который полагал, что написанная Посидонием история Помпея не представляла большой ценности как произведение, угождавшее римскому полководцу¹⁴. Именно этому труду, если он касался всей истории, можно предположительно приписать и историю Афиниона и некоторые другие более краткие известия Посидония о событиях его времени¹⁵.

Из этих известий заслуживает упоминания рассказ Афиней, ссылающегося, кроме Посидония, также на Николая из Дамаска, об обращении хиосцев в рабов Митридатом Евпа-

тором для транспортировки их в Колхиду¹⁶. Об этом же эпизоде митридатовой политики рассказывает у Аппиана¹⁷. О существовании в трудах Посидония каких-то разделов, специально посвященных Причерноморью, можно судить по некоторым его упоминаниям северо-черноморских и западнопонтийских племен, главным образом этнографического характера, приводимым Страбоном¹⁸. Принимая во внимание тот факт, что у Посидония содержались сведения о числе сыновей царя Скилура¹⁹, можно думать о существовании у него рассказа о борьбе войск Митридата со скифами. Конечно, рассказ этот должен был относиться ко времени походов Диофанта и закрепления за Митридатом северных берегов Понта, а не к последнему периоду борьбы Митридата с Римом, как это иногда полагают²⁰. Вряд ли, однако, можно предполагать, что основные сведения Страбона о борьбе Диофанта со скифами восходят к Посидонию, интерес этого писателя к скифам был в основном этнографическим²¹, исторические же excursus Страбона заимствованы из другого источника²².

Значительно важнее, чем отрывочные сведения Посидония, информация о митридатовых войнах, содержащаяся в сочинениях Цицерона, дошедших до нас в сравнительно полном виде. В своих речах и других трудах великий римский оратор неоднократно обращается к положению в восточных провинциях, к событиям митридатовых войн. Наибольшее значение в этом отношении имеет речь Цицерона «О предоставлении империя Гнею Помпею» (о законе Манилия), произнесенная в 66 г. до н. э.²³ Цицерон оказывается не только свидетелем, но в известной степени и участником событий, связанных с последней митридатовой войной, так как в значительной

мере именно благодаря его выступлению Гней Помпей получил полномочия главнокомандующего в войне против Митридата на последнем этапе этой войны.

Цицерон в речи о законе Манилия дает, как он сам говорит²⁴, общую характеристику третьей митридатской войны, и эта характеристика очень интересна как отражение того понимания событий, которое господствовало, по-видимому, в Риме. Цицерон прежде всего настойчиво подчеркивает важность, опасность, трудность и значение этой войны для римлян²⁵. Этот же мотив ярко выступает и в других упоминаниях Цицероном митридатских войн, например в речи в защиту Мурены²⁶ и в речи в защиту поэта Архия²⁷. Но самым интересным в этой речи Цицерона является характеристика тех имущественных выгод, которые получают римляне от эксплуатации провинции Азия и которым угрожает успех Митридата. Выступая в качестве представителя римского всадничества²⁸, тесно связанного с откупными и ростовщическими операциями на Востоке, и даже не стеснясь прямо говорить об этом²⁹, Цицерон в то же время старается доказать своим слушателям, что вызываемое войной расстройство экономики в провинции Азия затрагивает интересы всех слоев римского населения и всю финансовую систему государства, что в азиатских делах заинтересованы не только откупщики, но и представители других сословий³⁰. Высокопарные слова о древнем достоинстве римлян, о невозможности оставлять без отмщения реэку, устроенную Митридатом в 88 г., о необходимости защиты римских союзников на Востоке — все это лишь завеса, скрывающая истинные интересы, ради которых ведется война, прикрытые, даже и не очень тщательно набрасываемые, на подлинную заинтересованность

римского всадничества и римского нобилитета в экономической эксплуатации Азии.

Таким образом, речь Цицерона о законе Манилия является чрезвычайно ценным и в своем роде уникальным свидетельством основных интересов и подлинных движущих целей римских правящих кругов в антипонтийской политике. Попутно в речи раскрывается и самый механизм эксплуатации Римом провинциального населения: система налогов, пошлин и т. д. Превозносятся бескорыстность, честность и скромность Помпея, Цицерон по контрасту дает убийственную характеристику римским военачальникам и римской провинциальной администрации вообще, подчеркивая их алчность и корыстолюбие³¹. Свидетельство Цицерона тем более заслуживает внимания, что оратор должен был быть хорошо знаком с положением в римских провинциях и по своему собственному долговременному пребыванию в Греции и на Востоке, и как судебный деятель, неизбежно сталкивавшийся со многими злоупотреблениями римских должностных лиц в провинциях. Достаточно вспомнить его речи против Верреса. Читая Цицерона, легко уяснить себе, почему Митридату в течение долгого времени удавалось выступать в роли освободителя городов и народов Малой Азии и собственно Греции от непосильного римского ига.

Чрезвычайно интересно свидетельство Цицерона, относящееся к более раннему времени, о том, каким образом отразились на положении римского общества и на экономической конъюнктуре в самой Италии успехи Митридата во время первой войны³². Это свидетельство показывает взаимосвязанность, казалось бы, далеких друг от друга событий в античном мире и позволяет глубже проникнуть в экономическую подоплеку

военной и политической истории. Не меньшее значение имеет и содержащееся в той же речи описание последствий действий пиратского флота для всей хозяйственной и политической жизни Римской республики³³. Конечно, Цицерон несколько преувеличивает, говоря о том, что римляне не имели свободного доступа не только к италийским гаваням, но даже и к Аппиевой дороге. Он делает это ради подчеркивания заслуг Помпея в борьбе с пиратами. Но общая характеристика трудностей, вызываемых развитием пиратства в Средиземном море, несомненно верна, и она также помогает понять мотивы политики Митридата, поддерживавшего в период ожесточенной борьбы против римлян дружеские отношения с пиратами и использовавшего их как союзников. Впрочем, о роли пиратского флота во время митридатских войн имеется много иных свидетельств, в общем подтверждающих ту неприглядную для римлян картину, которую рисует Цицерон³⁴.

Что касается описания конкретных событий политической и военной истории, то тут речи Цицерона дают мало. Он либо отделяется общими фразами, не вдаваясь в подробности, либо ограничивается лишь намеками, рассчитывая на осведомленность своих слушателей, либо, наконец, даже искажает истинный ход дел в угоду той или иной своей цели. Так, он утверждает совершенно безосновательно, будто одно прибытие Помпея в Киликию в пору борьбы с пиратами уже вызвало замешательство у Митридата и его союзников и предотвратило большое понтийское наступление³⁵, или переносит подготовку Митридатом войск против Веспора, имевшую место перед второй войной (с Муреной)³⁶, в обстановку, предшествовавшую третьей войне³⁷. Крайним преувеличением выглядит его утверждение,

что одно назначение Помпея императором в войне против пиратов привело к тому, что «крайняя нехватка и дороговизна хлеба в Риме сразу сменилась такой дешевизной его, какую едва ли мог бы принести длительный мир при богатейшем урожае»³⁸. Плутарх в биографии Помпея гораздо более осторожно и сдержанно говорит о падении цен³⁹. Но все эти фактологические искажения и передержки легко исправить, пользуясь данными других источников, отмеченные же социально-экономические аспекты событий, нашедшие отражение в указанной речи Цицерона, представляют огромную ценность для истории Средиземноморья первой половины I в. до н. э.

Остальные упоминания Цицероном событий понтийской войны гораздо менее интересны и важны. Наибольшее их значение в том, что они показывают, как в Риме оценивали эту войну, личность Митридата, отдельные победы и поражения в этой войне: осаду и освобождение Кизика, поражение Триария у Газиуры, разгром понтийского флота у Тенедоса, победу римлян при Тигранокерте и т. д.⁴⁰ Особенно любопытна реакция римлян на смерть Митридата, выражавшаяся, в частности, в установлении десяти дней праздничных молебствий, которые были объявлены по предложению самого Цицерона, когда в Риме было получено известие о кончине этого упорного противника⁴¹.

¹ Cicero. De fato, 5—7; De nat. deorum, I, 6; I, 123; II, 88; De finibus, I, 6; Tusc. disp., II, 61; Ad Att., II, 1, 2; Plut., Cicero, IV.

² В современной литературе уделено много внимания Посидонию как философу, в гораздо меньшей степени рассмотрены его исторические сочинения. Важнейшие работы о нем: Reinhardt K. Poseidonios. München, 1921 (его же статья в: RE, XXII, 1953); Heinemann I. Poseidonios' metaphysische Schriften,

- I—II. Breslau, 1921—1928; *Pfligersdorffer G. Studien zu Poseidonios*. Wien, 1959; *Nock A. D. Poseidonius*. JRS, XLIX, 1959; *Laffranque M. Poseidonios d'Aramee*. Paris, 1964.
- ³ *Strab.*, VII, 5, 8.
- ⁴ *Plut.*, Marius, XLV.
- ⁵ *Strab.*, XI, 1, 6; *Plin.*, NH, VII, 112; *Cicero*. Tusc. disp., II, 61; *Plut.*, Pomp., XLII. О двух визитах Помпея к Посидонию см.: *Laffranque M.* Указ. соч., с. 94—97.
- ⁶ *Laffranque M.* Указ. соч., с. 116—117.
- ⁷ *Strab.*, XI, 1, 6.
- ⁸ Последнее и лучшее издание отрывков: *Posidonius*, v. I. The Fragments. Ed. L. Edelstein, I. G. Kidd. Cambridge, 1972.
- ⁹ *Athen.*, Deipnosoph., V, 211d—215b.
- ¹⁰ *Laffranque M.* Указ. соч., с. 116—121, 124, прим. 74.
- ¹¹ *Reinhardt K.* Указ. соч., с. 30 сл.
- ¹² Ср. высокую оценку объективности Посидония, даваемую М. Лафранк (указ. соч., с. 142—144). Специальная статья М. Лафранк, касающаяся истории Афинянина у Посидония («Poseidonios historien. Un épisode significatif de la première guerre de Mithridate»), опубликованная в тулузском журнале «Pallas» за 1963 г., осталась мне недоступной.
- ¹³ *Laffranque M.* Указ. соч., с. 125—138 и особенно с. 129, прим. 94 и с. 135—136.
- ¹⁴ *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890.
- ¹⁵ *Plut.*, Marius, I, XXXII, LXXXV; *Strab.*, VII, 2, 3; *Athen.*, Deipnosoph., VI, 266 e—f.
- ¹⁶ *Athen.*, Deipnosoph., VI, 266 e—f.
- ¹⁷ *Apptan.*, Mithr., 47.
- ¹⁸ *Strab.*, VII, 2, 2; 3, 2—3, 7.
- ¹⁹ *Strab.*, VII, 4, 2.
- ²⁰ *Laffranque M.* Указ. соч., с. 117.
- ²¹ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 38 сл.; 100 сл.
- ²² *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914, с. 13—17.
- ²³ *Cicero*. De imp. Pomp.
- ²⁴ Там же, 6.
- ²⁵ Там же, 6—10, 20—26.
- ²⁶ *Cicero*. Pro Mur., 12, 31—34.
- ²⁷ *Cicero*. Pro Archia, 21.
- ²⁸ *Грабарь-Пассек М. Е.* Начало политической карьеры Цицерона (82—70 гг. до н. э.). — В кн.: Цицерон. М., 1958, с. 33 сл. Литература о Цицероне необъятна. Из новейших работ см.: *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972.
- ²⁹ *Cicero*. De imp. Pomp., 4.
- ³⁰ Там же, 14—19.
- ³¹ Там же, 13, 38, 40, 64—67; *Contr. Verr.*, II, 3.
- ³² *Cicero*. De imp. Pomp., 19.
- ³³ Там же, 31—33, 53—55.
- ³⁴ *Plut.*, Pomp., XXIV—XXX; *Caes.*, II; *Appian.*, Mithr., 92—93. О пиратстве в античном мире написано довольно много. Укажем лишь важнейшие работы: *Sestier L.* La piraterie dans l'antiquité. Paris, 1880; *Stein P.* Zur Geschichte der Piraterie im Altertum. Bernburg, 1894; *Ormerod H.* The piracy in Ancient world. Liverpool, 1924; *Ziebart E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929; *Ленцман Я. А.* К вопросу об источниках эллинистического пиратства. ВДИ, 1946, № 4; *Трофимова М. К.* Из истории эллинистического пиратства. ВДИ, 1963, № 4.
- ³⁵ *Cicero*. De imp. Pomp., 45.
- ³⁶ *Appian*. Mithr., 64.
- ³⁷ *Cicero*. De imp. Pomp., 9.
- ³⁸ *Cicero*. De imp. Pomp., 44.
- ³⁹ *Plut.*, Pomp., XXVI.
- ⁴⁰ *Cicero*. Pro Mur., 31—34; Pro Archia, 21.
- ⁴¹ *Cicero*. De prov. cons., 27.

С. С. Ширинский

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЮЖНОАРАБСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ I В. ДО Н. Э.

В 1972 г. автор находился в научной командировке в Народной Демократической Республике Йемен, где проводил обследование древнейших археологических памятников страны¹. Настоящая статья освещает некоторые результаты археологических исследований, произведенных на территории одного из древнейших портовых городов Аравийского полуострова, известного по описаниям античных авторов под названием Кана.

Руины этого города-порта² находятся в 2 км к юго-западу от современного поселка Бир Али на берегу Индийского океана и располагаются между двумя небольшими бухтами на мысу, заканчивающемся со стороны океана высокой обрывистой горой Хисн аль-Гураб.

Территория древнего города по своей планировке делится на три части: укрепленную цитадель на вершине горы Хисн аль-Гураб, нижний город, развалины которого просматриваются с высоты цитадели к северу от нее на берегу моря, и промежуточную зону построек, располагавшихся на искусственных террасах на северном склоне горы между цитаделью и нижним городом. Между собой эти части города соединялись узкой зигзагообразно проложенной по северному краю Хисн аль-Гураб дорогой, образованной попеременно сменяющими друг друга участками выровненных террас и выложенных из камня лестничных маршей.

Сравнивая современное состояние руин Кана с их описанием, остав-

ленным после посещения этих развалин офицерами английского судна «Палинурус» в 1834 г.³, следует констатировать, что наибольшие разрушения за прошедшее время претерпели остатки древних построек, находившихся на склонах Хисн аль-Гураба и на территории нижнего города. Губительное воздействие оползней, приливы и отливы океана, приносимый ветрами песок разрушили и поглотили возвышавшиеся здесь ранее оборонительные башни, стены жилых домов и сооружения древнего порта. Ныне можно проследить лишь отдельные контуры этих построек.

Сооружения на вершине Хисн аль-Гураба, в цитадели Кана, сохранились значительно лучше. Несмотря на продолжающийся процесс разрушения краев верхней площадки горы (приблизительно 370 × 320 м), на ее поверхности продолжают возвышаться нижние части сложенных из камня воротных башен, отдельных участков крепостных стен с пристроенными к ним, очевидно, хозяйственного назначения постройками. Кроме этого, на внутренней территории цитадели имеются руины не менее десятка других крупных зданий, стены которых местами до сих пор возвышаются до 3 м, а также три выложенные камнем значительные по объему водосборные бассейны.

Особый интерес вызывают руины монументального сооружения, дальнейшего существования которого ныне угрожает вплотную приближившийся к нему обрыв. Большая часть

стен этой постройки скрыта в толще холма, образованного ее развалом.

Выгодное расположение данного здания на самом высоком и эффектном месте древней цитадели города, его масштабность и, наконец, следы сильно разрушенной вымощенной камнем лестницы, выходявшей по склону цитадели к его стенам, — все это вызывает предположение о важном значении этого сооружения в жизни древнего Кана.

По инициативе Министерства культуры и туризма НДРЙ, а также при содействии Исторического музея г. Мукаллы развалины указанного здания были подвергнуты рекогносцировочным раскопкам. В результате этих работ были открыты остатки чрезвычайно интересного прямоугольного в плане сооружения, вытянутого с юго-востока на северо-запад и достигающего в длину 27 м. Южная его часть представляла собой массивное прямоугольное здание размерами $8,8 \times 7,5$ м, стены которого достигали 1 м в ширину и были сложены как изнутри, так и снаружи из призматических базальтовых блоков размерами от $34 \times 34 \times 30$ до $75 \times 36 \times 40$ см⁴.

С северо-запада ко входу в это мощное башнеобразное сооружение подходил выложенный камнем коридор длиной 4,8 м и шириной 2,3 м, по сторонам которого располагались примыкающие к названной главной постройке меньшие помещения, очевидно хозяйственного назначения. С западной стороны коридора здесь находились две комнаты размерами: $2,5 \times 2$ и $2,65 \times 2,7$ м. С востока симметрично этим комнатам вдоль коридора располагалось помещение $4,85 \times 2,7$ м, внешняя стена которого с остатками покрытия его древней крыши великолепно сохранилась и была открыта в ходе исследований на высоту до 2,7 м (рис. 1).

1. Остатки восточной стены храма на вершине Хиси аль-Гураба

Северо-западный конец коридора, опускаясь на три ступени, выходил на поверхность открытой, квадратной в плане террасы размерами $9,7 \times 9,7$ м⁵. По краю эта терраса была огорожена парапетом шириной до 85 см, сложенным из каменных призматических блоков, обработанных с внутренней и с внешней стороны⁶. На террасе у ее западного края находились остатки неглубокого выложенного камнем квадратного бассейна размерами $1,9 \times 1,7$ м, а напротив него был расчищен огороженный парапетом выход с террасы на примыкающую к зданию верхнюю площадку цитадели. Другой, очевидно, главный вход в здание находился в северо-западной стороне террасы, куда вы-

2. Предварительная реконструкция храма на вершине Хисн аль-Гураба

ходила упомянутая выше сложенная из камня лестница, ведущая к этому сооружению из нижней части цитадели Кана.

Наблюдения над конструктивными особенностями исследуемого сооружения, а также имеющийся опыт изучения истории древней архитектуры Юго-Западной и Южной Аравии⁷ позволяют выполнить предварительную графическую реконструкцию данного объекта (рис. 2).

Представленная реконструкция объективно отражает имевшиеся в распоряжении исследователя материалы. Так, например, облик северо-западного фасада главного помещения комплекса (в виде стены, расчлененной по вертикали на три части с углубленной средней плос-

костью) определен в результате изучения остатков древнего пола внутри этого сооружения, остатков его стен, а также соотношения примыкающих к нему меньших помещений. Приблизительная высота и этажность главной части постройки выявилась в итоге рассмотрения конструктивных деталей ее стен и выяснения размеров, исследования характера и объема окружающего развала конструкций в соизмерении с подобными же остатками других помещений этого здания⁸.

Новые раскопки комплекса на вершине Хисн аль-Гураба несомненно помогут в дальнейшем уточнить и подлинную высоту постройки, и характер оконных проемов ее главного помещения, и детали центрального входа в здание, однако основа предложенной реконструкции, очевидно, сохранит свое значение.

В ходе раскопок на террасе здания была обнаружена двустольная ручка амфоры, а под стеной главного помещения комплекса найден обломок рога от бронзовой посвяжительной статуэтки быка. Первая из этих находок, датируемая I в. до н. э., позволяет предположить, что исследованное здание на вершине Хисн аль-Гураба могло быть сооружено не позднее названной даты. Вторая находка — обломок посвяжительной статуэтки быка свидетельствует, что в древности данный архитектурный комплекс являлся храмом. Подобный вывод косвенно подтверждает местоположение здания на наиболее эффектной верхней площадке цитадели, где оно было хорошо видно как со стороны океана, так и из города, и особенно наличие на его террасе бассейна для омовений.

Открытый храм на вершине Хисн аль-Гураба — цитадели древнего Кана не имеет сегодня прямых аналогий среди других исследованных архитектурных памятников Южной и Юго-Западной Аравии. Однако уже сейчас можно предполагать следующее: отражая некоторые следы вероятного влияния на южноарабскую архитектуру башнеобразных святилищ Ирана второй половины I тыс. до н. э. (типа Накш-и-Рустам⁹), храм Хисн аль-Гураба закономерно обнаруживает отдельные элементы единства с известным храмом в Хукка, расположенным к северо-западу от г. Сана (ЙАР)¹⁰, и, очевидно, прочно стоит в ряду тех архитектурных памятников древних цивилизаций Аравии, которые

оказали прямое влияние на выработку архитектурных форм Аксумского храма в Йеха и сумели передать свои национальные черты вплоть до раннемусульманской эпохи.

- ¹ Предварительную публикацию отдельных материалов обследования см.: *Лундин А. Г.* Новые южноарабские надписи из вадии Хирр. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. Древняя Аравия. Л., 1973, с. 81—89.
- ² *Doe D. B.* Husn al-Gurab and the site of Qana. «Antiquities reports», 3, July. Aden, 1964, p. 9—16; *Lankester Harding G.* Archaeology in the Aden Protectorates. London, 1964; *Doe D. B.* Southern Arabia. London, 1971, p. 185—186.
- ³ *Wellsted G. R.* Travels in Arabia, London, 1938.
- ⁴ На поверхности развала этой части здания находились остатки небольшой постройки, сложенной из необработанного камня в позднейшую эпоху.
- ⁵ Со стороны террасы находился также вход и в упомянутые хозяйственные помещения.
- ⁶ Интереснейшая позднейшая аналогия этому парапету имеется в Большой мечети г. Сана. См. *Garbini G.* Antichita Yemenite. Roma, 1970, t. IX.
- ⁷ *Крачковская В. А.* Историческое значение памятников южноарабской архитектуры. «Советское востоковедение», т. IV. М.—Л., 1947. См. также: *Rathjens C., Wissman H.* Vorislamische Alterthümer. Hamburg, 1932, fig. 31; *Doc D. B.* The site of 'Am' Adiya. «Antiquities reports», 2, May, Aden, 1963, fig. 10.
- ⁸ *Блаватский В. Д.* Античная полевая археология. М., 1967, с. 202—204.
- ⁹ *Ghirshman R.* La tour de Nourabad. «Syria», t. XXIV, fasc. 3—4, Paris, 1945, pl. XIV, 2.
- ¹⁰ *Rathjeus C., Wissman H.* Указ. соч., рис. 31.

И. Г. Шургая

О ГРЕКО-ЕГИПЕТСКОМ КУЛЬТЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В отечественной литературе впервые вопрос о греко-египетском культе в Северном Причерноморье возник в связи с публикацией В.В. Латышевым фрагмента надписи, найденной на территории древней Тир, в которой шла речь о посвящении Серапису, Исиде, Гарпократу и Анубису. Издатель датировал надпись II в. до н. э., высказав мысль, что памятник может относиться и к более раннему времени¹. Подобный вывод В. В. Латышева о существовании в эллинистическую эпоху в одном из северопонтийских центров культа египетских божеств явился неожиданностью и, вполне естественно, вызвал возражения. Действительно, в его время надпись из Тир представлялась изолированным фактом среди несколько большего числа других материалов, содержащих отрывочные сведения о греко-египетском культе в Северном Причерноморье и относящихся к первым векам н. э.² И поэтому долгое время господствующей оставалась точка зрения В. Дрекслера, согласно которой греко-египетские культы проникают в причерноморские центры только вместе с появлением на указанной территории римских гарнизонов³.

В связи с публикацией и трактовкой александрийских изделий, происходящих из центров Северного Причерноморья, мы вновь обратились к проблеме греко-египетского культа в названном районе⁴. В исследовании связей северопричерноморских центров с Египтом нами

был предложен дифференцированный как в хронологическом, так и в географическом смысле подход. В разные эпохи центры Северного Причерноморья находились в различных по степени значимости контактах с Александрией. Причем для раннеэллинистической эпохи ведущую роль в этом отношении из всех северопонтийских центров играла Ольвия. Удалось установить, что александрийские вазы Гадра, агонистические погребальные амфоры александрийского производства, относящиеся к различным периодам III в. до н. э., происходят из Ольвии⁵. Там обнаружена также александрийская скульптура и небольшое число александрийских монет III в. до н. э. Более того, в Ольвии найдена группа местных расписных сосудов III—начала II в. до н. э., тип которых сложился под сильным влиянием александрийского ввоза, что косвенно свидетельствует о достаточно систематическом поступлении изделий керамических мастерских Александрии в Ольвию в III в. до н. э.⁶ Таким образом, по археологическим материалам выясняется ведущая роль Ольвии среди северопричерноморских центров в контактах с эллинистическим Египтом в III в. до н. э.

Известные археологические материалы из Ольвии — результат прямых, а не опосредованных контактов Ольвии с Александрией. Для подтверждения этой мысли обратимся к содержанию александрийского импорта в данном центре. При этом

следует отделить серии вещей, которые не могут быть объектами транзитного обмена, от изделий, доставлявшихся к месту сбыта как непосредственно из центра их производства, так и через посредство другого центра. Можно допустить, что обнаруженная в Ольвии александрийская скульптура или немногочисленный монетный материал могли попасть в названный пункт не прямо из Александрии, а через посредство какого-либо средиземноморского центра, но это исключается для александрийских керамических изделий, и прежде всего для ваз Гадра, одна группа которых — полихромные вазы — отличается непрочной гипсовой облицовкой и акварельной росписью. Учитывая в целом их сравнительно невысокий художественный уровень, сугубо утилитарное назначение, трудно предположить, что они могли быть объектами транзитной торговли. Следует принять во внимание, что Александрия специально не экспортировала керамические изделия за пределы Египта или близлежащих владений Птолемеев. Вазы Гадра транспортировались из Александрии либо с прахом умерших в Египте иностранцев на их родину, либо, как это зафиксировано пока только в Ольвии, партиями для нужд ольвийского некрополя. Уже отмечалось, что вазы Гадра крайне редко встречаются за пределами Александрии и находки их в Ольвии в большей мере, чем в других местах Средиземноморья вне Александрии, — факт весьма примечательный, и его нельзя не учитывать⁷.

Вместе с такими непрочными керамическими изделиями, как александрийские агонистические вазы, вазы Гадра, также предназначенные для погребального ритуала⁸, оказавшиеся в северо-западном районе Причерноморья, — убедительный довод для заключения о пря-

мых контактах Ольвии с Александрией в III в. до н. э.

Опубликованная В. В. Латышевым в 1892 г. надпись, содержащая сведения о синкретическом культе греко-египетских божеств в Северо-Западном Причерноморье в эллинистическую эпоху, в настоящее время не выглядит изолированным фактом, а входит в круг явлений, подтверждающих реальность связей эллинистического Египта с западным районом Северного Причерноморья.

Надпись из Тиря (IRE, I², 5) приобретает особый смысл в связи с открытиями и наблюдениями последних лет над эпиграфическим материалом Западного Причерноморья, в котором особое место занимают памятники, убедительно раскрывающие картину проникновения греко-египетского культа в названный район. Д. Пиппиди, специально изучивший указанный материал, приводит ряд эпиграфических документов из Том: надпись 100 г. до н. э. с указаниями о культе Сераписа и две аналогичные, но несколько более поздние надписи (середина I в. до н. э. — середина I в. н. э.)⁹. О глубочайших корнях греко-египетского культа в Томах свидетельствует существование там в конце эллинистической эпохи *ἱερόν τοῦ Σαράπιδος*¹⁰. О культе Сераписа в Дионисополисе свидетельствует декрет в честь Акорниона сына Дионисия. Памятник датирован серединой I в. до н. э.¹¹

Приведенные эпиграфические документы относятся к концу эллинистической эпохи, они свидетельствуют о том, что до появления римлян в Западном Причерноморье уже существовал греко-египетский культ. В настоящее время наука обогатилась памятником, указывающим на значительную древность греко-египетского культа на берегах Понта. Речь идет о дважды

публиковавшейся Д. Пиппиди надписи, содержание которой гласит, что в Истрии по совету оракула Калхедона официально вводится культ Сераписа¹². Надпись убедительно датирована издателем III в. до н. э.

Таким образом, материалы Западного Причерноморья показывают, что с III в. до н. э. и в течение всего эллинистического периода греко-египетский культ прочно укоренился в этом районе. Надпись из Тиря (IRE, I², 5) документально свидетельствует о том, что в данном городе, ближайшем к крупнейшему центру Северо-Западного Причерноморья — Ольвии, также существует в эллинистическую эпоху греко-египетский культ.

Объем и содержание александрийского импорта в Ольвии резко выделяет ее из числа других северопричерноморских центров и указывает на ее прямые контакты с Александрией в раннеэллинистическую эпоху. И несмотря на то что у нас нет прямых литературных и эпиграфических свидетельств о греко-египетском культе в названном центре, мы при учете надписи из Тиря с известной долей условности можем предполагать наличие греко-египетского культа и в Ольвии. В этом убеждает и тот факт, что все западное побережье Черного моря, включая и северо-западный район Причерноморья с крупнейшим в нем центром Ольвией, в эллинистическую эпоху оказался зоной распространения греко-египетского культа. В настоящее время мы не располагаем материалами для удовлетворительного решения вопроса о распространении в эллинистический период греко-египетского культа восточнее Ольвии — в Херсонесе и на Боспоре¹³.

Греко-египетский культ, приобретший универсальный смысл, со значительным оттенком хтоническо-

го культа, имел к тому же и мистериальный характер. Не вдаваясь подробно в идеологию эллинистических обществ, следует заметить, что подобные культы имели особенно благоприятную почву для их усвоения, в том числе и в Причерноморье. Не следует греко-египетский культ в Северо-Западном Причерноморье смешивать с династическим культом Птолемеев. Подобный культ отмечается помимо Египта в зависимых от него центрах или находящихся в особенно тесных связях, как, например, Родос, где через посредство оракула Аммона был установлен культ Птолемея I (*Diod.*, XX, 100, 3—4). Опубликованный О. Я. Неверовым интереснейший материал — эллинистические бронзовые перстни из собрания Эрмитажа — не служит, на наш взгляд, аргументом в пользу существования повсеместно (и особенно на Боспоре!) греко-египетского культа¹⁴. В еще меньшей мере может идти речь о культе Птолемеев на Боспоре¹⁵. Распространение перстней с портретными изображениями в Северном Причерноморье может быть объяснено торговыми контактами с Египтом в III в. до н. э., причем для ряда центров Причерноморья транзитными.

Вопрос о путях проникновения греко-египетского культа в Причерноморье весьма важен для уяснения времени его появления в названном районе. Д. Пиппиди в связи с этим утверждает, что для приобщения к синкретическому греко-египетскому культу, получившему популярность в раннеэллинистическую эпоху в Средиземноморье, достаточно было контактировать с районом его распространения¹⁶. Действительно, нельзя объяснить, как это делали Г. Лафайе и его позднейшие последователи, введение греко-египетского культа в каком-либо центре только пропагандистской де-

ательностью миссионеров первых Птолемеев, что имело место, как правило, в зависимых от них территориях¹⁷. Но вместе с тем нельзя не обратить внимания на сравнительно быстрое распространение культа Сераписа и Исиды в тех центрах, которые были в экономических контактах с эллинистическим Египтом, примером чему служит Западное Причерноморье. Почти мгновенное вслед за сложением распространения культа в весьма удаленных от Египта центрах Западного Причерноморья не может быть объяснено только контактами его обитателей с Восточным Средиземноморьем. Подобные контакты должны быть достаточно длительными. Не отрицая многообразия путей проникновения культа греко-египетских божеств, о чем пишет Д. Пиппиди, особенно настаивающий на посреднической деятельности Родоса¹⁸, мы полагаем, что прямые торговые контакты явились главным каналом, по которому наиболее активно культ египетских божеств проник в Западное Причерноморье, а также и в интересующий нас северо-западный район Понта. Естественно, что поклонение Серапису и Исиде приносили с собой местные, причерноморские купцы, посещавшие Александрию, или египтяне, привозившие свои товары в причерноморские города. Но речь может идти в первую очередь именно о прямых, идущих непосредственно из Александрии путях проникновения греко-египетского культа в Причерноморье. Об этом свидетельствует как сравнительно раннее появление в Истрии культа александрийских божеств, так и наличие прямых торговых сношений Александрии с городами Западного и Северо-Западного Причерноморья, что мы пытались показать на анализе александрийского импорта в Ольвии¹⁹.

Греко-египетский культ Сераписа и Исиды по существующим в настоящее время материалам зафиксирован в Западном Причерноморье, а также на стыке двух больших районов Понта в Северо-Западном Причерноморье: в Тире и Истрии. Вместе с тем, базируясь на косвенных данных, мы предполагаем вероятность существования греко-египетского культа и в Ольвии.

Названный культ появляется в Причерноморье не позднее III в. до н. э.

- ¹ Латышев В. В. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. МАР, № 9, 1892, с. 58—59 (JOSPE, I², 5); *он же*. По поводу заметки проф. А. И. Соэни «К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря». — «Филологическое обозрение», т. V. М., 1893, с. 140—142.
- ² Юревич В. Два отрывка ольвийских надписей, ЗООИД, XIV, 1886, с. 22—24.
- ³ Drexler W. Der Cultus der Aegyptischen Gottheiten in der Donauländern. Leipzig, 1890, S. 90.
- ⁴ Шургай И. Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1972, № 3, с. 26.
- ⁵ Шургай И. Г. Импорт Александрии в Северном Причерноморье. ВДИ, 1965, № 4, с. 140; *он же*. О торговых сношениях Ольвии с Александрией. . . , с. 18.
- ⁶ Шургай И. Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией. . . , с. 19—22, рис. 1, 2.
- ⁷ Шургай И. Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией. . . , с. 18.
- ⁸ Шургай И. Г. Агионистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья. СА, 1971, № 3, с. 190—194, рис. 1, 2, 3.
- ⁹ Pippidi D. Studii de istorie a religiilor antice. Texte si interpretari. Bucuresti, 1969, p. 64.
- ¹⁰ Там же, с. 65.
- ¹¹ JGB, I, 13; См. также: Pippidi D. Указ. соч., с. 61.
- ¹² Pippidi D. M. Sur la diffusion de cultes égyptiens en Scythie Mineure. «Studii Classice», VI, Bucuresti, 1964, p. 108 f.; *idem*. Studii de istorie. . . , p. 67 f., fig. VIII.
- ¹³ Мы пытались объяснить причины, по чему контакты Боспора с эллинистическим

- ческим Египтом не были такими, как сношения Ольвии с державой Птолемея (Шургая И. Г. Вопросы боспорогипетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи. КСИА, вып. 138, 1973, с. 51 сл.).
- ¹⁴ Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа. ВДИ, 1974, № 1, с. 106 сл.
- ¹⁵ Там же, с. 111.
- ¹⁶ Pippidi D. Указ. соч., с. 62.
- ¹⁷ Lafaye G. Histoire du culte de divinité d'Alexandrie. Paris, 1884, p. 32 f.; Cumont F. Religiones orientales dans le paganisme romain. Paris, 1929, p. 74 f.
- ¹⁸ Cumont F. Указ. соч., с. 81 сл.
- ¹⁹ Мы ограничиваемся в этом отношении только ольвийскими материалами, так как среди импортных вещей в городах Западного Причерноморья не было пока сделано попыток выделить александрийский импорт.

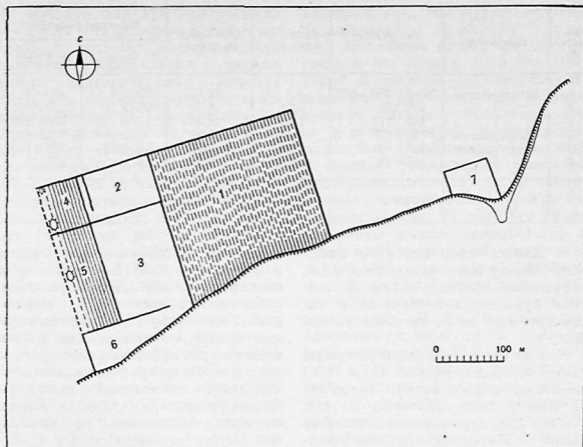
А. Н. Щеглов

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАДЕЛ У МЫСА ОЙРАТ

Среди остатков аграрных систем на «остальной хоре» Херсонеса (ἡ ἀλλὰ χῶρα, IOSPE, I², 401) в Северо-Западном Крыму своей великолепной сохранностью безусловно выделяется земельный участок с усадьбой конца IV—II в. до н. э., находящийся на юго-западной оконечности Тарханкутского полуострова, близ мыса Ойрат (Урет)¹. По своему местоположению он как бы замыкает цепь укрепленных и неукрепленных аграрных поселений и их земель, протянувшихся вдоль наиболее плодородной и благоприятной в климатическом отношении приморской полосы на южном побережье Тарханкута между озером Донузлав и мысом Ойрат. Хорошая сохранность древних оград надела, характер и сохранность плантажа на нем обусловлены тем, что в этой части берега интенсивно распахивающиеся очень плодородные южнотарханкутские каштановые почвы, сформированные на четвертичных красно-коричневых глинах и суглинках, сменяются маломощными невозделываемыми почвами, которые подсти-

лаются массивом известняков, залегающих неглубоко от поверхности. Характер местности здесь тот же, что и на Гераклеиском полуострове, и в ближайших окрестностях Черноморской (Ак-Мечетской) бухты. Именно этот фактор (аналогичные условия природной среды) явился причиной использования тех же агротехнических мероприятий, которые применялись на городской земле Херсонеса и Калос Лимена, а также, по-видимому, в ряде мест Греции², где приходилось сталкиваться с необходимостью заботиться об увеличении мощности почвы и очистке ее от камня.

Земельный надел, строго прямоугольный в плане, расположен у самого берега моря в 180 м к юго-западу от остатков античной усадьбы³ и ориентирован сторонами с юго-запада на северо-восток и с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Такое направление межей, очевидно, было наиболее распространенным в греческом землеустройстве. Тот же принцип, как известно, выдержан при размежевании систем на-

1. Земельный участок у мыса Ойрат
1—6 — поля (1, 4, 5 — виноградники);
7 — усадьба

делов в окрестностях Херсонеса и «старого» Херсонеса Страбона⁴, Калос Лимена⁵, Керкинитиды, отдельных участков на внегородской хоре Херсонесского государства⁶, а также на Боспоре⁷ и в окрестностях Метапонта в Лукании⁸.

Размеры сохранившегося участка $387 \times 193,25 - 274$ м; площадь в современном состоянии — немного более 9 га. Однако берег в этом месте интенсивно разрушается морем. По данным А. И. Дзенс-Литовского, абсолютная скорость современной абразии составляет 10—20 см/год⁹, по нашим же наблюдениям — не превышает 7—12 см/год¹⁰. Море, таким образом, уничтожило около 3,5—4 га суши, сле-

довательно, участок в древности занимал территорию не менее 12,5—13 га, т. е. примерно составлял половину типичного надела в окрестностях Херсонеса, или соответственно превышал втрое типичный надел на городской хоре «Страбонова» Херсонеса и на одну треть — типичный надел в окрестностях Калос Лимена.

Окружавшая надел каменная ограда толщиной около 1 м хорошо прослеживается на современной поверхности. Подобные стены внутренней размежевки делят участок на шесть частей. На трех из них хорошо сохранился виноградный плантаж (рис. 1). Можно предположить, что основной линейной мерой, применявшейся при разбивке участка на отдельные поля, служил, по-видимому, локоть, который базировался на ионийском фу-

Номер участка	Назначение	Внутренние размеры (в м)	Площадь (в га)	% от общей площади	Внешние размеры	
					(в м)	(в локтях)
1	Виноградник	218,5×220—193	4,6	52,57	220×?	500×?
2	?	102×70	0,71	8,07	103×71	230×160
3	?	146×112	1,64	18,64	147×113	330×250
4	Виноградник	70×67	0,47	5,34	71×67	160×150
5	Виноградник	146×57	0,83	9,43	147×57	330×130
6	?	166×56	0,55	6,25	167×?	375×?
		Всего	8,80	100,00		

те¹¹. Длины оград полей по внешнему обмеру дают целые величины, округленно кратные локтю. В таблице приводятся назначение и параметры отдельных участков на наделе.

Как видно из таблицы, большую часть площади надела (67, 75%) занимали виноградники. Устройство виноградного плантажа на них обычно для херсонесских виноградников¹². На самом крупном участке (рис. 1, поле 1) каменные плантажные стены толщиной 0,5—0,6 м расположены рядами поперек участка через каждые 2 м. На двух других участках (рис. 1, поля 4 и 5) прекрасно сохранились стены так называемого садового (по С. Ф. Стржелецкому) или садово-виноградного плантажа *arbustum*. Толщина стен здесь составляет около 1 м, а расстояние между ними около 5 м. Не исключено, впрочем, что два указанных участка первоначально были заняты обычными виноградниками с расстоянием между плантажными стенами 2 м, но впоследствии в силу какой-то хозяйственной необходимости часть стен была разобрана и плантаж оказался разреженным (установить это можно только раскопками). Во всяком случае, часть плантажных стен на полях 4 и 5 разобрали еще в древности вместе с наружной оградой надела. Образовавшийся ка-

мень, как это обычно имело место и на наделах близ Херсонеса, уложен гремя кучами здесь же на поле.

Описанный земельный участок позволяет получить дополнительные данные по организации и экономической эффективности отдельного хозяйства, расположенного за пределами собственной земледельческой территории городов Херсонесского государства, на «остальной хоре» Херсонеса.

Несомненно, что надел у мыса Ойрат должен быть отнесен к разряду высокоспециализированных участков, занятых преимущественно монокультурой — в данном случае виноградниками. Затраты труда на создание виноградного плантажа и постройку оград могут быть подсчитаны по объему камня, уложенного в стены. Общая длина стен виноградного плантажа составляет 19 460 погонных метров, длина оград — 1600 погонных м, а длина всех стен на сохранившемся участке превышает 21 000 погонных метров. При их сооружении вынута из земли и уложено в среднем 4500 м³ камня. Однако, учитывая, что около трети площади надела уничтожено морем, указанную цифру необходимо увеличить для камня, использованного в наружной ограде (около 260 м³) и плантаже на поле 1 (около 1430 м³). Полученный объем — около 5550 м³ — хотя несколь-

ко занижен, так как при расчетах мы брали минимальные средние показатели, все же дает достаточно надежные представления о необходимых первоначальных затратах труда при подготовке участка к посадкам винограда. При средних физических возможностях человека на эту работу требовалось более 1100 человеко-дней (при норме 5 м³ в день). Иными словами, создать описанную монументальную агротехническую систему могли 10 человек (а больше рабочей силы для надела такой величины не требовалось¹³) за 3—4 месяца работы.

Раскопками С. Ф. Стрелецкого показано, что виноградные кусты на наделах близ Херсонеса с аналогичным плантажом высаживались квадратным способом с расстоянием между ними 1,40 м, что позволяло выращивать около 5000 кустов на 1 га¹⁴. Такой же способ посадки, но с меньшим расстоянием между кустами (около 1,2 м) недавно выявлен блестящими исследованиями В. Яшемской¹⁵, которая впервые полностью раскопала античный виноградник в Помпеях. Конкретные исследования В. Яшемской, в частности, не только подтверждают замечание В. Д. Блаватского о ненадежности использования свидетельств римских агрономов для определения продуктивности виноградников на Гераклейском полуострове¹⁶, но требуют более критического и осторожного отношения к этому виду источников вообще, в том числе и в расчетах, относящихся непосредственно к Италии в целом.

Таким образом, при расчетах мы можем оперировать только одним фактическим показателем; бесспорность которого не вызывает сомнений: густотой посадок, а следовательно, количеством выращиваемых кустов винограда. Не могут быть учтены такие конкретные по-

казатели, как сорт лозы, способ ее формирования¹⁷ и обрезки¹⁸, среднее количество кистей на куст и средний вес грозди, т. е. нет сведений о средней урожайности отдельного куста или виноградника в целом. Однако отсутствующее звено в экономической реконструкции может быть восполнено информацией о средней урожайности крымских виноградников в XIX в. и современных виноградников Северо-Западного Крыма. О том, что такие материалы можно использовать в историко-экономических реконструкциях для получения достаточно достоверных результатов, свидетельствуют как экспериментальные исследования В. М. Маликова, доказавшего прямую связь крымского виноградарства XIX в. с античным и средневековым виноградарством Крыма¹⁹, так и расчеты Дж. Р. Мак-Гру, подкрепленные археологическими данными²⁰.

Крымские виноградники в долинах рек Западного Крыма в XIX в. позволяли получать от тысячи (Булганак) до двух (Кача) — шести (Альма, Бельбек) тысяч литров вина с 1 га (5000 кустов) при ручной технике обработки²¹. Средний урожай на виноградниках Северо-Западного Крыма в 1973 г. составил 3427,5 кг с 1 га²² (современная норма посадки — 5102 куста на 1 га), что в пересчете на вино (600 л из 1 т) дает около 2060 л с 1 га. Учитывая экологию описываемого района в древности²³, можно предполагать, что урожайность виноградников Северо-Западного Крыма тогда незначительно отличалась от современной и позволяла получать при несколько более мягком климате в среднем около 2000—3000 л вина с 1 га.

На участке у мыса Ойрат виноградники занимали в общей сложности 5,9 га. Это значит, что на них могли выращивать около 29,5

тыс. кустов винограда, которые могли приносить в среднем около 11 800—17 700 л вина в год. Принимая во внимание разрушение поля 1 примерно на треть (около 2,3 га), мы вправе увеличить полученные цифры до 4600—6900 л (около 11,5 тыс. кустов). Таким образом, средний объем производства вина из урожая на виноградниках у мыса Ойрат следует, по видимому, оценить округленно в 16 500—24 500 л, или примерно 900—1300 херсонесских стандартных 18-литровых амфор в год. Допустимо предположение, что виноградники были рассчитаны на годовую добычу вина в 1000 амфор, но без обнаружения и раскопок винного склада на усадьбе это остается непроверенной догадкой.

Разумеется, приведенная оценка объема производства не является абсолютно точной, но выведенные цифры можно рассматривать как весьма вероятные, не очень резко отличающиеся от возможной добычи вина в древности.

Остатки древнего размежевания земель в Северо-Западном Крыму, и в первую очередь — в силу своей уникальной сохранности — участок у мыса Ойрат вместе с системами наделов в окрестностях Херсонеса, «Страбонова» Херсонеса и Калос Лимена, создают основную фактологическую базу для изучения аграрного строя Херсонесского государства в домитридатовскую эпоху. К сожалению, неизвестно, какими терминами пользовались херсонесцы для обозначения различных участков на хоре. Эпиграфические документы донесли пока лишь один достоверный термин — ἀμπέλεια, содержащийся на базе статуи Агасикла (IOSPE, I², 418), который размежевал эти «виноградники» ἀ ἐπὶ τοῦ πεδίου. Другой термин — ἐκκῆστρος, известный по декрету о продаже земельных уча-

стков (IOSPE, I², 403), хотя после работ Ф. Ф. Соколова и Б. Кейля считается обозначением меры площади²⁴, все же остается спорным и требует дальнейших изысканий. Первоначальное мнение В. В. Латышева²⁵ и соображения С. А. Желелева²⁶, что так могли называться земельные участки на хоре, вполне допустимы. Во всяком случае, к такому толкованию склоняет контекст надписи. Что же касается термина «клер» (κλῆρος), который широко вошел в современную литературу для обозначения земельных участков, то, по справедливому замечанию М. И. Финли²⁷, его применение не оправдано. В херсонесских надписях термин «клер», как известно, пока не встречен.

¹ Щеглов А. Н., Маликов В. М. Новые памятники древнего виноградарства в Крыму. «Виноградарство и виноделие СССР», 1963, № 7, с. 37; Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, с. 141 сл.; Ważowicz A. Traces de lotissements anciens en Crimée. MEFR, t. 84, 1972. N 1. p. 211 f.

² Strab., VIII, 6, 16; Theophr., с. p. III, 20, 4; Plut. Kleom., VI; Michell H. The economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940, p. 53.

³ Усадьба, построенная, очевидно, в позднем IV в. до н. э., была сожжена в III или II в. до н. э. На ее руинах возникло поселение, просуществовавшее, судя по подъемному материалу, до первых веков н. э. См. Щеглов А. Н. Указ. соч., с. 142.

⁴ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 40, рис. 13—16; Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», VI, 1961, рис. 1, 2, 19, 20; Dufková M., Pečírka J. Excavations of farms and farmhouses in the chora of Chersonesos in the Crimea. EIRENE, VIII, 1970, p. 129 f., fig. 1—3.

⁵ Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена. СА, 1967, № 3, с. 243, рис. 2.

⁶ Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. КСИА, вып. 124, 1970, с. 21, рис. 6.

- ⁷ *Кругликова И. Т.* Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования. КСИА, вып. 109, 1967, с. 7; *Петерс Б. Г.* Раскопки античного поселения в Восточном Крыму. АО 1971 г. М., 1972, с. 348.
- ⁸ *Schmiedt G.* Metodi dell'impiego e dell'utilizzazione della fotografia aerea nella ricerca archeologica. — In: Atti del Settimo Congresso Internazionale di archeologia classica. Roma, 1961, v. I, tabl. VI; *Adamesteanu D.* Problems de la zone archéologique de Metaponte. RA, 1967, N 1, p. 26, fig. 32; *Uggeri G.* Κλήροι arcaici e bonifica classica nella χώρα di Metaponto. La parola del passato. «Rivista di studi antichi», fasc. 124. Roma, 1969, p. 55.
- ⁹ *Дзюс-Литовский А. И.* Штормовые каменные валы. «Природа», 1948, № 10, с. 66.
- ¹⁰ *Щеглов А. Н.* Исследование сельской округи. . . , с. 244.
- ¹¹ В литературе часто используется локоть (0,444 м), составляющий четверть так называемой аттической оргии (1,776 м). Этой широко распространенной мерой, в частности, пользовался С. Ф. Стржелецкий (указ. соч., с. 57) для вычисления применявшейся в Херсонесе меры площади, а также автор настоящей статьи. Однако, как показал В. Динсмур, эта оргия выведена ошибочно на основе неправильно высчитанного «короткого» фута (0,2957 м). По его расчетам, ионийский («короткий») фут составлял 0,2939 м (*Dinsmoor W. B.* The basis of Greek temple design: Asia Minor, Greece, Italy. — In: Atti del Settimo Congresso Internazionale di archeologia classica. Roma, 1961, v. I, p. 358 f.). Следовательно, локоть в этой системе мер равен около 0,441 м.
- ¹² *Стржелецкий С. Ф.* Указ. соч., с. 70 сл., рис. 35—37; *Щеглов А. Н.* Исследование сельской округи. . . , с. 245.
- ¹³ Расчеты см.: *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 161 сл.
- ¹⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Указ. соч., с. 72, 74; рис. 38—40.
- ¹⁵ *Jashemski W. J.* Large vineyard discovered in Ancient Pompeii. «Science», v. 180, N 4088, 1973, p. 823. См. также ее отчеты о раскопках в: AJA, 72, № 1, 1968, p. 69 f.; 74, № 1, 1970, p. 63 f.; 77, № 1, 1973, p. 27f.
- ¹⁶ *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 160.
- ¹⁷ На Боспоре виноград укрывался на зиму (*Strab.*, VII, 3, 18), и поэтому, как можно судить по росписи саркофага II в. н. э. из керченского склепа 1902 г. (АДЖ, табл. LXXI, 2), кусты формировались «врасстилку» (ср. *Plin.*, NH, 14, 14; 17, 164). Возможно, что в степном Северо-Западном Крыму лоза формировалась таким же образом. См. *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 95.
- ¹⁸ На упомянутом выше рисунке на стенке саркофага лоза подрезана так, что имеет восемь побегов.
- ¹⁹ *Маликов В. М.* Дикорастущий виноград на древних и средневековых поселениях Крыма как исходный материал для селекции и пополнения сортового фонда. Автореферат канд. дисс. Кишинев, 1968.
- ²⁰ AJA, 77, № 1, 1973, p. 36; «Science», v. 180, N 4088, 1973, p. 828.
- ²¹ По данным: *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма, ч. 6, СПб., 1875, с. 67 (статистические сведения за 1874 г.).
- ²² С 18 315 га собрано 28 500 т винограда. См. *Подгородецкий П. Д.* Северо-Западный Крым. Симферополь, 1974, с. 67.
- ²³ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, с. 7—8.
- ²⁴ *Соколов Ф. Ф.* Труды. СПб., 1910, с. 641; *Латышев В. В.* Дополнения и поправки к надписям, изданным в сб. IOSPE, т. I, II и IV. ИАК, 1904, № 10, с. 96 сл.; *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 44; *Стржелецкий С. Ф.* Указ. соч., с. 56.
- ²⁵ *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. МАР, 1892, № 9, с. 21.
- ²⁶ *Жебелев С. А.* Херсонесская присяга. — В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 231, прим. 2.
- ²⁷ *Pectierka J.* Country estates of the polis of Chersonesus in the Crimea. — In: Ricerche storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo, v. I. Napoli, 1970, p. 469, note 36.

В. П. Яйленко

ЗАМЕТКИ ПО ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ОНОМАСТИКЕ

1. Θύραι, πόλαι «царский дворец» и ἀριστοπολιεῖται КВН, 36

Геродот (3,119) и Ксенофонт (Anab., 1, 9, 3; Hist. Gr., 1, 6, 7) употребляют слово θύραι в необычном значении «дворец, царская палатка», причем только в тех случаях, когда речь идет о резиденции персидского царя. Это обстоятельство наводит на мысль, что в данном случае θύραι в значении «царский дворец» является калькой, т. е. буквальным переводом соответствующего древнеперсидского слова, обозначающего в первичном смысле «дверь», а в производном — «дворец царя, царский двор». Таким иранским эквивалентом, послужившим основой для калькирования, могло быть персидское duvaga- (авестийское dvar-) «дверь, ворота». Наряду с таким первичным значением это слово как будто могло употребляться в значении «царский двор, дворец»¹. Во втором столбце древнеперсидского варианта Бехистунской надписи (сткк. 75,89) Дарий, говоря о победах над своими врагами, сообщает, что плененных и доставленных к нему сначала Фравартиша, а потом Чиссатхму он держал связанными duvaga-yaūšaiu — дословно «у моих ворот». Такой способ выражения может подразумевать значение duvaga- не «ворота» вообще, а либо «ворота царского дворца»², либо «царский двор»³. В случае с Фравартишом речь идет об Экбаганах, где находился один из царских дворцов, который и мог, таким образом, под-

разумеваться под duvaga-yaūšaiu соответствующего места Бехистунской надписи. Понимание duvaga- в значении «царский дворец» может найти подтверждение, во-первых, в том, что несколько столетий спустя это слово засвидетельствовано в значении как «дверь», так и «дворец царской особы» (пехлевийское dar, см. ниже), во-вторых, в универсальном характере семантического перехода «дверь» → «дворец», засвидетельствованного в различных языках⁴.

Калькирование древнеперсидского duvaga- в V—IV вв. до н. э. греческим словом θύραι — не изолированное явление. Несколько столетий спустя опять-таки иранское слово, обозначавшее «царский дворец», было скалькировано греческим словом πόλαι. У автора первой половины III в. н. э. Флавия Филострата упоминается парфянский сатрап в Вавилоне ὁ σατράπης ὁ ἐπὶ τῶν μεγάλων πυλῶν (Vita Apoll., I,27). По мнению А. Г. Перихаяна, это выражение представляет собой дословный перевод среднеиранского термина ōstāndār — «правитель области»: среднеиранское ōstān имеет первичное значение «ворота, порог» и производное — «царский дворец, двор, царская земля»⁵. Оставив в стороне вопрос о конкретном иранском источнике, отметим, что предположение о (μεγάλοι) πόλαι Филострата как кальке среднеиранского слова находит соответствие в пантикапейской надписи в честь царя Тирана⁶ (275—278 гг. н. э.), где перечисля-

емые высшие чины боспорского царства дважды обозначены общим определением ἀριστοπολιεῖται (КБН, 36, сткк. 9—10, 13).

По поводу значения этого слова существовали две точки зрения. Л. Стефани и В. В. Латышев полагали, что вторым компонентом здесь является πόλη в значении «царский двор, дворец»⁷. Согласно другой точке зрения, вторым компонентом является πόλις: А. Бек видел в данном слове варварское написание вместо ἀριστοπολιεῖται, а Р. Канья — οἱ ἄριστοι πολιῖται⁸. Следует отметить, что вторая точка зрения с фонетической стороны малоосновательна, поскольку замена омикрона ипсионом для позднебоспорских надписей совершенно нехарактерна. Единственный относящийся к этому времени случай (КБН, 1028) обязан неправильно написанию имени в целом⁹. Таким образом, во втором компоненте слова ἀριστοπολιεῖται следует видеть πόλαι, откуда, имея в виду обозначение им высших чинов государства, следует, что и на Боспоре слово πόλαι означало «царский дворец, двор», под чем подразумевалась царская резиденция¹⁰. Не засвидетельствованное в других областях Греции слово ἀριστοπολιεῖται, следовательно, было боспорским новообразованием, употреблявшимся для обозначения местной придворной знати¹¹.

В греческом языке, однако, слово πόλαι значения «дворец» не имело, и это обстоятельство, как указывалось, наводит на мысль, что и в данном случае πόλαι является калькой иноязычного слова, а именно иранского, обозначавшего «царский двор, дворец» (и вместе с тем в первичном смысле — «дверь»). Недавно Ю. М. Десятчиков, развивая вышеизложенную мысль А. Г. Периханиян, высказал предположение, что и в данном случае осно-

вой для греческой кальки послужило среднеиранское östän¹². Мнение А. Г. Периханиян и Ю. М. Десятчикова основательно, однако следует отметить, что среднеиранское östän более характерно для позднесасанидского времени («Судебник» VII в. н. э.; у армянских авторов V в. этот термин представлен в заимствованном виде, т. е. бытование его может быть отнесено к IV—V вв. у самих парфян). Поэтому источником для греческой кальки πόλαι, на мой взгляд, послужило скорее пехлевийское dar — «дверь, дворец царской особы», известное по раннесасанидским источникам¹³. В его пользу свидетельствует то обстоятельство, что оно входило в раннесасанидскую официальную терминологию: в значении «дворец царской особы» оно встречается в персепольских надписях Шапура II. Это соответствует официальному характеру как боспорского термина ἀριστοπολιεῖται, так и обозначению парфянского сатрапа — ὁ σατράπης ὁ ἐπὶ τῶν μεγάλων πόλων у Филострата (ср. пехлевийское darigbed — «дворцовый управляющий», dar-handarigbed — «камергер», составные с dar). Столь же существенна хронологическая близость всех указанных источников¹⁴.

Таким образом, где-то во II—начале III в. н. э. в ближневосточной эллинической среде пехлевийское dar (или östän), обозначающее в переносном смысле «царскую резиденцию», а в прямом — «дверь, ворота», было скалькировано буквальным греческим эквивалентом прямого значения πόλαι — «ворота, двери», придав этим греческому слову не свойственное ему значение «царский дворец». Аналогичным образом и на Боспоре в среде местной смешанной греко-иранской, т. е. двуязычной знати было образовано слово ἀριστοπολιεῖται на основе калькирования того же среднеиранского dar (östän?)¹⁵.

Приведенными данными III в. бытование слова $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в значении «царский дворец» не исчерпывается: оно существовало и в последующие века, оформившись, наконец, в византийское время в распространенное обозначение императорского дворца $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ βασιλικαί¹⁶. Исходной основой данного обозначения послужило $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в значении «царский дворец», бытовавшее в позднеантичное и ранневизантийское время. Указание на это можно видеть в «Хронике» Михаила Великого (антиохийский патриарх в 1166—1199 гг.), написанной на сирийском языке; в числе ее источников были греческие и сирийские сочинения¹⁷. В одном из разделов этой «Хроники» повествуется о начальном периоде истории протоболгар, хазаров, венгров и других народов, появившихся в Северном и Западном Причерноморье в VI в. Как давно было установлено, данный раздел является пересказом соответствующего повествования из «Церковной истории» Иоанна Эфесского (ум. после 585 г.), написанной на сирийском языке¹⁸. Между прочими материалами речь в данном пассаже «Хроники» идет о дворце хагана в Сирмии (нижняя Паннония), доставшемся хазарам в 582 г. В сирийском рукописном тексте «Хроники» Михаила стоит слово $\rho\omega\lambda\omega$, не дающее смысла в сирийском контексте. И. Маркварт предложил конъектуру fmwly — «famuli» или «familiae», принятую рядом ученых; против этого выступил, однако, Ф. Альтгейм, напомнивший, что в сирийском языке famuli передавалось бы через femlāyē . Указав, что mamlakatuhu арабского перевода данного места свидетельствует о значении *dignitas, majestas regni*, Альтгейм читает здесь $\rho\omega\lambda\alpha$, т. е. греческое $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ (plur. $\alpha=\alpha$)¹⁹. В подтверждение своей точки зрения Альт-

гейм ссылается на среднегреческое $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в смысле «дворец» (с отсылкой к словарю Дюканжа). Выше указывалось, однако, что материалы соответствующей словарной статьи лексикона Дюканжа включают $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ как обозначение императорского дворца только вместе с определенным $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\alpha\iota$, т. е. это по сути дела уже идиоматическое обозначение императорского дворца у византийских авторов. Более правильной была бы ссылка на данные Филострата и КБН, 36 по этому поводу. Появление греческого $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в сирийском тексте Иоанна Эфесского может объясняться тем, что он использовал в своем сочинении греческие источники²⁰.

Таким образом, бытовавшая в III в. н. э. в ближневосточной эллинской среде калька $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в значении «царский дворец» продолжала существовать там и в VI в., чем и объясняется появление ее в сочинении Иоанна Эфесского, включившего ее в качестве грецизма в свое повествование. Отметим, что $\rho\omega\lambda\omega$ Иоанна Эфесского могло быть калькой как раз среднеиранского *ōstān*, отразившегося и в сирийском²¹.

Подведем итоги. В классическое время греки скалькировали древнеперсидское название царского дворца, по-видимому, *duvaga-* словом $\theta\acute{\omega}\rho\alpha\iota$. В дальнейшем в соответствии с официальной терминологией позднеаршакидского и раннесасанидского Ирана где-то во II—начале III в. н. э. среднеперсидское *dar* (*ōstān*) было скалькировано греческим $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в смысле «царский дворец» в случаях, связанных с иранским или иранизированным миром (Филострат, КБН, 36)²². Затем это слово стало применяться для обозначения всякого царского дворца (относительно к VI в. $\rho\omega\lambda\omega$ «Хроники» Иоанна Великого). Затем $\rho\acute{\omega}\lambda\alpha\iota$ в сочетании с определенным $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\alpha\iota$ выкристаллизовалось в

идиому, применявшуюся византийскими авторами в отношении только императорского дворца.

2. 'Αφροδίτη

Этимология этого теонима остается неясной; хотя попытки его объяснения предпринимались неоднократно, ни одна из них не получила апробации²³. Решение этого вопроса еще впереди, и предлагаемую здесь этимологию следует рассматривать в качестве одной из попыток в данном направлении.

На греческой почве культ Афродиты отличался большой многоплановостью, что само по себе указывает на длительность его существования, в процессе которого Афродита приобретала все новые и новые функции, концентрировавшиеся в основном в следующих сферах: небесной (Уrania), водной (божество моря, рек, источников и т. д.), земной (божество плодородия земли, роста растений) и человеческой (богиня любви, помощница в родах и пр.)²⁴. Изначальной сферой возникновения культа Афродиты была одна из первых трех, связанных с природой и ее явлениями. Как Уrania, Афродита была божеством луны, звезд, планет, погоды и дождя, откуда намечается связь с водной стихией, оплодотворяющей землю и дающей рост растительному миру. Именно с этими функциями мог быть первоначально связан культ Афродиты, и этимологию ее имени следует искать в соответствующей лексике.

Отсутствие хороших соответствий рассматриваемому теониму в греческой лексике может указывать, что изначально культ Афродиты был заимствован в эллиническую среду из пантеона божеств местного догреческого населения, бывшего по преимуществу индоевропейским. Пред-

положив индоевропейский, но догреческий (т. н. «пеласгический») характер имени, можно вывести его из двух индоевропейских основ: *ar — «вода» и *ǵredh- (ǵredh-) «расти»²⁵; в догреческом и.-е. р > rh, начальный сонант ǵ в позиции перед согласным исчезал, е чередовалось с o, d > dh²⁶, т. е. и.-е. *ar-²⁷ + *ǵredh- > догреч. *Aphrod-. Первоначальный исход имени неясен, в греческом же он оформился суффиксом женских личных имен -ίτη (ср. теонимы Μελ-ίτη, Κυρ-ίτη и т. д.).

В семантическом плане такая этимология — «влага, дающая рост» растительному миру, — указывает на изначальный характер Афродиты как божества живой влаги, сообщающей плодородие земле.

Займствование в греческую среду культа Афродиты в указанной первоначальной функции имело место очень рано, еще в микенскую или, скорее, предмикенскую эпоху. В микенских документах ее имя не засвидетельствовано, но в одной из кносских таблиц упоминается A3tajo, которое может быть понято как *Aϑαίον — название одного из святилищ Афродиты в Кноссе²⁸, где она почиталась как *Aϑετα (Hesych., s. v.), т. е. именно в функции божества растительного мира.

В дальнейшем семантика ее культа претерпела существенные изменения вследствие сдвига функций плодородия с растительного мира на человеческий по преимуществу через понятие «рождать», т. е. через функцию Апатуры (покровительство человеческому роду, его сохранение), основанной на чувственной любви. Антропоморфизация культа Афродиты произошла довольно рано, так что уже в гомеровском и гесиодовском эпосе она представлена в своем классическом облике «золотой» богини любви. Тем

не менее первоначальная функция Афродиты как божества плодородия растительного мира сохранялась в историческое время в отдельных местах ее культа и прослеживается в реликтном состоянии в ряде источников.

В «Теогонии» рожденная из морской пены Афродита выходит на берег и «повсюду под ее стройными ногами поднимаются травы» (стт. 194—195). У Эмпедокла Афродита названа «жизнедарной» (*ζειδωρος*, fr. 151); у Софокла — «оплодотворяющей» (*εὐκάρπος*, fr. 763). Плодородная Кирена у Пиндара — «сад Афродиты» (Pyth., 5,24). У орфиков Афродита означала пору, в которую следует производить сев (Clem. Al. Str., V, 8, 49). В Амафунте на Кипре справлялось в честь Афродиты празднество *Κάρπωσις* с жертвоприношениями богине (*Hesych.*, s. v.). Известны также эпитеты богини «изобильная», «яблочная», «цветоносная» и др.²⁹

В этих же источниках Афродита нередко соединялась с водной стихией (Hes. Theog. 176—198 и др.); в своей функции Урании она связывалась с дождем (поздние источники)³⁰. Отсюда можно вывести оправдывающее предложенную этимологию заключение, что небесные и почвенные воды, способствующие плодородию земли, росту флоры и дающие урожай, были одной из первоначальных функций Афродиты (распространившихся затем на речные и морские воды).

В заключение отметим, что предельная этимология генетически сближает Афродиту с другим пелагическим божеством — Гефестом, имя которого (ср. дорич. *Αφαιστος), согласно А. Карнуа, восходит к индоевропейским основам *ар — «вода» и *aidh- «жечь, зажигать», т. е. первоначально хромогоний кузнец был божеством «огня, зарождающего в небесных водах»³¹. Та-

ким образом, изначальная семантика обоих божеств лежала в сфере водной стихии неба, и неожиданное супружество столь различных по характеру богов, представленное в «Илиаде», может быть объяснено в качестве реликта этой древней функциональной связи.

3. Κῆποι

Возникновение названия этого боспорского города может быть поставлено в связь с культом Афродиты, широко распространенном на Боспоре и в особенности на его азиатском берегу, в частности в Фанагории, в непосредственной близости от которой, согласно единодушным сообщениям античных авторов, лежали Кены³².

Как указывалось выше, в отдельных местностях Афродита почиталась в качестве покровительницы плодородия земли и произрастающего растительного мира, в том числе — культурных насаждений. Поэтому в числе мест культа Афродиты были сады³³, и вследствие этого какая-либо плодородная местность, в которой почиталась Афродита в данной функции, могла метафорически называться «садом Афродиты», например *Pind.*, *Pyth.*, 5,24: *κῆπον Ἀφροδίτας*, т. е. Кирена. Слово «сад» как место культа Афродиты могло употребляться не только метафорически, но и в качестве топонима, становясь названием соответствующей местности или поселения. Так, в окрестностях Афин было местечко, называвшееся «Садами» (Κῆποι), получившее название по храму Афродиты Урании, расположенному здесь в посвященных богине садах (*Paus.*, 1, 19, 2). В Арсиное на Кипре были святилище и роца Афродиты, а прилегающая местность называлась Ἱεροκηπία по священному саду богини (*Stb.* XIV, 6, 3).

Учитывая приведенные параллели и очень вероятное наличие культа Афродиты в Кепях, можно полагать, что название этой небольшой милетской колонии произошло от расположенных в его окрестностях и посвященных богине садов, в которых находилось ее святилище³⁴. Таким образом, в Кепях Афродита почиталась в качестве покровительницы животного и растительного мира, а также плодородия земли в функции Урании, аналогично близлежащей Фанагории (КБН, 971, IV в. до н. э.), но под особым, редким эпитетом *Ἀφροδίτη ἡ ἐν κήποις*. Афродита «в садах» — это одна из ипостасей Афродиты Урании, как явствует из упомянутого пассажа Павсания (I, 19, 2); другая ипостась Урании на Боспоре — Апатура (КБН, 31, 35 и др.). Отсюда, имея в виду, что афинское предместье Кепы возникло непосредственно при святилище Афродиты Урании, можно заключить, что боспорские Кепы были расположены в непосредственной близости от Апатура (если это не одно и то же). Видимо, этим и объясняется то обстоятельство, что Страбон (XI, 2, 10) различает Кепы и Апатур, в то время как Птолемей, включив Апатур в свой подробнейший список городов, поселений и местностей азиатского Боспора (V, 8, 2 и 7), Кепы не упоминает.

Интересно отметить, что в метрополии Кеп — Милете культ Афродиты в период отправления колонии отсутствовал; он засвидетельствован там источниками, дружно восходящими к III в. до н. э., и играл второстепенную роль в религиозной жизни города³⁵. В Кепях же Афродита, судя по названию городка, была главным божеством, как и в соседней Фанагории³⁶. Широкое распространение культа Афродиты на азиатском Бо-

споре уже во второй половине VI в. до н. э. (см. прим. 32) свидетельствует о том, что культы здешних милетских колоний Фанагории, Кеп и Гермонассы не соответствовали культам метрополии и в этом необычном для греческой колонизационной практики обстоятельстве следует видеть результат особых местных условий.

Греческий культ Афродиты Урании Апатуры возник здесь, на мой взгляд, следующим образом. Естественно думать, что функции Афродиты Апатуры на Боспоре состояли в том же, что и у Афины Апатуры и Зевса Фратора в других городах Греции: она выступала в качестве покровительницы рода или, в условиях варварского окружения, ионийцев вообще³⁷. Культ боспорской Афродиты Апатуры сложился, как можно уверенно полагать, под воздействием отмечаемых здесь, но вывезенных из метрополии празднеств Апатурий, справлявшихся почти всеми городами малоазийской Ионии (*Herod.*, 1, 147). Вдали от родины поселенцы расположенных поблизости одна от другой немногочисленных еще ионийских колоний азиатского Боспора в условиях варварского окружения ощущали себя компатриотами (тем более, что полисная жизнь в только что основанных колониях была еще слабо развита). Вследствие этого полисный по своему содержанию праздник Апатурий приобрел здесь, на небольшой территории Таманского полуострова, межполисный характер: тамошние ионийские переселенцы почитали своей общей покровительницей Афродиту Апатуру. С усилением полисов в процессе их экономического и политического развития Апатурии могли и должны были дифференцироваться по отдельным городам, но общий культ Афродиты Апатуры — символа первоначального единства ионийцев —

долго еще оставался главным на азиатском Боспоре, перешагнув где-то в V в. на таврический берег пролива.

Если все это так, то закономерен вопрос — почему именно Афродита стала уже в VI в. основным божеством азиатского Боспора? Учитывая отсутствие в это время культа данного божества в метрополиях таманских ионийских городов, ответ может быть однозначным: Апатурой стала местная Афродита Урания.

Имени туземной Великой богини, отображенной на памятниках искусства (келермесское зеркало VI в. до н. э. и др.) мы не знаем, но показательно утверждение Геродота (4, 59), что все скифы почитали именно Афродиту Уранию, которую они называли Аргимпасой. Поскольку Апатура — ипостась Урании, можно заключить, что культ туземной Аргимпасы и был воспринят насельниками ионийских колоний, которые в придачу к функциям покровительницы животного мира наделили ее функциями заступницы человеческого рода, придав эпискелсу Апатуры, символизировавшую их единое ионийское происхождение. Так Аргимпаса, местная Афродита Урания, стала Афродитой Уранией Апатурой боспорского эллиства.

Подобный религиозный симбиоз греческих и местных божеств уже в архаическую эпоху не уникален: аналогичное явление имело место на Самофракии, где был кантаминирован культ Богов Самофракийских, в Сукасе, эллинской фактории на территории финикийского поселка, население которого активно повлияло на формы местного эллиского культа, культ Паликов в Сицилии, словом, в целом ряде пунктов, попавших в сферу великого греческого колониационного движения³⁸.

¹ Обычное древнеперсидское слово, обозначавшее «дворец», — *apadana*, этимологически соответствующее гр. ἀποθήκη (*Kent R. G. Old Persian*. New Haven, 1953, p. 168).

² Так у Кента: *at my palace entrance* (указ. соч., с. 124).

³ *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch*. Berlin, 1961, S. 766: *am meinem Hof* как возможный вариант наряду со значением «ворота».

⁴ Развитие значений «дверь» → «царский двор, дворец» в древнеперсидском *duvaga-* (авест. *dvag-*, пехлев. *dar*) и среднеперсидском *dstān* имеет аналогию в русском, где «дверь» через тематическое производное «двор» (*Meiße A. Общеславянский язык*. М., 1951, с. 397) дало с уменьшительным суффиксом «дворец»; в армянском *duin* (*Hübschmann H. Armenische Grammatik*, В. 1. Lpz., 1895, S. 440). Иранский, русский, армянский и гр. ὄρτυξ родственны и восходят к индоевропейской основе **dhuer-* (*Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, В. 1. Berlin, 1930, S. 870—871); в грузинском и семитических — см.: *Mapp N. Я. Избранные работы*, т. 1, с. 28; т. 3, с. 168; т. 5, с. 490.

⁵ *Перизаньян А. Г. Древнеармянские востаники*. ВДИ, 1956, № 2, с. 44 и прим. 2 на с. 48.

⁶ Написание здесь имени царя Τετραντης вместо обычного Τεράντης (*Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955, S. 152—153) обязано орфографической манере греческих, в том числе и боспорских надписей римского времени (*Домагур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей*. КБН, с. 803, § 8,2) и переводить его лучше не Теираи (как, например, в КБН), а Тиран.

⁷ *Стефани Л. Древности Босфора Киммерийского*, т. 2. СПб., 1854, № XVIII, комментарий; *Латышев В. В. IOSPE*, II, 29, комментарий. Это мнение поддержал также О. О. Крюгер в рецензии на КБН (ВДИ, 1966, № 2, с. 177).

⁸ «*Archaeologische Zeitung*», 1847, N 7, стб. 61; *Cagnat R. Inscriptions Graecae ad res Romanas pertinentes*, I 871, комментарий. Мнение А. Бека восприняли также: *Liddel H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English lexicon*. Oxford, 1968, s. v. ἀριστοπολείτης.

⁹ Еще более характерна в этом отношении надпись КБН, 180, где резчик переписал запово неправильно написанное имя. Вообще в греческом предшествующего времени это явление, характерное для аркадо-кипрского диалекта, в других

- диалектах происходило в определенных случаях, см. *Buck C. D. The Greek dialects*. Chicago, 1968, p. 27.
- ⁴⁰ Дворец царя находился в Пантикалее, *Dio Cass. XXXVI, 12, 4*.
- ⁴¹ Первоначальная форма должна быть $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\varsigma$, однако под влиянием итацизма в произношении и графике ё стало выражаться через ι (ср. КБН, с. 800, § 2, 9), откуда и произошла форма $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\varsigma$. Долгое ι в свою очередь, как отмечалось в прим. 6, могло графически выражаться через $\epsilon\iota$, что и дало форму $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\eta\iota$ данной надписи.
- ⁴² Ср. *Десятчиков Ю. М.* Некоторые аспекты социально-экономического строя Боспорского царства сарматского периода. — В кн.: XIV международная конференция антиковедов социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 127—128.
- ⁴³ *Mac Kenzie D. A Concise Pahlavi dictionary*. London, 1971, p. 24; *Nyberg H. S. A Manual of Pahlavi, II*. Wiesbaden, 1974, p. 58.
- ⁴⁴ «Жизнь Аполлония Тианского» написана в начале III в. н. э. Надпись в честь Тирана относится к 275—278 гг. Персепольские надписи датированы 1 и 47 гг. правления Шапура II (310—379 гг. *Nyberg H. S. A Manual of Pahlavi, I*. Wiesbaden, 1964, p. XXIII).
- ⁴⁵ На смешанный греко-иранский характер боспорского царского двора этого времени указывают имена перечисленных в надписи придворных, в абсолютном большинстве своем греческие и иранские; к числу последних относятся и имя Тирана (*Zgusta L.* Указ. соч., с. 153). К первому компоненту рассматриваемого слова ср. $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\iota$, часто употребляемое Ксенофонтom для обозначения персидской знати.
- ⁴⁶ *Ducange C. Glossarium infimae mediae Graecitatis*. Lugduni Batavorum, 1688, s. v. $\pi\acute{\omicron}\lambda\eta\tau\eta$.
- ⁴⁷ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 405. «Хроника» была переведена на армянский и арабский языки.
- ⁴⁸ *Altheim F. Geschichte der Hunnen*, V. 1. Berlin, 1959, S. 87.
- ⁴⁹ Там же, с. 95.
- ²⁰ *Krumbacher K.* Указ. соч., с. 404.
- ²¹ *Hübbschmann H.* Указ. соч., 1, с. 215.
- ²² На связь слов $\pi\acute{\omicron}\lambda\alpha\iota$ и $\theta\acute{\upsilon}\rho\alpha\iota$ в смысле «дворец» указывал еще В. В. Латышев, писавший в комментарии к надписи IOSPE, II, 29 (=КБН, 36): «Как кажется, слово $\pi\acute{\omicron}\lambda\eta$ или $\pi\acute{\omicron}\lambda\alpha\iota$ употреблялось жителями Боспора в том же значении, что и $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\iota$ у писателей, называвших так дворец персидского царя, и $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\eta\iota$ значит не что иное, как $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\iota$ $\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\pi\omicron\lambda\eta\tau\eta\iota$, в числе которых первое место занимали высшие магистраты».
- ²³ *Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 3, Heidelberg, 1955, S. 197, *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque*, v. 1. Paris, 1968, p. 148. Подробную сводку этимологий см.: *Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München, 1906, S. 1348; *Der kleine Pauly*, Lief. 3. Stuttgart, 1963, N 425—426.
- ²⁴ Подробно см.: *Gruppe O.* Указ. соч., с. 1343—1365 и регистр., с. 1700.
- ²⁵ *Walde A., Pokorny J.* Указ. соч., 1, с. 46—47, 289.
- ²⁶ *Merlingen W. Eine altere Lehnwörter-schicht im Griechischen*. Wien, 1963, S. 37, 54—55, 59, 77—78; *idem.* Zum «Vorgriechischen». «Linguistique Balkanique», IV, 1962, S. 38—44.
- ²⁷ Отражение индоевропейского *ar- в догреческом можно усмотреть в беотийском гидрониме $\Gamma\alpha\rho\gamma\text{-}\alpha\phi\text{-}\iota\alpha$ (*Georgiev V.* Die altgriechischen Flussnamen. — In: *Исследования в чест на Д. Дечев*. София, 1958, с. 17).
- ²⁸ *Gérard-Rousseau M. Les mentions religieuses dans les tablettes mycéniennes*. Roma, 1968, p. 259.
- ²⁹ Подробно см.: *Gruppe O.* Указ. соч., с. 1353—1354; *Eden P. T. Venus and Cabbage*. «Hermes», 1963, N 91, p. 453—456; *Farnell L. R. The cults of the Greek states*, 2, 1896, p. 642—652. Такая семантика развития основы *ceredh- в догреческом имеет соответствия в ряде других языков: в готском в значении «плодоносный», в балтийских — в смысле «родить», в ряде славянских — в значении «родить, род, спелый, рожь, пища» (*Walde A., Pokorny J.* Указ. соч., 1, с. 289—290). Весь круг соответствий, кстати, восходит к форме с редуцированной корневой гласной (*ceredh-).
- ³⁰ *Gruppe O.* Указ. соч., с. 211, 1353.
- ³¹ *Carnoy A. Dictionnaire étymologique de la mythologie greco-romaine*. Louvain, 1957, p. 69.
- ³² *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, вып. 13, 1946, с. 137—141. См. также статью И. Д. Марченко в данном сборнике. Сведения об этом культе на азиатском Боспоре, главным образом в Гермонассе и Фанагории, между которыми находились Кефы, см.: *Heccat.*, fr. 211 (Jac.), *Strab.*, XI, 2, 10; КБН, 971, 972, 1043, 1111 (все — IV в. до н. э.), также 1045, 1055 (II в. н. э.). Кефы еще точно не локализованы; согласно Плинию (NH, 6, 18) и как будто Страбону (XI, I, 10), наиболее обстоятельно описавшим расположение греческих городов на азиат-

- ском Боспоре, Кепа находились между Гермонассой и Фанагорией. Если поселение, раскапывавшееся Н. И. Сокольским на северо-восточной окраине ст. Сенной, все же было Кепами, то о культе Афродиты в нем свидетельствуют граффиты (*Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кепах, СА, 1964, № 4, с. 101 сл.; он же. Культ Афродиты в Кепах конца VI—V в. до н. э. ВДИ, 1973, № 4, с. 88 сл.*).
- ³³ *Gruppe O.* Указ. соч., с. 340, 1353.
- ³⁴ В источниках название города употребляется обычно во множественном числе (*Κῆποι, Aeschini c. Stes., 171; Scyl., 72*), что, исходя из эпиклеса богини, ставшей топонимом, более правильно, нежели в единственном числе (*Κῆπος, Scymni, 899; Apollod. ар. St. Byz., s. v. Ψῆσοι*).
- ³⁵ *Anth. Pal., 12, 131 (Посидипп); Theocr., 28, 4; Didyma. В., 1958, надписи № 122 (посвящение раннеэллинистического времени), 123 (посвящение III в. до н. э.).* Если в посвящении богине *Χρυσά-*
- ῶβη* видеть вместе с Т. Вигавдом Афродиту (№ 125), ее культ в Милете может быть возведен к IV в. до н. э.
- ³⁶ В Теосе, метрополии Фанагории, культ Афродиты не засвидетельствован, хотя пантеон его довольно полон (см. о нем: *Ruge W. Teos. RE, Halbbd. 9, 1934, N 560—565*); здесь главным божеством был Дионис. Впрочем, известны посвящения теосцев Афродите в Навкратисе (*Naukratis, I. London, 1886, p. 62, N 700; II, 1888, p. 64, N 758*).
- ³⁷ *Farnell L. R.* Указ. соч., 2, с. 657. О Группе? писал об Афродите Апатуре как богине всего народа (указ. соч., с. 1365).
- ³⁸ *Samothrace, v. 4, p. 1—2. New York, 1962—1964; Rijs P. J. Sukas, v. 1, Kobenhavn, 1970.* Предложенное здесь объяснение возникновения культа Афродиты Апатуры на Боспоре перекликается в основных своих положениях с точкой зрения В. Ф. Гайдукевича (Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 212—213).

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. Д. БЛАВАТСКОГО
ЗА 1966—1976 ГГ.*

1966 г.

156. Le culte des empereurs romains au Bospore. — Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à A. Piganiol. Paris, p. 1541—1545.
157. Афинские тиранофилы конца VI—начала V в. до н. э. — Mélanges offerts à K. Michalowski. Warszawa, str. 281—285.
158. Osnivanje Apolonije Hirske. — Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatinsku, LXVIII, Split, str. 143—146.
159. Совместно с Г. Кошелевко: Le culte de Mithra sur côte septentrional de la mer Noire. Leiden, 36 p.
160. Перевод N 142: V. Blavatskij, G. Koselenko. Vizalatti régészeti. Budapest.
161. Edit B. Tomas. Römische Villen in Pannonien. Budapest, 1964. — Рецензия. СА, № 3, с. 276.

1967 г.

162. Античная полевая археология. М., 211 с.
163. «Рабский вопрос» в идеологии эллинизма. — В кн.: Античное общество. М., с. 13—17.
164. Совместно с Б. Г. Петерсом: Подводные археологические работы в районе Евпатории. — КСИА, № 109, с. 73—78.
165. Colloques internationaux du Centre National de la recherche scientifique. La Mosaïque Gréco-Romaine. Paris, 29 Août—Septembre 1963. Paris, 1965. — Рецензия. СА, № 2, с. 259—260.

1968 г.

166. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., с. 44—45.
167. ΒΟΥΥΘΕΝΙΣ. — ВДИ, № 4, с. 119—122.

* Продолжение. Начало см.: «Культура античного мира». М., 1966, с. 11—18.

168. Anschauungen des Bosporanischen Anonymus vom Ende des IV. Jh. v. u.Z. — Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, с. 73—77.
169. Перевод N 142: V. D. Blavatski, G. A. Koselenko. Uppunud maailma avastamine. Tallinn, 102 с.

1969 г.

170. О рабах-меотах. — КСИА, № 116, с. 68—69.
171. О северной окраине Скифии Геродота. — В кн.: Древности Восточной Европы, с. 29—32.
172. Совместно с Б. Г. Петерсом: Кораблекрушение конца IV—начала III в. до н. э. около Донузлава. — СА, № 3, с. 151—158.
173. Совместно с Б. Г. Петерсом: Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древних кораблекрушений. — В кн.: Морские подводные исследования АН СССР. Океанографическая комиссия. М., с. 339—342.

1970 г.

174. Античный мир и Древний Восток. М., 14 с.
175. Zur Herkunft der Bosporanischen Archaisaktiden. — Klio, B. 52, S. 33—36.
176. Перевод № 174: Le monde Antique et l'Ancien Orient. Moscou, 15 p.

1971 г.

177. Культура Афин времени Фидия. — ВДИ, № 2, с. 101—107.
178. Apollonia et les Illyriens (avant 229 av. notre ère). — Actes du VIIIe Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, t. I, Belgrad, p. 235—239.
179. Les traditions antiques dans l'argenterie byzantine de l'Europe Orientale. — Annales Archéologiques. Arabes Syriennes, vol. XXI. Damas, p. 381—385.

1972 г.

180. Submerged sectors of towns on the Black Sea coast. — Underwater archaeology, a nascent discipline. UNESCO. Paris, p. 115—122.
181. Греческая культура VIII—VI вв. до н. э. — Часть 7-й главы учебника для истор. ф-тов «История Древней Греции». Изд. 2. М., с. 136—145, 149—150.
182. Греческая культура классического периода. — Часть 16-й главы учебника для истор. ф-тов «История Древней Греции». Изд. 2. М., с. 273—278, 282—290, 295—298.

1973 г.

183. Греция. Введение — гл. I. — В кн.: Античная цивилизация. М., с. 7—20.
184. Греция. Военное дело — гл. V. Там же, с. 66—77.
185. Рим. Введение — гл. IX. Там же, с. 141—155.
186. Рим. Военное дело — гл. XIII. Там же, с. 200—212.
187. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. — *Archaeologia Polona*, XIV, *Miscellanea C. Majewski oblata*. Wrocław—Warszawa, str. 215—222.
188. Черты военной демократии в дорийском обществе. — В кн.: Возникно-

вание раннеклассового общества. М., с. 21—28.

189. Перевод № 180: L'exploration des parties submergées des villes antiques sur le littoral nord de la mer Noire. — L'archéologie subaquatique une discipline naissante. UNESCO. Paris, p. 117—124.
190. Перевод № 172: V. Blavatsky, B. Peters. A wreck of the late 4-th or early 3-rd century BC near Donuzlav. — «Nautikal archeology», v. 2, № 1, p. 25—31.

1974 г.

191. Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне. — СА, № 1, с. 38—44.

1975 г.

192. О скифской и сарматской этнонимике. — КСИА, № 143, с. 45—46.

1976 г.

193. Об именах Спартокидов. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., с. 56—58.
194. Природа и античное общество. М., 78 с.
195. Les Doriens aux XIV-e et XIII-e siècles av. n. è. — *Živa Antika*. XXV. Skoplje, str. 362—365.
196. О Рескупориде Первом. — СА, № 4, с. 56—62.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античные города. М., 1963
 АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955
 АДЖ — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
 АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
 АО — Археологические открытия
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИА — Всеобщая история архитектуры
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГНМ — Годишник на Народний Музей (София)
 ГХМ — Государственный Херсонесский музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДБК — Древности Восточного Киммерийского, хранящиеся в Эрмитаже. СПб., 1854
 ДГС — Древности Геродотовой Скифии, т. I—II. СПб., 1866
 Записки СКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
 ЗАОО — Записки Одесского археологического общества
 ЗАОИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАДК — История и археология древнего Крыма
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество
 ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 КАМ — Культура античного мира. М., 1966
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965
 КГПИ — Краснодарский государственный педагогический институт
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НИСХИ — Научно-исследовательский сельскохозяйственный институт
 НСФ — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты археологической комиссии
 ОАМ — Отдел античного мира Государственного Эрмитажа
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1953
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СП — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.—Л., 1953
 СХМ — Сообщения Государственного Херсонесского музея

- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
- TOAM — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
- XC — Херсонесский сборник
- AA — Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts
- Acta Ant. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
- AJA — American Journal of Archaeology
- AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Berlin
- Anth. Pal. — Anthologia Palatina
- Beazley, — *Beazley F. D. Attic redfigure vase painter.* Oxford, 1963, 2-nd ed.
- BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
- BMC — British Museum Catalogue
- BSA — The Annual of British School of Athens
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
- Cl Rhodos — Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell'Istituto storico-archeologico di Rhodi, 1924—1944
- CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
- EPRO — Etude préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. Publ. par M. G. Vermaseren. Leiden
- Hesperia — Journal of the American School of Classical Studies of Athens
- IGB — *Michallov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*
- IOSPE — *Latyshev B. Inscriptiones antiquae, graecae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini*
- JDAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts
- JNG — Jahrbuch zum Numismatik und Geldgeschichte
- JRS — Journal of Roman Studies
- K—W — *Kieseritzky G., Watzinger K. Griechische Grabreliefs aus Südrussland.* Berlin, 1909
- MEFRA — Mélanges de l'Ecole Française de Rome antiquité
- NC — The Numismatic Chronicle (London)
- NH — *G. Plinius Secundus. Naturalis historiae libri*
- Olynthus — *Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Part V.* Baltimore, London, Oxford, 1933
- OGIS — *Dittenberg W. Orientis graeci Inscriptiones selectae.* Leipzig, 1903—1905.
- RA — Revue archéologique. Paris
- RE — *Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie des Klassischen Altertums-Wissenschaft*
- RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung
- Schefold, — *Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen.* Berlin und Leipzig, 1934
- UKV — *Scriptores Historiae Augustae*
- SHA — Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst
- WZgK — Zeitschrift für Numismatik. Berlin
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. Алексеева <i>Фрагменты расписной штукатурки первых веков н. э. из Пантикапея</i>	3	
Н. В. Анфимов <i>Сельское хозяйство у синдов</i>	6	
Т. М. Арсеньева <i>Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э. из Танаиса</i>	13	
Г. Д. Белов <i>Амфоры из некрополя Херсонеса (V—IV вв. до н. э.)</i>	17	
А. И. Болтунова <i>Надгробная эпитафия жены Дия</i>	23	
С. П. Борисковская <i>Пиценские бронзы в Эрмитаже</i>	28	
И. Б. Ерашинский <i>Стандарты линейных мер в керамическом производстве Синопы</i>	33	
<table border="1"><tr><td>К. В. Голенко</td></tr></table>	К. В. Голенко	
К. В. Голенко		
<i>Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове</i>	37	
К. С. Горбунова <i>Краснофигурный килик, найденный на некрополе у с. Панское I</i>	41	
Ю. М. Десятчиков <i>Арифари, царь сираков</i>	45	
В. С. Долгоруков <i>Градостроительный план Фурий</i>	48	
И. Б. Зеест <i>К вопросу о городской планировке Гермонассы</i>	54	
В. И. Кадеев <i>О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э.</i>	57	

М. М. Кобылина	
<i>Театр в Орике</i>	62
Ю. П. Козуб	
<i>Стеклянный ритон из Ольвии</i>	69
Ю. К. Колосовская	
<i>Коллегия почитателей Исиды из Паннонии</i>	74
Ю. Д. Колпинский	
<i>О месте античного художественного наследия в мировой культуре</i>	78
А. К. Коровина	
<i>Акротерий из Тирамбы</i>	83
И. Т. Кругликова	
<i>Идолы из Дильберджина</i>	86
В. И. Кузицин	
<i>Севооборот и его применение в Риме во II в. до н. э.</i>	91
Е. П. Леви	
<i>Новые посвященные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии</i>	96
П. Д. Либеров	
<i>К вопросу о гелонах Геродота</i>	100
Г. А. Лордкипанидзе	
<i>Алтари Ванского городища</i>	104
О. Д. Лордкипанидзе	
<i>К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. до н. э.</i>	112
Н. М. Лосева	
<i>Две статуи «плакальщиц» из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина</i>	115
Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко	
<i>О структуре скифского пантеона</i>	118
И. Д. Марченко	
<i>О культе Афродиты на Тамани</i>	121
А. А. Масленников	
<i>К вопросу о погребениях дандариев</i>	127
М. Е. Массон	
<i>Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи</i>	131
В. М. Массон	
<i>Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии</i>	138

О. Я. Неверов <i>Портретные геммы республиканского Рима в собрании Эрмитажа</i>	144
Э. Я. Николаева <i>Фрагмент архаического сосуда из Кен</i>	150
Н. А. Онайко <i>Аполлон Гиперборейский</i>	153
Б. Г. Петерс <i>О морском деле в Эгейском мире</i>	160
И. Р. Пичикян <i>Храм ионийского ордера в Херсонесе</i>	169
В. И. Пругло <i>Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре</i>	177
Г. А. Пугаченкова <i>Римский маскарон из Северной Бактрии</i>	183
Б. А. Рыбаков <i>Трактат, написанный на корабле</i>	185
Н. А. Сидорова <i>Коринфский алабастр из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина</i>	189
С. И. Финюгенова <i>Резные камни из Тирамбы и Тиритаки</i>	192
Г. А. Цветаева <i>Статуи львов из Аполлонии Иллирийской</i>	195
Д. Б. Шелов <i>Из античной литературной традиции о Митридатовых войнах (Посидоний и Цицерон)</i>	197
С. С. Ширинский <i>Новый памятник южноарабской архитектуры I в. до н. э.</i>	202
И. Г. Шургая <i>О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье</i>	206
А. Н. Щеглов <i>Земельный надел у мыса Ойрат</i>	210
В. И. Яйленко <i>Заметки по греческой лексике и ономастике</i>	216
<i>Список печатных работ В. Д. Блаватского за 1966—1976 гг.</i>	225
<i>Список сокращений</i>	227

История и культура античного мира

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор **С. Н. Васильченко**
Художник **Н. А. Седельников**
Художественный редактор **И. К. Капралова**
Технический редактор **С. Г. Тихомирова**
Корректор **Н. М. Вселюбская**

Сдано в набор 17/III 1976 г. Подписано к печати
6/1 1977 г. Формат 70×100^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1. Усл. печ. л. 19,03. Уч.-изд. л. 19,4.
Тираж 25100. Т-03203. Тип. зак. 1473. Цена 1 р. 79 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука».
199034, В-34, Ленинград, 9 линия, д. 12

